

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2025. Том 52, № 2

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2025. Том 52, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлигич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 25,8. Дата выхода 30.06.2025. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 291 **Болгов Н.Н., Кропачева Т.С.**
Планиця Магна Пергская: к проблеме женского эвергетизма в римской Малой Азии
- 306 **Фомин М.В.**
Население позднеантичного Херсонеса в IV–V вв.
- 316 **Лихошерстов В.А.**
Роль Кипрской церкви в религиозной политике императора Ираклия
- 322 **Пастухов А.М.**
Военная униформа в империи Цин по письменным, иконографическим и вещественным источникам (до введения униформы европейского образца)
- 341 **Худавердян А.Ю.**
К этнической истории Армении: этно-территориальные особенности современных армян
- 357 **Кольцов П.М., Шураев Н.А.**
К истории санкционной внешней политики в новейшее время: США и их союзники против Ирана
- 366 **Джоджи Н.Д.**
Политика Российской Федерации в отношении республики Ирак в период иракского кризиса 2003 г.: к истории вопроса

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 376 **Чепига Г.Г., Вербовский А.В.**
Город Царёв-Борисов первого заселения по историческим данным и опыт графической реконструкции крепости
- 392 **Борисов А.А., Борисов Ан.А.**
О роли воеводского управления Якутского уезда в процессе складывания пограничья между Российским и Китайским государствами в XVII в.
- 401 **Митрофанов В.В.**
Основные формы коммуникаций С.Ф. Платонова с Ф.И. Успенским
- 416 **Владимиров К.А., Шелудченко Ю.В.**
«России нужен новый Пётр»: роль Петра I в истории России в оценке академика А.В. Никитенко
- 424 **Ситников К.А.**
Материальное обеспечение уездной полицейской стражи Воронежской губернии (по материалам инспекций высших чинов Отдельного корпуса жандармов 1906–1916 гг.)
- 435 **Иконников С.А.**
Архиепископ Тихон (Никаноров) и Воронежский епархиальный церковный совет: к истории церковного двоевластия на местах в период 1917–1918 гг.
- 445 **Ермоченко К.П.**
Школьное историческое образование в 1918–1930-х гг.: от демонтажа к новым практикам
- 455 **Шаповалов В.А., Шаповалова С.П.**
Частушки как аксиологический источник по истории Великой Отечественной войны
- 472 **Немцева Ю.С.**
Организация военно-ветеринарной службы в годы Великой Отечественной войны
- 481 **Любичанковский С.В.**
Вклад Е.В. Годовой в развитие современной историографии казачьей повседневности имперского периода

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 491 **Гашков В.О.**
Роль молодежных парламентов в рекрутинге политической элиты: символическое участие или реальные возможности?
- 500 **Сикираж В.В., Цымбалова А.Е.**
Сравнительный анализ российского и европейского подходов (на примере Королевства Испании) к энергетическому переходу
- 510 **Фенин К.В.**
Эволюция правого и левого популизма в Италии
- 521 **Гамерман Е.В.**
Политические аспекты экономической безопасности Японии

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2025. Volume 52, No. 2

Until 2020, the journal was published as "Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science"

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is included in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies Editor-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatokhin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor of the Department of Sociology and Political Science (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (I.D. Putilin Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 of 19 February 2020.

Publication frequency: 4 times per year.

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Page proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.S. Danilova. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 25.8. Date of publishing: 30.06.2025. Dummy layout prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 291 **Bolgov N.N., Kropocheva T.S.**
Plancia Magna of Perge: On the Problem of Female Evergetism in Roman Asia Minor
- 306 **Fomin M.V.**
The Population of Late Antique Chersonesos in the 4th and 5th Centuries
- 316 **Likhoshesterov V.A.**
The Role of the Church of Cyprus in the Religious Policy of Emperor Heraclius
- 322 **Pastukhov A.M.**
Military Uniform in Qing Empire according to the Written, Iconographic and Material Sources (before Adoption of the European Style Military Uniform)
- 341 **Khudaverdyan A.Yu.**
Towards the Ethnic History of Armenia: The Ethno-Territorial Features of Modern Armenians
- 357 **Koltsov P.M., Shuraev N.A.**
Towards the History of Sanctions Foreign Policy in Modern Times: The United States and its Allies against Iran
- 366 **Joji N.D.**
Policy of the Russian Federation towards the Republic of Iraq during the Iraqi crisis of 2003: History of the Issue

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 376 **Chepiga G.G., Verbovskiy A.V.**
The City of Tsarev-Borisov of the First Settlement according to Historical Data and Experience of Graphic Reconstruction of the Fortress
- 392 **Borisov A.A., Borisov An.A.**
On the Role of the Voivodeship Administration of the Yakut District in the Formation of the Border between Russia and China in the 17th Century
- 401 **Mitrofanov V.V.**
The Main Forms of Communication between S.F. Platonov and F.I. Uspensky
- 416 **Vladimirov K.A., Sheludchenko Yu.V.**
"Russia Needs a New Peter": The Role of Peter I in Russian History as Assessed by Academician A.V. Nikitenko
- 424 **Sitnikov K.A.**
Material Support for the District Police Guard of the Voronezh Province (Based on the Materials of the Inspections Conducted by the Highest Ranks of the Separate Gendarmerie Corps in 1906–1916)
- 435 **Ikonnikov S.A.**
Archbishop Tikhon (Nikanorov) and Voronezh Diocesan Church Council: On the Dual Role of Church in the Regions in 1917–1918
- 445 **Ermochenko K.P.**
History Teaching in Schools in 1918–1930s: From the Unmaking to New Practices
- 455 **Shapovalov V.A., Shapovalova S.P.**
Ditties as an Axiological Source on the History of the Great Patriotic War
- 472 **Nemtseva Yu.S.**
Organization of the Military Veterinary Service during the Great Patriotic War
- 481 **Lyubichankovskiy S.V.**
E.V. Godovova's Contribution to the Development of Modern Historiography of Cossack Everyday Life in the Imperial Period

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 491 **Gashkov V.O.**
The Role of Youth Parliaments in Recruiting the Political Elite: Symbolic Participation or Real Opportunities?
- 500 **Sikirazh V.V., Tsymbalova A.E.**
Comparative Analysis of Russian and European Approaches (On the Example of the Kingdom of Spain) to the Energy Transition
- 510 **Fenin K.V.**
The Evolution of Right and Left Populism in Italy
- 521 **Gamerman E.V.**
Political Aspects of Japan's Economic Security

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(564.3)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-291-305

EDN ADLDIL

Оригинальное исследование

Планция Магна Пергская: к проблеме женского эвергетизма в римской Малой Азии

Болгов Н.Н.^{1,2} , Кропочева Т.С.²

¹⁾ Севастопольский государственный университет,

Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: bolgov@bsuedu.ru

Аннотация. В статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка дать очерк эвергетической деятельности одной из видных благотворительниц римской Малой Азии – Планции Магны из Перге в Памфилии. Археологический комплекс эллинистических ворот, перестроенный в парадные ворота города Перге – яркий пример деятельности частного благотворителя из небольшого провинциального города времен великого благоденствия (изобилия) II века. Будучи совокупностью самоуправляющихся общин, Римская империя эпохи Антонинов достигла вершины развития античной цивилизации, добившись самого высокого за все античное время уровня жизни граждан городских общин. Эта филантропия дополнялась государством в необходимых случаях, создавая эффективную систему частно-государственного партнерства. Деятельность Планции Магны представляет интерес еще и потому, что это – один из наиболее ярких примеров женского эвергетизма, что поднимает темы не только гендера, но и политико-правовые аспекты, касающиеся возможностей женщин проводить подобную деятельность. Еще одним памятником эвергетиссы является ее мавзолей, воздвигнутый перед парадным въездом в город.

Ключевые слова: Малая Азия, Перге, Памфилия, благотворительность, империя, Планция Магна, благоденствие, гендер

Для цитирования: Болгов Н.Н., Кропочева Т.С. 2025. Планция Магна Пергская: к проблеме женского эвергетизма в римской Малой Азии. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 291–305. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-291-305. EDN: ADLDIL

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Plancia Magna of Perge: On the Problem of Female Evergetism in Roman Asia Minor

Nikolay N. Bolgov^{1,2} , Tatiana S. Kropocheva²

¹⁾ Sevastopol State University,

33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: bolgov@bsuedu.ru

Abstract. The article is the first attempt in the Russian historiography to outline evergetic activities of a prominent benefactor of Roman Asia Minor, Plancia Magna from Perga, in Pamphylia. The archaeological

© Болгов Н.Н., Кропочева Т.С., 2025

complex of the Hellenistic gates rebuilt into the ceremonial gates of the city of Perge is a striking example of the activity of a private philanthropist from a small Roman Asian town during the period of great prosperity (abundance) of the 2nd century. As a collection of self-governing communities, the Roman Empire of the Antonine era reached the pinnacle of its development as an ancient civilization, achieving the highest standard of living for urban community citizens in all of ancient times. This philanthropy was supplemented by the state when necessary, creating an effective system of private-public partnership. The activities of Plancia Magna are also of interest because they are among the most striking examples of female evergetism, which raises not only gender issues, but also political and legal aspects concerning women's ability to carry out such activities. Another monument to the evergetissa is her mausoleum erected in front of the ceremonial entrance to the city.

Keywords: Asia Minor, Perge, Pamphylia, charity, empire, Plancia Magna, prosperity, gender

For citation: Bolgov N.N., Kropocheva T.S. 2025. Plancia Magna of Perge: On the Problem of Female Evergetism in Roman Asia Minor. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 291–305 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-291-305. EDN: ADLDIL

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В период расцвета Римской империи при Антонинах имел место невиданный ранее по масштабам, но издревле известный в античном мире феномен частной благотворительности (эвергетизм). Хорошо сохранившиеся памятники Малой Азии дают важный материал для раскрытия этой темы. Эта работа была начата нами несколько ранее в отношении крупнейшего ликийского благотворителя Опрамоаса (Опрамоя) [Болгов, Славогородская, 2021, с. 285–296].

Город Перге в Памфилии позволяет проанализировать деятельность одной из крупнейших благотворительниц Римского Востока Планции Магны. Ни сама эвергетисса, ни ее общественное строительство еще не были предметом исследования в отечественной историографии, в целом весьма слабо интересовавшейся Римским Востоком времен процветания [Ранович, 1949], в отличие от историографии зарубежной, в которой история общественных щедрот, частной благотворительности уже обозначилась как отдельное направление изучения римской Малой Азии [Zuiderhoek, 2009; Zuiderhoek, 2011; Zuiderhoek, 2020 etc.].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является феномен частного эвергетизма в римской городской общине в Малой Азии (Памфилии) на примере деятельности Планции Магны в Перге.

Методами исследования являются метод контент-анализа (анализ содержания источников), историко-биографический, а также сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

Город Перге был важнейшим центром Памфилии в римское время [Arena, 2005; Grainger, 2009]; получил титул метрополии в правление Тацита в конце III в. (275–276 гг.), что сделало его ведущим мегаполисом в Памфилии, а Сиде, его сосед-конкурент, занял второе место.

Во II веке в городе продолжали полноценно работать Совет и Народ, которые награждали почестями граждан, гимнасий и ассоциации юношей и эфебов, а также собственные суды [Dmitriev, 2005].

Наивысший расцвет города во II в., отраженный в современном археологическом состоянии памятника [Болгов, 2021, с. 238–244], был в немалой степени связан с частной благотворительной деятельностью, и в наибольшей степени – знатной горожанки Планции Магны, жившей в эпоху Адриана [Boatwright, 2003, p. 13], лично посещавшего город в 123 г.¹ или, возможно, в 130 г.

¹ Маршрут поездок Адриана в 123 г.: Галлия: Немаус – Апта; Испания: Тарракон – Легион; Мавретания – Тингитана? Киренаика – Крит? Памфилия: Сиде – Аспенд – Перге – Атталия; Кипр?

В мировой историографии Планции посвящен ряд работ [Boatwright, 1991, p. 249–272; Saceres-Cerda, 2018, etc.], однако они в своем большинстве затрагивают вопрос о женской правовой и гендерной специфике эвергетизма. Вместе с тем на основе археологических данных и эпиграфики реконструируется строительная программа благотельницы и ее реальный вклад в материальную культуру родного города.

Семья. Планция Магна происходила из видной семьи Планциев. Это была семья ее мужа, присутствие которой в Перге можно точно проследить уже в начале I века. Планции были богатой семьей, которая, как полагают, переехала в Перге, возможно, из Атины в Лации (Италия), во времена поздней Республики в качестве негоциаторов, стремящихся расширить свои деловые операции и изучить новые возможности [Jameson, 1965, p. 55; Saceres-Cerda, 2018, p. 24].

Учитывая, что имя Plancius является уникальным, становится возможным проследить перемещения семьи на Восток, а также их последующее возвращение на Запад. Спустя годы их потомки возвращались в Рим в качестве сенаторов, занимающихся политическими делами, сохраняя при этом свою главную резиденцию и тесную связь с Востоком. Богатство семьи не было основано исключительно на торговых операциях, а росло за счет владения недвижимостью в Перге, а также за пределами города на малоазийской территории. Благодаря своему участию в торговле и владению землей Планции также смогли поднять семью до уровня высшей малоазийской аристократии [Mitchell, 1974, p. 27–39] до такой степени, что в конечном итоге они были приравнены к основателям города в результате их благодеяний, гражданской активности и высокого социального статуса.

По материнской линии Планция, вместе со своим братом и кузенами, были последними известными потомками аристократической династии Иродианов [Wilker, 2008]. Фактически к ней восходили по материнской линии царь Каппадокии Архелай (36 г. до н. э. – 17 г. н. э.), царь Иудеи Ирод Великий и его жена Мариамна. Ее дедушкой и бабушкой по материнской линии были царь Армении Тигран VI (60–63 гг.) и его жена фригийка Опгалли. Ее дядей по материнской линии был князь Гай Юлий Александр Береникиан – в 116 г. он был консулом-суффектом, а в 132–133 гг. – проконсулом провинции Азия; умер в 150 г.; его племянником был мятежник 175 г. в Сирии Авидий Кассий.

Итак, отцом Планции был Марк Планций Вар, римский сенатор, проконсул и губернатор Вифинии во время правления Веспасиана. Ее матерью была принцесса Юлия Иродиана, которая была жрицей и служила в храме богини Артемиды в Перге, самом почитаемом в этом городе. Братом Магны был римский сенатор, консул Гай Планций Вар [Boatwright, 1991, p. 253].

Когда Магна унаследовала родовое поместье своего покойного отца в Галатии, она стала фактически главой своей семьи и в дальнейшем не уступила эту роль никому.

Магна вышла замуж за весьма важного человека сенаторского ранга по имени Гай Юлий Корнут Тертулл, уроженца Перге, который был сыном консула и проконсула; это был консул-суффект 100 г., в 111–114 гг. легат Вифинии-Понта при Плинии Младшем, проконсул Африки 116/117 г. У Планции был единственный сын от Тертулла – Гай Юлий Планций Вар Корнут [Jameson, 1965, p. 54–58].

Из надписей, посвященных ей и ее семье, видно, что Магна, ее отец и брат были очень богатыми и влиятельными гражданами в Перге [Sahin, 1999]. Благодаря щедрости Магны ее отец и брат были почтены вторыми основателями Перге, получив почетный титул ктиста [Sahin, 1996, p. 45–52].

Магна, судя по всему, была отступницей (отказавшейся от своей религии) от иудаизма (к которому принадлежала по матери) и никогда не пыталась оказывать влияние на политику Иудеи или иудейских общин. Планция приняла римскую религию, активной жрицей которой стала. Это принесло ей большие почести при жизни.

Сирия: Антиохия – Евфрат; Каппадокия: Неокесария; Понт: Трапезунд; Вифиния: Никомедия? Фракия [Kritsotakis, 2008, p. 66].

Планция Магна была одной из самых успешных женщин Малой Азии, способной оказать большое влияние на политику того времени, но также способной заслужить большое уважение у всех своим достойным поведением, мудростью и щедростью [Kearsley, 2005, p. 98–121].

Роль в религиозной и общественной жизни. Важным источником для реконструкции биографии Планции являются надписи, выполненные на греческом и латинском языке, что отражает достаточно высокий уровень романизации Перге и всей Памфилии (рис. 1).

Рис. 1. Надписи Планции Магны в Перге [Sahin 1999, № 98, 93] (фото Н.Н. Болгова, январь 2021 г.)
Fig. 1. Inscriptions of Plancia Magna in Perge [Sahin 1999, Nos. 98, 93] (photo by N.N. Bolgov, January 2021)

Именно Планция председательствовала в Перге в качестве верховной жрицы культа римских императоров (Перге со времен Веспасиана и определенно к середине II в. уже обладал неокорией – привилегией отправлять императорский культ) [Burrell, 2004, p. 175–180]². Символ должности жрицы культа императоров – корона с семью императорскими бюстами, воспроизведенными в короне Гелиогабала. Там, где верховные жрицы и жрецы изображаются как агонифеты и носят на своих коронах императорские портретные бюсты, на коронах как жрецов, так и жриц появляются как мужские, так и женские бюсты, как на короне Планции Магны Пергской, верховной жрицы Августов [Rumscheid, 2000, S. 30–32].

Возложение короны на статую Планции Магны служит для обозначения ее статуса жрицы города, а ее вуаль могла быть точным изображением ее наряда. Писатель II века софист Полемон Смирнский (родился в Лаодикее на Лике, учитель Элия Аристида) [Stebnicka, 2015, p. 302–304] описывает свой визит в храм Артемиды в Перге и замечает, что женщины там были полностью скрыты вуалью, что, по-видимому, было местным обычаем.

Около 120 г. Магна, умевшая поддерживать хорошие дипломатические отношения с Римом, воздвигла в Перге ряд статуй, изображающих различных членов императорской семьи, оказывая им большие почести.

² Перге, neokoros со времен Веспасиана, был, вероятно, единственным городом Памфилии, который носил этот титул до середины III в., но не ссылался на этот факт на своих более ранних монетах [Burrell, 2004, p. 181]. Всего Перге удостоивался чести стать неокором шесть раз.

Планция была также пожизненной верховной жрицей Артемиды Пергии [Jones, 1976, p. 231–237], считавшейся Матерью богов в Перге, и «Дочерью города» (возможно, и гимнасиархом) [Boatwright, 1991, p. 250]. Это важное дополнение к ее статусу и гражданской активности.

Надпись, найденная на северной стороне города в честь Планции Магны, отмечает, что она трижды занимала должность демиурга. Булэ, Демос и Герусия Перге удостоили Магну почетного титула демиурга. Человек, носивший этот титул каждый год, давал свое имя тому же году, который таким образом был идентифицирован, подобно Риму через имена консулов. Должность демиурга была высшей официальной должностью в правительстве Перге [Magie, 1950, p. 263]. Этот титул обычно принадлежал мужчинам, и благодаря этому титулу спонсировались местные игры, проводимые в Перге. Ее положение как демиурга в Перге также отмечено надписью на статуе, заказанной одним из ее вольноотпущенников, М. Планцием Варом Александром, найденной на стене, воздвигнутой возле комплекса городских ворот [Edip Ozgur, 2016, p. 57].

Есть два скульптурных изображения, специально установленные Планцией Магной в качестве божеств-покровителей города Перге. Две статуи – самой Планции [Edip Ozgur, 2016, p. 31] (найдена в 1969 г.) (рис. 2) и Вибии Сабины, жены Адриана [Wegner, 1956, S. 84–91], занимают идентичное положение и имеют одинаковый размер. Это проводит прямые параллели между эвергетиссой из Перге и императрицей (статуи последней известны в Малой Азии, например, нижняя часть колоссальной статуи Сабины была найдена в 2007 г. в Сагалассе, Писидия).

Рис. 2. Статуя Планции Магны, Музей Анталы [Caceres-Cerda, 2018, p. 91, fig. 50]

Fig. 2. Statue of Plancia Magna, Antalya Museum [Caceres-Cerda, 2018, p. 91, fig. 50]

Сходство между ее статуями и статуями императрицы Сабины из почетной арки наиболее примечательно. Интересно, что Сабина, жена Адриана и внучатая племянница Траяна, обычно изображалась как молодая женщина с чертами, напоминающими классический и идеализирующий стили.

Стилистический выбор обеих статуй зримо связывал императрицу с местной эвергетиссой, таким образом превращая Планцию Магну в изображение императрицы в Перге.

Эвергетизм. Помимо общественной и религиозной жизни, главной заслугой Планции Магны в отношении родного города была ее благотворительность (эвергетизм), нашедшая отражение в масштабной строительной программе [Boatwright, 1991, p. 254].

Элитная публичная щедрость, то есть дары или пожертвования богатых людей более широкому сообществу, была долговременной чертой полисного общества. Она могла принимать разные формы в разные эпохи истории полиса, но лежащий в ее основе механизм – публичные дары или услуги (материальные или нематериальные) элит, за которые они получали почести и привилегии (материальные или нематериальные) взамен – оставался более или менее тем же самым [Zuiderhoek, 2020, p. 222].

Концепция эвергетизма частично происходит от эллинистических почетных указов, которые воздавали почести людям за их публичную деятельность, известных как эвергесия. Латинский термин *liberalitas*, добродетель свободного даяния, и греческий *φιλοτιμία*, желание почестей, охватывают более широкие коннотации [Zuiderhoek, 2009, p. 6].

Не имея точного древнего эквивалента, современный термин был впервые применен французским историком Андре Буланже в попытке объяснить ожидание гражданского сообщества, что его богатые члены должны были обеспечивать за свой счет общественные расходы и отличия [Veyne, 1990, p. 10].

Эвергетизм позволял людям продвигать себя и свои семьи косвенно, что Эмили Хемельрик объясняет как создание «живой конкуренции за должность среди местной элиты и поддержание социальной иерархии в городе путем легитимации власти, авторитета и престижа элиты» [Hemelrijk, 2006, p. 88].

Личные достижения, которых добивались граждане полиса, используя свое богатство, играли большую роль в определении их ролей и гражданского признания. Свободнорожденная элита автоматически несла ответственность за распределение своего богатства, предоставляя большие зрелища или участвуя в системе патрон – клиент [Veyne, 1990, p. 4].

Чаще всего можно было организовать общественные работы, которые могли касаться как новых зданий, так и реконструкции или восстановления старых, а также добавления украшений, таких как статуи и украшения, к существующим зданиям.

Члены элиты использовали любую возможность, чтобы продемонстрировать свое богатство в попытке улучшить свое социальное положение, напомнить другим о своем богатстве или просто подтвердить свой статус в городе [Boatwright, 1993, p. 192]. Эти дорогостоящие начинания варьировались от дорогостоящих архитектурных программ, таких как нимфейоны и театры, до предоставления ресурсов, таких как масло и еда, своим согражданам.

Обоснование благотворительности и заказа общественных работ может быть сложным. Хотя могло быть несколько итераций эвергетизма, таких как небольшие завещания денег частным коллегиям или даже те, которые император делал городу, Пол Вейн и Арья Зейдерхук выделяют доминирующий общественно-политический компонент.

Благотворительность в период Высокой империи обычно стала представлять собой идеологический обмен между богатым гражданином и его или ее городом через публичный политический акт, в котором устанавливались почести, но это также намекало на целевую политическую повестку дня. Эти политически мотивированные благодеяния объясняют влияние частного эвергетизма в I–III вв. в Римской империи [Zuiderhoek, 2009, p. 9].

В греческих городах империи, особенно в полисах римской Малой Азии, благотворители все чаще стали включать определенные группы неграждан, проживающих в полисе, наряду с гражданами, в качестве бенефициаров своей щедрости, например, путем распределения масла,

вина, зерна или денег среди таких групп, а также среди граждан, или путем приглашения их на пиры; некоторые из наиболее часто засвидетельствованных среди этих неграждан были группами постоянных жителей-чужеземцев, которые в основном жили в поместьях на сельских территориях полисов. Пример Менодоры в соседнем с Перге городе Силлий в той же Памфилии показывает, что благотворители постепенно начали распространять свою помощь как на группы ниже уровня граждан, так и на сельские районы полиса [Zuiderhoek, 2020, p. 235].

Все чаще в период империи мы видим, как представители полисной элиты на Востоке действуют как благотворители более чем одного полиса, делая благодеяния своей родной общине, а также ряду других полисов.

Строительная программа. Эллинистический комплекс ворот Планции Магны. Будучи одним из трех оборонительных воротных сооружений для Перге в III–II вв. до н.э., монументальный южный вход в город приобрел новую функциональную роль в период расцвета римской власти в Памфилии. Эти ворота были обращены к побережью, которое было ближе и более уязвимо для возможных иностранных захватчиков. Как только регион перешел в более мирный период под властью римлян, необходимость в оборонительных сооружениях уменьшилась.

Этот эллинистический южный вход был отремонтирован в начале II в. под руководством Планции Магны, которая превратила его в сложный символ статуса города. Хотя это сооружение больше не использовалось строго для защиты от захватчиков, оно превратилось в особый вход в город, который служил для отражения величия и статуса.

Археологический контекст. Городской комплекс ворот в Перге состоит из трех основных частей. Сначала посетители подходили к двум круглым башням, проходили по узкому короткому коридору, который открывался во двор в форме подковы, а затем проходили под аркой, чтобы наконец ступить на территорию города [Baybo, 2015, p. 37–39].

А.М. Мансель инициировал раскопки около южного входа в 1946 г. и работал в этом районе до конца 1960-х гг. [Edip Ozgur, 2016, p. 26]. Последующие археологические работы были проведены Х. Лотером в 1972 г., а затем Халуком Аббасоглу, В. Мартини [Martini, 2003, S. 12–78] и Сельмой Булгуру в 1990-х гг. [Bulgurlu, 1999]. В конце XX – начале XXI в. Сенсер Шахин провел обширный анализ эпиграфических находок, полученных в ходе многочисленных раскопок на этом месте [Sahin, 1999; Sahin, 2004].

Первоначальные башни и часть западной стены были отнесены к эллинистическому периоду, III в. до н.э. Изначально двор был круглым в плане, а стены не были выровнены с башнями, что предполагает более позднюю интеграцию. Функционируя как более поздние дополнения, стены, возможно, датируются самыми ранними годами, когда Перге уже находился под римским контролем в начале I века н.э. В третьей и последней фазе, датируемой началом II в. в начале периода Адриана, двор был облицован мрамором и украшен множеством статуй, в которых он стал выдающимся сооружением и символом. Подковообразная форма была создана с добавлением почетной тройной арки. Именно в течение этой третьей фазы в ходе масштабной реконструкции эллинистического комплекса ворот 119–122 гг. Планция Магна заказала и реализовала свою программу реконструкции городских ворот [Edip Ozgur, 2016, p. 41–46].

Для понимания замысла Планции Магны при проектировании и заказе реконструкции комплекса городских ворот решающее значение имеет архитектурный и археологический анализ комплекса. Во время реконструкции мощеные стены овального двора были перестроены, что изменило его план, сделав его похожим на форму подковы. Некогда высокие стены периметра также были укорочены до 11 м. Внутри двора неправильной формы находились два уровня ниш для статуй, глубиной менее 1 м каждая.

На первом и втором уровнях находилось по 14 статуй каждая, в общей сложности 28, которые были размещены в соответствии с программой Планции Магны. Стены были облицованы мрамором и украшены коринфским колонным фасадом, напоминающим scaenae frons, римское сценическое здание. Этот тип фасада «символизировал богатство и вкус во всей Римской империи во II в. [и был] повторен в реконструкции городских ворот в Сиде в конце

II в., примерно в 50 км к востоку от Перге» [Abbasoğlu, 2001, p. 177; Caceres-Cerda, 2018, p. 32]. Пьедесталы, которые когда-то поддерживали коринфские колонны, были прикреплены к мраморным стенам. Первоначальный размер ниш, ближайших к башням, был изменен во время серии реконструкций II в. Ниши на нижнем уровне – прямоугольные с закругленными верхушками, в то время как ниши второго уровня прямоугольные, но чередуются между прямыми и арочными перемычками.

Восстановление некоторых оснований статуй с надписями на месте раскопок указывает на то, что в нижних нишах, скорее всего, когда-то находились статуи олимпийских богов. С другой стороны, во втором ярусе находились статуи легендарных основателей и благодетелей города. Это позволяет проследить генеалогические основания города и его культурно-идеологический контекст (рис. 3).

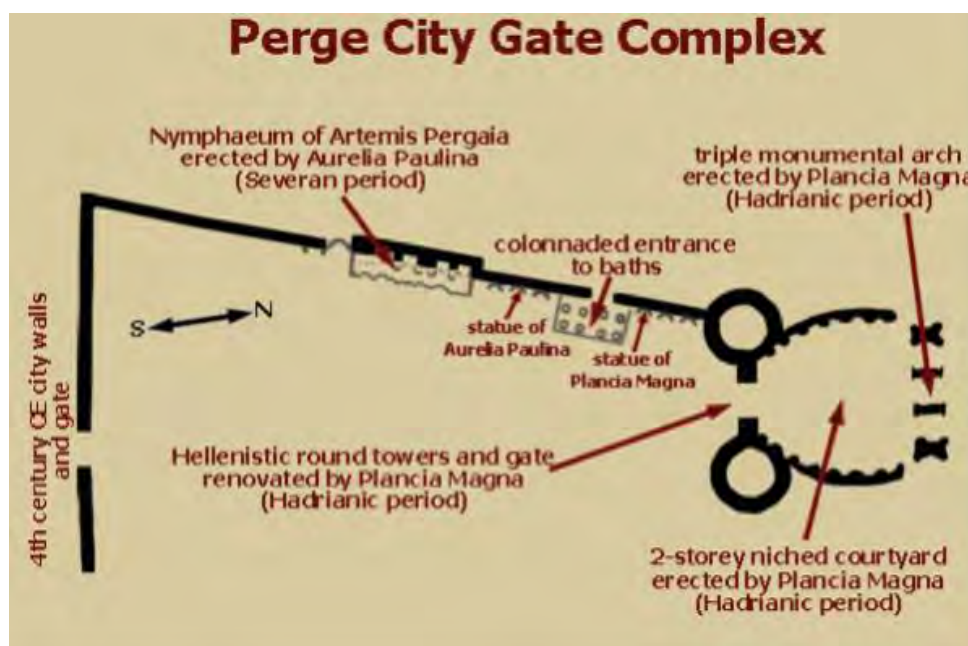

Рис. 3. Комплекс городских ворот Перге [Caceres-Cerda, 2018, p. 70, fig. 8]
Fig. 3. Perge city gate complex [Caceres-Cerda, 2018, p. 70, fig. 8]

Раскопки 1953 г. открыли материалы, датированные 120/121 гг., а восстановление надписанных оснований статуй идентифицирует некоторых легендарных основателей, упомянутых Страбоном и Геродотом, таких как Мопс, Калхас и Леонтей, и таким образом подтверждает мифологическую традицию о прибытии ахейцев в Памфилию.

В эту группу были включены отец и брат Планции Магны, которые также названы основателями, но в современном смысле. Включение М. Планция Вара и К. Планция Вара в число основателей подтверждало элитный статус семьи, способствовавшей росту и успеху Перге, что, конечно, было сделано Планцией. Фактически статуй этой группы легендарных основателей и благодетелей обнаружено не было, но эпиграфические свидетельства на базах статуй позволяют реконструировать и понять личности этих людей.

Почетная тройная арка была возведена в 22 м к северу от башен прямо в конце двора. С точки зрения архитектуры это можно было бы считать визуальным препятствием для обзора города со двора, однако ее положение в конце двора позволяло ей обрамлять въезд в Перге. Тройная арка была сделана из местного известняка и облицована импортным мрамором, чтобы дополнить материалы декоративного двора. Она была шириной 9,1 м, а при длине 20 м превосходила ширину двора и почти равнялась его глубине. Поскольку она обрамляла въезд в город, арка возвышалась на вымощенной мрамором платформе, доступ к которой со двора осуществлялся посредством широкого пролета из четырех ступеней.

Основания арки позволяют нам отметить ее точное местоположение. Два внешних пилона были толстыми по сравнению с двумя внутренними более тонкими пилонами, которые создавали арки разных размеров (шириной 3,4 м и 2,5 м соответственно). Спереди и сзади средних пилонов находились две колонны на свободно стоящих пьедесталах. Хотя это было необычное расположение, эти свободно стоящие элементы параллельны современным аркам в честь Адриана, например, в Атталии и Афинах.

Фрагментарные блоки для двух *tabulae ansatae*, табличек с ручками, были найдены в дверных проемах ворот, что подтвердило благодеяние Планции Магны городу. Большие латинские и греческие печатные буквы сообщали, что Планция Магна посвятила арку и, по сути, всю реконструкцию комплекса городских ворот своему городу.

Остатки мраморного декора позволили определить, что это была двухъярусная почетная арка. Четыре пилон указывают на тройную арку с большими внешними пилонами, оборудованными эдикулами спереди и сзади, и нишами по бокам для статуй.

Скульптурная и эпитафическая программа. Прежде всего Планция отремонтировала большие круглые башни, которые уже находились по сторонам главных ворот города. Затем внутри этой конструкции она создала овальный двор с добавлением стен, повторяющих те же изгибы, в результате чего здание стало двухэтажным. Она приказала полностью покрыть фасад здания мрамором и сделать ниши для статуй (по 14 с каждой стороны), перед которым она воздвигла два уровня коринфских колонн, производивших впечатление декорации римского театра.

Фактически все нижние ниши содержали большие статуи божеств, а на верхнем этаже располагались небольшие статуи мифологических персонажей, помещенных вместе с некоторыми историческими личностями. На основании каждой статуи было написано посвящение Планции Магне как дарителю работ и обозначение персонажей статуй. В верхнем регистре были изображены, среди прочих, названные по именам ктисты («основатели городов»), и среди них она поместила Марка Планция Вара и его сына Гая Планция Вара, названных одновременно «отцом Планции Магны» и «братом Планции Магны».

Планция Магна установила на арке статуи Дианы Пергенсис, божества Перге, а также статуи императоров и членов императорской семьи – Августа, Нервы, Траяна, Адриана, Матидии, Плотины и Сабины [Wegner, 1956], которые были идентифицированы по двуязычным надписям.

С. Шахин предполагает, что божества были первоначально размещены в нижних нишах задолго до реконструкции Планции Магны и были перемещены в верхние ниши, чтобы присоединиться к легендарным основателям, во время крупной реконструкции. Он также выдвигает гипотезу о включении в иконографическую программу комплекса семи основателей римского происхождения [Sahin, 1999].

Помимо самой Планции Магны, ее отца и брата, среди скульптурных изображений были представлены Корнуты, видная пергейская семья, связанная с Планциями через брак, такие как Гай Юлий Корнут Тертулл, Гай Юлий Планций Вар, Гай Рутилий Планций Вар.

М. Боутрайт особо отметила включение олимпийских божеств в скульптурную программу Планции Магны, хотя это могло быть результатом зависимости от анализов Манселя и Шахина [Caceres-Cerda, 2018, p. 36].

В архитравах, в нишах пилонов и на вершине тройной арки стояли статуи как живых, так и умерших членов императорской семьи. Весьма любопытно, что большинство членов императорской семьи – женщины. Выделяется две группы статуй: связанная с современным императором и его семьей и предыдущих.

Артемида Пергея, эпонимное божество города, и Тюхе, дух-покровитель города, также были представлены статуями среди членов римской императорской семьи.

Арка в своих репрезентациях в целом делала акцент на установлении связи города с императорской семьей, в частности, арка не была посвящена ни Риму, ни собственно императорской семье, а скорее своему городу Перге.

Отличительные черты оснований статуй, найденных на месте, помогают датировать памятник периодом между 119–122 гг. Во-первых, номенклатура, выбранная для женщин-членов императорской семьи, устанавливает датировку периодом после смерти Траяна и до смерти Плотины. Другим хронологическим фактором стала база статуи Адриана, на которой указана его трибунская власть, что датирует эту статую 121 г.

Сабина могла сопровождать Адриана во время его путешествий на греческий Восток в 128–133 гг. [Kritsotakis, 2008, p. 64–71], и ее статуя могла быть воздвигнута в рамках подготовки к визиту Адриана в Перге. Его первый визит в Памфилию датируют обычно 122/123 гг., но затем император не возвращался в этот регион вплоть до примерно 129–131 гг. [Birley, 2003, p. 425–441]. Это дает объяснение реконструкции Планции Магны в начале 120-х гг. и включения основания статуи Сабины в современную номенклатуру Августов в попытке подготовить Перге к визиту Адриана.

Надписи, найденные на основаниях статуй Планции Магны за пределами комплекса ворот, двора и оснований арок, а также посвятельная надпись на арке резко отличаются от типичных почетных надписей, найденных по всей империи, которые обычно изображали матронный и добродетельный образ благодетельниц. Греческие надписи за пределами комплекса ворот идентифицировали Планцию прежде всего как дочь М. Планция Вара, поскольку они были возведены булэ и демосом, но признавали ее особое положение в городе как независимого члена, не умаляя ее роли как выдающейся благодетельницы и женщины.

Большинство надписей Планции двуязычны. На Востоке в письменных ландшафтах городов доминировал греческий язык, но латынь также появлялась с некоторой частотой, особенно в местах, где ожидалась большая римская аудитория, таких как крупные города и римские колонии [Gatzke, 2020, p. 385–396].

Театр. Планции Магне приписывают строительство театра в связи с тем, что ее статуя была найдена в диазоме, т. е. в кольцевом коридоре, предназначенном для движения зрителей, что обычно делалось для благотворителей. Строительство здания относится к периоду между царствованием Адриана и Антонина Пия; датировка установлена на основе архитектурного стиля, но прежде всего благодаря находке некоторых деталей эпохи Адриана [Edir Ozgur, 2016, p. 58–87].

Мавзолей. После смерти Планция Магна была похоронена в ступенчатой гробнице-мавзолее, расположенной справа от эллинистических ворот, у входа в город [Baybo, 2015, p. 36]. От него сохранилось основание в несколько ступеней высотой (рис. 4).

Специфика женского эвергетизма Планции. Планция Магна является исключительной эвергетиссой в Малой Азии, да и во всей империи. В этой связи возникает вопрос о соотношении ее личной деятельности и роли ее семьи, а также собственно гендерный аспект [Boatwright, 1991, p. 242].

В имеющихся археологических и эпиграфических материалах нет прямых указаний на пропаганду, направленную на возвышение членов семьи Планции в их стремлении к политической должности, авторитету или продвижению ее семьи. Представляется, что включение ее отца и брата в ряды ктистов было преднамеренной попыткой подтвердить ее собственный личный статус как элитного члена города. Они были включены в ряды ктистов не потому, что считались фактическими основателями города, а скорее потому, что получили этот титул за свои заслуги и благодеяния городу. Также нет никаких упоминаний о муже или сыне Планции Магны где-либо в пределах комплекса ворот.

Ни одно из имеющихся в настоящее время свидетельств не указывает на то, каким образом Планция получила свое богатство, что позволило ей заказать реконструкцию комплекса эллинистических ворот.

Еще более впечатляющим обстоятельством является то, что Планция была единственной женщиной-демиургом Перге. Это не только подчеркивает необычайные достоинства Планции в городе как авторитетной женщины, но и подчеркивает, что это было сделано без сильного влияния ее престижного происхождения и родства. Очевидно, что головы ее статуй были, безусловно, не реалистическими, а в высшей степени идеализированными.

Рис. 4. Мавзолей Планции Магны в Перге (фото Н.Н. Болгова, январь 2021 г.).

Fig. 4. Mausoleum of Plancia Magna in Perge (photo by N.N. Bolgov, January 2021).

Несмотря на то, что Планция Магна могла быть среднего возраста во время своего благодеяния (согласно предположению М. Боутрайт, на момент благодеяния Планции было около 20 лет) и эти статуи были возведены намного позднее того, как она ввела в эксплуатацию комплекс ворот, на этих статуях нет никаких указаний на ее возраст, кроме как на молодость [Saceres-Cerda, 2018, p. 59].

Расположение ее статуй, ее визуальное сходство со статуей Сабины, ее реконструкция комплекса городских ворот, многочисленные надписи, упоминающие Планцию Магну, и возведение почетной арки – все это были стратегические решения, принятые для того, чтобы обозначить ранг и высокий статус Планции среди элиты Перге.

Женщины на Востоке идентифицировались в основном через личные добродетели, определяющие их роли матрон, в то время как женщины на Западе идентифицировались через их статус и роль в обществе.

Выводы

Итак, среди многих даров Планции своему городу мы знаем прежде всего ворота Перге, сложную двухэтажную конструкцию с овальным двором, где в различных нишах размещались различные статуи, а затем монументальную арку со статуями императорской семьи Адриана. Это самое красивое и монументальное сооружение города, составлявшее вход в сам город.

Планция собрала в одном здании олимпийских божеств, мифологических основателей своего города и членов своей семьи, которые были идентифицированы со ссылкой на нее. Однако изображений ее мужа и сына во дворе не было сделано.

В конце внушительного двора находилась огромная тройная арка, ведущая в город, с внушительными статуями римской императорской семьи, в том числе Нервы, Траяна, его жены Плотины, сестры Траяна Марцианы, внушки Траяна Матидии (матери Сабины),

правлящего императора Адриана, его жены Сабины; были также статуи Артемиды Пергеи и гения-хранителя (Тюхе) города.

В арке женских фигур было гораздо больше, чем мужских, и хорошо сохранившаяся статуя императрицы Сабины, по-видимому, является стилистически копией статуи Планции, как будто она видела немного себя в императрице или как будто составляла для нее образец женщины [Boatwright, 1991a, p. 513–540; de Grazia Vanderpool, 2005, p. 12–29].

В великолепном комплексе всё подчеркивало великую связь между Перге и имперским Римом в архитектуре, религии, преданности императору и ценности великой римской культуры.

Планция Магна – исключительный пример благотельницы, которая сделала доброе дело для своего города, отремонтировав старое оборонительное сооружение у его входа. Это превратило новый комплекс ворот в важный символ гордости города Перге. Это достижение, безусловно, несравнимо по масштабам с деяниями женщин из элиты в других местах.

Все эти факторы, таким образом, показывают положение Планции Магны как уникальной женщины в Римской империи во II веке [Caceres, 2015, p. 3]. В Перге женский эвергетизм превосходит все иные попытки благодеяний посредством общественных работ [Van Bremen, 1996, p. 55].

Планция Магна в своей эвергетической деятельности исключительно сама создавала свою собственную идентичность [Boatwright, 1991, p. 242–278]. Она не только выбирала аудиторию, с которой хотела общаться через двуязычные надписи и скульптуры, но и стала важным мостом между Римом и своим городом. Это помогает представить общий уровень благосостояния Римской империи во II веке и оценить уровень включенности провинциальных городов в прямые связи с императорской фамилией.

Список литературы

- Болгов Н.Н. 2021. Перге в Памфилии в римско-ранневизантийский период. В: Общество и власть в контексте истории, политологии, социологии. Воронеж, ВГУ: 238–244.
- Болгов Н.Н., Славогородская Е.П. 2024. Опрамоас из Ликии – крупнейший частный эвергет Римской империи эпохи благоденствия (II в.). В: Via in tempore. История, политология. Т. 51(2): 285–296.
- Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. Москва – Ленинград, АН СССР, 264.
- Abbasoğlu H. 2021. The Founding of Perge and its Development in the Hellenistic and Roman Periods. In: Urbanism in Western Asia Minor: New Studies on Aphrodisias, Ephesos, Hierapolis, Pergamon, Perge, and Xanthos, ed. D. Parrish. Michigan, Journal of Roman Archaeology: 172–188.
- Arena G. 2005. Città di Panfilia e Pisidia sotto il dominio romano: continuità strutturali e cambiamenti funzionali. Catania, Edizioni del Prisma, 476.
- Baybo S. 2015. Archaeological Site of Perge. Ankara, MCT, 160.
- Birley A.R. 2003. Hadrian's Travels. In: The Representation and Perception of Roman Imperial Power. Proceedings of the third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. – A.D. 476). Netherlands Institute in Rome, March 20–23, 2002. Amsterdam: 425–441.
- Birley A.R. 1997. Hadrian. The Restless Emperor. London, Routledge, 400.
- Boatwright M.T. 2003. Hadrian and the Cities of the Roman Empire. Princeton, Princeton University, 239.
- Boatwright M.T. 1991. Plancia Magna of Perge: Women's Roles and Status in Roman Asia Minor. In: Women's History and Ancient History, ed. J. Gardiner, S. Pomeroy. Chapel Hill, University of North Carolina Press: 242–278.
- Boatwright M.T. 1991a. The Imperial Women of the Early Second Century A.D. In: The American Journal of Philology 112, No. 4: 513–540.
- Boatwright M.T. 1993. The City Gate of Plancia Magna in Perge. In: Roman Art in Context: An Anthology, ed. E. D'Ambra. Englewood Cliffs, Prentice Hall: 189–207.
- Bulgurlu S. 1999. Perge Kenti Hellenistik Güney Kapısı ve Evreleri [Perge City Hellenistic South Gate and Its Phases]. Unpublished PhD diss. Istanbul University, 198.
- Caceres B. 2015. Female Munificence – Plancia Magna & The Hellenistic Gate. Unpublished Paper. New York, CUNY Graduate Center, 22.

- Caceres-Cerda B.F. 2018. The Exceptional Case of Plancia Magna: (Re)analyzing the Role of a Roman Benefactress. Master's Thesis. New York, CUNY Graduate Center, 96.
- de Grazia Vanderpool C. 2005. Fashioning Plancia Magna. Memory and Revival in the Greek East during the Second Century A.D. In: *Terra Marique: Studies in Art History and Marine Archaeology in Honor of Anna Marguerite McCann*, ed. J. Pollini. Oxford, Oxbow: 12–29.
- Dmitriev S. 2005. *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford, Oxford University Press, 448.
- Edip Ozgur M. 2016. *Perge. With Sculptures and Flowers*. Ankara, Donmez offset, 156.
- Gatzke A. 2020. The Gate Complex of Plancia Magna in Perge: A Case Study in Reading Bilingual Space. In: *The Classical Quarterly*. 70: 385–396.
- Grainger J.D. 2009. The Cities of Pamphylia. Oxford, Oxbow, XII, 255.
- Jameson S. 1965. Cornutus Tertullus and the Plancii of Perge. In: *The Journal of Roman Studies*. 55: 54–58.
- Kearsley R.A. 2005. Women and Public Life in Imperial Asia Minor: Hellenistic Tradition and Augustan Ideology. In: *Ancient West and East* 4, no. 1: 98–121.
- Kritsotakis D. 2008. *Hadrian and the Greek East: Imperial Policy and Communication*. Diss. Columbus, The Ohio State University, 266.
- Magie D. 1950. *Roman Rule in Asia Minor. To the End of the Third Century after Christ*. Vol. I. Princeton, University Press, 723.
- Martini W. 2003. Topographie und Architektur. In: *Die Akropolis von Perge: Survey und Sondagen 1994–1997*, ed. H. Abbasoğlu, M. Wolfram. Mainz, von Zabern: 12–78.
- Mitchell St. 1974. The Plancii in Asia Minor. In: *The Journal of Roman Studies*. 64: 27–39.
- Roueché Ch. 1989. Floreat Perge! In: *Images of Authority: Papers Presented to Joyce Reynolds on the Occasion of her 70th Birthday*, ed. M.M. Mackenzie, Ch. Roueché. Cambridge, Cambridge Philological Society: 206–228.
- Rumscheid J. 2000. Kranz und Krone. Zu Insignien, Siegespreisen und Ehrenzeichen der römischen Kaiserzeit. *Tübingen, Wasmuth*, 270.
- Sahin S. 1999. *Inschriften Griechischer Städte Aus Kleinasien: Die Inschriften Von Perge, Teil I*, Bonn, Österreichische Akademie der Wissenschaften Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, 319.
- Sahin S. 2004. *Inschriften Griechischer Städte Aus Kleinasien: Die Inschriften Von Perge, Teil II*, Bonn, Österreichische Akademie der Wissenschaften Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, XVIII, 221.
- Sahin S. 1996. Perge Kentinin Kurucuları ve Plancia Magna [Founders of Perge City and Plancia Magna]. In: *Adalya*, 1: 45–52.
- Stebnicka K. 2015. M. Antonios Polemon. In: Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire*. Oxford, Oxford University Press: 302–304.
- Van Bremen R. 1996. Limits of Participation: Women and Civic Life in the Greek East in the Hellenistic and Roman Periods. Amsterdam, J.C. Gieben, 399.
- Wegner M. 1956. *Hadrian, Plotina, Marciana, Matidia, Sabina*. Berlin, Gebr. Mann, 145, XII.
- Zuiderhoek A. 2009. The Politics of Munificence in the Roman Empire. Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor. Cambridge, UP, 186.
- Zuiderhoek A. 2011. Oligarchs and Benefactors: Elite Demography and Euergetism in the Greek East of the Roman Empire. In: *Political Culture in the Greek City after the Classical Age. Groningen-Royal Holloway Studies on the Greek City after the Classical Age, II*. Leuven, Peeters: 185–195.
- Zuiderhoek A. 2020. Benefactors and the Poleis in the Roman Empire: Civic Munificence in the Roman East in the Context of the Longue Durée. In: *Benefactors and the Polis. The Public Gift in the Greek Cities from the Homeric World to Late Antiquity*. Cambridge, UP: 222–242.

References

- Bolgov N.N. 2021. Perge v Pamfilii v rimsko-rannevizantijskij period [Perge in Pamphylia in the Roman-Early Byzantine Period]. V: *Obshchestvo i vlast' v kontekste istorii, politologii, sociologii* [Society and Power in the Context of History, Political Science, Sociology]. Voronezh, VGU: 238–244.
- Bolgov N.N., Slavogorodskaja E.P. 2024. Opramoas iz Likii – krupnejshij chastnyj jeverget Rimskoj imperii jepohi blagodenstvija (II v.) [Opramoas of Lycia is the Largest Private Euergete of the Roman Empire during the Period of Prosperity (2nd Century)]. *Via in tempore. History, political science*. T. 51(2): 285–296.
- Ranovich A.B. 1949. *Vostochnye provincii Rimskoj imperii v I–III vv.* [Eastern Provinces of the Roman Empire in the 1st–3rd Centuries]. Moscow – Leningrad, AN SSSR, 264.

- Abbasoğlu H. 2021. The Founding of Perge and its Development in the Hellenistic and Roman Periods. In: *Urbanism in Western Asia Minor: New Studies on Aphrodisias, Ephesos, Hierapolis, Pergamon, Perge, and Xanthos*, ed. D. Parrish. Michigan, Journal of Roman Archaeology: 172–188.
- Arena G. 2005. Città di Panfilia e Pisidia sotto il dominio romano: continuità strutturali e cambiamenti funzionali. Catania, Edizioni del Prisma, 476.
- Baybo S. 2015. Archaeological Site of Perge. Ankara, MCT, 160.
- Birley A.R. 2003. Hadrian's Travels. In: *The Representation and Perception of Roman Imperial Power. Proceedings of the third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. – A.D. 476)*. Netherlands Institute in Rome, March 20–23, 2002. Amsterdam: 425–441.
- Birley A.R. 1997. Hadrian. The Restless Emperor. London, Routledge, 400.
- Boatwright M.T. 2003. Hadrian and the Cities of the Roman Empire. Princeton, Princeton University, 239.
- Boatwright M.T. 1991. Plancia Magna of Perge: Women's Roles and Status in Roman Asia Minor. In: *Women's History and Ancient History*, ed. J. Gardiner, S. Pomeroy. Chapel Hill, University of North Carolina Press: 242–278.
- Boatwright M.T. 1991a. The Imperial Women of the Early Second Century A.D. In: *The American Journal of Philology* 112, No. 4: 513–540.
- Boatwright M.T. 1993. The City Gate of Plancia Magna in Perge. In: *Roman Art in Context: An Anthology*, ed. E. D'Ambra. Englewood Cliffs, Prentice Hall: 189–207.
- Bulgurlu S. 1999. Perge Kenti Hellenistik Güney Kapısı ve Evreleri [Perge City Hellenistic South Gate and Its Phases]. Unpublished PhD diss. Istanbul University, 198.
- Caceres B. 2015. Female Munificence – Plancia Magna & The Hellenistic Gate. Unpublished Paper. New York, CUNY Graduate Center, 22.
- Caceres-Cerda B.F. 2018. The Exceptional Case of Plancia Magna: (Re)analyzing the Role of a Roman Benefactress. Master's Thesis. New York, CUNY Graduate Center, 96.
- de Grazia Vanderpool C. 2005. Fashioning Plancia Magna. Memory and Revival in the Greek East during the Second Century A.D. In: *Terra Marique: Studies in Art History and Marine Archaeology in Honor of Anna Marguerite McCann*, ed. J. Pollini. Oxford, Oxbow: 12–29.
- Dmitriev S. 2005. City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford, Oxford University Press, 448.
- Edip Ozgur M. 2016. Perge. With Sculptures and Flowers. Ankara, Donmez offset, 156.
- Gatzke A. 2020. The Gate Complex of Plancia Magna in Perge: A Case Study in Reading Bilingual Space. In: *The Classical Quarterly*. 70: 385–396.
- Grainger J.D. 2009. The Cities of Pamphylia. Oxford, Oxbow, XII, 255.
- Jameson S. 1965. Cornutus Tertullus and the Plancii of Perge. In: *The Journal of Roman Studies*. 55: 54–58.
- Kearsley R.A. 2005. Women and Public Life in Imperial Asia Minor: Hellenistic Tradition and Augustan Ideology. In: *Ancient West and East* 4, no. 1: 98–121.
- Kritsotakis D. 2008. Hadrian and the Greek East: Imperial Policy and Communication. Diss. Columbus, The Ohio State University, 266.
- Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. To the End of the Third Century after Christ. Vol. I. Princeton, University Press, 723.
- Martini W. 2003. Topographie und Architektur. In: *Die Akropolis von Perge: Survey und Sondagen 1994–1997*, ed. H. Abbasoğlu, M. Wolfram. Mainz, von Zabern: 12–78.
- Mitchell St. 1974. The Plancii in Asia Minor. In: *The Journal of Roman Studies*. 64: 27–39.
- Roueche Ch. 1989. Floreat Perge! In: *Images of Authority: Papers Presented to Joyce Reynolds on the Occasion of her 70th Birthday*, ed. M.M. Mackenzie, Ch. Roueche. Cambridge, Cambridge Philological Society: 206–228.
- Rumscheid J. 2000. Kranz und Krone. Zu Insignien, Siegespreisen und Ehrenzeichen der römischen Kaiserzeit. Tübingen, Wasmuth, 270.
- Sahin S. 1999. Inschriften Griechischer Städte Aus Kleinasien: Die Inschriften Von Perge, Teil I, Bonn, Österreichische Akademie der Wissenschaften Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, 319.
- Sahin S. 2004. Inschriften Griechischer Städte Aus Kleinasien: Die Inschriften Von Perge, Teil II, Bonn, Österreichische Akademie der Wissenschaften Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, XVIII, 221.
- Sahin S. 1996. Perge Kentinin Kurucuları ve Plancia Magna [Founders of Perge City and Plancia Magna]. In: *Adalya*, 1: 45–52.

- Stebnicka K. 2015. M. Antonios Polemon. In: Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire. Oxford, Oxford University Press: 302–304.
- Van Bremen R. 1996. Limits of Participation: Women and Civic Life in the Greek East in the Hellenistic and Roman Periods. Amsterdam, J.C. Gieben, 399.
- Wegner M. 1956. Hadrian, Plotina, Marciana, Matidia, Sabina. Berlin, Gebr. Mann, 145, XII.
- Zuiderhoek A. 2009. The Politics of Munificence in the Roman Empire. Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor. Cambridge, UP, 186.
- Zuiderhoek A. 2011. Oligarchs and Benefactors: Elite Demography and Euergetism in the Greek East of the Roman Empire. In: Political Culture in the Greek City after the Classical Age. Groningen-Royal Holloway Studies on the Greek City after the Classical Age, II. Leuven, Peeters: 185–195.
- Zuiderhoek A. 2020. Benefactors and the Poleis in the Roman Empire: Civic Munificence in the Roman East in the Context of the Longue Durée. In: Benefactors and the Polis. The Public Gift in the Greek Cities from the Homeric World to Late Antiquity. Cambridge, UP: 222–242.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.02.2025

Поступила после рецензирования 10.04.2025

Принята к публикации 12.04.2025

Received 28.02.2025

Revised 10.04.2025

Accepted 12.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ истории и археологии Византии и Причерноморья, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0478-5565](https://orcid.org/0000-0003-0478-5565)

Кропочева Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0000-0132-4160](https://orcid.org/0009-0000-0132-4160)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay N. Bolgov, Doctor of Sciences in History, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Tatyana S. Kropocheva, Postgraduate Student of Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(3-924.71)"04/05"

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-306-315

EDN ATHLSB

Оригинальное исследование

Население позднеантичного Херсонеса в IV–V вв.

Фомин М.В.

Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33;
E-mail mike.v.fomin@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в этническом составе жителей позднеантичного Херсонеса. В IV–V вв. происходил процесс трансформации позднеантичного города в ранневизантийский центр. Частью его были глобальные изменения, в том числе и в этническом составе населения города. Влияние местного греческого населения, потомков колонистов-основателей постепенно уменьшалось. В городе появляются мигранты из различных регионов, их количество и влияние постепенно растет. Среди горожан формируется община малоазийских греков, начинается проникновение сармат, вместе с римскими войсками пришли выходцы с Дунайских провинций, существовала иудейская диаспора. В 80-е гг. IV в. происходит резкое увеличение сарматской составляющей. Письменные источники позволяют связать это с конфликтом между христианами и язычниками в городе. Распространение христианства среди горожан обострило противоречие между местной аристократией и диаспорами мигрантов. В ответ на гонения против христиан были высланы лидеры языческой партии. На их место заселены «верные» из числа крещенных жителей Таврики. Это привело к значительным переменам не только в социальной и политической ситуации в городе, но и в этническом составе населения.

Ключевые слова: Херсонес, христианство, Херсонесская епархия, Римская империя, некрополь, погребальные сооружения

Для цитирования: Фомин М.В. 2025. Население позднеантичного Херсонеса в IV–V вв. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 306–315. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-306-315. EDN: ATHLSB

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Population of Late Antique Chersonesos in the 4th and 5th Centuries

Mikhail V. Fomin

Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia
E-mail mike.v.fomin@gmail.com

Abstract. The article examines changes in the ethnic composition of the inhabitants of late antique Chersonesos. In the 4th – 5th centuries, the process of transformation of the late antique city into an early Byzantine center took place. Global changes were a part of transformational process, including the ethnic composition of the city's population. The influence of the local Greek population, descendants of the founding colonists, gradually diminished. Migrants from various regions appeared in the city, their number and influence gradually grew. A community of Asia Minor Greeks formed among the townspeople, the penetration of the Sarmatians began, people from the Danube provinces came with the Roman troops, and there was a Jewish diaspora. In the 80s of the 4th century, there was a sharp increase in the Sarmatian component. Written sources allow us to connect this with the conflict between Christians and pagans in the city. The spread of Christianity among the townspeople exacerbated the contradiction between the local aristocracy and the diasporas

of migrants. In response to the persecution of Christians, the leaders of the pagan party were exiled. Their place was taken by the "faithful" from among the baptized inhabitants of Taurica. This led to significant changes not only in the social and political situation in the city, but also in the ethnic composition of the population.

Keywords: Chersonesos, Christianity, Chersonese diocese, Roman Empire, necropolis, burial structures

For citation: Fomin M.V. 2025. The Population of Late Antique Chersonesos in the 4th and 5th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 306–315 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-306-315. EDN: ATHLSB

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Вопрос трансформации провинциального позднеантичного города в ранневизантийский и сегодня остается слабо изученным в литературе [Романчук, 2008, с. 117]. В немалой степени это связано со слабой изученностью таких центров. Многие из них скрыты под застройкой более позднего времени (как Афины, Фессалоники, Антиохия, Александрия) или находятся в зоне вооруженных конфликтов (города Сирии), что значительно затрудняет их исследование. Этот процесс был связан с глобальными изменениями, охватившими все стороны жизни, от экономики до социальной составляющей. Особый интерес представляют этнические процессы, происходившие в таких городах. В связи с этим отдельного внимания заслуживает Херсонес – город на границе ромейского мира и мира варваров. На его территории продолжают раскопки с 80-х гг. XIX вв., сформировался научно-исследовательский центр, а накопленный материал позволяет проследить в том числе этнические процессы, происходившие на переломе эпох.

Цель исследования: реконструкция этнических процессов, происходивших в Херсонесе в IV в. в период трансформации позднеантичного полиса в раннеромейский центр.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является трансформация этнического состава населения позднеантичного Херсонеса.

Методология исследования основана на принципах историзма и объективности. В основу данной научной статьи был положен системный подход, давший возможность комплексного изучения доступных письменных источников и накопленных археологических материалов.

Результаты и их обсуждение

Элементы истории города, социальных и политических событий, этнической ситуации нашли отражение в текстах «Житий епископов херсонских». Первоначальный текст не сохранился, но известно несколько вариантов его переводов и пересказов [Сорочан, 2005; Виноградов, 2010; Могаричев и др. 2012]. Значительную роль играют также материалы некрополя и находки, сделанные на территории городища. Среди них выделяются погребальные сооружения и сопутствующий погребениям инвентарь; надгробия и тексты эпитафий; украшения и бытовые предметы, открытые на территории города и в его ближайших окрестностях. Традиционно выводы об этническом составе населения были основаны на анализе собственных имен, которые указывались в декретах и эпитафиях. Значительная коллекция эпиграфических памятников была собрана и опубликована в рамках проекта «IOSPE: Древние надписи Северного Причерноморья» (Византийские надписи). Также об этнических процессах свидетельствуют памятники позднеантичного некрополя, изменения в архитектуре погребальных сооружений, инвентаря, обряда и традиций [Зубарь, 1982, с. 28].

Немалую роль мог бы сыграть антропологический материал, но длительное время человеческим останкам уделялось недостаточно внимания. Это существенно сокращает базу артефактов, доступных для исследования. В числе первых анализ остеологического материала приводит К.Ф. Соколова [Соколова, 1959, с. 73–74]. В разное время вопросы антропологии рассматривали в своих трудах Г.П. Зиневич [Зиневич, 1973] и Т.А. Назарова [Назарова, 1990, с. 26–31; Назарова, 2002]. В 2016 г. увидела свет монография А.В. Иванова [Иванов, 2016]. При этом все авторы опирались на ограниченное количество предметов исследования, что значительно влияет на результаты [Иванов, 2016, с. 38–76].

Совместный анализ различных групп доступных источников позволяет проследить некоторые элементы сложных этносоциальных процессов, сопутствовавших трансформации античного Херсонеса в ромейский Херсон.

Вопрос этнической истории Херсонеса в своих трудах затрагивал ряд специалистов. Так, В.И. Кадеев [Кадеев, 1981] и В.М. Зубарь [Зубарь, 1982] рассматривали вопрос населения города в I–III вв. С.Б. Сорочан [Сорочан, 2005], А.И. Романчук [Романчук, 2008] уделяли значительное внимание процессам, происходившим в Византийском городе. Но, к сожалению, они обошли вниманием этническую ситуацию в период трансформации античного полиса в византийский провинциальный центр и ее влияние на социальные процессы в городе.

Анализ имен горожан, содержащийся в эпитафиях, позволяет утверждать, что основная масса населения в I–III вв. имела греческое происхождение. Помимо потомков колонистов, были выходцы с греческих полисов Северного Понта, проникновение которых началось в период Митридатовых войн [Зубарь, 1982, с. 27–28]. В.И. Кадеев, анализируя тексты эпитафий, выделял 360 имен, относящихся к этому периоду: 287 (70,5 %) – греческие; 103 (25,5 %) – латинские, 3 – иранские (скифо-сарматские), 3 – фракийские, 6 – малоазийские, 5 – неясного происхождения [Кадеев, 1981, с. 86–87]. А.В. Иванов указывает на некоторое влияние облика горожан населения Юго-Западной Таврики, подчеркивая при этом, что в культурном плане город сохранял свой греческий облик [Иванов, 2016, с. 58–59]. Фактически сегодня нет оснований говорить о варваризации населения города, как это было на Боспоре или в Ольвии в период поздней античности [Кадеев, 1981, с. 107–127; Зубарь, 1982, с. 118–120].

Греческое население. По мнению В.И. Кадеева, в I–III вв. н. э. в городе сохранялось преобладание греческого населения, сумевшего сохранить свою культурную идентичность [Кадеев, 1981, с. 85]. Более того, об особом консерватизме херсонеситов упоминает Плиний Старший [Plin. N. H., II, 85]. Среди горожан выделяется прослойка местной аристократии, которая могла вести свое происхождение от первых колонистов. Они обладали значительными земельными наделами и фактически управляли внутривластными процессами в городе [Антонова, Яйленко, 1995, с. 84; Зубарь, 2004, с. 265, 522–523]. В Житиях епископов херсонеских они упоминаются как «протовероны», «первенствующие».

Выходцы из Малой Азии. Среди горожан присутствовали и малоазийские греки. С этим регион Херсонес имел давние экономические связи [Кадеев, Сорочан, 1989]. Они формировали торгово-ремесленную прослойку [Зубарь, 2004, с. 222] и могли иметь значительные финансовые средства. Их влияние росло и проявлялось даже в такой консервативной сфере как погребальные традиции. С ними связывают появление погребальных сооружений с двускатным перекрытием и нишами для урн (№ 429, 576, 579, 599, 1013, 1014) [Зубарь, 1982, с. 22–25; Буйских, 2008, с. 227–230]. Они были принесены из Восточного Средиземноморья и Малой Азии [Зубарь, 1982, с. 28], как и мраморные саркофаги с рельефами II–III вв., которые использовались и до середины IV в. [Белов, 1940, с. 266–287; Белов, 1966, с. 24–28; Буйских, 2008, с. 229–232], фрагменты которых открыты в средневековых слоях [Белов, 1938, с. 35–66; Белов, 1940, с. 266–287; Иванова, Чубова, Колесникова и др., 1976, с. 138–157; Буйских, 2008, с. 229–230]. Техника изготовления и конструкция, сюжеты имеют аналогии в Восточном Средиземноморье и Малой Азии [Буйских, 2008, с. 229–230].

В это же время в Северном Причерноморье получают распространение склепы с нишами-лежанками. В Херсонесе они составляют около 13 % от общего числа открытых погребальных

сооружений [Фомин, 2011, с. 255]. Подобные конструкции имеют множество аналогов среди памятников Малоазийского региона [Зубарь, 1982, с. 28; Масленников, 1982, с. 33–43].

Римские военнотружущие, чиновники и их сопровождение. К росту этнического разнообразия вело и размещение в регионе римских войск. С ними прибыли чиновники, ремесленники, купцы. В немалой степени это были выходцы с Западного Причерноморья. Здесь попеременно располагались вексиляции IX Клавдиева, V Македонского и I Итальянского легионов, моряки Ровенской эскадры. Их основные силы дислоцировались в Дунайских провинциях и комплектовались выходцами с этих территорий. Им могла принадлежать группа склепов, в стенах которых были сделаны ниши для установки урн [Зубарь, 1982, с. 31–32] (около 0,5 % от общего числа погребальных сооружений [Фомин, 2011, с. 255]). По своей конструкции склепы близки колумбариям, широко распространенным для погребения по обряду кремации в районах дислокации римских подразделений [Webster, 1969, p. 2371].

Особый интерес представляет склеп со следами полихромной живописи. Так, в склепе № 2/2008 были изображены сцены охоты. Сюжеты нередко связывают с культом фракийского всадника, распространенным на Балканах. Погребенные могли принадлежать к римской администрации и быть выходцами с территории Балканского полуострова, где такие сюжеты распространены в погребальных сооружениях [Фомин, 2014, с. 339–342]. Изображения фракийского всадника встречаются в Херсонесе и на votivных плитках.

Выходцам из Подунайского региона принадлежали шейные гривны, встречающиеся среди погребального инвентаря (№ 101, 105, 117, 142, 363) [Зубарь, Сорочан, 1986, с. 101–130]. Подобные украшения были широко распространены в этом регионе вплоть до раннего средневековья. С Дунайскими провинциями связано также появление Т-образных фибул с луковичными кнопками. Они были отличительным признаком лиц, принадлежавших к римской администрации IV в. [Зубарь, Сорочан, 1986, с. 101–130].

Иудейская община. О существовании еврейской общины в Херсонесе упоминает ряд исследователей [Пятышева, 1967, с. 183–185; Соломоник, 1979, с. 119–125]. Иудеи могли приехать в Херсонес из Малой Азии [Пятышева, 1967, с. 183–185; Соломоник, 1979, с. 119–125].

К иудейским древностям Херсонеса относятся остатки мраморной плиты с греческой надписью, на которой читается еврейское имя Санбатсион; две плиты с изображением семисвечника (одна из них найдена на южном участке некрополя, вторая была вынута из нижнего ряда кладки фундамента апсиды поздней «Базилики 1935 г.») [Соломоник, 1979, с. 119–125]. Иудейские граффити присутствуют в «Базилике 1935 г.», на которых читаются имена Енох, Иуда, Исая, этникон Иудеи [Соломоник, 1979, с. 119–125]. Возник тезис об интерпретации сооружения, предшествовавшего «Базилике 1935 г.», как синагоги (Древняя синагога в Херсонесе, 2013). Сам комплекс был открыт в 1935 г. Г.Д. Беловым и включал остатки трех христианских храмов, сменявшие друг друга [Белов, 1955, с. 257–281].

Сегодня есть основания выделить два строительных периода в ранней постройке. Первоначально здание служило синагогой, позднее сооружение было перестроено в церковь [Пархоменко, Фомин, 2016, с. 3–13; Древняя синагога, 2013, с. 280].

Сарматы. В первые века новой эры начинается проникновение на полуостров сарматских племен. Их присутствие фиксируется в Юго-Западном Крыму и на территории Гераклейского полуострова. С их появлением в городе связывают подбойные могилы [Зубарь, 1976, с. 42–46; Зубарь, 1977, с. 72; Зубарь, 1982, с. 19] (2,5 % от общего числа погребальных сооружений [Фомин, 2011, с. 255]). Сарматам принадлежали и склепы с круглыми или овальными в плане камерами без лежанок (около 1 % от общего числа исследованных погребальных сооружений [Фомин, 2011, с. 255]). Часть таких склепов может быть отнесена к неоконченным сооружениям [Зубарь, 1977, с. 72], но в ряде случаев это были погребальные сооружения, имеющие аналоги в сарматских могильниках Юго-Западного Крыма III–IV вв. [Зубарь, 1982, с. 29–30; Айбабин, 1984, с. 104–122; Айбабин, 1999, с. 18–24]. Для сармат также характерно использование долбленных гробов-колод, открытых в ряде склепов (№ 1494, 1607, 1609) [Высотская, 1972, с. 93; Шелов, 1972, с. 93].

К предметам сарматского круга стоит отнести бронзовые и серебряные браслеты, украшенные несколькими рядами шишечек [Зубарь, 1982, с. 94–96], браслеты с расширяющимися несомкнутыми концами [Зубарь, 1982, с. 99]. Подобные украшения известны в сарматских погребениях Юго-Западного Крыма со II–III вв. [Высотская, 1972, с. 152, рис. 48]. Среди погребального инвентаря встречается сарматская лепная посуда [Якобсон, 1959, с. 267, рис. 133; Зубарь, 1978, с. 58–61].

Отдельно стоит упомянуть погребения, в которых находились элементы конского снаряжения (№ 404, 696, 1000, 1416, 1447), лошадиные туши или их части (№ 645, 646, 664, 665, 1650, 1889, 124/1909, 141/1910) [Зубарь, Симоненко, 1985, 148–156].

Особый интерес представляет антропологический материал первых веков, среди которого выделяется серия черепов со следами искусственной деформации (около 5 % от общего числа [Фомин, 2011, с. 255]) [Зубарь, 1976, с. 42–46; Кадеев, 1981, с. 121]. Они распространяются во II в., и их количество увеличивается в конце IV–V вв. [Зубарь, 1982, с. 45–46; Иванов, 2016, с. 38–76]. Принадлежность таких черепов представителям сармато-аланского этноса не вызывает сомнений и подтверждается в том числе и другими элементами, открытыми в захоронениях [Зубарь, 1976, с. 43–44].

Изменения в этническом составе в 80-е гг. IV в. Фундаментальные изменения, связанные со становлением христианства в центрах Империи, затронули и Херсонес. Они повлияли на многие стороны жизни, в том числе и на этническую ситуацию в городе в этот период. «Жития епископов херсонских» указывают, что в 16-й год правления Диоклетиана, (299–300 гг.) епископом Иерусалимским Гермоном (Ермоном) в Херсонес направляется св. Василей. Его проповедь приводит к конфликту, он принимает мученическую смерть. Тексты прямо указывают на причину – насаждение в городе «нового». После смерти св. еп. Василия в город по призыву местных христиан прибывают епископы Евгений, Елпидий и Агафодор, направленные из Иерусалима еп. Гермоном. За свою проповедь они также принимают мученическую смерть [Житие епископов херсонских, 2012, с. 25–26, 32–35, 39–40, 60–61, 82–84]. Христианская община поддерживала контакты с малоазийскими братьями, именно к ним они обратилась за помощью и новым епископом [Житие епископов херсонских, 2012, с. 25–26, 60–61]. Это позволяет предположить, что христианство в городе распространяется в первую очередь среди выходцев из этого региона. Ответом на рост числа христиан были гонения, об их масштабах косвенно свидетельствуют и памятники некрополя [Фомин, 2015, с. 225–232].

Изменения внутривластной (централизация власти в Империи) и внешнеполитической ситуации (появление гуннов) во второй половине IV в. привели к необходимости усилить контроль за ситуацией в Херсонесе как важнейшем центре региона. К этому времени в Империи христианство обретает особую роль, став фактически государственной религией, принимается ряд законов, ограничивающих язычество. Конфликт внутри города приобретает политическое значение. Он обостряется с прибытием в Херсонес св. еп. Еферия (Эферия). Ему традиционно приписывается первая существенная победа и создание первого христианского храма. Епископ известен как участник Второго (Константинопольского) вселенского собора 381 г. [Виноградов, 2010, с. 50–65]. В результате конфликта с язычниками св. Еферий вынужден был обратиться за помощью в столицу, откуда ее и получил [Житие епископов херсонских, 2012, с. 39, 93]. Такая поддержка вполне соотносится с историческим контекстом того времени [Виноградов, 2010, с. 54–58].

Тексты Житий позволяют реконструировать ход событий: «подкрепившись достаточной воинской силой, он изгнал нечестивцев из города, а вместо них вселил принадлежащих к партии Христа» [Житие епископов херсонских, 2012, с. 35]; «И были высланы все неверные из города, лишённые своей собственности, и ушли, рассеянные по земле, как неверные и нечестивые. Вместо этих восставших мужей были поселены благочестивые и правоверные вместе с женами и детьми» [Житие епископов херсонских, 2012, с. 39]; «Христолюбивый царь, послав немедленно приказ и всесильное воинство, вывел из города всех безобразников, буянов и поборников идолопоклонства, а вместо них ввел туда и поселил сознательно принимающих

правую веру и, по евангельской заповеди, ревностно заботящихся о добродетели» [Житие епископов херсонских, 2012, с. 93]. Выслано было «500 мужей» [Житие епископов херсонских, 2012, с. 35, 39].

Исследования А.В. Буйских показали, что город был рассчитан на проживание до 4 000 свободных граждан [Буйских, 2008, с. 137]. Под этим стоит понимать скорее количество семей-оikosов. Высылка 500 «неверных» (стоит понимать семьи-оikosы, что составляло около 12 % населения) коренным образом изменило соотношение сил противников и сторонников христианства. На их место были заселены 500 «верных», среди которых могли быть крещеные сарматы. Это подтверждается увеличением количества сарматских погребений, относящихся к концу IV в. А.В. Иванов демонстрирует, что среди погребений, атрибутированных как христианские, значительный процент составляют обладатели черепов с искусственной деформацией [Иванов, 2016, с. 38–76]. Они распространяются на западном и восточном участках некрополя [Фомин, 2011, с. 51], значительный интерес представляют черепа из склепов, содержащих христианские росписи [Фомин, 2014, с. 338–339; Иванов, 2016, с. 38–76].

События, происходившие в Херсонесе, имеют параллель с позднеантичной Антиохией [Курбатов, 1962, с. 12]. Здесь эллинская муниципальная администрация, стремясь ограничить проникновение в город сирийского населения, противостояла проникновению христианства, которое создавало идеологические предпосылки для уничтожения остатков полисной организации эллинского общества (так же, как и в Херсонесе). По мнению Г.Л. Курбатова, христианство с его проповедью равенства всех уравнивало сирийцев и греков, чем противостояло идеологии муниципальной аристократии, которая поддерживала принципы эллинской и римской исключительности [Курбатов, 1962, с. 12].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что элементом превращения позднеантичного Херсонеса в ранневизантийский Херсон были в том числе и изменения в этническом составе. К III–IV вв. сформировалась малоазийская диаспора, принеся с собой новые погребальные традиции. Влиятельной группой населения города были также выходцы с Дунайских провинций. Они были связаны с римским военным присутствием и могли относиться к военным, представителям администрации, лицам, обслуживавшим военных, или являлись членами их семей. Появляются в городе сарматы. Иногородцы составляли порядка 20–25 % от общего числа жителей. Такое количество мигрантов могло оказывать значительное влияние на многие внутригородские процессы. Все это не могло не вызывать раздражения у коренных жителей Херсонеса. Этот факт может быть одной из причин особенно жесткого сопротивления христианизации, распространявшейся среди приезжих и стиравшей этнические различия и уравнивавшей в правах всех. Подобные процессы известны по другому позднеантичному центру – Антиохии. Изменения политической ситуации в Империи и на ее границах потребовало более жесткой централизации, в которой христианству отводилась значительная роль. Решительные действия со стороны св. еп. Евферия при поддержке центральной администрации привели к высылке из города около 500 граждан (семей) и заселение на их место христиан из числа крещенных сармат. Все это привело к значительной трансформации этнической ситуации в городе в конце IV–V вв.

Список литературы

- Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода. Советская археология. 1: 104–122.
- Айбабин А.И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, Дар, 349.
- Антонова И.А. Яйленко В.И. 1995. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида. Вестник древней истории. 4: 58–86.
- Белов Г.Д. 1955. Итоги раскопок в Херсонесе в 1949–1953 гг. Советская археология. 24: 257–281.

- Белов Г.Д. 1938. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. Севастополь, 352.
- Белов Г.Д. 1940. Херсонесские рельефы. Вестник Древней Истории. 3/4: 266–287.
- Белов Г.Д. 1966. Херсонесские саркофаги. В кн.: Культура античного мира. Москва, Наука: 24–28.
- Буйских А.В. 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. 8, 421.
- Византийские надписи. IOSPE: Древние надписи Северного Причерноморья. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html>
- Виноградов А.Ю. 2010. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. Москва, Университет Дмитрия Пожарского, 224.
- Высотская Т.Н. 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, Наукова думка, 192.
- Дауни Г. 2014. Газа в начале VI века. Белгород. 2014. 112 с. (Downey G. 1963. Gaza in the Early Sixth Century (The Centers of Civilization Series). University of Oklahoma Press, 172).
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макденан Р. Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г. 2013. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. Москва, 520.
- Зиневич Г.П. 1973. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 261.
- Зубар В.М. 1977. Подбійні могили херсонеського некрополя. Археологія. 24: 68–73.
- Зубар В.М. 1976. Про сарматський елемент у пізньоантичному Криму. Археологія. 20: 42–46.
- Зубар В.М., Костромічова Т. І. 1978. Склеп № 20 з некрополя Херсонеса. Археологія. 27: 58–61.
- Зубарь В.М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев, 144.
- Зубарь В.М., Симоненко А.В. 1985. О снаряжении боевых коней первых веков н. э. в Северном Причерноморье. Оружие скифов и сарматов. Киев: 148–156.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б. 1986. Новый склеп II–IV вв. н. э. и некоторые вопросы экономического развития Херсонеса. Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. Киев: 101–130.
- Зубарь В.М. 2004. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 729.
- Иванов А.В. 2016. Население античного Херсонеса Таврического – византийского Херсона по данным антропологии. Севастополь, 349.
- Кадеев В.И. 1981. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 144.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (на материалах Херсонеса). Харьков, 134.
- Курбатов Г.Л. 1962. Ранневизантийский город: Антиохия в IV веке. Ленинград, 284.
- Литовченко А.Н., Фомин М.В., Чекаль А.Г. 2012. Сирийские мотивы в раннехристианском искусстве Херсонеса – Херсона. Сугдейский сборник. Киев–Судак, 5: 142–150.
- Масленников А.А. 1982. Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков н. э. Советская Археология. 1: 33–43.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. 2012. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Наптекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 1. Харьков: Антиквa, 416.
- Назарова Т.А. 1990. К вопросу о физическом типе населения средневекового Херсонеса. (антропологический материал из раскопок часовни в Северном районе города). Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. Киев: 26–31.
- Назарова Т.О. 2002. Населення Херсонеса в I–XIV ст. за антропологічними даними. Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 20.
- Пархоменко М.В., Фомін М.В. 2016. Про час і обставини перебудови синагоги на церкву в Херсонесі. Археологія. 4: 3–13.
- Пятышева Н.В. 1967. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–VI веках н.э. В кн.: Античное общество. Москва., Наука: 183–185.
- Романчук А.И. 2008. Исследования Херсонеса – Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Византийский город. Тюмень: 544.
- Соколова К.Ф. 1959. Антропологический материал из раскопок Херсонеса. Херсонесский сборник. 5: 73–74.

- Соломоник Э.И. 1997. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. В кн: Евреи Крыма: Очерки истории. Симферополь; Иерусалим: 9–23.
- Соломоник Э.И. 1979. К вопросу о населении Херсонеса Таврического. Античная древность и средняя века. 16: 119–125.
- Сорочан С.Б. 2005. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков: 1648.
- Ушаков С.В. 2021. Религиозная ситуация в позднеантичном Херсонесе в IV – середине VII в. (состояние проблемы). Херсонесский сборник. 22: 167–178.
- Фомин М.В. 2015. О культе местночтимых святых в ранневизантийском Херсоне. Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Караїзна. 50: 225–232.
- Фомин М.В. 2011. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков, 290.
- Фомин М.В. 2014. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Тюмень, 6: 299–390.
- Шелов Д.Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. Москва, 350.
- Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 63: 364 с.
- Webster G. 1969. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. London: A. and C. Black, 330.

References

- Ajbabin A.I. 1984 Problems of the Chronology of Crimean Burial Grounds of the Late Roman Period. Soviet archeology, 1: 104–122 (in Russian).
- Ajbabin A.I. 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol', Dar, 349.
- Antonova I.A. Yailenko V.I. 1995. Chersonesos, the Northern Black Sea Region and the Marcomannic Wars According to the Date Chersonesos Decree of 174 A.D. in Honor of Titus Aurelius Calpurnianus Apollonides. The Journal of Ancient History. 4: 58–86 (in Russian).
- Belov G.D. 1955. Results of Excavations in Chersonesos in 1949–1953. Soviet Archeology, 24: 257–281 (in Russian).
- Belov G.D. 1938. Otchet o raskopkah Hersonesa za 1935–36 gg. [Report on the Excavations of Chersonesos for 1935–36]. Sevastopol', 352.
- Belov G.D. 1940. Chersonesus Reliefs. Vestnik drevnej istorii, 3/4: 266–287 (in Russian).
- Belov G.D. 1966. Chersonesos sarcophagus. In: Kul'tura antichnogo mira. Moscow, Nauka: 24–28 (in Russian).
- Bujskih A.V. 2008 Prostranstvennoe razvitie Hersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epohu [Spatial Development of Tauric Chersonesos in the Ancient Era]. Simferopol', 8. 421.
- Byzantine Inscriptions. IOSPE. Inscriptions of the Northern Black Sea. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/5/toc-ru.html>.
- Vinogradov A.Y. 2010 «Minovala uzhe zima yazycheskogo bezumiya...» Cerkov' i cerkvi Hersona v IV veke po dannym literaturnyh istochnikov i epigrafiki [“The winter of pagan madness has already passed...” The Church and Churches of Kherson in the 4th Century According to Literary Sources and Epigraphy]. Moscow, 224.
- Vysotskaya T.N. 1972. Pozdnie skify v Yugo-Zapadnom Krymu [Late Scythians in Southwestern Crimea]. Kiev, Naukova dumka. 192.
- Downey G. 2014 Gaza v nachale VI veka [Gaza in the Early Sixth Century]. Belgorod, 112. (Downey G. 1963. Gaza in the early sixth century (The Centers of Civilization Series). University of Oklahoma Press, 172.).
- Zolotarev M.I., Korobkov D.Y., Ushakov C.V., McLennan R., Overman A., Oliv'e Dzh., Edvards D., Linstrom G., 2013. Drevnyaya sinagoga v Hersonese Tavricheskom: materialy i issledovaniya Prichernomorskogo Proekta 1994–1998 gg. [Ancient Synagogue in Tauric Chersonesos: Materials and Research of the Black Sea Project 1994–1998]. Moscow, 520.
- Zinevich G.P. 1973. Antropologicheskie materialy srednevekovykh mogil'nikov Yugo Zapadnogo Kryma [Anthropological Materials from Medieval Burial Grounds in Southwestern Crimea]. Kiev.
- Zubar V.M. 1977. Undercut Graves of the Chersonesus necropolis. Arheologiya. 24: 68–73 (in Ukrainian).
- Zubar V.M. 1976. About the Sarmatian Element in Late Antique Crimea. Arheologiya, 20. 42–46 (in Ukrainian).

- Zubar V.M., Kostromichova T.I. 1978. Crypt No. 20 from the Necropolis of Chersonesos. *Arheologiya*. 27: 58–61 (in Ukrainian).
- Zubar' V.M. 1982. Nekropol' Hersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e. [Necropolis of Tauric Chersonesos 1st–4th Centuries A.D.]. Kiev, 144.
- Zubar' V.M., Simonenko A.V. 1985. About the Equipment of War Horses of the First Centuries A.D. in the Northern Black Sea Region. In: *Oruzhie skifov i sarmatov* [Weapons of the Scythians and Sarmatians]. Kiev: 148–156 (in Russian).
- Zubar' V.M., Sorochan S.B. 1986. New Crypt of the 2th–4th Centuries A.D. and Some Issues of Economic Development of Chersonesos. In: *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya v pervye veka n. e.* [Ancient Culture of the Northern Black Sea Region in the First Centuries A.D.]. Kiev: 101–130 (in Russian).
- Zubar V.M. 2004. Hersones Tavricheskij v seredine I v. do n. e. – VI v. n. e. *Ocherki istorii i kul'tury*. [Chersonesos Taurica in the Middle of the 1st Century B.C. – 6th Century A.D. Essays on History and Culture]. Kharkov: 729.
- Ivanov A.V. 2016. Naselenie antichnogo Hersonesa Tavrichesskogo – vizantijskogo Hersona po dannym antropologii [The Population of Ancient Tauric Chersonesos – Byzantine Cherson According to Anthropological Data]. *Sevastopol'*, 349.
- Kadeev V.I. 1981. Hersones Tavricheskij v pervyh vekah nashej ery [Tauric Chersonesos in the First Centuries A.D.]. Kharkov, 144.
- Kadeev V.I., Sorochan S.B. 1989. Ekonomicheskie svyazi antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (po materialam Hersonesa) [Economic Relations of Ancient Cities of the Northern Black Sea Region (Based on Materials from Chersonesos)]. Kharkov: 134.
- Kurbatov G.L. 1962. Rannevizantijskij gorod: Antiohiya v IV veke [Early Byzantine City: Antioch in the 4th Century]. Leningrad: 284.
- Litovchenko A.N., Fomin M.V., Chekal' A.G. 2012. Syrian Motifs in Early Christian Art of Chersonesos – Cherson. *Sugdejskij sbornik*. Kiev – Sudak, 5: 142–150 (in Russian).
- Maslennikov A.A. 1982. Some Features of the Necropolises of the Cities of the European Bosphorus of the First Centuries A.D. *Sovetskaya arheologiya*, 1: 33–43 (in Russian).
- Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Sargsyan T.E., Sorochan S.B., Shaposhnikov A.K. 2012. Zhitiya episkopov Hersonskih v kontekste istorii Hersonesa Tavricheskogo [Lives of the Bishops of Kherson in the Context of the History of Tauric Chersonesos]. *Narteks. Byzantina Ukrainensis*, Kharkov, Antikva, 1: 416.
- Nazarova T.A. 1990. On the Issue of the Physical Type of the Population of Medieval Chersonesos (Anthropological Material from Excavations of a Chapel in the Northern District of the City). In: *Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov Yugo-Zapadnogo Kryma* [Anthropological Materials from Burial Grounds of South-Western Crimea]. Kiev: 26–31 (in Russian).
- Nazarova T.O. 2002. Naselennya Hersonesa v I–XIV st. za antropologichnymi danimi [Population of Chersonesos in I–XIV Centuries]. Abstract. dis. cand. hist. sciences. Kiev, 20 (in Ukrainian).
- Parhomenko M.V., Fomin M.V. 2016. About the Time and Circumstances Rebuilding of the Synagogue into the Church in Chersonesos. *Arheologiya*, 4: 3–13 (in Ukrainian).
- Pyatysheva N.V. 1967. To the Issue of the Ethnic Composition of the Population of Chersonesos in the 1th – 6th Centuries A.D. In: *Antichnoe obshchestvo*. [Ancient Society]. Moscow, Nauka: 183–185 (in Russian).
- Romanchuk A.I. 2007. Issledovaniya Hersonesa – Hersona: Raskopki. Gipotezy. Problemy: Vizantijskij gorod. [Research of Chersonesos – Cherson: Excavations. Hypotheses. Problems: Byzantine city]. Tyumen: 544.
- Sokolova K.F. 1959. Anthropological Material from Excavations of Chersonesos. *Chersonesos Collection*. Sevastopol', 5: 73–74 (in Russian).
- Solomonik E.I. 1997. Drevnejshie evrejskie poseleniya i obshchiny v Krymu. In: *Evrei Kryma: Ocherki istorii*. [Jews of Crimea: Essays of History]. Simferopol'; Ierusalim: 9–23.
- Solomonik E.I. 1979. On the Issue of Population of Tauric Chersonesos. *Ancient Antiquity and the Middle Ages*. 16: 119–125 (in Russian).
- Sorochan S.B. 2005. Vizantijskij Herson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.). *Ocherki istorii i kul'tury* [Byzantine Chersonesos (Second Half of the 6th – First Half of the 10th Centuries). Essays of History and Culture]. Kharkov: 1648.
- Ushakov S.V. 2021. The Religious Situation in Late Antique Chersonesos in the 4th – mid-7th Centuries (State of the Problem). *Chersonesos Collection*. Sevastopol', 22: 167–178 (in Russian).
- Fomin M.V. 2015. About the Cult of Locally Revered Saints in Early Byzantine Cherson. *Bulletin of V.N. Karaizn Kharkiv National University*. Kharkov, 50: 225–232 (in Russian).

- Fomin M.V. 2011. Pogrebal'naya tradiciya i obryad v vizantijskom Hersone (IV–X vv.) [Funeral Tradition and Rite in Byzantine Chersonesos (4th – 10th Centuries)]. Kharkov: 290.
- Fomin M.V. 2014 Early Christian Painting of Late Antique Chersonesos. Materials on the Archeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Tyumen, 6: 299–390 (in Russian).
- Shelov D.B. 1972. Tanais i Nizhnij Don v pervye veka n. e. [Tanais and the Lower Don in the First Centuries A.D.] Moscow.
- Yakobson A.L. 1959. Rannesrednevekovyj Hersones. Ocherki istorii material'noj kul'tury [Early Medieval Chersonesos. Essays on the History of Material Culture]. Materials and Research on Archeology of the USSR. Moscow, Leningrad 63: 364.
- Webster G. 1969. The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. London: A. and C. Black: 330.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.03.2025

Received 13.03.2025

Поступила после рецензирования 12.05.2025

Revised 12.05.2025

Принята к публикации 14.05.2025

Accepted 14.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фомин Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура», Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Mikhail V. Fomin, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of General History and World Culture, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4092-2950](https://orcid.org/0000-0003-4092-2950)

УДК 94 (495)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-316-321

EDN AZUWMD

Оригинальное исследование

Роль Кипрской церкви в религиозной политике императора Ираклия

Лихошерстов В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
Севастопольский государственный университет,
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: Likhosherstov999@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и участию епископов церкви Кипра в религиозной политике византийского императора Ираклия (610–641 гг.). В условиях сложной внутривластной ситуации, связанной со свержением императора Фоки и внешней угрозы со стороны Сасанидского Ирана, Кипрская церковь, которая до данного момента почти не была задействована в богословских спорах и конфликтах, стала важным инструментом правительства нового императора по проведению своей церковной политики в отношении монофиситов. Её виднейшие представители из-за своего влияния и авторитетного положения автокефальной церкви были привлечены как посредники в решении достаточно важных и трудных ситуаций, с которыми столкнулся Ираклий.

Ключевые слова: поздняя Античность, ранняя Византия, Кипр, монофиситы, император Ираклий

Для цитирования: Лихошерстов В.А. 2025. Роль Кипрской церкви в религиозной политике императора Ираклия. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 316–321. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-316-321. EDN: AZUWMD

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Role of the Church of Cyprus in the Religious Policy of Emperor Heraclius

Vyacheslav A. Likhosherstov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia;
Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia
E-mail: Likhosherstov999@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role and participation of the bishops of the Church of Cyprus in the religious policy conducted by the Byzantine Emperor Heraclius (610–641 A.D.). In the context of the difficult internal political situation associated with the overthrow of Emperor Phokas and the external threat from Sassanid Iran, the Church of Cyprus, which had almost been disinvolved in theological disputes and conflicts until that moment, became an important instrument of the new emperor's government in carrying out its ecclesiastical policy towards the Monophysites. The Church of Cyprus, with its long-standing tradition of autonomy and neutrality in theological disputes, provided a unique platform for Heraclius to implement his religious policies. The bishops of this church, particularly notable figures such as John the Merciful and Arcadius II, were highly respected and held significant influence. Their involvement as intermediaries was crucial in addressing the complex and challenging situations Heraclius faced during his reign. The article highlights how the Church of

Cyprus and its bishops were strategically utilized by Emperor Heraclius to navigate the intricate religious landscape of the Byzantine Empire. Their involvement as intermediaries was key to resolving significant theological disputes and ensuring the stability of the empire during a period of internal and external challenges.

Keywords: late Antiquity, early Byzantium, Cyprus, Monophysites, Emperor Heraclius

For citation: Likhosherstov V.A. 2025. The Role of the Church of Cyprus in the Religious Policy of Emperor Heraclius. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 316–321 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-316-321. EDN: AZUWMD

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Религиозная политика императора Ираклия являлась последней попыткой в рамках ранневизантийского периода примирения враждующих сторонников и противников Халкидонского Собора 451 года. Она значительно отличалась от мероприятий, проводимых предшественниками нового императора, по целому ряду параметров. В рамках попыток решения такой непростой задачи Ираклию понадобились посредники для осуществления его политики, которыми явились иерархи Кипра.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является участие представителей церкви Кипра в религиозной политике императора Ираклия. В качестве основных методов были использованы контент-анализ (для работы с письменными источниками), сравнительно-исторический и просопографический методы.

Результаты и их обсуждение

Остров Кипр с начала VII века начинает играть важную роль в функционировании экономики империи [Cosentio, 2013, p. 95–96]. Вырос вес острова и в религиозной сфере. Именно в таком контексте Ираклий привлёк к решению сложных религиозных вопросов епископов Кипра в рамках выстраиваемой им религиозной политики в отношении монофиситов.

Участие киприотов в церковных делах свелось фактически к деятельности двух виднейших представителей этой церковной организации в VII в. – монаха Иоанна (который станет патриархом Александрии) и архиепископа Аркадия II. Именно они были задействованы на разных этапах решения церковных вопросов Ираклием.

Будущий патриарх Иоанн Милостивый являлся уроженцем Амафунта – древнего и одного из самых важных городов Кипра. Основными источниками по его биографии служат два жития, написанные Леонтием Неаполитанским (Leont. Neap. Vit.) и анонимным автором (Anon. Vit.). Он являлся сыном архонта острова [Pattenden, 1982, p. 192]. Потеряв свою супругу и детей, Иоанн стал свидетелем чуда, после которого принимает постриг, параллельно занимаясь благотворительностью (Anon. Vit. 3). Данная черта деятельности Иоанна на Кипре отмечена Софронием Иерусалимским (AG. 360).

Собственно говоря, масштабный эвергетизм и станет главным занятием Иоанна на посту патриарха (610–619 гг.) в Египте. Необходимо отметить, что новому императору пришлось столкнуться с очень важным вопросом в подборе кандидатуры на данный пост. Египет был стратегически важным регионом для полноценного функционирования государства, особенно учитывая проходящую на фоне войну с персами. При всём этом он обладал целым рядом уникальных особенностей [Винкельман, 1986, с. 76]. Папы Александрийские играли огромную роль в Восточном Средиземноморье, а их прерогативы в Египте были также колоссальными. Можно вспомнить весьма распространённую характеристику о «фараоновом» масштабе патриаршей власти в Александрии.

Особенностью политики Ираклия в отношении Египта можно назвать назначение им доверенных лиц на патриарший престол, которые были связаны личной верностью к императору (как это будет в дальнейшем с Кирием Фасисским) в кризисные моменты.

Данный подход начинается именно с Иоанна. Личное знакомство императора и Иоанна, по всей видимости, не состоялось, т. к. на раннем этапе восстания против узурпатора Фоки Ираклий физически не мог посетить Кипр. В пользу этого говорит реконструкция его маршрута из Карфагена в Константинополь, которую провёл У. Кэги [Kaegi, 2003, p. 45–46].

Кипр перешёл под власть восставших около 608 или 609 года, когда на нём стали чеканить монеты с именем консула Ираклия [Woods, 2016, p. 86].

Именно гражданские способности Иоанна и привлекли к себе внимание новых властей. Будучи, по всей видимости, достаточно известным человеком на Кипре из-за своего знатного происхождения и эвергетизма, он смог приблизиться к дуксу Никите, который приходился двоюродным братом Ираклию (Theoph. Chron. A.M. 6100). Никита сделал его крёстным отцом своих детей и ритуальным братом. Особенности данных процедур и их отражения в источниках подробно описаны К. Рапп, которая выдвигает версию, идущую вразрез с житийной информацией о пути Иоанна к посту патриарха, говоря о том, что он являлся близким другом двоюродного брата императора Никиты или даже более широкого окружения Ираклия [Rapp, 2004, p. 124, 132–134].

Житие сообщает нам, что Иоанн после своего подвижничества на Кипре стал патриархом Александрии (Anon. Vit. IV). В продолжение мысли К. Рапп можно добавить, что достаточно сомнительным выглядит факт добровольного избрания александрийцами «чужака» на пост патриарха. Учитывая данную особенность Александрии, действительно, логичным может являться факт прямого назначения Иоанна самим Ираклием, особенно в совокупности с участием Никиты в стабилизации ситуации на территории Египта и вакантностью престола Александрии (Chron. Pas. 347. p. 699).

Иоанн сразу же начал проводить активную политику на своём новом посту. Несмотря на его халкидонизм, можно сказать, что его действия были весьма многогранными. В частности, он пресекает распространение монофиситского дополнения к Трисвятому и увеличивает число халкидонитских церквей в Александрии (Leont. Neap. Vit. XXI) (Anon. Vit. IV). Также патриарх, по всей видимости, покровительствовал евкратидам Иоанну Мосху и Софронию [Chadwick, 1974, p. 59], которые стали его помощниками (Leont. Neap. Vit. VI, XVI, XXXIII, XXXVII). Впрочем, их участие в политике патриарха является отдельной темой для изучения.

Несмотря на подобные действия, Иоанн избегает открытого противостояния с антихалкидонитами. В «Истории патриархов», написанной с монофиситской точки зрения, отмечена только конфронтация с его предшественником Евлогием (Hist. Patr. II. 14). По всей видимости, Иоанн пользовался определённым авторитетом у своих противников, в связи с чем Масперо отметил присутствие Иоанна в диптихах монофиситов феодосиан [Maspero, 1923, p. 328].

Таким образом, можно предположить, что это и было его главным заданием от императора – поддержание религиозного мира между враждующими церквями. Скорее всего, именно в этот период Ираклий обсуждает с Сергием в столице моноэнергизм.

В связи с этим можно объяснить молчание источников по поводу реакции или возможной роли Иоанна в яковитской унии 616 года, заключенной в Александрии (Hist. Patr. II. 14; Mich. Syr. Chron. 10. 26). Однако в изложении Максима Исповедника Иоанн предстаёт борцом с зарождающимся моноэнергизмом. Перехватив письмо Георгия Арсинояского к патриарху Сергию, он задумал низложить его (Max. Conf. Disp. cum Pyr. 332–333). Развитию данного сюжета помешало персидское нашествие и эвакуация провинциальной администрации на Кипр (Theoph. Chron. A.M. 6106).

Следующий видный иерарх, задействованный в церковной политике Ираклия, – это Аркадий II. Архиепископ был избран в 625 году, как установлено И. Содини, основываясь на данных эпиграфики Кипра [Sodini, 1998, p. 629].

Архиепископ Аркадий контактировал с Ираклием на всём протяжении своей службы, по всей видимости, не только в области церковной политики императора [Metcalf, 2009, p. 385–387]. Аркадия также можно назвать посредником, при помощи которого Ираклий решает церковные задачи.

Благодаря его содействию Кипр используется как место для ссылки неугодных антихалкидонитов, которые находятся под пристальным присмотром архиепископа. Первым из таких оказался видный представитель монофиситов Павел Одноглазый (Serg. ep. Honor.; Max. Conf. Disp. cum Pyr. 332), который после собеседования с Ираклием подвергся такому наказанию [Болотов, 1918, с. 451–452; Van Dieten, 1972, p. 23].

Однако со стороны халкидонитов Аркадий столкнулся с определёнными трудностями. Речь идёт о письме Софрония, в котором он требует от Аркадия запрета на распространения уже упомянутой ранее формулы Трисвятого на Кипре [Albert, Schönborn, 1975, p. 177]. Учитывая факт обитания на острове представителей монофиситов, действительно, такая проблема могла возникнуть.

По всей видимости, именно Аркадий для решения этого вопроса созывает Кипрский собор, информация о котором нам известна из сочинения Григория Решайнского (Geo. Res.), изданного С. Брокком [Brock, 1973].

«Сирийская жизнь», выполненная в жанре псогоса и нацеленная на критику Максима Исповедника и его богословия, по мнению издателя, содержит явные анахронизмы, т. к. источник составлен уже после становления Максима как одного из предводителей сформированной диофилитской церковной партии, поэтому под его «учением» стоит понимать действия Софрония [Brock, 1973, p. 342].

Необходимо отметить, что, согласно псогосу, Аркадий являлся руководителем всего мероприятия из-за отсутствия на нём самого императора, который, скорее всего, был занят вопросами начавшихся арабских завоеваний. Именно архиепископ приглашает Софрония явиться вместе с представителями всех существующих патриархатов, кроме Антиохийского (Geo. Res. 10). Это подчёркивает организаторские и коммуникативные способности Аркадия.

К сожалению, на данный момент невозможно датировать и локализовать место проведения собора, т. к. об этом нет никакой информации у Григория Решайнского. Так, С. Брок предлагает 634 год, связывая проведение собора и вступление Софрония на пост патриарха [Brock, 1973, p. 325]. В качестве места можно предположить, что это была Констанция (бывший Саламин), изначальная епископия и родной город Аркадия, который являлся одним из важных городов острова, также там располагались самые значимые храмы Кипра [Болгов, Шелудченко, 2022, с. 540, 545–548].

Остров становился прекрасной нейтральной площадкой для подобного мероприятия. Кипрская церковь была автокефальной, считалась Апостольским престолом [Rapp, 2014, p. 33] и являлась мощным агиографическим центром [Rapp, 2015, p. 400], что придавало её участию дополнительный авторитет.

По ходу Кипрского собора именно Аркадий подвергает критике Софрония Иерусалимского (Geo. Res. 13), т. е. отстаивает достижения по примирению церквей, которого добился Ираклий благодаря своим действиям в Армении, Сирии и Египте. По результатам собора было издан некий эдикт Ираклия, в котором император осуждает учение Софрония. При всём этом остаётся неясным, какой документ под этим подразумевается – «Псефос» или «Эктесис» [Brock, 1973, p. 323–324].

Заключение

Таким образом, основываясь на исследованном материале, можно сделать вывод, что Кипрская церковь и её епископы в лице видных местных представителей VII века Иоанна Милостивого и Аркадия II играли важную роль как посредники на основных этапах религиозной политики Ираклия. Именно это позволило императору эффективно урегулировать целый ряд

спорных ситуаций в различные моменты воплощения своих примирительных проектов. Расчет и ставка Ираклия были сделаны на общепризнанный авторитет и признание указанных иерархов в глазах халкидонского и яковитского епископата. Также особый почётный статус автокефальной церкви Кипра в контексте её неучастия в активных фазах богословских споров с антихалкидонитами позволил ей выступить в качестве нейтральной площадки для решения религиозных разногласий, подрывавших единство империи.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Болгову Н.Н. и участникам научного направления «Классическая и византийская традиция».

Список литературы

- Болгов Н.Н. 2022. Саламин Кипрский: история и топография в римское и ранневизантийское время. В: *Via et tempore. История. Политология*. Т. 49(3). Белгород: 535–555.
- Болотов В.В. 1918. Лекции по истории древней церкви. Т. 4. Петроград, Третья государственная типография, 600.
- Винкельман Ф. 1986. Положение Египта в Восточноримской (Византийской) империи. В: *Византийский временник*. Т. 46. Москва: 75–87.
- Albert M., Schönborn C. 1978. Lettre de Sophrone de Jerusalem a Arcadius de Chypre. In: *Patrologia Orientalis*. Т. 39(2). Paris, 86.
- Brock S. 1973. An Early Syriac Life of Maximus the Confessor. (3–4). Bruxelles: 299–346.
- Chadwick H. 1974. John Moschus and his Friend Sophronius the Sophist. In: *Journal of Theological Studies*. № 25. Oxford: 41–74.
- Cosentino S. 2013. A Longer Antiquity? Cyprus, Insularity and the Economic Transition. In: *Cahiers du Centre d'Études Chypriotes*. № 43. Lyon: 93–102.
- Delehay H. 1927. Une vie inédite de Saint Jean Laumonier. In: *Analecta Bollandiana*. Т. 45, 74.
- Kaegi W. 2003. Heraclius Emperor of Byzantium. Cambridge, Cambridge University Press, 359.
- Maspero J. 1923. Histoire des patriarches d'Alexandrie: depuis la mort de l'empereur Anatase jusqu'à la réconciliation des églises jacobites (518–616). Paris, Librairie Ancienne Eduard Champion, 393.
- Metcalf D.M. 2009. Byzantine Cyprus 491–1191. Nicosia, Theopress LTD, 656.
- Paton W.R. 1917. The Greek Anthology. London, Published by W. Heinemann, 517.
- Pattenden P. 1982. Who Was the Father of St. John the Almoner? In: *Journal of Theological Studies*. № 33. Oxford: 191–194.
- Rapp C. 2004. All in the Family: John the Almsgiver, Nicetas and Heraclius. In: *Nea Roma*. № 1. Roma: 121–134.
- Rapp C. 2014. Christianity in Cyprus in the Fourth to Seventh Centuries: Chronological and Geographical Frameworks. In: Stewart C.A., Davis T.A., Carr A.W. *Cyprus and the Balance of Empires: Art and Archaeology from Justinian I to the Coeur de Lion*. Boston, American schools of Oriental research: 29–38.
- Rapp C. 2015. Cypriot Hagiography in the Seventh Century: Patrons and Purpose. In: ΓΙΑΚΟΥ Θ., ΝΑΣΣΙΣ Σ. *ΚΥΠΡΙΑΚΗ ΑΓΙΟΛΟΓΙΑ. Παραλήμνη, Ιερά Μητροπολις Κωνσταντίας*: 397–411.
- Sodini J.P. 1998. Les inscriptions de l'aqueduc de Kythrea à Salamine de Chypre. In: *Eupsychia: Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler*. Paris: 619–633.
- Van Dieten J.L. 1972. Geschichte der Patriarchen von Sergios I. bis Johannes VI (610–715). Amsterdam, Verlag Adolf M. Hakkert, 241.
- Woods D. 2016. Reading the Consular Solidi of the Revolt of the Heraclii, 608–610. In: *Schweizerische numismatische Rundschau*. № 95. Bern: 83–96.

References

- Bolgov N.N. 2022. Salamin Kiprskij: istoriya i topografiya v rimskoe i rannevizantijskoe vremya [Salamis of Cyprus: History and Topography in Roman and Early Byzantine Times]. *Via et tempore. History. Political science*. Т. 49(3). Belgorod: 535–555.
- Bolotov V.V. 1918. Lekcii po istorii drevnej cerkvi [Lectures on the History of the Ancient Church]. Т. 4. Petrograd, Tret'ya gosudarstvennaya tipografiya, 600.

- Vinkel'man F. 1986. Polozhenie Egipta v Vostochnorimskoj (Vizantijskoj) imperii [The Position of Egypt in the Eastern Roman (Byzantine) Empire]. *Vizantijskij vremennik* [Byzantine Timetable]. T. 46. Moskva: 75–87.
- Albert M., Schönborn C. 1978. Lettre de Sophrone de Jerusalem a Arcadius de Chypre. In: *Patrologia Orientalis*. T. 39(2). Paris, 86.
- Brock S. 1973. An Early Syriac Life of Maximus the Confessor. (3–4). Bruxelles: 299–346.
- Chadwick H. 1974. John Moschus and his Friend Sophronius the Sophist. In: *Journal of Theological Studies*. № 25. Oxford: 41–74.
- Cosentio S. 2013. A Longer Antiquity? Cyprus, Insularity and the Economic Transition. In: *Cahiers du Centre d'Études Chypriotes*. № 43. Lyon: 93–102.
- Delehaye H. 1927. Une vie inédite de Saint Jean Laumonier. In: *Analecta Bollandiana*. T. 45, 74.
- Kaegi W. 2003. *Heraclius Emperor of Byzantium*. Cambridge, Cambridge University Press, 359.
- Maspero J. 1923. Histoire des patriarches d'Alexandrie: depuis la mort de l'empereur Anatase jusqu'à la réconciliation des églises jacobites (518–616). Paris, Librairie Ancienne Edouard Champion, 393.
- Metcalf D.M. 2009. *Byzantine Cyprus 491–1191*. Nicosia, Theopress LTD, 656.
- Paton W.R. 1917. *The Greek Anthology*. London, Published by W. Heinemann, 517.
- Pattenden P. 1982. Who Was the Father of St. John the Almoner? In: *Journal of Theological Studies*. № 33. Oxford: 191–194.
- Rapp C. 2004. All in the Family: John the Almsgiver, Nicetas and Heraclius. In: *Nea Roma*. № 1. Roma: 121–134.
- Rapp C. 2014. Christianity in Cyprus in the Fourth to Seventh Centuries: Chronological and Geographical Frameworks. In: Stewart C.A., Davis T.A., Carr A.W. *Cyprus and the Balance of Empires: Art and Archaeology from Justinian I to the Coeur de Lion*. Boston, American schools of Oriental research: 29–38.
- Rapp C. 2015. Cypriot Hagiography in the Seventh Century: Patrons and Purpose. In: Γιάκου Θ., Νάσις Σ. *ΚΥΠΡΙΑΚΗ ΑΓΙΟΛΟΓΙΑ. Παραμυνη, Ιερά Μητρόπολις Κωνσταντίας*: 397–411.
- Sodini J.P. 1998. Les inscriptions de l'aqueduc de Kythrea à Salamine de Chypre. In: *Eupsychia: Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler*. Paris: 619–633.
- Van Dieten J.L. 1972. *Geschichte der Patriarchen von Sergios I. bis Johannes VI (610–715)*. Amsterdam, Verlag Adolf M. Hakkert, 241.
- Woods D. 2016. Reading the Consular Solidi of the Revolt of the Heraclii, 608–610. In: *Schweizerische numismatische Rundschau*. № 95. Bern: 83–96.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.04.2025

Поступила после рецензирования 29.05.2025

Принята к публикации 31.05.2025

Received 03.04.2025

Revised 29.05.2025

Accepted 31.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лихошерстов Вячеслав Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород; младший научный сотрудник НИО истории византийской Церкви и восточного христианства, НИИ истории и археологии Византии и Причерноморья, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

[ORCID: 0000-0002-8187-9904](https://orcid.org/0000-0002-8187-9904)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav A. Likhosherstov, Postgraduate Student, Department of General History, Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; Junior Research Assistant, Research Department of the History of the Byzantine Church and Eastern Christianity, Research Institute of the History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

УДК 94(510).07=161.1(051)"654"(510)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-322-340
EDN BPIJCL
Оригинальное исследование

Военная униформа в империи Цин по письменным, иконографическим и вещественным источникам (до введения униформы европейского образца)³

Пастухов А.М.

Новосибирский государственный университет,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1
E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возникновения и развития военной униформы в империи Цин до введения униформы европейского образца в начале XX в. На основании комплексного анализа письменных, иконографических и вещественных источников рассматривается история возникновения и развития военной униформы в империи Цин. Прослежено возникновение первых предпосылок для создания униформы на основе унифицированных предметов защитного вооружения («панцирная униформа»), отмечен этап начала перехода от «панцирной униформы» к униформе обычного типа, а также приведены данные нормативных документов, регламентирующих униформу имперских военнослужащих. При этом ряд письменных источников по данному вопросу впервые вводится в научный оборот. На основании реально сохранившихся образцов униформы из музейных и частных собраний, а также иконографических источников продемонстрированы знаки различия и обозначения военной специальности. Данные по материалу, покрою и расцветке предметов униформы, а также особенности традиционных знаков различия сведены в таблицы, облегчающие пользование материалом для исследователей. На данный момент статья является первой в отечественной историографии работой, дающей основные этапы формирования военной униформы в Китае Нового времени.

Ключевые слова: униформа, доспехи, империя Цин, военный устав, маньчжурская династия, Китай, военный костюм, панцирная униформа

Для цитирования: Пастухов А.М. 2025. Военная униформа в империи Цин по письменным, иконографическим и вещественным источникам (до введения униформы европейского образца). *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 322–340. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-322-340. EDN: BPIJCL

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Military Uniform in Qing Empire according to the Written, Iconographic and Material Sources (before Adoption of the European Style Military Uniform)

Alexey M. Pastukhov

Novosibirsk State University,
1 Pirogov St., Novosibirsk 630090, Russia
E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

Abstract. The article deals with the history of the emergence and development of military uniforms in the Qing Empire before the introduction of European-style military uniforms in the early 20th century. The study is based on

© Пастухов А.М., 2025

³ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

a comprehensive analysis of written, iconographic, and material sources. The author traces the emergence of the first prerequisites for the creation of a uniform based on unified items of protective weapons (“armoured uniform”), singles out the stage when the transition from the “armoured uniform” to the uniform of the usual type began, and provides data from normative documents regulating the uniform of imperial military personnel. Some of the written sources on this issue are introduced into scientific circulation for the first time. On the basis of actually preserved samples of uniforms from museum and private collections, as well as iconographic sources, the insignia and designations of the military specialty are shown. Data on the material, cut and colour of uniform items, as well as the features of traditional insignia are summarized in tables that facilitate the use of the material for researchers. At the moment, this article is the first paper in Russian historiography that describes the main stages in the development of military uniforms in Early Modern and Modern China.

Keywords: uniform, armour, Qing empire, military regulations, Manchu dynasty, China, military costume, armour uniform

For citation: Pastukhov A.M. 2025. Military Uniform in Qing Empire according to the Written, Iconographic and Material Sources (before Adoption of the European Style Military Uniform). *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 322–340 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-322-340. EDN: BPJPCL

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Постоянно развитие военной истории в постсоветской исторической науке вызывает закономерное расширение сферы интересов исследователей в отношении тех регионов и периодов, которые ранее практически не были изучены.

Одним из таких регионов являются страны материкового Дальнего Востока (Китай, Корея) и Центральной Азии (Монголия, а также территории, вошедшие в состав Китая). В отношении военной истории Китая в отечественной историографии бытовала оценка, которую наиболее коротко и емко можно охарактеризовать фразой «слабая, но агрессивная Цинская империя», что автоматически снижало интерес исследователей к данному вопросу.

Однако под подобным отношением вряд ли можно обнаружить достаточно серьезный научный фундамент – скорее в данном случае играют роль как сравнительно недавние советско-китайские противоречия 1960–1980-х гг., так и общий фон последних 200 лет истории Китая, когда страна в течение длительного времени находилась в состоянии глубокого кризиса и боевая практика ее вооруженных сил, несмотря на мужество воинов, была далеко не блестящей.

К историографии вопроса. Объект и методы исследования

В последнее время ситуация в этом вопросе стала меняться в лучшую сторону – стали появляться пока еще немногочисленные научные публикации, в которых военная история Китая рассматривается не с позиций историографии, а основывается на вводе в научный оборот сведений не использовавшихся ранее первоисточников и их всестороннем анализе.

Одним из проблемных вопросов в отношении военной истории Китая в период Цин (1636–1912) ⁴ является вопрос униформы вооруженных сил империи на разных этапах ее

⁴ В данном случае мы настаиваем на правильных датах правления маньчжурской династии – империя Цин была провозглашена *богдоханом* Хуантайцзи (1592–1643) в Мукдене 5 мая 1636 г., а отречение от престола последнего *богдохана*-младенца Пуи (溥儀, 1906–1967), правившего под девизом Сюаньтун (宣統, 1909–1912) произошло 12 февраля 1912 г. Традиционно указываемые даты 1644–1911 гг. являются ошибочными – в 1644 г. маньчжуры начали править в собственно Китае, заняв Пекин, а в октябре 1911 г. только лишь началась Синьхайская революция, которая завершилась низложением маньчжурской династии лишь в феврале 1912 г. Кроме того, следует отметить, что устоявшееся наименование «династия Цин» не соответствует реалиям – как и в случае с другими империями, существовавшими в Китае, слово «Цин» являлось наименованием государственного образования – Да Цин диго/го (Великая империя/государство Цин), а династия (правящий род) именовалась Айсинь Гиоро (愛新覺羅). При этом принятый Хуантайцзи монгольский титул *богдохан* был равен императорскому китайскому титулу, и поэтому может быть взаимозаменяем с ним в тексте с целью достижения стилистического разнообразия.

существования – отечественная историография по данному вопросу до начала XXI века очень коротка – это статья Р.Ф. Итса и Г.А. Гловацкого «Парадный костюм китайского генерала из собрания кунсткамеры (к истории китайской армии XVIII–XIX вв.)», увидевшая свет в 1957 г., и диссертация С.И. Мшанецкого «Эволюция военного костюма стран Восточной Азии в контексте их исторического развития, XVII–XX вв.», где есть раздел, посвященный формированию военной униформы в период Цин, защищенная автором в 2000 г. Некоторые вопросы китайского военного костюма в той или иной степени были затронуты и в работе Л.П. Сычёва и В.Л. Сычёва «Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве» (1975), а также книге болгарского художника и исследователя К.К. Стамерова «Нариси з історії костюмів», вышедшей в 1978 г. в Киеве на украинском языке⁵.

К сожалению, в силу объективных причин в данных исследованиях тема цинской военной униформы разобрана недостаточно подробно.

Из новейших специализированных работ можно выделить статьи Л.А. Боброва, Ю.С. Худякова, С.П. Орленко, В.П. Зайцева и др. (Бобров, Худяков, 2003; Бобров, Пастухов, 2015; Бобров, Пастухов, Белоусова, 2015; Бобров, 2016; Бобров и др., 2017; Бобров, 2021). Основным объектом данных научных исследований является защитное вооружение воинов чжурчжэньского государства Хоу Цзинь (1616–1636) и Цинской империи XVII – середины XVIII вв. Что касается собственно цинской военной униформы, то данная проблематика вплоть до недавнего времени еще не привлекала должного внимания исследователей. Отсюда вытекает и цель данной работы – обобщить имеющиеся в нашем распоряжении сведения об униформе цинской армии, ее возникновении и последующей эволюции до введения униформы европейского образца в начале XX столетия. В основе предпринятого нами исследования находится междисциплинарный и комплексный подходы. При этом мы рассматриваем феномен военной униформы империи Цин как составную и неотъемлемую часть своеобразной и самобытной культуры цинского Китая.

Результаты и их обсуждение

В 2022 г. нами была опубликована статья «Анализ портретов свитка «Цзиньин бинцзи» с точки зрения оружейведения и костюмологии» (Universum Humanitarium, 2022: 99–142), посвященная военному и придворному костюму цинских военных и гражданских чиновников второй половины XVIII в., где была предпринята попытка систематизировать информацию по состоянию цинской придворной и военной униформы на последнюю четверть XVIII в.

Однако зарождение характерной для империи Цин униформы, сначала в виде доспехов унифицированного покроя и расцветки, относится к первой половине XVII в.

Необходимость создания единообразной униформы была очевидна в условиях постоянных войн, которые вели первые маньчжурские ханы (а затем – императоры), лично участвовавшие в боевых действиях. Помимо чисто внешнего улучшения вида собственных войск, что сильно воздействовало на противника, введение единообразной униформы позволяло улучшить управление войсками на поле боя и ввести систему опознавания «свой – чужой».

Тем не менее для наиболее раннего периода – правлений Нурхади (努爾哈齊, 1589–1626) и его сына и преемника Хуантайцзи (皇太極, 1626–1643) – у нас нет ничего, что могло бы подтвердить версию о начале введения униформы уже в это время⁶. Сохранившиеся в

⁵ В данном случае работа Стамерова может быть отнесена не собственно к отечественной историографии вопроса, но к работам по данной теме, издававшимся в СССР по данной теме на языке одной из союзных республик. В связи с малой разработанностью данного вопроса в СССР имеет смысл упомянуть и данную работу.

⁶ Нурхади провозгласил себя *ваном*, т. е. правителем владения, в 1589 г. В 1616 г. он объявил о наименовании созданного им государства Да Цзинь (Великое Золотое, 大金), намекая на преемственность с чжурчжэньской империей Цзинь (金朝, 1115–1234). Его сын Хуантайцзи (в отечественных работах часто неправильно именуется Абахай) правил с 1626 по 1643 г. В 1635 г. принял титул *богдохана*, равный императорскому, а в 1636 г. провозгласил свое государство

Мукденском Гугуне доспехи «отцов-основателей» маньчжурского государства свидетельствуют о том, что, по всей видимости, в первой трети XVII в. еще не использовался классический полный маньчжурский доспех, состоявший из семи частей (панцирной куртки, пристежных рукавов, передника, боковой накладки, подмышечных щитков, набедренников и наплечников), в качестве стандартного⁷. По всей видимости, эта классическая комплектация полного доспеха только зарождалась – первым известным нам датированным доспехом классической семичастной компоновки стал хранящийся в собрании Пекинских музеев Гугун доспех, изготовленный для *богдохана* Шуньчжи⁸.

Мы не имеем четких свидетельств относительно того, когда стали предприниматься первые попытки унифицировать доспехи воинов по расцветке и покрою⁹. Можно лишь достаточно уверенно утверждать о том, что строгая регламентация вооружения воинов была введена указом, изданным от имени Шуньчжи в 1648 г.: «Каждому конному воину выдают панцирь (*цзя* 甲) – 1 шт., шлем (*чжоу* 冑) – 1 шт., колчан и налuch (*гаоцзянь* 囊韃) – 1 компл., лук (*гун* 弓) – 1 шт., стрелы (*цзянь* 箭) – 40 шт., саблю (*яодао* 腰刀) – 1 шт.

Каждому пешему воину выдают панцирь (*цзя*) – 1 шт., шлем (*чжоу*) – 1 шт., саблю (*яодао*) – 1 шт.

Среди этих пеших воинов лучникам (*гунцзянь бин* 弓箭兵) выдают по 30 стрел, копейщикам (*чанцянь бин* 長槍兵) – 1 длинное копье (*чанцянь* 長槍), стрелкам из фитильных ружей (*няоцянь бин* 鳥槍兵) – 1 фитильное ружье (*няоцянь* 鳥槍).

В каждой провинции выдать оружие воинам в соответствии с этим стандартом»¹⁰.

империей, для которой выбрал название Да Цин (Великое Чистое, 大清), чтобы продемонстрировать равный статус своей державы с китайской империей Да Мин (Великое Светлое, 大明).

⁷ Гугун (故宮, букв. «Старые дворцы») – музейные комплексы на базе императорских резиденций в Мукдене (Шэньян, 沈陽) и Пекине, а также после 1949 г. – и в Тайбэе, куда сторонники Чан Кайши (蔣介石, 1887–1975) переместили огромное количество культурных ценностей из пекинского Гугуна. Мукденский Гугун как первая столица империи Цин тесно связан с именами «отцов-основателей» маньчжурской династии, хана Нурхацы (1559–1626) и *богдохана* Хуантайцзи (1592–1643), не правивших в Пекине. Традиционно в специальной литературе Нурхацы и Хуантайцзи упоминаются только по имени.

⁸ Личное имя Фулинь (福臨, 1638–1661 гг.), правил под девизом Шуньчжи (順治) с 1644 по 1661 г., под которым, как и все последующие цинские императоры, правившие в Пекине, упоминается в исторической литературе. Шуньчжи не участвовал лично в военных действиях, подобно отцу и деду. Однако он принимал участия в больших смотрах цинских войск (*даюэ* 大閱), введенных в 1633 г. и проводившихся регулярно с 1656 г. в парке Наньюань (南苑) (ЦШГ, 1927, цз. 90). Таким образом, доспех был сделан для него как для главы государства, чтобы принимать участие в государственных церемониях, предполагавших наличие доспехов.

⁹ Обычно используемые в качестве иллюстраций позднецинских и раннецинских реалий гравюры из «Маньчжоу шилу» (滿洲實錄) были созданы в 1779–1782 гг. знаменитым Мэнь Инчжао (門應兆) при окончательном редактировании этого сочинения по приказу императора Цяньлуна. Указ о начале работ датируется 17 марта 1779 г. (Гаоцзун Чунь-хуанди шилу (Хроника правления императора Гаоцзун Чунь-хуанди), 1807: цз. 1075, л. 25а–25б). Соответственно, неясно, насколько точно в этих иллюстрациях отражены реалии конца XVI – начала XVII вв.

¹⁰ Циньдин Да Цин хуйдянь цзэли (Высочайше утвержденное законодательное уложение Великой Цин), б/г: цз. 122, л. 14а–14б. Из опубликованных цинских документов невозможно установить точную дату и полный текст указа – в виде выдержки он включен в состав главы «Бинбу» (Военное ведомство 兵部) цинского свода законов и уложений «Циньдин Да Цин хуйдянь цзэли» (欽定大清會典則例) за правление Цяньлун (乾隆, 1735–1796). Фактически мы знаем только год принятия этого постановления, изданного от имени малолетнего императора Шуньчжи, за которого управлял князь-регент Доргонь (多爾袞, 1612–1650), опытный военачальник, лично участвовавший во многих сражениях.

Тогда же был определен порядок снабжения доспехами и оружием воинов – согласно подаваемым в Гунбу (Ведомство Работ 工部) отношений от местных военачальников. В случае, если невозможно было получить оружие и доспехи, изготовленные в казенных мастерских, подчинявшихся Гунбу, оружие следовало закупить у местных мастеров, для чего следовало подать на утверждение смету предстоящих расходов¹¹. В указе не говорится о том, какие конкретно по внешнему виду следует изготавливать доспехи, однако всего через шесть лет появилось первое иностранное свидетельство о том эффекте, который произвели эти указы – Онуфрий Степанов Кузнец (ум. 1658), заменивший Ерофея Павловича Хабарова (ок. 1603 – ок. 1671) в «Амурском полку»¹², писал о внешнем виде цинских воинов, с которыми он столкнулся летом 1654 г.: «И как у нас с теми богдойскими людьми драка была, и у них знамена всякия, белые и черные и красные и желтые, и как которые знамя пройдет, и у них у всякого знамени ротами белое знамя, где стоит на тех людех под тем знаменем на белой камке и куяки биты, а у которых знамен у черных, у красных и у желтых, и у тех ротами ж стоят, каково знамя, такие на них и куяки биты на камке на тех людех (курсив наш – А. П.), и та вся у них драка ученая строик»¹³.

В дальнейшем как иконографические, так и вещественные источники демонстрируют фактически полную унификацию маньчжурского доспеха по покрою – это семичастный доспех, который в связи с длительностью его существования и универсальностью применения можно назвать классическим.

Тем не менее сложно говорить о полной унификации цветовой гаммы и покроя доспехов в эру Шуньчжи – первые более или менее четкие данные появляются уже в эру Канси (康熙, 1661–1722). Так, на памятниках цинской живописи второй половины XVII в. изображаются многофигурные сцены, изображающие различные этапы того или иного военного похода, по которым можно предположить, что базовым цветом тканевых покрытий классического маньчжурского доспеха в этот период был синий¹⁴.

Четкие нормативы по цветовой гамме внешней тканевой pokrышки доспехов и бармиц были введены в эру Юнчжэн (雍正, 1723–1735) – 7 апреля 1725 г. император повелел объявить о своем решении в отношении производимых доспехов:

«Довести до всеобщего сведения образцы доспехов и шлемов, изготавливаемых Ведомством Работ. В каждое знамя послать по одному комплекту. Также повелеть Ведомству Работ хранить у себя второй комплект образцовых доспехов, введя этот образец навечно»¹⁵.

Таким образом, часто встречающееся в тексте составленного в 1759 г. кодекса «Хуанчао лици туши» (皇朝禮器圖式, «Иллюстрированное описание ритуальной утвари августейшей династии», далее ХЛТ) выражение «согласно установлениям ныне правящей династии», по предположению Л.А. Боброва обозначававшее следование устоявшимся и оформленным законодательно традициям, получает свое вполне конкретное подтверждение в отношении доспехов и шлемов.

Указ 1725 г. не стал последним, окончательно зафиксировавшим (по меньшей мере на бумаге) внешний вид и конструкцию цинских доспехов и прочих элементов униформы, – в 1756 г.

¹¹ Там же, б/г: цз. 122, л. 1б.

¹² Отряды служилых и охочих людей, подчинявшиеся сначала приказному человеку великой реки Амур Ерофею Павлову сыну Хабарову, а затем, с 1653 г., – назначенному вместо Хабарова Онуфрию Степанову сыну Кузнецу, в ряде документов середины XVII в. именуются «Амурский полк».

¹³ Русско-китайские отношения, 1969, т. 1: 193–194.

¹⁴ В качестве примера можно привести картины эры Канси (1661–1722) «Карательный поход Цай Юйжуна (蔡毓榮, 1633–1699) на Юг» (蔡毓榮南征圖卷), «Картины заслуг Дун Вэйго (董衛國, ум. 1683)» (董衛國紀功圖), «Карательный поход на Север» (北征督運圖).

¹⁵ Шицзун Сянь-хуанди шилу (Хроника правления императора Шицзун Сянь-хуанди), 1741: цз. 29, л. 21б.

последовали уточнения в связи с тем, что для экономии средств в империи были приняты на вооружение более дешевые разновидности доспехов и шлемов, где металлические пластинки лат и купола шлемов заменили толстой хлопковой набивкой и лакированной кожей.

Финальной стадией регламентации традиционного цинского доспеха стали постановления императора Цяньлуна, зафиксированные в тексте ХЛТ в 1759 г.¹⁶ Помимо расцветок, элементов декора и конструкции, были установлены и комплектации доспехов для тех или иных частей и подразделений – например, для отдельных частей полагался только лишь панцирный жилет, другие части могли иметь доспехи с набедренниками и наплечниками, но не иметь рукавов и т. д.¹⁷

Также в ХЛТ были регламентированы предметы защитного вооружения для лауреатов имперских экзаменов на замещение военных должностей (*у чжуанъюань* 武狀元), носившие сугубо церемониальный характер – их внешний вид оформлялся так, что по нему становился очевидным статус их носителя.

Регламентированы также были предметы одежды отрядов щитonosцев *тэнпайбин* (藤牌兵), входивших как в состав Восьмизнамённых войск (Бацзи 八旗), так и войск Зеленого Знамени (Люйин 綠營), набиравшихся по найму из этнических китайцев, – эти воины не носили защитного доспеха как такового. Вместо этого им выдавались «тигровая куртка» (*хуи* 虎衣), шапка (*мао* 帽), леггинсы (*ку* 褲)¹⁸ и сапоги (*сюэ* 鞋) из желтого холста, расписанные полосами, чтобы имитировать шкуру тигра¹⁹.

Таким образом, в период Цяньлун (1735–1796) была формально установлена четкая дифференциация по цвету для разных чинов и войсковых подразделений, что превратило доспехи в своего рода униформу, по внешнему виду которой можно было определить чин человека и его принадлежность к тому или иному подразделению.

Тогда же была произведена регламентация предметов одежды, которую военные всех чинов носили во время похода или другой не боевой обстановке, – верхняя одежда *сингуа* (行褂) как в форме безрукавки, так и куртки с коротким рукавом. В цз. 13 ХЛТ перечислены *сингуа* для князей и военачальников разных рангов, а также воинов отрядов Цяньфэнъин (前鋒營)²⁰, Цзяньжуйин (健銳營)²¹, Хуцянъин (虎槍營)²² и Хоциин (火器營)²³ (см. таблицу 1).

¹⁶ Материалы ХЛТ по доспехам империи Цин как предмет, представляющий особый интерес для изучения военной истории Китая, будут подробно рассмотрены в рамках специального исследования.

¹⁷ Интересно отметить, что при переводе документов эпохи Цин исследователям не сразу стало понятно, что наличие или отсутствие того или иного элемента доспеха не является показателем его качества, а лишь степенью его комплектации. Так, в тексте раздела уложения законов «Халха джирум», составленном для монголов в 1709 г., упоминается штраф за кражу полного доспеха *овч хуяг* (при переводе термин условно передан как «панцирь»), и доспеха без рукавов *дэглий хуяг* (при переводе термин условно передан как «латы») (Халха Джирум, 1965: 33).

¹⁸ Несмотря на то, что иероглиф *ку* 褲 переводится как «штаны», этот предмет одежды представляет собой две отдельные штанины, крепящиеся к поясу. В международной синологии за подобным предметом одежды закрепился перевод «леггинсы» (Imperial Chinese robes, 2010: 83, 90–91).

¹⁹ По китайским представлениям, воин в одежде, имитирующей шкуру тигра, мог эффективно пугать вражеских коней своим видом. Поскольку одной из функций *тэнпайбин* был бой в рассыпном строю против вражеской конницы, «тигровая» униформа должна была облегчить им выполнение поставленной задачи.

²⁰ Образованный в 1634 г. авангардный отряд, двигавшийся впереди колонны при выездах императора и охранявший его ставку на походе.

²¹ Образованный в 1747 г. отряд специального назначения, владевший всеми видами холодного и огнестрельного оружия, способный действовать в конном и пешем строю и брать штурмом крепости.

²² Отряд охотников на тигров, сопровождавший цинских императоров на облавных охотах. Образован в 1684 г.

²³ Корпус стрелков из огнестрельного оружия (фитильных ружей и пушек). Первоначально образован в 1688 г., с 1691 г. получил название Хоциин.

Таблица 1
Table 1

Расцветка и покррой *сингуа* по материалам ХЛТ
Coloring and cut of *singua* based on HLT materials

Чин	Покрой	Расцветка одежды	Расцветка оторочки
Императорская <i>сингуа</i>	С рукавом	<i>Шицин</i> ²⁴ 石青	
<i>Сингуа</i> князей ранга <i>цинъван</i> 親王 и ниже ²⁵	С рукавом	<i>Шицин</i> 石青	
<i>Сингуа</i> командира телохранителей (<i>лин шивэй нэй дачэнь</i>)	С рукавом	<i>Минхуан</i> ²⁶ 明黃	
<i>Сингуа фу дутунов</i> Восьми Знамен ²⁷ 八旗副都統行褂	С рукавом	<i>Цзиньхуан</i> ²⁸ 金黃 (Желтое знамя), Остальные знамённые корпуса – по цвету полотнища знамени	Белая у Красного с каймой знамени, у остальных окаймленных знамен – красная
<i>Сингуа</i> телохранителей, сопровождающих императорскую повозку (<i>баовэйбань шивэй</i> 豹尾班侍衛)	Длинная, без рукавов	<i>Минхуан</i> 明黃	
<i>Сингуа цаньлинов</i> ²⁹ авангарда отряда <i>Цзяньжуйин</i> 健銳營前鋒叅領行褂	С рукавом	<i>Минхуан</i> 明黃	Синий <i>лань</i> 藍
<i>Сингуа</i> воинов отряда <i>Цзяньжуйин</i> 健銳營兵行褂	С рукавом	Синий <i>лань</i> 藍	<i>Минхуан</i> 明黃
<i>Сингуа цзунтуна</i> 總統 ³⁰ и <i>цзунлина</i> 總領 ³¹ отряда <i>Хуцяньин</i>	С рукавом	<i>Цзиньхуан</i> 金黃	<i>Цин</i> ³² 青 (вдоль осевого разреза)
<i>Сингуа цянчжана</i> ³³ отряда <i>Хуцяньин</i> 虎槍營槍長行褂	С рукавом	Красный <i>хун</i> 紅	<i>Цин</i> 青 (вдоль осевого разреза)

²⁴ Данный цвет является одним из базовых в цветовой гамме цинского придворного костюма. В словарях ему дается толкование «синий, тёмно-лазурный». Поскольку в цинском ритуале большую роль играли оттенки цветов, то имеет смысл передавать их в оригинальном звучании с соответствующими пояснениями.

²⁵ *Цинъван* – первая после императора аристократическая степень в империи Цин. *Цинъваны* могли быть как отпрысками маньчжурского правящего дома, так и пожалованными этим титулом представители практически всех основных национальностей империи Цин.

²⁶ Ярко-жёлтый цвет. В словарях поясняется как «истинно-жёлтый цвет» (正黃色).

²⁷ В тексте ХЛТ говорится, что, помимо *фу дутунов* (заместитель командира знамённого корпуса, ранг IIb), подобные *сингуа* носили также *хуцзюнь цаньлин* (護軍叅領, военачальник охранных войск, ранг IIIa), *цяньфэн цаньлин* (前鋒叅領, военачальник авангардного отряда, ранг IIIa) и *хоци ингуань* (火器營官, офицер корпуса стрелков из огнестрельного оружия) во всех Восьми Знамёнах (ХЛТ, 1766: цз. 13, л. 66b).

²⁸ Золотисто-жёлтый цвет.

²⁹ *Цаньлин* – военачальник ранга IIIa, как правило, командующий подразделением, примерно соответствующим полку, в европейских переводах зачастую «полковник» (Hucker, 1985: 519).

³⁰ *Цзунтун* – командир специального подразделения в составе Восьмизнамённых войск (Hucker, 1985: 534).

³¹ *Цзунлин* – командир крыла в отряде *Хуцяньин*, соответствие рангу не установлено (Hucker, 1985: 532).

³² Сложный для однозначной трактовки цвет, т. к. в словарях ему дается целый ряд порой взаимоисключающих определений: «густой, глубокий, тёмный, богатый, яркий (о цвете; ассоциируется с весной, востоком); тёмно-голубой, ярко-синий; ярко-зелёный; чёрный, тёмный; голубеть, зеленеть, синеть». Фактически, сохранившиеся предметы одежды, описанные в документах, как окрашенные в цвет *цин*, имеют тёмно-синий (почти чёрный) цвет.

³³ *Цянчжан* – младший командир в составе *Хуцяньин*. Букв. «начальник копеечников». Ранг не установлен.

Окончание табл. 1

Чин	Покрой	Расцветка одежды	Расцветка оторочки
<i>Сингуа</i> воинов отряда <i>Хуцяньин</i> 虎槍營兵行褂	С рукавом	Белый <i>бай</i> 白	<i>Цин</i> 青 (вдоль осевого разреза)
<i>Сингуа</i> воинов отряда <i>Хоцзин</i> 火器營兵行褂	С рукавом	Синий <i>лань</i> 藍	Белый <i>бай</i> 白

Знаками различия служили т. н. «чиновные шарики на шапку» (*маодин* 帽頂) – финали (навершия) разной (обычно округлой) формы ³⁴, изготавливавшиеся из материалов, цвет которых соответствовал определенному рангу (см. таблицу 2) ³⁵.

Таблица 2

Table 2

Соответствие цвета и материала финалей рангу
Correspondence of color and material of finals to rank

Материал	Цвет	Ранг
Рубин	Красный прозрачный	Ia
Рубин	Красный прозрачный	Ib
Коралл	Розовый матовый	IIa
Коралл	Розовый матовый	IIb
Сапфир	Голубой прозрачный	IIIa
Сапфир	Голубой прозрачный	IIIb
Лазурит	Синий матовый	IVa
Лазурит	Синий матовый	IVb
Горный хрусталь	Белый прозрачный	Va
Горный хрусталь	Белый прозрачный	Vb
Раковина тридакны	Белый матовый	VIa
Раковина тридакны	Белый матовый	VIb
Позолоченная медь	Желтый гладкий	VIIa
Позолоченная медь	Желтый гладкий	VIIb
Позолоченная медь	Желтый с насечённым орнаментом	VIIIa
Позолоченная медь	Желтый с насечённым орнаментом	VIIIb
Позолоченная медь	Желтый с рельефным орнаментом	IXa
Позолоченная медь	Желтый с рельефным орнаментом	IXb
Позолоченная медь	Желтый с рельефным орнаментом	Вне ранга

Однако, как отмечал капитан Генерального Штаба Российской империи А.С. Галкин (1855–1920), побывавший в 1885 г. на территории Синьцзяна, на практике были задействованы более простые цвета – красный, синий и белый: «все младшие офицеры носят белый фарфоровый, а еще чаще безцветный хрустальный, шарик, все прочие офицеры носят синий прозрачный шарик и, наконец, все генералы красный шарик, так что в этих войсках можно отличить только обер-

³⁴ Для парадных головных уборов военных и гражданских сановников высших рангов могли изготавливаться финали в виде длинных гранёных столбиков с пирамидальным завершением.

³⁵ Табель о рангах в империи Цин состояла из 9 рангов (кит. *пинь* 品), каждый из которых делился на степень – а (кит. *чжэн* 正) и b (кит. *цун* 從). Обозначение чиновной должности содержало указание ранга и степени – например, 正一品 (*чжэн ипинь*) или 從三品 (*цун саньпинь*), что в соответствии с принятой в международной синологии системой указания ранга по предложенной Чарльзом О. Хукером (Charles O. Hucker, 1919–1994) может быть записано как «ранг Ia» или «ранг IIIb» соответственно. Кроме того, существовало внештатное или неранжированное субчиновничество (кит. *вэйжэлю* 未入流) как в военной, так и в гражданской сфере, составлявшее кадровый резерв для заполнения вакансий чиновников низшего ранга и выполнявшее огромную вспомогательную и подготовительную работу в сфере управления.

офицера от штаб-офицера и генерала»³⁶. При этом зачастую командир мог носить финаль более высокого ранга, чем тот, согласно которому он получал жалование – поскольку свободных вакансий было меньше, чем претендентов, то для того, чтобы поощрить отличившегося чиновника (военного или гражданского), специальным императорским указом ему жаловался более высокий чин без соответствующего этому чину содержания³⁷. Например, *фу дутун* (副都統, заместитель командира Знамённого корпуса) мог получить титул *дутун* (都統, командир Знамённого корпуса) – *дутун сянь* (都統銜) и носить внешние знаки различия, соответствующие *дутуну*, дававшие ему право на все внешние почести как *дутуну*, но получать жалование в соответствии со своим основным чиновным постом *фу дутуна* (*дутун* имел ранг Ib с жалованием в 180 *лян* серебра³⁸, *фу дутун* – Ib с жалованием 155 *лян* серебра)³⁹.

В случае если военный чиновник был облачён в доспехи, то его ранг обозначали расцветка и материалы тканевой покрывки доспехов и заклёпок, в придворное одеяние – изображение животного на квадратной по форме нашивке *буцзы* (補子) на груди и спине (см. таблицу 3). Поле *буцзы* вокруг изображения рангового животного было украшено вышитыми изображениями благовещих облаков, восьми благопожелательных символов (*бабао* 八寶), солнца, символа мирового океана *лишуй* (立水) и горы Сумеру (*Сюймишань* 須彌山), на которой стоит ранговое животное.

Поскольку военные чиновники высших рангов в присутствии императора (например, на заседаниях Военного Совета *Цзюньцзичу* 軍機處) сидели по правую руку от монарха, ранговые животные (кроме *цилиндя*) имели голову, обращённую влево. На *буцзы* это выглядит, словно ранговое животное смотрит на изображение солнца на *буцзы*.

Таблица 3
Table 3

Соответствие изображения на *буцзы* рангу⁴⁰
Correspondence of the image on the Buzi to the rank

Изображение	Ранг
Лев (<i>шицзы</i> 獅子) до 1662 г., китайский «единорог» (<i>цилиндя</i> 麒麟) с 1662 г.	I
Лев (<i>шицзы</i> 獅子)	II
Тигр (<i>ху</i> 虎) до 1662 г., леопард (<i>бао</i> 豹) с 1662 г.	III
Тигр (<i>ху</i> 虎)	IV
Медведь (<i>сюнпи</i> 熊羆) ⁴¹	V
Пантера (<i>бяо</i> 彪)	VI
Пантера (<i>бяо</i> 彪) до 1759 г., носорог (<i>синю</i> 犀牛) с 1759 г.	VII
Носорог (<i>синю</i> 犀牛)	VIII
Морской конь (<i>хайма</i> 海馬) ⁴²	IX

³⁶ Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии, 1886: вып. XXIV, с. 138.

³⁷ Там же, 1886: вып. XXIV, с. 137.

³⁸ В Цинском Китае вместо чеканной монеты использовалось весовое серебро, единицей измерения которого был *лян* (兩), весивший 37,3 г.

³⁹ У Н.Я. Бичурина не дается разбивка цинских чиновных рангов на степени и указываются чиновники с 1 по 14 ранг, что невероятно в случае, если не учитываются ранги и степени (Бичурин, 2002: 217).

⁴⁰ В данном случае степень ранга не учитывается.

⁴¹ Китайский медведь на *буцзы* не имеет ничего общего с изображением реального медведя.

⁴² Имеется в виду не морской конёк, а мифический морской конь. Крайне редкий *буцзы* – практически не встречается в музейных и частных собраниях, т. к. *буцзы* для чиновников такого низкого ранга, возможно, не

Несмотря на наличие столь подробной информации, подтверждающейся не только иконографическими источниками, но и реально сохранившимися артефактами, вопрос о соотношении «доспешной» или «панцирной» униформы⁴³ и униформы обычной не исследован до конца. Известно, что вплоть до конца XIX в. для большого императорского смотра (*даюэ*) использовались стеганные доспехи и шлемы, изготовленные из кожи или тонкого металлического листа (носили чисто декоративный характер). Относительно практического применения цинскими воинами панцирной униформы мы имеем ряд интересных, хотя и не исчерпывающих свидетельств источников, позволяющих утверждать, что, по крайней мере теоретически, все воины, участвующие в битве, должны были иметь панцири – как пластинчато-нашивные, так и стеганные.

Об этом, например, свидетельствует сообщение воинов народности солон, полученное в 1770-х годах учениками русской Духовной Миссии в Пекине: «у нас есть обычай надевать панцири, и всем, которые на войну идут даются, иным железные, иным на бумаге хлопчатой, или на шелку толсто стеганные, но что касается до железных, то не всяк их надевает, потому что после сражения болят руки и грудь»⁴⁴.

Однако тщательно проработанная иконография сино-европейского стиля, запечатлевшая победы цинского оружия начиная с 1755 г., не дает оснований безоговорочно принимать на веру эти слова – практически все изображенные на батальных картинах XVIII в. цинские воины не носят доспехов. Как правило, доспехи имеются только у некоторых военачальников, подчеркивая их статус.

Одновременно некоторые воины изображены в совершенно не регламентированных правительственными уложениями кольчугах центральноазиатского стиля – длиной до пояса, с воротником-стойкой, простеганным для жесткости ремнями и обшитым холстом, и рукавом (полной или половинной длины). В ХЛТ говорится, что захваченные в ходе войны в Центральной Азии кольчуги активно использовались цинскими воинами (ХЛТ, 1766: цз. 13, л. 53b). Это подтверждается и другими письменными и изобразительными источниками (Бобров, Пастухов, 2021, с. 515).

На основании анализа источников разного рода удалось установить, что среднестатистический военный костюм цинского воина или военачальника младшего или среднего рангов во второй половине XVIII в. именовался *синфу* (行服, букв. походная одежда)⁴⁵ и состоял из верхнего халата с правосторонним запахом, круглым проемом горловины и четырьмя разрезами для облегчения посадки на коня (*чанпао* 長袍 или *чанишань* 長衫), нижнего халата (*нэйтао* 內套) с воротником-стойкой. Рукава верхнего халата имели обшлага *мати* (馬蹄, букв. конское копыто). Интересной деталью верхней одежды являлась приставная нижняя часть правой передней полы, крепившаяся на пуговицы в районе колена. Подобная деталь характерна для цинской верхней одежды XVIII–XIX вв. и именуется *цюэцзинь* (缺襟), т. е. «отсутствующая пола». Нижняя часть правой полы отрезалась по прямой линии и затем пристегивалась к месту отреза на трех пуговицах (в виде узелков или же круглых металлических). По мнению Майкла Фридольма фон Эссена, эта деталь цинского костюма была вызвана практическими нуждами воина-всадника – при передвижении в конном строю *цюэцзинь* отстегивался (Von Essen, 2009, 84). Он же указывает, что впоследствии в связи

сохранились совсем (возможно, их и не изготавливали в большом количестве, т. к. их присутствие на официальных церемониях было ограниченным).

⁴³ Термин «панцирная униформа» по отношению к комплексу защитного вооружения воинов Цинской империи второй половины XVII – первой половины XIX вв. впервые введен и обоснован Л. А. Бобровым.

⁴⁴ Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год, 2003: 76.

⁴⁵ В современном китайском языке это сочетание иероглифов означает «соблюдать траур».

с ростом престижа военных в результате ряда победоносных кампаний *цзоэцзинь* начинает встречаться и на одежде гражданских чиновников.

Верхняя одежда подпоясывалась поясом, на котором подвешивались колчан (справа), налuch и сабля (слева). Ремни поясной сабельной портупей собирались в кольцо, которое обычно составляло деталь, комбинированную с поясным S-образным крюком *даогуа хуаньгоу* (刀挂環鉤). Его крепили к поясу, просто цепляя верхним изгибом к ремню. За счет своей длины он обеспечивал надежное крепление поясной портупей.

Сам пояс изготавливался из кожи с подбоем из материи, цвет и качество которой соответствовали рангу владельца (так, для военачальников первого и второго рангов подбой изготавливался из холста голубого цвета), и снабжался кольцами, крюками и пряжками из стали. Отделка всей металлической фурнитуры пояса была регламентирована в ХЛТ, однако, как показывает исследование цинской иконографии и сохранившихся подлинных вещей эпохи, эти нормы не всегда выдерживались.

На талии повязывался двухлопастной передник *синшиан* (行裳) из стеганой материи, кожи или (в холодное время года) меха, назначением которого было защищать нижнюю часть одежды всадника от повреждения ветвями и колючками во время верховой езды. Конструктивно *синшиан* был устроен аналогично панцирным набедренникам *цзяшиан* (甲裳), но не имел подбоя из металлических пластинок.

В качестве обуви использовались сапоги для верховой езды из войлока на толстой плоской белой подошве из стеганой хлопчатобумажной материи *масюэ* (馬韉). Однако могла использоваться и другая обувь – например, туфли на стеганой матерчатой подошве *бусе* (布鞋) с обмотками – такую обувь можно видеть даже на всадниках свиты императора Цяньлуна (например, на картине Лан Шинина (郎世寧, 1688–1766) ⁴⁶ «На облавную охоту» (哨鹿圖), датированной 1741 г.) или на цинских воинах и военачальниках, идущих в атаку в битве при Курмане (сохранившемся фрагменте этого монументального полотна, датированного ок. 1760 г.). Причины выбора *масюэ* или *бусе* в качестве обуви, по всей видимости, определялись конкретными условиями, в которых будет действовать воин ⁴⁷.

В качестве головного убора использовалась округлая шапка *гуаньмао* (冠帽, букв. «казенная/чиновничья шапка») с отогнутыми вверх полями, с финалью *маодин* и кистью из красных нитей, распределяемую по поверхности тульи шапки. Кроме того, под финаль могли крепиться плюмажи, обозначающие статус носителя – *ланьлин* (藍翎, букв. «синее перо»), носимые телохранителями среднего ранга и изготавливаемые из окрашенных в синий цвет перьев фазана, и *хуалин* (花翎), который представлял собой вид награды по аналогии с европейскими орденами. *Хуалин* состоял из нефритовой трубочки-держателя *лингуань* (翎管), которая крепилась к финали шапки, и продетого через нее пера павлина, которое имело один, два или три глазка ⁴⁸. Количество глазков соответствовало степеням орденов.

Следует отметить, что цвет униформы на картинах XVIII в., а также отдельные детали одежды, вооружения и снаряжения зачастую не совпадают с предписаниями, изложенными в

⁴⁶ Итальянский миссионер-иезуит, придворный художник императоров Юнчжэна и Цяньлуна, автор нескольких картин на батальную и охотничью тематику, настоящее имя – Джузеппе Кастильоне (Giuseppe Castiglione).

⁴⁷ Считалось, что войлочные сапоги были менее приспособлены для действий в пешем строю, нежели туфли *бусе*.

⁴⁸ В природе перья павлина имеют только один глазок. Для того, чтобы получить перья с двумя или тремя глазками, делался плюмаж из перьев павлина и фазана, причем перья павлина склеивались таким образом, чтобы визуально они казались единым целым, но с двумя или тремя глазками соответственно.

ХЛТ. Однако изображения знамен на картинах, как правило, достаточно точные, что позволяет надежно определить большинство воинских контингентов в случае, если знамя нарисовано в ракурсе, обеспечивающем демонстрацию всех существенных для атрибуции деталей.

Дальнейшее развитие форменной одежды в войсках империи протекало по пути постепенного отмирания защитного доспеха (и, соответственно, «панцирной униформы») и замене их униформой обычного типа – так, помимо характерной цветовой гаммы *сингуа*, определяющей принадлежность к тому или иному подразделению, получает большую популярность ее разновидность *хаои* (號衣) или *хаогуа* (號褂), где на груди и спине размещался круг *бяо* (標)⁴⁹ с указанием подразделения на маньчжурском или китайском языке⁵⁰.

Так, по состоянию на 1802 г. в частях Зелёного Знамени, расквартированных в Илийской долине, насчитывалось 1,5 тыс. пластинчато-нашивных доспехов, 1,5 тыс. стеганых доспехов и 3 тыс. комплектов из *хаои* и форменной шапки *хаомао* (號帽), что может свидетельствовать о том, что в войсках не просто началось распространение не-доспешной униформы, а она фактически вошла в общее употребление⁵¹.

По всей видимости, как и во всем остальном мире, постепенная замена «панцирной» униформы на обычную было связано с тем, что по мере распространения огнестрельного оружия и улучшения качества пороха доспехи перестали обеспечивать надлежащий уровень защиты воина в бою.

Однако на наиболее информативных образцах цинской батальной живописи первой половины XIX в. – серии картин, посвященной подавлению восстания Джангира (1826–1828), завершённой в начале 1829 г., цинские воины не носят ни доспехов, ни *хаои* в виде куртки с короткими рукавами. Вместо этого они облачены в безрукавки *бэйсинь* (背心) или *каньцзянь* (坎肩) белого цвета с черной окантовкой, конфигурация которой зависит от покроя безрукавки, безотносительно того, к какой части принадлежит воин⁵². Элементом униформы становится и такая вещь, как *хаопай* (號牌), или *яопай* (腰牌) – носимая на поясе деревянная табличка, на которой писалось или выжигалось имя воина и название подразделения, к которому он принадлежал. Для того чтобы пройти в военный лагерь, воин должен был показать караульным свою *хаопай*.

В первой половине XIX в. костюм цинского воина очень мало отличался от того, что сложилось во второй половине XVIII в. Главным различием стало более широкое

⁴⁹ Навешиваемый на спину *бяо* был цельным, нагрудный – разрезным, если одежда имела осевой разрез.

⁵⁰ Насколько нам удалось установить, в доцинском Китае термин *хаои* впервые встречается в документах в 1449 г. и уже тогда обозначает разновидность военной униформы. Упоминаний мало, но они все четко связываются именно с облачением воина. В «Да Цин шилу» это слово встречается в первый раз в 1648 г., т. е. в эру Шуньчжи, где определенно указывает на одежду, используемую всадником во время охоты (Шицзу Чжан-хуанди шилу (Хроника правления императора Шицзу Чжан-хуанди), 1739: цз. 37, л. 3б). В 1747 г., в эру Цяньлун, указывается о необходимости выдачи в частях флагов, доспехов, оружия и *хаои* (Гаоцзун Чунь-хуанди шилу (Хроника правления императора Гаоцзун Чунь-хуанди), 1807: цз. 283, л. 5а). В том же году издается указ о необходимости выдачи бурлакам, тянущим императорский корабль и корабли, находящиеся в Ведомстве Дворца (Нэйфу), *хаои* и других предметов форменной одежды, а также постромок и прочих приспособлений для их работы (Гаоцзун Чунь-хуанди шилу (Хроника правления императора Гаоцзун Чунь-хуанди), 1807: цз. 303, л. 2б). Однако для всех упоминаний с 1449 г. по первую половину XIX в. практически не существует вещественных или иконографических подтверждений, что затрудняет ответ на вопрос, насколько широко было распространено использование *хаои* в войсках.

⁵¹ Сичуй цзунтун шилуэ, 1839: цз. 6, л. 14а.

⁵² *Каньцзянь* и *бэйсинь* широко распространены также как элемент гражданской одежды, и поэтому существует огромное количество вариантов их покроя, как правило, различающихся по форме и типу клапана, закрывающего грудь, а также расположению застежек. Кроме того, имеется специфическая форма *батулу каньцзянь* (巴圖魯坎肩) с воротником-стойкой, которая никогда не встречается на изображениях воинов и полководцев.

использование *хаои* и *каньцзянь* в качестве верхней одежды. Кроме того, иконографические и вещественные источники зафиксировали широкое применение в качестве головного убора не только матерчатой шапки *гуаньмао* с подвернутыми полями, но и легких конических шляп *сингуань* (行冠), изготавливавшихся из *тэнсы* (藤絲), т. е. тонких полосок ротанга⁵³. Верх шляпы военного чиновника покрывала кисть из шелковых шнурков с финалью в виде сплетенной из красного шнура «шишки», к ней же крепился плюмаж (при его наличии), в то время как рядовые воины носили шляпу без кисти, а на поверхности головного убора цветным лаком указывалось подразделение⁵⁴.

С 1850-х гг. в связи с началом формирования многочисленных ополченских формирований, как повстанческих, так и лоялистских, возникают разновидности униформы, фактически не подлежавшие официальной кодификации. Так, тайпинские формирования носили *хаои* и *хаомао* (тж. *дэиэнкуй* 得勝盔, букв. «шлем одержания победы»), расцветка и покрой которых отличались от лоялистских⁵⁵. Отличались также надписи на *хаои* и *хаомао* – так, если *хаои* лоялистских формирований строились по стандартной схеме «название части – название подразделения – чин / военная специальность», то надписи на тайпинских *хаои* включали в себя термины очень специфического тайпинского военного арго⁵⁶. Кроме того, цветовая гамма униформы высших командиров тайпинских войск была по преимуществу желтой (что было нереально для лоялистов в связи с запретностью желтого цвета для верных подданных Цинской империи), а униформа командиров среднего звена была выдержана в красных тонах с желтыми элементами (Илюшечкин, 1967: 93–94). В этом проявлялся тайпинский национализм, т. к. красный цвет считается национальным цветом китайского народа (*ханьцзу* 漢族).

Отказ от доспехов и создание добровольческих формирований фактически легитимизировали использование повседневной одежды в качестве элементов военной униформы. В ходе гражданской войны в Китае 1847–1878 гг.⁵⁷ в качестве головного убора стали широко использовать платки и тюрбаны, претерпел изменения и костюм – поскольку значительные контингенты вновь набранных комбатантов происходили с юга, воины стали носить короткие широкие штаны и обмотки, но обходились без обуви в теплое время года, предпочитали *хаои* с рукавами безрукавкам *каньцзянь*, которые оставались отличительной особенностью знаменитых наряду с войлочными сапогами для верховой езды *масюэ* и шапками *гуаньмао*.

⁵³ Другое название головного убора такого типа – *сягуань* (夏行) или «летняя шляпа». Также подобные головные уборы изготавливались из ивовых прутьев (*лютяо* 柳條) или бамбуковой щепы (*ме* 篾). Их пропитывали тунговым маслом и наносили надписи и эмблемы цветным лаком.

⁵⁴ Будучи сделанными из достаточно толстой щепы бамбука и пропитанными маслом, эти головные уборы представляли собой довольно надежную защиту головы от ударов холодным оружием.

⁵⁵ В «Истории Тайпин Тяньго» крупный исследователь истории тайпинского восстания Ло Эрган (羅爾綱, 1901–1997) указывает, что *хаои* тайпинов делались в виде безрукавки *баньби* (半臂), напоминающей безрукавку *бэйсинь*.

⁵⁶ Тайпины, во многом в пику языку цинских официальных документов, широко использовали малопонятный другим этническим, религиозным и профессиональным группам арго, до некоторой степени сходный с арго хунхузов – бандитов, действовавших в Маньчжурии в XIX – первой половине XX вв.

⁵⁷ Гражданская война в Китае началась с массовых выступлений китайского и инородческого населения в южных провинциях, продолжилась восстанием *тайпинов* (1850–1864), *няньцзюней* (1853–1868), национальных меньшинств юго-западного (провинции Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Сычуань) в 1854–1876 гг. и северо-западного (провинции Шэньси и Ганьсу) Китая в 1861–1871 гг., а также рядом восстаний в Синьцзяне, наиболее масштабным из которых было восстание 1864–1878 гг., приведшее к временному отделению Синьцзяна от империи Цин. Кроме того, на территории всего Китая (в т. ч. в районах, населенных национальными меньшинствами) регулярно вспыхивали восстания более мелкого масштаба, с трудом поддающиеся учёту.

В процессе развития униформы вместо *бяо* на груди и спине *хаои* стали просто наносить необходимые надписи путем набивки иероглифов через трафарет черной краской. Смысл надписей остался тем же самым.

В северных провинциях костюм солдат был схожим по составу, однако штаны были длинными и, как правило, стегаными на вате, куртки также были подбиты ватой, обувь (туфли *бусе* или сапоги *масюэ*) была практически обязательной на протяжении большей части времени, т. к. климатические особенности региона позволяли ходить босиком только в летнее время. Поверх ватной куртки носили жилет *каньцзянь*, на который наносили надписи, обозначавшие часть. В летнее время солдаты повязывали голову платком, зимой носили тюрбан или подбитую мехом шапку *гуаньмао*. При солнечной погоде часто использовались съемные козырьки из бумаги, которые затыкали за край головного убора, при этом, если солнце светило сбоку, козырек могли смещать соответственно положению солнца. Патроны носили в матерчатом патронташе, и, поскольку основная часть оружия была дульнозарядной, патроны представляли собой разновидность зарядцев в берендейках русских стрелцов – это был отмеренный заряд черного пороха, помещенный в бамбуковое коленце с пробкой, вставленное в патронташ. Пули носились на поясе в отдельных сумках и в зависимости от типа оружия подразделялись на конические расширяющиеся пули Минье (кит. *цяньцзянь* 鉛箭, букв. «свинцовая стрела») и круглые пули (кит. *цяньвань* 鉛丸, букв. «свинцовый шарик») ⁵⁸.

В целом костюм солдат отличался определенной мешковатостью, что не стесняло движений и хорошо соответствовало климатическим особенностям региона, но вызывало раздражение у иностранных наблюдателей, отождествлявших подтянутый молодежавший вид с боевым духом.

К началу японо-китайской войны военный костюм в империи Цин был несколько модернизирован – солдаты стали носить мундиры, скроенные по типу старых курток, но более строгого покроя, их начали подпоясывать кожаным ремнем с пряжками. Головной убор рядовых представлял собой тюрбан, офицеров – *гуаньмао*. При этом офицерская форма представляла собой более архаичное зрелище, чем униформа рядовых и унтер-офицеров.

Цинский военный костюм конца XIX в. был зафиксирован преимущественно в флотских документах, поскольку паровой броненосный флот был наиболее модернизированной частью вооруженных сил империи Цин. Именно в конце XIX в. флотская и армейская форма стала получать выраженные различия – до создания модернизированного парового флота армейская форма отличалась от флотской только содержанием надписей на *бяо*.

В 1882 г. по инициативе адмирала Дин Жучана (丁汝昌, 1836–1895) был издан иллюстрированный справочник по знакам различия «Бэйян шуйши хаои тушо» (北洋水師號衣圖說 Иллюстрированное разъяснение униформы Бэйянской эскадры). Максимально полное описание содержится в документе 1888 г., который принято считать первым цинским военным уставом современного типа – «Бэйян хайцзюнь чжанчэн» (北洋水師章程 Устав Бэйянского флота):

«Форма одежды (*гуаньфу* 冠服).

Все старшие и младшие офицеры флота (*хайцзюнь дасяо юань* 海軍大小官員) в случае поздравлений [во время] счастливых праздников (*линцзе* 令節) – день рождения государя

⁵⁸ С 1862 г. в империи Цин начали работать арсеналы, изготавливавшие оружие и боеприпасы по европейскому образцу. Первым арсеналом был арсенал, построенный в г. Аньдин (安慶) лидером цинских лоялистов Цзэн Гофанем (曾國藩, 1812–1871), после того как в 1861 г. из города были выбиты тайпинские войска.

(*ваньшоу шэнцзе* 萬壽聖節), первый день [китайского] Нового Года (*юаньдань* 元旦), день зимнего солнцестояния (*дунчжи* 冬至) – совершая церемонии, все надевают форму (*синчжуан* 行裝), как будто находятся по делам службы на берегу, одинаковую [с той, что носят] все чиновники на берегу.

Все старшие и младшие офицеры флота, находясь на борту корабля, за исключением командира корабля (*гуаньдайгуань* 管帶官), делопроизводителя (*вэньань* 文案), *цзяоингуань* (交應官), судового врача (*игуань* 醫官), которым позволяется надеть длинное платье (*чанфу* 長服), все остальные надевают короткое платье с узкими рукавами (*дуаньи чжайсю* 短衣窄袖), чтобы было удобнее исполнять служебные обязанности (букв. 操作 *цаоцзо* «тяжелую физическую работу» или «манипуляции»).

На всех кораблях матросы (*шуйшоу* 水手), начиная со старшин (*тоуму* 頭目) и младше, носят соломенные шляпы с неширокими полями (*цяньянь цаомао* 淺檐草帽), подпоясываются кушаком синего цвета (*ланьсэ дай* 藍色帶), на передней поле (*цзинь* 襟) около центрального шва (*цянь сяньфэн* 前線縫) несколькими иероглифами указывается название корабля, разряд (*дэн* 等) и имя матроса, на поясе носят кортик (*сяодао* 小刀).

Все старшие и младшие офицеры флота при визитах иностранных офицеров, за исключением командира корабля, который надевает военную форму, надевают короткую форму без пояса, шапку с чиновным шариком (*динмао* 頂帽) (тюрбаны/повязки (*цзинь* 巾) отдельно).

Все старшие и младшие офицеры флота все четыре сезона носят шапку *дунгуань* (冬冠, букв. «зимняя шапка») ⁵⁹.

Все офицеры флота (*хайцзюнь гуаньбянь* 海軍官弁), находясь на корабле, должны носить *хаои*, на их воротниках (*лин* 領) и рукавах (*сю* 袖) должны находиться цветные знаки различия (*хуасэ бяоцзи* 花色標記), утвержденные Министерством Военно-Морского флота (*Хайцзюнь ямэнь* 海軍衙門)» ⁶⁰.

При этом в наиболее модернизированной в империи Цин униформе Бэйянского флота имело место своеобразное сочетание старых финалей на головных уборах, указывающих на ранг офицера, и относительно современных знаков воинских специальностей, изображаемых на форменной одежде – на груди и рукавах. Кроме того, нашивки на обшлагах рукавов мундиров командного состава (в т. ч. младшего) дополнительно обозначали их чин.

Заключение

Поражение империи Цин в войне с Японией привело к осознанию необходимости более глубокого реформирования вооруженных сил. С февраля 1895 г. (в условиях фактически наступившего перемирия в материковой части империи) началось формирование первых частей т. н. «Новой Армии» (*синьцзюнь* 新軍), которая должна была соответствовать передовым стандартам военного дела эпохи. Первый корпус, получивший традиционное для

⁵⁹ Судя по сохранившимся фотографиям, это был вариант широко распространённой среди чиновничества и офицерства шапки *гуаньмао*.

⁶⁰ Бэйян хайцзюнь чжанчэн (Устав Бэйянского флота), чж. 9.

Китай образное название Динъуцзюнь (定武軍), или «Армия усмирения», приступил к обучению под началом цинского сановника Ху Юйфэна (胡燏棻, 1840–1906) и германского военного советника Константина фон Ганнекена (Constantin von Hanneken, 1854–1925), ранее занимавшегося возведением укреплений главной военно-морской базы цинского Бэйянского флота (北洋水師) в Люйшунью (旅順口)⁶¹ и выполнявшего роль неформального советника при адмирале Дин Жучане в ходе морской битвы у Дадунгоу (大東溝海戰) 17 сентября 1894 г.⁶²

С этого момента начинается постепенное внедрение в сухопутных войсках и на флоте предметов униформы, основанной на европейском военном костюме, с мундирами, погонами и прочими элементами, привычными представителям «цивилизованных держав», однако сохранявшей некоторые элементы традиционной униформы – чиновный шарик на фуражке европейского покроя, головной убор высших офицеров в виде *гуаньмао* и т. п. На этом история развития цинской воинской униформы, основанной на традиционном костюме, завершилась⁶³.

Список литературы

- Бичурин Н.Я. 2002. Статистическое описание Китайской империи. Москва, «Восточный дом», 464 с.
- Бобров Л.А. 2016. Защитное вооружение императора Сюань. *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. Т. 15. Вып. 7: 158–168.
- Бобров Л.А. 2021. Доспех маньчжурского аристократа первой половины – середины XVII в. *PARABELLUM novum*. 14(47): 60–82.
- Бобров Л.А., Зайцев В.П., Орленко С.П., Сальников А.В. 2017. Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х – середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля. *Былые годы*. Т. 46. 4: 1140–1173.
- Бобров Л.А., Пастухов А.М. 2015. Цинский императорский доспех «для большого смотра войск» XVII – начала XIX вв. *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. Ч. I. Санкт-Петербург, «ВИМАИВиВС»: 234–248.
- Бобров Л.А., Пастухов А.М. 2021. «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. *Bylye Gody*. 16(2): 506–526.
- Бобров Л.А., Пастухов А.М., Белоусова Н.Е. 2015. Шлемы цинских императоров XVII – начала XVIII вв. (по материалам Хуанчао лица туши). *Общество и государство в Китае*. Москва, Институт востоковедения РАН, Т. XLV, часть 1: 90–101.

⁶¹ Люйшунью – в русских и европейских источниках Порт-Артур. Главная ремонтная база броненосного Бэйянского флота, самого сильного из четырёх цинских модернизированных флотов до 1895 г. Оборудовалась французскими подрядчиками под наблюдением Константина фон Ганнекена.

⁶² Сражение при Дадунгоу также известно как сражение в Желтом море, сражение напротив устья р. Ялу, сражение у острова Далудао. Произошло 17 сентября 1894 г. между основными силами японского Объединенного флота и цинского Бэйянского флота и закончилось с неопределённым результатом – потеряв три корабля, японская эскадра отошла с места сражения. Цинская эскадра, потеряв пять кораблей, ушла на базу в Люйшунью после того, как место боя покинули японцы. Впоследствии потерянные японские корабли нашлись в разных точках побережья Кореи, где попытались выйти на мелководье, чтобы не затонуть, и это дало основание японцам заявить о своей победе, хотя главная задача японского флота – уничтожение конвоя с цинским десантом, высаженным в устье р. Ялу в ночь с 16 на 17 сентября, достигнута не была.

⁶³ Фактически принятая в конце правления маньчжурской династии в период Сюаньтун (1909–1912) новая армейская и флотская униформа не имела ничего общего с традиционным военным костюмом и униформой предшествующего периода. Характерно издание «Хайцзюнь циши цзи чжанфу тушо» (海軍旗式及章服圖說 Иллюстрированное объяснение военно-морских флагов и униформы), увидевшее свет в период Сюаньтун – оно было издано в виде свитка с цветными иллюстрациями, выполненными позднецинским художником Чжан Чэндуном (張成棟). Фотографии 1911 г. свидетельствуют, что переход на униформу европейского типа на флоте в соответствии с предписаниями этого издания был произведен полностью, что ознаменовало разрыв позднецинских военных с традиционной униформой.

- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. 2003. Эволюция защитного вооружения чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени. *Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья*. Новосибирск, ООО «РТФ»; НГУ, С. 66–212.
- Волков С.В. 1999. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. Москва, «Восточная литература», 312 с.
- Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год. 2003. *Восточная коллекция*, 1(12): 66–77.
- Илющечкин В.П. 1967. Крестьянская война тайпинов. Москва, «Наука», 396 с.
- Итс Р.Ф., Гловацкий Г.А. 1957. Парадный костюм китайского генерала из собраний Кунсткамеры (из истории китайской армии XVIII–XIX вв.). *Сборник МАЭ*. Т. XVII. Москва; Ленинград: 215–231.
- Мшанецкий С.И. 2000. Эволюция военного костюма стран Восточной Азии в контексте их исторического развития, XVII–XX вв. Дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 550 с.
- Пастухов А.М. 2022. Анализ портретов свитка «Цзиньин бинцзи» с точки зрения оружейведения и костюмологии. *Universum Humanitarium*, Новосибирск. 1: 99–142.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: 1608–1683. 1969. Т. 1. Москва, «Наука», 624 с.
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIV. 1886. Санкт-Петербург, Военная типография (в здании главного штаба), 269 с.
- Стамеров К.К. 1978. Нариси з історії костюмів. Частина I. Київ: «Мистецтво», 243 с. (на укр. яз.).
- Сычѳв Л.П., Сычѳв В.Л. 1975. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. Москва, ИВ АН СССР, 172 с.
- Халха Джирум: памятник монгольского феодального права XVIII в. 1965. Москва, «Наука», 339 с.
- Бэйян хайцзюнь чжанчэн (Устав Бэйянского флота), 1888. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%8C%97%E6%B4%8B%E6%B5%B7%E8%BB%8D%E7%AB%A0%E7%A8%8B> (дата обращения 03.05.2023)
- Бэйян шуйши хаои тушо (Иллюстрированное разъяснение униформы Бэйянской эскадры). Б/м, 1882. 47 с.
- Гаоцзун Чунь-хуанди шилу (Хроника правления императора Гаоцзун Чунь-хуанди), 1807. URL: [https://sillok.history.go.kr/mc/id/qsilok_007_\\$3tab](https://sillok.history.go.kr/mc/id/qsilok_007_$3tab) (дата обращения 03.05.2023)
- Ло Эрган Тайпин Тяньго ши (История Тайпин Тяньго), 1991. URL: <http://www.guoxue123.com/new/0001/tptgs/index.htm> (дата обращения 03.05.2023)
- Сичуй цзунтун шилуэ (Краткое всеобъемлющее описание Западных Окраин). Б/м, 1839. 444 дв. л.
- Хайцзюнь циши цзи чжанфу тушо (Иллюстрированное объяснение военно-морских флагов и униформы). Б/м, б/г. Иллюстрированный свиток.
- Хуанчао лици туши (Иллюстрированное описание ритуальной утвари августейшей династии). Пекин: печатня при дворце Уиндянь, 1766. Цз. 13. 76 дв. л.
- Циньдин Да Цин хуйдянь цзэли (Высочайше утвержденные нормы свода законов Великой Цин), 1747. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=703462> (дата обращения 03.05.2023)
- Цин ши гао (Черновая история империи Цин), 1927. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (дата обращения 03.05.2023)
- Шицзун Сянь-хуанди шилу (Хроника правления императора Шицзун Сянь-хуанди), 1741. URL: https://sillok.history.go.kr/mc/id/qsilok_006_0280_0010 (дата обращения 03.05.2023)
- Шицзу Чжан-хуанди шилу (Хроника правления императора Шицзу Чжан-хуанди), 1739. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%AF%A6%E9%8C%84%E9%A0%86%E6%B2%B%E6%9C%9D%E5%AF%A6%E9%8C%84> (дата обращения 03.05.2023)
- Hucker Charles O. 1985. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, Stanford University Press, 676 p.
- Imperial Chinese Robes from the Forbidden City. London: V&A Publishing, 2010. 120 p.
- Von Essen, M.F. 2009. Eight Banners and Green Flag. The Army of the Manchu Empire and Qing China, 1600–1850. Oxford: Joshua Horgan, 246 Marston Road, 199 p.

References

- Bichurin N.Ja. 2002. Statisticheskoe opisanie Kitajskoj imperii [Statistic Description of the Chinese Empire]. «Vostochnyj dom», Moscow, 464 p.
- Bobrov L.A. 2016. Zashhitnoe vooruzhenie imperatora Xuanye [Armour of Xuanye Emperor]. *Vestnik NGU. Ser.: Istorija, filologija*. Т. 15. Vyp. 7: 158–168.

- Bobrov L.A. 2021. Dospheh man'chzhurskogo aristokrata pervoj poloviny – serediny 17 v. [Armour of Manchu Noble of the Early to Mid-17th Century]. *PARABELLUM novum*. Saint Petersburg. 14(47): 60–82.
- Bobrov L.A., Zajcev V.P., Orlenko S.P., Sal'nikov A.V. 2017. Pozdnij chzhurchzhjen'skij (rannij man'chzhurskij) shlem vtoroj poloviny 10-h – serediny 30-h gg. 17 v. iz sobranija Oruzhejnoy palaty Moskovskogo Kremlja [Late Nuzhen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of 10th to Middle of 30th Years of 17th Century]. *Bylye gody*. Vol. 46. 4: 1140–1173.
- Bobrov L.A., Pastuhov A.M. 2015. Cinskij imperatorskij dospheh «dlja bol'shogo smotra vojsk» XVII – nachala XIX vv. [Qing Imperial Armour for the Grand Review of Troops of the 17th – early 18th Centuries]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy*. Part I. Saint Petersburg, «VIMAIViVS»: 234–248.
- Bobrov L.A., Pastuhov A.M., Belousova N.E. 2015. Shlemy cinskih imperatorov XVII – nachala XVIII vv. (po materialam Huanchao lici tushi) [Helmets of the Qing Emperors of 17th – Early 18th Centuries (According to Huangchao liqi tushi)]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*. Institut vostokovedenija RAN, Moscow, T. XLV, chast' 1: 90–101.
- Bobrov L.A., Pastuhov A.M. 2021. “Qinding huangyu Xiyu tuzhi” kak istochnik po vooruzheniyu I voennoy simvolike naseleniya Tsentral'noy Asii serediny 18 v. (“Qinding huangyu Xiyu tuzhi” as the Source for Weaponry and Military Symbols of the Population of the Central Asia in the Mid of 18th Century). *Bylye Gody*. 16(2): 506–526.
- Bobrov L.A., Hudjakov Ju.S. 2003. Jevoljucija zashhitnogo vooruzhenija chzhurchzhjenej i man'chzhurov v periody razvitogo i pozdnego Srednevekov'ja i Novogo vremeni [Evolution of the Armour of Nuzhen and Manchu in the Late Middle Ages and Early Modern Time]. *Arheologija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii jepohi pozdnego Srednevekov'ja* : OOO «RTF»; NGU, Novosibirsk: 66–212.
- Volkov S.V. 1999. Sluzhilye sloi na tradicionnom Dal'nem Vostoke [Service Strata in the Traditional Far Eastern Countries]. «Vostochnaja literatura», Moscow, 312 p.
- Zhurnal sekretnyh dejstvij, namerenij, sluchaev i peremen, byvshih v Tajcinskom gosudarstve s 1772 po 1782 god [Journal of the Secret Actions, Intentions, Occasions and Changes Which Took Place in the Dai Qing State from 1772 till 1782]. 2003. *Vostochnaja kollekcija*, 1(12). P. 66–77.
- Iljushechkin V.P. 1967. Krest'janskaja vojna tajpinov [Peasant War of Taiping]. «Nauka», Moscow, 396 p.
- Its R.F., Glovackij G.A. 1957. Paradnyj kostjum kitajskogo generala iz sobranij Kunstkamery (iz istorii kitajskoj armii XVIII–XIX vv.) [Dress Suit of a Chinese General from the Collection of Kunstkamera (from the History of Chinese Army of 18th – 19th Centuries)]. *Sbornik MAJe*. T. XVII. Moscow; Leningrad: 215–231.
- Mshaneckij S.I. 2000. Jevoljucija voennogo kostjuma stran Vostochnoj Azii v kontekste ih istoricheskogo razvitija, 17–20 vv. [Evolution of the Military Costume of Eastern Asian Countries in the Context of their Historical Development]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Vladivostok, 550 p.
- Pastuhov A.M. 2022. Analiz portretov svitka «Jingying bingji» s točki zrenija oruzhievedenija i kostjumologii [Analysis of the Portraits of the “Jingying bingji” Painting Scroll from the Point of View of the Weapons and Costume Studies]. *Universum Humanitarium*, Novosibirsk. 1: 99–142.
- Russko-kitajskie otnoshenija v 17 veke: 1608–1683 [Sino-Russian Relations in the 17th Century: 1608–1683]. Vol. 1. 1969. «Nauka», Moscow, 624 p.
- Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii [Digest of Geographical, Topographical and Statistic Materials about Asia]. Vyp. XXIV. 1886. Voennaja tipografija (v zdanii glavnago shtaba), Saint Petersburg: 269 p.
- Stamero K.K. 1978. Narisi z istorii kostjumiv. Chastina I. Kiïv: «Mistectvo», 243 p. (in Ukrainian).
- Sychjov L.P., Sychjov V.L. 1975. Kitajskij kostjum. Simvolika. Istorija. Traktovka v literature i iskusstve. Moscow, IV AN SSSR, 172 p.
- Halha Dzhirum: pamjatnik mongol'skogo feodal'nogo prava 18 v. [Qalqa Jirum – Records the of the Mongolian Feudal Legislation]. 1965. «Nauka», Moscow, 339 p.
- Beiyang haijun zhangcheng [Military Regulations of Beiyang Navy], 1888. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%8C%97%E6%B4%8B%E6%B5%B7%E8%BB%8D%E7%AB%A0%E7%A8%8B> (access date 05.03.2023)
- Beiyang haoyi tushuo [Illustrated Description of Beiyang Navy Uniform]. 1882. 47 p.
- Gaozong Chun-huangdi shilu [Veritable Records of Gaozong Chun-huangdi Emperor], 1807. URL: [https://sillok.history.go.kr/mc/id/qsilok_007_\\$3tab](https://sillok.history.go.kr/mc/id/qsilok_007_$3tab) (access date 05.03.2023).
- Luo Ergang. Taiping Tianguo shi [History of Taiping Tianguo], 1991. URL: <http://www.guoxue123.com/new/0001/tptgs/index.htm> (access date 03.05.2023)

- Xichui zongtong shilue [Brief Comprehensive Description of Western Periphery]. 1839. 444 Double Sheets.
Haijun qishi ji zhangfu tushuo [Illustrated Description of Naval Flags and Uniform]. Illustrated Scroll.
Huangchao liqi tushi [Illustrated Description of August Dynasty Paraphernalia]. Typography of Wuyindian Palace, Beijing, 1766. Juan 13. 76 Double Sheets.
Qinding Da Qing huidian zeli [The Highest Approved Norms of the Code of Laws of the Great Qing], 1747. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=703462> (access date 05.03.2023).
Qing shi gao [Draft History of Qing], 1927. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (access date 05.03.2023).
Shizong Xian-huangdi shilu [Veritable Records of Shizong Xian-huangdi Emperor], 1741. URL: https://sillok.history.go.kr/mc/id/qsilok_006_0280_0010 (access date 05.03.2023)
Shizu Zhang-huangdi shilu [Veritable Records of Shizu Zhang-huangdi Emperor], 1739. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%AF%A6%E9%8C%84%E9%A0%86%E6%B2%B%E6%9C%9D%E5%AF%A6%E9%8C%84> (access date 05.03.2023)
Hucker Charles O. 1985. *A Dictionary of Official Titles in Imperial China*. Stanford University Press, Stanford, 676 p.
Imperial Chinese Robes from the Forbidden City. V&A Publishing, London, 2010. 120 p.
Von Essen M.F. 2009. *Eight Banners and Green Flag. The Army of the Manchu Empire and Qing China, 1600–1850*. Joshua Horgan, 246 Marston Road, Oxford, 199 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.03.2025

Received 05.03.2025

Поступила после рецензирования 15.03.2025

Revised 15.03.2025

Принята к публикации 17.03.2025

Accepted 17.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пастухов Алексей Михайлович, инженер Лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

Alexey M. Pastukhov, Engineer of the Laboratory of Humanitarian Research, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0151-1796](https://orcid.org/0000-0003-0151-1796)

УДК 902.3; 94(395.5): 393–057.36

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-341-356

EDN GDEQDT

Оригинальное исследование

К этнической истории Армении: этно-территориальные особенности современных армян

Худавердян А.Ю.

Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренци, 15

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация. Анализ изменчивости морфологических особенностей популяций современного человека является одной из краеугольных проблем в физической антропологии. В настоящей работе основной акцент был сделан на анализе морфологических особенностей армянских этно-территориальных групп с территории Армении и сопредельных территорий. Цель работы: рассмотреть средствами статистического анализа данных антропологического состава населения Армении, выявить правомочность выделения здесь тех или иных антропологических вариантов. Четко выражена близость армянских групп к особенностям переднеазиатской расы. Армянские популяции характеризуются вариабельностью соматологических признаков на межгрупповом уровне. Тем не менее при анализе внутривнутригрупповой дифференциации становится очевидным, что на фоне различий доминируют выраженные признаки сходства и внутреннего единства изученных групп. Наиболее близкими к армянским популяциям по соматологическим характеристикам являются грузинские группы. Однако внутривнутригрупповые связи между армянскими популяциями оказываются более выраженными, чем их сходство с грузинскими группами, что, в свою очередь, аналогично для грузинских популяций. При этом отдельные этно-территориальные группы демонстрируют отклонения от данной тенденции, формируя альтернативные модели межпопуляционного сходства.

Ключевые слова: Армения, морфологические особенности, переднеазиатский тип, внутреннее единство групп, сравнительный анализ

Для цитирования: Худавердян А.Ю. 2025. К этнической истории Армении: этно-территориальные особенности современных армян. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 341–356. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-341-356. EDN: GDEQDT

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Towards the Ethnic History of Armenia: The Ethno-Territorial Features of Modern Armenians

Anahit Yu. Khudaverdyan

Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science, Republic of Armenia,
15 Charenci St., Yerevan 0025, Republic of Armenia

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Abstract. The analysis of morphological variability in modern human populations is one of the cornerstone issues in physical anthropology. The present study focuses on examining the morphological characteristics of Armenian ethno-territorial groups from the territory of Armenia and adjacent regions. The purpose of the work was to examine the anthropological composition of the Armenian population by means of statistical analysis, to find out the validity of identifying certain anthropological variants in the region. Armenian groups exhibit a clear affinity with the characteristics of the Near Eastern anthropological race. These populations display intergroup variability in

somatological traits. Nevertheless, an analysis of intrapopulation differentiation reveals that, despite existing differences, the predominant features are those of similarity and internal cohesion among the studied groups. Among neighboring populations, Georgian groups are morphologically the closest to the Armenian populations. However, the internal connections among Armenian groups are more pronounced than their affinities with Georgian groups, and this pattern is mirrored among the Georgian populations themselves. At the same time, certain ethno-territorial groups exhibit deviations from this general trend, forming alternative models of interpopulation similarity.

Keywords: Armenia, morphological characteristics, Near Eastern type, internal unity of groups, comparative analysis

For citation: Khudaverdyan A.Yu. 2025. Towards the Ethnic History of Armenia: The Ethno-Territorial Features of Modern Armenians. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 341–356 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-341-356. EDN: GDEQDT

Funding: The work was carried out without external sources of funding

Введение

Началом антропологического исследования армян можно считать 70-е годы позапрошлого столетия. В 1873 году Лангерганс [Langerhans, 1873] опубликовал морфологические данные о 6 взрослых армянах и 3 курдах. В 1882 году выходит в свет исследование Шантра [Chantre, 1882], посвященное антропологическому изучению курдов и курдистанских армян. В этом же году начинает публиковать свои данные об антропометрии некоторых кавказских групп Эркерт [Erkert, 1883]. Исследованы 43 грузина, 34 азербайджанских татарина, 22 армянина, 16 осетин, 11 абаздехов, 10 калмыков, 8 кабардинцев, 7 ингушей, 5 ассирийцев, 5 чеченцев, 5 карацаевцев, 5 евреев, 3 лезгин и 2 шапсугов.

Солидным количеством материала отличаются исследования И.И. Пантюхова, который в качестве врача для особых поручений и медицинского инспектора при Кавказском Военном округе имел возможность проводить свои наблюдения над призывниками и военнотрудовыми разных национальных групп Кавказа. Вышедшая в 1889 году его работа насчитывает свыше полторы тысячи наблюдений [Пантюхов, 1889]. Среди них 1 034 грузина (в том числе: 350 карталинцев, 270 мегрелов, 90 сванов, 87 гурийцев, 74 самурзаканца, 54 имеретина), 528 армян, 72 еврея, 54 осетина, 8 абхазцев и 7 персов. В 1892 году И.И. Пантюхов публикует свои новые наблюдения в Ахалкалакском уезде, а Шантр [Chantre, 1892] – о лезгинах и армянах.

Довольно масштабный материал был исследован Шантром [Chantre, 1893] в своей работе об антропологии народов Закавказья. Автором изучены 240 армян, 169 курдов, 130 азербайджанских татар, 34 кавказских еврея, 32 тата. В 1895 году опубликованы две работы Шантра, одна посвященная специально армянам, другая – разным народам Закавказья и Анатолии. В 1897 году И.К. Тварьянович публикует исследование об антропологии армян, в основу которого были положены измерения 105 армян, проживающих на территории Грузии. В 1898 году в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» Д.Н. Анучин напечатал статью об антропологии армян [Анучин, 1898]. Работа носила обзорный характер, научно-обоснованные положения, представленные в этой статье, долгое время служили в качестве рабочих гипотез. В 1907 году выходят работы А.Н. Джавахова о грузинах Кахетии, Э.В. Эрисона об армянах (103 человека), К.М. Кудова о татах Дагестана (52 человека).

Антропологии народов Передней Азии касается работа Ф. Лушана [Luschan, 1911], который впервые предложил именовать арменоидным наиболее распространенный в Передней Азии антропологический тип.

Первое капитальное исследование, посвященное антропологии современных армян, принадлежит В.В. Бунаку [Бунак, 1927]. В своей монографии «Crania Armenica» В.В. Бунак проанализировал краниологические материалы армян, погибших в результате геноцида 1915 года, преимущественно из Мушского санджака Битлисского вилайета [Худавердян, 2024]. Это исследование остаётся наиболее полным и детализированным краниологическим трудом, посвящённым населению Армянского нагорья. Вопросы происхождения и

формирования арменоидного типа, затронутые в монографии, сохраняют научную актуальность и в настоящее время. Несмотря на то, что «Crania Armenica» была опубликована почти столетие назад, она до сих пор представляет собой важный источник для специалистов в области антропологии. В период с 1913 по 1917 годы В.В. Бунак совершил ряд научных поездок в Армению, в ходе которых собрал ценный антропологический материал о местном населении, однако эти данные до настоящего времени остаются неопубликованными [Варданян, 2015, с. 101–121]. Кроме того, следует отметить две последующие антропологические экспедиции В.В. Бунака в Армению, проведенные в 1934–1935 годах. В рамках первой экспедиции изучалось население Лорийской провинции, в то время как вторая охватывала территории Гехаркуника, Тавуша и Арагацотна. К сожалению, материалы, собранные в ходе этих исследований, также до сих пор не были введены в научный оборот.

Антропологическая литература об армянах в 1943 году обогатилась обстоятельным исследованием Р. Керумиана [Kherumian, 1943], который изучил выселившихся в разное время из Армянского нагорья армян и на основании сопоставления этих групп представил вариации антропологических признаков среди армянских групп, что, в свою очередь, дает возможность проследить своеобразие антропологического типа армян в пространстве.

С 1960 года выходят работы, посвященные как общим вопросам антропологии Кавказа, так и отдельным конкретным группам. К числу первых относятся опубликованная Г.Ф. Дебеца глава «Антропологические типы» в первой части «народов Кавказа» (220 выборов), а также фундаментальные исследования В.П. Алексеева [Алексеев, 1974] и М.Г. Абдушелишвили [Абдушелишвили, 1963, 1964] посвященные древнему и современному населению Кавказа.

В нашей стране сбор одонтологических данных для научных целей связан с именами Р.С. Кочиева, А.К. Паликян, Н.Г. Кочар, В.Ф. Кашибадзе и Л. Синамашвили. Р.С. Кочиевым были собраны материалы из Сюникской, Лорийской провинций и Арцаха [Кочиев, 1979]. В 1986 году была организована экспедиция Института археологии и этнографии НАН РА под руководством Н.Р. Кочар в провинции Армавир, Гехаркуник и Арарат. Одонтологический материал был передан для исследования В.Ф. Кашибадзе (Институт истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили, Тбилиси) [Кашибадзе, 1990]. В 2000 г. *расширилась* база одонтологических данных. А.К. Паликян исследовала морфологические особенности зубной системы ассирийцев Верин Двина [Паликян, 2007; Кочар и др., 2013].

Работа Н.Г. Кочар, опубликованная 1989 году, посвящается изучению признаков узоров на коже ладоней (дерматоглифике) этнических групп армян [Кочар, 1989]. К.Г. Налбандян продолжила тему, изучая дерматоглифические особенности ассирийцев, проживающих на территории Армении [Налбандян, 2007].

Такова в общих чертах краткая история антропологического изучения современного населения Армении, – изучения, заложившего основу проводимых в настоящее время исследований в этом направлении. Цель данной работы – дать характеристику современному населению Армении, выделить основные черты переднеазиатского (арменоидного, понто-загросского) типа, установить антропологическую схожесть или различие этно-территориальных групп армян с использованием современных статистических методов обработки данных.

Объект и методы исследования

Объект исследования: антропологические материалы середины XX века с территории Армянского нагорья. Население представлено жителями всех областей Армении и сопредельных территорий (47 этно-территориальных групп армян: 2 000 индивидов мужского пола). Материал был собран в 1960 г. армянской антропологической экспедицией под руководством Г.Ф. Дебеца. В состав экспедиции входили Г.А. Азизян, В.П. Алексеев, М.Г. Абдушелишвили, Г.К. Джанберидзе, А.Г. Гаджиев. Материалы для анализа извлекались из базы данных М.Г. Абдушелишвили, включающей информацию о средних арифметических величинах для количественных и балловых 28 признаков. В состав каждой исследуемой группы

входило по 100 мужчин в возрасте от 20 до 60 лет. При формировании выборки соблюдалась следующая возрастная пропорция: 25 % составляли лица младше 25 лет, 40 % – в возрасте от 25 до 40 лет, и 35 % – старше 40 лет. В работе для статистической обработки были использованы наиболее репрезентативные с точки зрения проявленности признаков группы армян. Был проведен анализ главных компонент (ГК: факторный анализ) 17 групп армян.

Сравнение проводилось по 14 измерительным признакам: 1) длина тела (9); 2) продольный диаметр головы (10); 3) поперечный диаметр головы (11); 4) наименьшая ширина лба (12); 5) скуловой диаметр (13); 6) нижнечелюстной диаметр (14); 7) физиономическая высота лица (15); 8) морфологическая высота лица (16); 9) высота носа от нижнего края бровей (17); 10) высота носа от переносья (18); 11) ширина носа (19); 12) высота кожной части верхней губы (21); 13) толщина обеих губ (22); 14) ширина рта (20). В анализе использован внутрикавказский масштаб вариаций [см.: Абдушлишвили, 1964].

Сравнительный анализ современного населения Кавказа включает 220 выборок, полученных в ходе исследований Г.Ф. Дебеца [Дебец, 1956], М.Г. Абдушлишвили [Абдушлишвили, 1964], А.Г. Гаджиева [Гаджиев, 1971] и Р.М. Касимовой [Касимова, 1975].

Все подсчеты осуществлялись по программам В.Е. Дерябина («КАНОКЛАС», версия 6.9, МГУ) и STATISTICA 5.0.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ даст возможность установить антропологическую схожесть между 47 этно-территориальными группами армян.

Армяне *Лорийской провинции* (41°05'42" с. ш. 44°39'21" в. д.) характеризуются большим показателем высоты носа, большой шириной рта, максимально развитым волосным покровом груди, прямым лбом, минимально выраженными скулами, очень высокими крыльями носа с максимально выраженными бороздами, высоким головным и носовым указателем, большим поперечным диаметром, большой морфологической высотой лица, большой шириной носа, низким процентом темных глаз, высоким процентом выпуклых форм спинки носа в хрящевой части, опущенным кончиком носа и тонкой нижней губой.

Армяне *Тавушской провинции* (40°53' с. ш. 45°08' в. д.) характеризуются максимально развитыми бровями, узкой глазной щелью, прямым лбом, минимально выраженными скулами, очень высоким процентом выпуклых форм спинки носа в хрящевой части, резко опущенным основанием носа, очень высокими и выступающими крыльями носа, максимально выраженными и сливающимися с носогубной частью, крыльевыми бороздами, очень высоким головным и носовым указателем, малой физиономической высотой лица, толстыми губами, развитым волосным покровом груди, медиально наклонными глазными щелями, выступающим профилем лица, высоким поперечным профилем носа и выступающим профилем верхней губы.

Армяне *Арагацотнской провинции* (40°25' с. ш. 44°10' в. д.) характеризуются очень малой физиономической высотой лица, развитым волосным покровом груди, покатым лбом, очень высоким переносьем и поперечным профилем носа, опущенным кончиком носа, очень тонкой верхней губой, высоким носом, темными глазами и волосами, развитым волосным покровом лица (борода, брови), низким процентом выпуклых форм спинки носа, выступающей верхней и толстой нижней губой.

Армяне *востока Сюникской провинции* (Горис) (39°26'20" с. ш. 46°25'51" в. д.) характеризуются очень широким носом, высокой верхней губой, толстыми губами, максимальным развитием бровей и волос на груди, минимальным процентом выпуклых форм спинки носа (в хрящевой части), горизонтальным положением основания носа, выступающими ноздрями, с выраженными крыльевыми бороздами, высоким головным и носовым указателем, широким ртом, темными волосами, широким разрезом глазной щели, покатым лбом, сглаженными скулами, низким поперечным профилем и высокими крыльями носа.

Армяне юга *Сюникской провинции* (Мегри) (38°54' с. ш. 46°14' в. д.) характеризуются очень малым продольным диаметром головы, максимально развитыми бровями и волосным

покровом груди, резко выраженными крыльевыми бороздами, тонкой верхней губой, высоким головным и носовым указателем, малым скуловым и нижнечелюстным диаметром, малой физиономической высотой лица, малой шириной носа, темными глазами, широким разрезом глазной щели, покатым лбом, низким процентом выпуклых форм спинки носа (в костной части), горизонтальным положением кончика носа и его основания, высокими и выступающими ноздрями и высокой, тонкой верхней губой.

Армяне *арцаха* (Степанакерт) ($39^{\circ}48'55''$ с. ш. $46^{\circ}45'07''$ в. д.) характеризуются малым продольным диаметром головы и максимальным головным указателем, малой шириной лба и носа, максимальным развитием бровей и волос груди, темными волосами, минимальным процентом светлых глаз, широкой глазной щелью, низким переносом, высокими и выступающими крыльями носа с максимально выраженными крыльевыми бороздами, толстой нижней губой, малой физиономической высотой лица и высоким процентом выпуклых форм спинки носа.

Армяне *урмийские* (*хойские*, рис. 1е) из Араратской провинции ($39^{\circ}56'$ с. ш. $44^{\circ}34'$ в. д.) характеризуются малым продольным диаметром головы, малой физиономической высотой лица, максимальным развитием бровей и волосяного покрова на груди, темными глазами, широким разрезом глазной щели, высокими крыльями носа, резко выраженными крыльевыми бороздами, очень высокой и тонкой верхней губой, высоким головным указателем, тонкой нижней губой, темными волосами и горизонтальным основанием носа.

Армяне *урмийские* (*хойские*) из Вайоцзорской провинции ($39^{\circ}45'40''$ с. ш. $45^{\circ}20'00''$ в. д.) характеризуются очень малым продольным диаметром головы, максимальным развитием волос груди и лица, темными волосами, низким процентом выпуклых форм спинки носа (в хрящевой части), высокими и резко выраженными бороздами крыльев носа, малой физиономической высотой лица, низкой верхней губой, тонкими губами в целом и высоким процентом выпуклых форм спинки носа (в костной части).

Армяне *алашкертские* (большинство католики) из Лорийской провинции ($41^{\circ}05'42''$ с. ш. $44^{\circ}39'21''$ в. д.) характеризуются очень высоким и очень узким носом, чрезмерным волосяным покровом груди, малым процентом темных глаз, сглаженными скулами, высоким поперечным профилем носа, максимально выпуклой спинкой носа (в костной части), максимально опущенным кончиком, высокими крыльями носа, толстой нижней губой, широким нижнечелюстным диаметром, широким ртом, темными волосами, развитыми бровями, высоким процентом складки верхнего века, покатостью лба и низким процентом выпуклых форм спинки носа (в хрящевой части).

Армяне *базетские* (рис. 1а, б, в) из Гегаркуникской провинции ($40^{\circ}25'$ с. ш. $45^{\circ}12'$ в. д.) характеризуются очень большой морфологической высотой лица, высоким носом, развитым волосяным покровом лица (борода, брови), медиально наклонным, широким разрезом глазной щели, сглаженными скулами, приподнятой формой кончика и основания носа, высокими крыльями носа с резко выраженными крыльевыми бороздами, толстой нижней губой, широким нижнечелюстным диаметром, широким ртом, сильно развитым волосяным покровом на груди, темными волосами, низким процентом светлых глаз, сильно выступающим профилем лица и низким процентом выпуклых форм спинки носа (в хрящевой части).

Армяне *сасунские* (рис. 1д) из Арагацотнской провинции ($40^{\circ}23'01''$ с. ш. $43^{\circ}52'35''$ в. д.) характеризуются очень коротким продольным диаметром головы, высоким носом, низкой верхней губой, сильно развитым волосяным покровом груди, широким разрезом глазной щели, сглаженными скулами, низким процентом выпуклых форм спинки носа (в хрящевой части), высокими и выступающими крыльями носа с резко выраженными крыльевыми бороздами, большой морфологической высотой лица, большой шириной рта, густой бородой и прямым лбом.

Армяне *горийские* из внутренней Картли ($41^{\circ}58'54''$ с. ш. $44^{\circ}06'45''$ в. д.) характеризуются умеренной брахикранией, очень низким и узким лицом, низким и умеренно широким носом, развитым волосяным покровом груди, темными волосами и глазами, густыми бровями, сглаженными скулами, выпуклой спинкой носа в хрящевой части, резко выраженными и выступающими ноздрями.

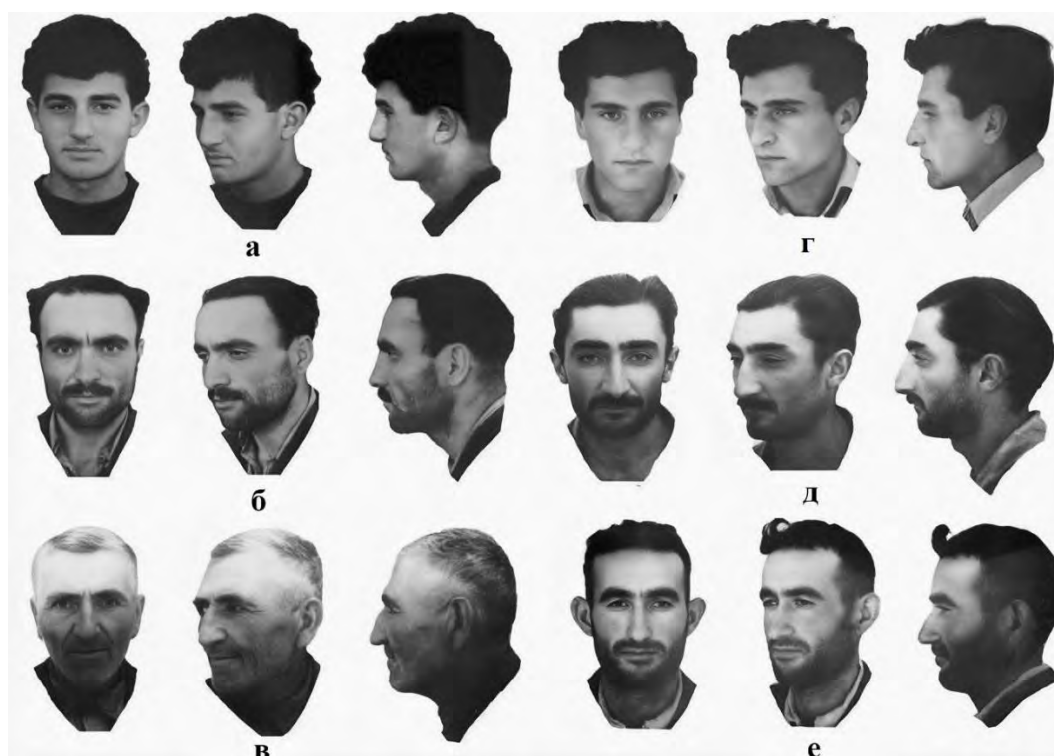

Рис. 1. Переднеазиатский антропологический тип: а), б), в) баязетские армяне; г), д) сасунские армяне; е) урмийский (хойский) армянин (фотографии из архива М.Г. Абдушелишвили)
Fig. 1. The Near Eastern anthropological type: а), б), в) Bayazet Armenians, г), д) Sasun Armenians, е) Urmia (Khoi) Armenian (photographs from the archive of M.G. Abdushelishvili)

Армяне *телавские* из Кахетии ($41^{\circ}55'01''$ с. ш. $45^{\circ}28'35''$ в. д.) характеризуются умеренной брахикранией, высоким и узким носом, умеренным развитием волосяного покрова на груди и лице, высоким процентом светлых глаз, прямым лбом, резко выступающим подбородком, высоким поперечным профилем спинки носа, выпуклой в хрящевой части спинкой носа, опущенным кончиком и основанием носа, резко выступающими ноздрями.

Армяне *ахалкалакские* (католики) из Самцхе-Джавахетии ($41^{\circ}24'20''$ с. ш. $43^{\circ}29'10''$ в. д.) характеризуются умеренной брахикранией, широким лбом, низким и узким носом, густыми бровями, низким процентом темных глаз, прямым лбом, сильно выступающим профилем лица со сглаженными скулами, резко выступающим подбородком, высоким переносьем, опущенным кончиком носа и резко выраженными крыльевыми бороздами.

Армяне *ахалкалакские* (григорьяне) из Самцхе-Джавахетии ($41^{\circ}24'20''$ с. ш. $43^{\circ}29'10''$ в. д.) характеризуются умеренной брахикранией, широким лбом, высоким лицом и носом, резко профилированным лицом со сглаженными скулами, опущенным кончиком носа и резко выраженными крыльевыми бороздами.

Армяне *терзольские* из Имеретии ($42^{\circ}11'00''$ с. ш. $42^{\circ}58'38''$ в. д.) характеризуются очень низким лицом, очень широким носом, тонкими губами, развитым волосяным покровом груди, высоким процентом наличия складки верхнего века, темными глазами, прямым лбом, резко профилированным, со сглаженными скулами лицом, высоким переносьем, высокими и резко выраженными ноздрями.

Армяне *гагрские* из Абхазии ($43^{\circ}16'51''$ с. ш. $40^{\circ}16'01''$ в. д.) характеризуются широким лбом, низким процентом наличия складки верхнего века, темными глазами, высоким переносьем, высоким поперечным профилем спинки носа, выпуклой спинкой носа, высокими ноздрями.

Армяне *шамхорские* из Шамкира ($40^{\circ}49'47''$ с. ш. $46^{\circ}01'02''$ в. д.) характеризуются резкой брахикранией, широкой нижней челюстью, высоким носом, развитым третичным волосяным покровом, густыми бровями, темными глазами, сглаженными скулами, высоким поперечным

профилем спинки носа, выпуклой в хрящевой части спинкой носа, опущенным кончиком и основанием носа, высокими, но слабо выраженными крыльями носа.

Армяне *шемахские* ($40^{\circ}38'02''$ с. ш. $48^{\circ}38'21''$ в. д.) характеризуются резкой брахикранией, широкой нижней челюстью, низким и широким носом, развитием волосяного покрова груди, темными глазами и высокими ноздрями.

Армяне *таты* ($38^{\circ}04'36''$ с. ш. $46^{\circ}16'48''$ в. д.) характеризуются резкой брахикранией, очень малой длиной тела, низким носом, высокой верхней губой, густым волосяным покровом груди, выраженными бровями, темными глазами, сглаженными скулами, высоким переносьем, низкими крыльями носа.

Армяне *таты* из Кильвара ($41^{\circ}12'22''$ с. ш. $48^{\circ}45'42''$ в. д.) характеризуются резкой брахикранией, очень малой длиной тела, высоким и широким носом, высокой верхней губой, сглаженными скулами, высоким переносьем и поперечным профилем спинки носа, выпуклой в костной части спинкой носа, опущенным кончиком и основанием носа, высокими крыльями носа.

Армяне *шушинские* ($39^{\circ}45'$ с. ш. $46^{\circ}45'$ в. д.) характеризуются резкой брахикранией, узким лбом, высоким носом, высокой верхней губой, развитым волосяным покровом груди, густой бородой и относительно редкими бровями, высоким переносьем, горизонтальным кончиком и основанием носа, слегка приподнятой верхней губой.

Армяне *нахичеванские* ($39^{\circ}12'32''$ с. ш. $45^{\circ}24'44''$ в. д.) характеризуются резкой брахикранией, очень малым ростом, низким лицом, широким носом, высокой верхней губой, сильным развитием волосяного покрова груди, редкой бородой и густыми бровями, высоким переносьем, прямой спинкой носа, горизонтальным положением кончика и основания носа, резко выраженными и выступающими ноздрями.

Близость между этно-территориальными группами демонстрируют графики основных морфологических признаков (рис. 2). В морфологическом отношении, наиболее близкими к лорийским армянам оказались арагацотнские (сасунские), тавушские, алашкертские (католики) и сюникские армяне. К тавушским армянам наиболее близкими являются урмийские из Вайоцзорской провинции, арцахские, сюникские (мегрйские), баязетские и ахалкалакские (католики) армяне.

К аштаракским армянам (Арагацотнская провинция) близки алашкертские (католики), сасунские, нахичеванские, урмийские (Арагатская, Вайоцзорская провинции), баязетские и ахалкалакские (григориане), шамхорские армяне. К арцахским армянам близкими группами являются урмийские (равнинные), тавушские, сюникские, гагрские, алашкертские (католики), нахичеванские, лорийские. Наибольшую схожесть с армянами востока Сюникской провинции (Горис) демонстрируют баязетские, мегрийские, урмийские (Арагатская, Вайоцзорская провинции), сасунские, нахичеванские, арцахские, алашкертские (католики), ахалкалакские (григориане), лорийские и аштаракские. К армянам юга Сюникской провинции (Мегри) наиболее приближены арцахские, урмийские (Вайоцзорская провинция), сасунские, нахичеванские, горисские (Сюникская провинция), урмийские (Арагатская провинция), гагрские, тавушские армяне. К урмийским (хойские, Арагатская провинция) армянам проявляют схожесть мегрийские, арцахские, баязетские, сюникские, урмийские (хойские, Вайоцзорская провинция), аштаракские, тавушские, шемахские, шамхорские и нахичеванские армяне. К урмийским (хойские, Вайоцзорская провинция) армянам наиболее близки мегрийские, сасунские, арцахские, урмийские (хойские, Арагатская провинция), баязетские, тавушские, горисские (Сюникская провинция), гагрские, аштаракские, нахичеванские, алашкертские (католики) и шемахские армяне. К алашкертским армянам (католики) близкими оказались группы из Гегаркуникской, Арагацотнской (сасунские) провинций, Ахалкалакского муниципалитета (григориане), Лорийской, Арагацотнской, Сюникской провинций и Нахичевани. С армянами Гегаркуникской провинции (баязетские) проявили схожесть сасунские, алашкертские (католики), горисские (Сюникская провинция), урмийские (Вайоцзорская и Арагатская провинции), мегрийские, ахалкалакские (григориане) и арцахские армяне.

Рис. 2. Основные морфологические признаки: 1) длина тела (9); 2) продольный диаметр головы (10); 3) поперечный диаметр головы (11); 4) наименьшая ширина лба (12); 5) скуловой диаметр (13); 6) нижнечелюстной диаметр (14); 7) физиономическая высота лица (15); 8) морфологическая высота лица (16); 9) высота носа от нижнего края бровей (17); 10) высота носа от переносья (18); 11) ширина носа (19); 12) высота кожной части верхней губы (21); 13) толщина обеих губ (22); 14) ширина рта (20)

Fig. 2. Basic morphological features: 1) body length (9); 2) longitudinal diameter of the head (10); 3) transverse diameter of the head (11); 4) smallest width of the forehead (12); 5) zygomatic diameter (13); 6) mandibular diameter (14); 7) physiognomic height of the face (15); 8) morphological height of the face (16); 9) height of the nose from the lower edge of the eyebrows (17); 10) height of the nose from the bridge of the nose (18); 11) width of the nose (19); 12) height of the cutaneous part of the upper lip (21); 13) thickness of both lips (22); 14) width of the mouth (20)

К сасунским армянам Арагацотнской провинций подошли по параметрам баязетские, урмийские (Вайоцзорская провинция), алашкертские (католики), гориские (Сюникская провинция), лорийские, мегрийские и арцахские армяне.

В работе для статистической обработки были использованы наиболее репрезентативные с точки зрения проявленности признаков группы армян. Был проведен анализ главных компонент (ГК: факторный анализ) 17 групп армян. Сравнение проводилось по 14 измерительным признакам (табл. 1): 1) длина тела (9); 2) продольный диаметр головы (10); 3) поперечный диаметр головы (11); 4) наименьшая ширина лба (12); 5) скуловой диаметр (13); 6) нижнечелюстной диаметр (14); 7) физиономическая высота лица (15); 8) морфологическая высота лица (16); 9) высота носа от нижнего края бровей (17); 10) высота носа от переносья (18); 11) ширина носа (19); 12) высота кожной части верхней губы (21); 13) толщина обеих губ (22); 14) ширина рта (20).

Первые два фактора описывают 89,4 % дисперсии групп. Из таблицы 1, в которой даны нагрузки факторов на признаки, очевидно, что разграничительной, следовательно, дифференцирующей способностью обладают следующие признаки: высота носа от переносья, скуловой диаметр, морфологическая высота лица, высота носа от нижнего края бровей и продольный диаметр головы. Наибольшая нагрузка на I ГК падает на высоту носа от переносья, морфологическую высоту лица и высоту носа от нижнего края бровей. Второй фактор дифференцирует армянские группы в основном по скуловому диаметру и продольному диаметру головы.

Таблица 1

Table 1

Элементы главных компонент для 17 мужских групп
Principal Components Items for 17 Male Groups

Признаки	I ГК	II ГК
9. Длина тела	0,545335	-0,11463
10. Продольный диаметр головы	-0,0762	-0,87122
11. Поперечный диаметр головы	0,002859	-0,45252
12. Наименьшая ширина лба	0,15995	-0,57119
13. Скуловой диаметр	0,358161	-0,90921
14. Нижнечелюстной диаметр	0,591833	-0,60381
15. Физиономическая высота лица	0,527351	-0,25992
16. Морфологическая высота лица	0,76697	-0,09811
17. Высота носа от нижнего края бровей	0,904651	-0,05431
18. Высота носа от переносья	0,979572	0,151691
19. Ширина носа	-0,04324	-0,25739
21. Высота кожной части верхней губы	-0,11935	-0,42524
22. Толщина обеих губ	0,410595	-0,0019
20. Ширина рта	0,569304	0,40814

Графический рисунок дает представление о морфологическом сходстве армянских групп в Армении и в сопредельных территориях в ракурсе первых двух факторов. Максимально близкие связи обнаружены у групп лорийской провинции (1), арцаха (4) и ахалкалака (15, Самцхе-Джавахети). К ним примыкают группы из Вайоцзорской (8, урмийские, хойские) и Тавушской (2) провинций (рис. 3).

В работе применяется вариант канонического анализа, позволяющий анализировать сразу количественные, балловые и бинарные (альтернативно варьирующие) признаки (анализ проведен В.Е. Дерябиным), что необходимо при применении расовой соматологической программы [Дерябин, 1999, 2003].

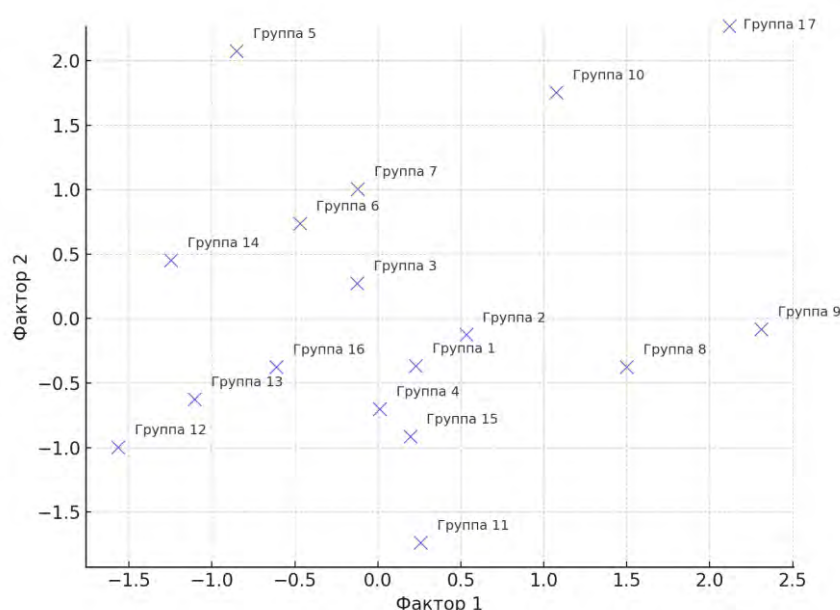

Рис. 3. График сочетания средних значений первых двух канонических переменных, полученных при анализе групп: 1) армяне лорийской провинции; 2) армяне тавушской провинции; 3) армяне арагацотнской провинции; 4) армяне арцаха; 5) армяне гориские (Сюникская провинция); 6) армяне мегрийские (Сюникская провинция); 7) армяне урмийские (хойские, Араратская провинция); 8) армяне урмийские (хойские, Вайоцдзорская провинция); 9) армяне алашкертские (католики, Лорийская провинция); 10) армяне баязетские (Гегаркуникская провинция); 11) армяне сасунские (Арагацотнская провинция); 12) армяне телавские (Кахетии, Грузия); 13) армяне горийские (Внутренняя Картли); 14) армяне тержольские (Имеретии); 15) армяне ахалкалакские (григорьяне, Самцхе-Джавахети); 16) армяне ахалкалакские (католики, Самцхе-Джавахети); 17) армяне гагрские (Абхазия)

Fig. 3. Graph of the combination of the mean values of the first two canonical variables obtained in the analysis of groups: 1) Armenians of Lori province; 2) Armenians of Tavush province; 3) Armenians of Aragatsotn province; 4) Armenians of Artsakh; 5) Armenians of Gori (Syunik province); 6) Armenians of Meghri (Syunik province); 7) Armenians of Urmia (Khoy, Ararat province); 8) Armenians of Urmia (Khoy, Vayots Dzor province); 9) Armenians of Alashkert (Catholics, Lori province); 10) Armenians of Bayazet (Gegharkunik province); 11) Armenians of Sassoun (Aragatsotn province); 12) Armenians of Telavi (Kakheti, Georgia); 13) Armenians of Gori (Inner Georgia), Kartli); 14) Terzholi Armenians (Imereti); 15) Akhalkalaki Armenians (Grigoryans, Samtskhe-Javakheti); 16) Akhalkalaki Armenians (Catholics, Samtskhe-Javakheti); 17) Gagra Armenians (Abkhazia)

На графике канонического анализа (рис. 4) в правой части выделяется компактный и обособленный кластер, включающий армян с территории Армении, греков Грузии и ассирийцев. Он соответствует антропологическому варианту переднеазиатского антропологического типа. Несколько обособлено на графике выборки греков. Арменоидному варианту на графике в левой части противостоит объединение южногрузинских групп. Можно констатировать объективное существование особого варианта, которому вслед за М.Г. Абдушлишвили [Абдушлишвили, 1963, Абдушлишвили, 1964] можно именовать южногрузинского. Как было указано выше, М.Г. Абдушлишвили относил южногрузинский вариант не к переднеазиатскому, а к иберийскому антропологическому типу, включающему также картлийцев Восточной Грузии и некоторые другие группы (армян, евреев, кабардинцев, карачаевцев, удин). Выборки грузинских армян размещены в непосредственном соседстве с группами южногрузинского варианта. Следовательно, в составе переднеазиатского антропологического типа можно совершенно и объективно выделить два дискретных кластера, соответствующих арменоидному и южногрузинскому вариантам [Абдушлишвили, 1963; Дерябин, 1999, 2003].

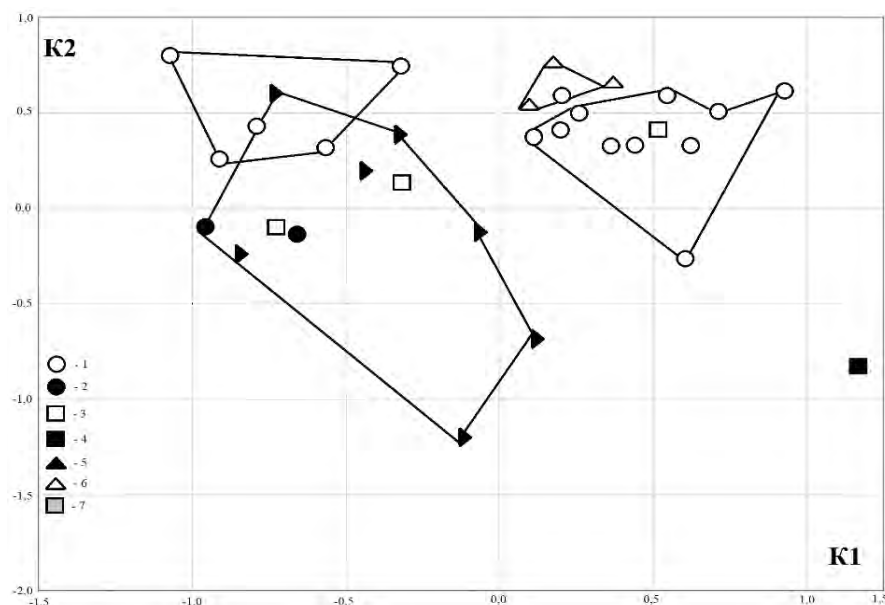

Рис. 4. График сочетания средних значений первых двух канонических переменных, полученных при анализе групп переднеазиатского антропологического типа.

Условные обозначения: 1 – армяне, 2 – грузины-месхи, 3 – грузины-джавахы, 4 – грузины-лазы, 5 – грузины-аджарцы, 6 – греки, 7 – ассирийцы (данные, полученные В.Е. Дерябиным)

Fig. 4. Graph of the combination of average values of the first two canonical variables obtained in the analysis of groups of the Near-Asian anthropological type.

Legend: 1 – Armenians, 2 – Georgian Meskhets, 3 – Georgian Javakhs, 4 – Georgian Lazis, 5 – Georgian Adjarians, 6 – Greeks, 7 – Assyrians (data obtained by V.E. Deryabin)

При дальнейшем анализе основной совокупности выборок, образовавших балкано-кавказский таксон, была получена картина, представленная на графике 5.

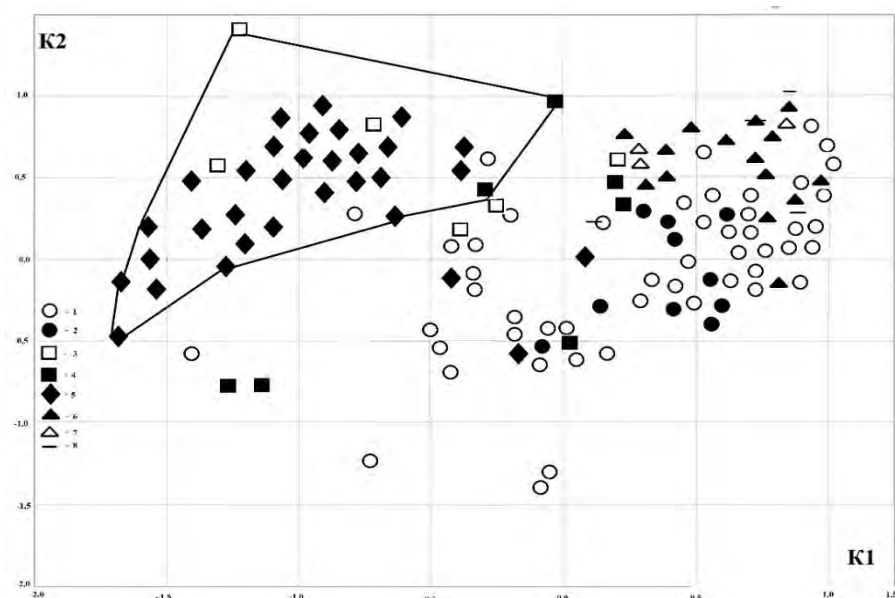

Рис. 5. График сочетания средних значений первых двух канонических переменных, полученных при анализе балкано-кавказских групп. Условные обозначения: 1 – картвелцы, 2 – абхазо-адыги, 3 – турки, 4 – иранцы, 5 – нахско-дагестанцы, 6 – армяне, 7 – греки, 8 – семиты ассирийцы (данные, полученные В.Е. Дерябиным)

Fig. 5. Graph of the combination of average values of the first two canonical variables obtained in the analysis of the Balkan-Caucasian groups. Legend: 1 – Kartvelians, 2 – Abkhaz-Adyghe, 3 – Turks, 4 – Iranians, 5 – Nakh-Dagestanis, 6 – Armenians, 7 – Greeks, 8 – Semites-Assyrians (data obtained by V.E. Deryabin)

Здесь можно зафиксировать наличие трех относительно обособленных «облаков» точек, из которых в левой его зоне (области малых значений первого КВ) размещается кластер, включающий преимущественно дагестанские группы. Он соответствует кавкасионскому антропологическому типу. Об этом свидетельствует географическая локализация образовавших его выборок и морфологический смысл выделяющих его малых значений первого КВ, который описывает комбинацию усиления брахикефалии за счет увеличения поперечного диаметра головы, более высокой верхней губы, более светлых и менее прямых волос, ослабления горизонтальной профилировки лица и высоты переноса, усиления наклона лобной кости. Выборки армян на графике в правой части размещены в непосредственном соседстве с группами греков, картвельцев, семитов ассирийцев и иранцев.

Заключение

Арменоидная группа популяций характеризуется темной кожей, пигментированными глазами, слегка волнистыми волосами и выраженным развитием третичного волосяного покрова, особенно на лице. Для представителей данной группы типичны высокие и широкие крылья носа, умеренно полные губы, лицо средней ширины и сравнительно большой высоты, а также очень высокая брахикранный голова, зачастую с резко наклонным лбом и уплощённым затылком [Абдушелишвили, 1966].

Согласно анализу 28 морфологических признаков, характерных для отдельных этно-территориальных групп, все армянские популяции обладают высокими показателями головного индекса при малом продольном и среднем поперечном диаметре головы, ниже среднего ростом, узким лицом, по физиологической высоте – ниже среднего, но с лицом средней или выше средней ширины, высоким носом, высокой верхней губой, губами толще среднего, развитым волосяным покровом на груди и лице, средним или высоким процентом наличия складки века, темными волосами, темными или смешанными глазами, широким разрезом глаз, прямым или умеренно наклонным лбом, резко выраженным профилем с сглаженными скулами, средним или высоким процентом выпуклых форм спинки носа, высокими, выступающими и ярко выраженными крыльями носа и так далее. Безусловно, данный комплекс признаков относит все армянские группы к переднеазиатскому (арменоидному) типу.

Однако армянские популяции демонстрируют отклонения от классического переднеазиатского комплекса, характеризующиеся выраженной горизонтальной профилировкой лица, узкой шириной лица, горизонтальным или несколько опущенным кончиком носа, прямым лбом с сглаженным надбровьем и толстыми губами. Эти отклонения свидетельствуют о том, что армянские группы представляют собой региональную разновидность, мало отличающуюся от основного антропологического субстрата переднеазиатской расы. Морфологическое сходство и внутренняя общность всех армянских групп указывают на широкое распространение и доминирующее положение этого типа на территории Армянского нагорья. Доказательства широкого распространения включают раннюю локализацию исследуемых групп на территории Армении, где некоторые из них еще несколько десятилетий назад обитали в таких районах, как Урмия, Баязет, Сасун, Эрзрум и других. На доминирующее положение этого типа также указывает отмеченное морфологическое единство и внутреннее сходство между этими группами, так как в противном случае влияние более сильной и отличающейся доминанты привело бы к отклонениям от исходного типа, что в конечном итоге проявилось бы в отличиях между этими группами и древним армянским населением [Худавердян, 2010, 2023].

Сходство армянских субпопуляций также проявляется в области гематологии, где была подтверждена генетическая общность всех армянских групп как внутри Армении, так и за ее пределами [Нерсисян и др., 1989, 1998]. Анализ распределения иммунологических маркеров крови (системы ABO, HLA, Rh-Hr, MNSs, Duffy, Kidd, Kell-Cellano, Lewis, Lutheran, Diego, Gm

и Jnv) в различных армянских популяциях (Армения, Грузия, Франция, Сирия, Ливан) показал, что частота встречаемости этих признаков в целом одинакова [Нерсисян и др., 1989, 1998]. Подобное единство также выявляется при исследовании дерматоглифических признаков [Кочар, 1989], в которых с высокой четкостью прослеживается переднеазиатский (арменоидный) расодиагностический комплекс [Хить, 1983; Битадзе, 2006].

Результаты сравнительного анализа позволяют утверждать наличие кавказской общности в составе южноевропеоидной расы, корни которой можно проследить с глубокой древности. В настоящее время не вызывает сомнений, что на Кавказе представлены местные разновидности всех четырех основных ветвей юноевропеоидной расы, которые связаны между собой определенным комплексом морфологического сходства. На этом узком кавказском перешейке пересекались ареалы распространения этих ветвей, что сопровождалось процессами ассимиляции и формированием местных особенностей этих популяций.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность Тиграну Левонян за сканирование и обработку старых фотографий.

Список литературы

- Абдушлишвили М.Г. 1963. Об антропологическом составе современного населения Армении. *Труды Института Этнографии* (Антропологический сборник. 1. Москва: АН СССР). 82: 3–27.
- Абдушлишвили М.Г. 1964. *Антропология древнего и современного населения Грузии*. Тбилиси: Мецниереба, 206.
- Абдушлишвили М.Г. 1966. *К краниологии древнего и современного населения Кавказа*. Тбилиси, Мецниереба, 134.
- Алексеев В.П. 1974. *Происхождение народов Кавказа*. Москва, Наука, 317
- Анучин Д.Н. 1898. Армяне в антропологическом и географическом отношении. *Братская помощь пострадавшим в Турции армянам*. Москва, И. Н. Кушнеревъ и К^о: 3–13.
- Битадзе Л.О. 2006. Генезис кавкасионского типа по данным антропологии. Автореферат дисс... доктора исторических наук. Тбилиси, 106.
- Бунак В.В. 1927. *Crania Armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии. Труды Антропологического НИИ при МГУ. Вып. 2. Москва, 264.
- Варданян Л.М. 2015. К 150-летию С.Д. Лисициана: из истории антропологической науки в Армении. *Вестник антропологии*. 1(29): 101–121.
- Гаджиев А.Г. 1971. Антропология малых популяций Дагестана. Институт истории и лингвистики. Махачкала, 293–364.
- Дебец Г.Ф. 1956. Антропологические исследования в Дагестане. *Труды Института Этнографии*. Т. 33: 207–237.
- Дебец Г.Ф. 1960. Антропологические типы. Народы Кавказа, т. 1. Москва, АН СССР: 26–32.
- Дерябин В.Е. 1999. Этническая антропология современных народов Кавказа. Многомерное количественное изучение. Рукопись, депонированная в ВИНТИ No 253 - В99 от 27.01.99. Москва, 56.
- Дерябин В.Е. 2003. О дискретности расовых вариантов в современном населении Восточной Европы и Кавказа: популяционный типологизм против клинализма. Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. Москва: 98–114.
- Касимова Р.М. 1975. *Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР*. Баку, Elm, 98.
- Кашибадзе В.Ф. 1990. Одонтология армян. *Биологический журнал Армении* 4(43): 285–295.
- Кочар Н.Р. 1989. Антропология армян (дерматоглифика и популяционная структура). Ереван: АН АрмССР, 103.
- Кочар Н.Р., Паликян А.К., Налбандян К.Г. 2013. Этногенетическое исследование проживающих в Армении ассирийцев (по антропологическим данным ассирийцев Верин Двин). *Историко-филологический журнал НАН РА*. 2(193): 255–272.
- Кочиев Р.С. 1979. Закавказье и Северный Кавказ. *Этническая одонтология СССР*. Москва, Наука: 114–140.

- Налбандян К.Г. 2007. Дерматоглифическая характеристика ассирийской популяции села Верин Двин. *Биологический журнал Армении* 59 (1–2): 43–48.
- Нерсисян В.М., Мартиросян И.Г., Акопян Л.П., Мусасян Н.О. 1989. Изучение иммуногенетических маркеров крови в популяции армян. *Биологический журнал Армении* XLII (2): 87–95.
- Нерсисян В.М., Делянц Р.З., Данелян И.Б., Бадунц Н.Я. 1994. Особенности распределения фенотипов и генов систем АВО и Rhesus у населения Нагорного Карабаха. *Генетика* 30(2): 271–275.
- Паликян А.К. 2007. Одонтология ассирийцев. *Биологический журнал Армении* LIX (1–2): 155–157.
- Пантюхов И.И. 1889. О росте некоторых племен Закавказского края. *Медицинский сборник*. Тифлис: Кавказское медицинское общество, 50: 121–134.
- Хитъ Г.Л. 1983. *Дерматоглифика народов СССР*. Москва, Наука: 286.
- Худавердян А.Ю. 2010. Морфологическая изменчивость некоторых структурных особенностей черепа у населения Армянского нагорья в свете эпохальных процессов. *Человек: его биологическая и социальная история*. Т. 1. Москва – Одинцово: 194–200.
- Худавердян А.Ю. 2023. Длина тела в древних и современных популяциях Армении. *Via in tempore. Серия История. Политология* 50(2): 299–314.
- Худавердян А.Ю. 2024. В.В. Бунак и геноцид армян: приключение одной фотографии. *Via in tempore. Серия История. Политология* 51(1): 73–82.
- Chantre E. 1882. Aperçu sur les caractères ethniques ethniques des ansharies et des kurdes. *Bulletin de la Société d'anthropologie de Lyon* I: 165–185.
- Chantre E. 1892. Rapport sur une Mission scientifique en Armenie Russe. *Nouvelles archives des missions scientifiques* (Paris) III: 92–105.
- Chantre E. 1893. Aperçu sur l'anthropometrie des peuples de la Transcaucasie. *Congrès International d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques*, II. Moscou, 238–239.
- Erkert R. 1883. Körpermessungen russischer Völker. *Zeitschrift für Ethnologie* IV: 148–162.
- Langerhans P. 1873. Beiträge zur anatomischen Anthropologie. *Zeitschrift für Ethnologie* 5: 27–32.
- Luschan F. 1911. The Early Inhabitants of Western Asia (The Huxley Memorial Lecture for 1911). *Reprinted from the The Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland* (London) XII: 221–244.

References

- Abdushelishvili M.G. 1963. Ob antropologicheskoy sostave sovremennogo naseleniya Armenii [On the Anthropological Composition of the Modern Population of Armenia]. *Trudy Instituta Etnografii (Antropologicheskii sbornik) [Proceedings of the Institute of Ethnography (Anthropological collection)]*. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences). 82: 3–27.
- Abdushelishvili M.G. 1964. *Antropologiya drevnego i sovremennogo naseleniya Gruzii* [Anthropology of the Ancient and Modern Population of Georgia]. Tbilisi, Metznierba, 206.
- Abdushelishvili M.G. 1966. K kraniologii drevnego i sovremennogo naseleniya Kavkaza [On the Craniology of the Ancient and Modern Population of the Caucasus]. Tbilisi, 134.
- Alekseev V.P. 1974. Proiskhozhdeniye narodov Kavkaza [Origin of the Peoples of the Caucasus]. M., Nauka, 317.
- Anuchin D.N. 1898. Armenians in Anthropological and Histographic View. *Fraternal aid to Armenians who suffered in Turkey*. Moscow: I.N. Kushnerev and K0, 3–13 (in Russian).
- Bitadze L.O. 2006. Genezis kavkasiyskogo tipa po dannym antropologii [Genesis of the Caucasian Type According to Anthropological Data]. Avtoreferat diss... doktor istoricheskikh nauk [Abstract of dissertation... doctor of Sciences in History]. Tbilisi, 106.
- Bunak V.V. 1927. Crania Armenica. Issledovaniye po antropologii Peredney Azii [Crania Armenica. Research on Anthropology of Western Asia]. *Trudy Antropologicheskogo NII pri MGU [Proceedings of the Anthropological Research Institute at Moscow State University]*. Vol. 2. M., 264.
- Vardanyan L.M. 2015. K 150-letiyu S.D. Lisitsiana: izistorii antropologicheskoy nauki v Armenii [To the 150th Anniversary of S.D. Lisitsian: From the History of Anthropological Science in Armenia]. *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]*. 1(29): 101–121.
- Gadzhiev A.G. 1971. Antropologiya malykh populyatsiy Dagestana [Anthropology of Small Populations of Dagestan]. *Institut istorii i lingvistiki [Institute of History and Linguistics]*. Makhachkala, 293–364.
- Debets G.F. 1956. Antropologicheskiye issledovaniya v Dagestane [Anthropological Research in Dagestan]. *Trudy Instituta Etnografii [Proceedings of the Institute of Ethnography]*. 33: 207–237.

- Deryabin V.E. 1999. Etnicheskaya antropologiya sovremennykh narodov Kavkaza. Mnogomernoye kolichestvennoye izucheniye [Ethnic Anthropology of Modern Peoples of the Caucasus. Multidimensional Quantitative Study]. Rukopis', deponirovannaya v VINITI [Manuscript Deposited in VINITI] No. 253 - B99 from 27.01.99. Moscow, 56.
- Deryabin V.E. 2003. O diskretnosti rasovykh variantov v sovremennoy naselenii Vostochnoy Yevropy i Kavkaza: populyatsionnyy tipologizm protiv klinalizma [On the Discreteness of Racial Variants in the Modern Population of Eastern Europe and the Caucasus: Population Typologism Versus Clinalism]. *Nauka o cheloveke i obshchestvo: itogi, problemy, perspektivy* [Science of Man and Society: Results, Problems, Prospects]. Moscow, 98–114.
- Kashibadze V.F. 1990. Odontologiya arмян [Odontology of Armenians]. *Biologicheskii zhurnal Armenii* [Biological Journal of Armenia] 4(43): 285–295.
- Kasimova R. M. 1975. Antropologicheskiye issledovaniya sovremennoy naseleniya Azerbaydzhansko SSR [Anthropological Studies of the Modern Population of the Azerbaijan SSR]. Baku, Elm, 98.
- Kochar N.R. 1989. Antropologiya arмян (dermatoglifika i populyatsionnaya struktura) [Anthropology of Armenians (Dermatoglyphics and Population Structure)]. Yerevan: Academy of Sciences of the ArmSSR, 103.
- Kochar N.R., Palikyan A.K., Nalbandyan K.G. 2013. Etnogeneticheskoye issledovaniye prozhivayushchikh v Armenii assiriytsev (po antropologicheskim dannym assiriytsev Verin Dvin) [Ethnogenetic Study of Assyrians Living in Armenia (Based on Anthropological Data of Verin Dvin Assyrians)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal NAN RA* [Historical and Philological Journal of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia]. 2(193): 255–272.
- Kochiev R.S. 1979. Zakavkaz'ye i Severnyy Kavkaz [Transcaucasia and the North Caucasus]. *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR]. Moscow, Nauka, 114–140.
- Nalbandyan K.G. 2007. Dermatoglificheskaya kharakteristika assiriyskoy populyatsii sela Verin Dvin [Dermatoglyphic Characteristics of the Assyrian Population of the Village of Verin Dvin]. *Biologicheskii zhurnal Armenii* [Biological Journal of Armenia] 59(1–2): 43–48.
- Nersesyan V.M., Martirosyan I.G., Akopyan L.P., Musaelyan N.O. 1989. Izucheniye immunogeneticheskikh markerov krovi v populyatsii arмян [Study of Immunogenetic Markers of Blood in the Armenian Population]. *Biologicheskii zhurnal Armenii* [Biological Journal of Armenia] XLII (2): 87–95.
- Nersesyan V.M., Delyanyan R.Z., Danelyan I.B., Badunts N.Ya. 1994. Osobennosti raspredeleniya fenotipov i genov sistem AVO i Rhesus u naseleniya Nagornogo Karabakha [Peculiarities of Distribution of Phenotypes and Genes of ABO and Rhesus Systems in the Population of Nagorno-Karabakh]. *Genetika* [Genetics] 30(2): 271–275.
- Palikyan A.K. 2007. Odontologiya assiriytsev [Odontology of the Assyrians]. *Biologicheskii zhurnal Armenii* [Biological Journal of Armenia] LIX (1–2): 155–157.
- Pantukhov I.I. 1889. O roste nekotorykh plemen Zakavkazskogo kraia [On the Growth of Some Tribes of the Transcaucasian Region]. *Meditinskiy sbornik* [Medical Collection] Tiflis: Caucasian Medical Society, 50, 121–134.
- Khit G.L. 1983. Dermatoglifika narodov SSSR [Dermatoglyphics of the Peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 286.
- Khudaverdyan A.Yu. 2010. Morfologicheskaya izmenchivost' nekotorykh strukturnykh osobennostey cherepa u naseleniya Armyanskogo nagor'ya v svete epokhal'nykh protsessov [Morphological Variability of Some Structural Features of the Skull in the Population of the Armenian Highlands in Light of Epochal Processes]. *Chelovek: yego biologicheskaya i sotsial'naya istoriya* [Man: his biological and social history]. Vol. 1. Moscow – Odintsovo, 194–200.
- Khudaverdyan A.Yu. 2023. Dlina tela v drevnikh i sovremennykh populyatsiyakh Armenii [Body Length in Ancient and Modern Populations of Armenia]. *Via in tempore. Seriya Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. Series History. Political Science] 50(2): 299–314.
- Khudaverdyan A.Yu. 2024. Bunak i genotsid arмян: priklyucheniye odnoy fotografii [V.V. Bunak and the Armenian Genocide: The Adventure of One Photograph]. *Via in tempore. Seriya Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. Series History. Political Science] 51(1), 73–82.
- Chantre E. 1882. Aperçu sur les caractères ethniques ethniques des ansharies et des kurdes. *Bulletin de la Société d'anthropologie de Lyon* I: 165–185.
- Chantre E. 1892. Rapport sur une Mission scientifique en Armenie Russe. *Nouvelles archives des missions scientifiques* (Paris) III: 92–105.

- Chantre E. 1893. Aperçu sur l'anthropometrie des peuples de la Transcaucasie. *Congrès International d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques*, II. Moscou, 238–239.
- Erkert R. 1883. Körpermessungen russischer Völker. *Zeitschrift für Ethnologie* IV: 148–162.
- Langerhans P. 1873. Beiträge zur anatomischen Anthropologie. *Zeitschrift für Ethnologie* 5: 27–32.
- Luschan F. 1911. The Early Inhabitants of Western Asia (The Huxley Memorial Lecture for 1911). *Reprinted from the The Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland* (London) XII: 221–244.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.05.2025

Received 09.05.2025

Поступила после рецензирования 02.06.2025

Revised 02.06.2025

Принята к публикации 04.06.2025

Accepted 04.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Худавердян Анаит Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук, г. Ереван, Республика Армения

Anaihit Yu. Khudaverdyan, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences, Yerevan, Republic of Armenia

 [ORCID: 0000-0002-1458-783X](https://orcid.org/0000-0002-1458-783X)

УДК 904: 327.8

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-357-365

EDN GNGCVP

Оригинальное исследование

К истории санкционной внешней политики в новейшее время: США и их союзники против Ирана

Кольцов П.М. , Шураев Н.А.

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Россия, 35800, Элиста, ул. Пушкина, д. 11

E-mail: petrkoltsov52@mail.ru, shuraev310@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу эффективности политики санкций на современном этапе истории. В ней разбираются исторические основы санкционной политики, делается вывод о том, что санкционная политика является неотделимой частью конфронтации в международных отношениях. Статья основана на анализе исторических источников, а также историографии вопроса. В качестве источников выступили уставные документы Лиги Наций и ООН, а также наиболее примечательные нормативные акты США, налагающие санкции на их противников. В статье анализируется исторический аспект санкций во внешней политике государств. Сравнивается характер санкций в Древнем мире, Средних веках, Новом и Новейшем времени. Особое внимание уделяется новейшему периоду в истории: санкциям США и их союзников против Ирана. С точки зрения мирового права, санкции направлены на невооружённое принуждение государств к отказу от проводимой ими внутренней или внешней политики. Однако история санкций показывает, что требования вводящего санкции государства и международного сообщества не выполняются.

Ключевые слова: западные санкции, санкции против Ирана, преодоление санкций, история санкций, геополитика

Для цитирования: Кольцов П.М., Шураев Н.А. 2025. К истории санкционной внешней политики в новейшее время: США и их союзники против Ирана. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 357–365. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-357-365. EDN: GNGCVP

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Towards the History of Sanctions Foreign Policy in Modern Times: The United States and its Allies against Iran

Petr M. Koltsov , Namsyr A. Shuraev

B.B. Gorodovikov Kalmyk State University,
11 Pushkin St., Elista 35800, Russia

E-mail: petrkoltsov52@mail.ru, shuraev310@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the effectiveness of the sanctions policy at the present stage of history. It examines the historical foundations of sanctions policy and concludes that sanctions policy is an inseparable part of confrontation in international relations. The article is based on an analysis of historical sources, as well as the historiography of the issue. The sources were the charters of the League of Nations and the United Nations, as well as the most notable US regulations imposing sanctions on their opponents. The article analyzes the historical aspect of sanctions in the foreign policy of states. The nature of sanctions in the Ancient World, the Middle Ages, Modern and Modern times is compared. Special attention is paid to the latest period in history: the sanctions imposed by the United States and its allies against Iran. From the point of view of world

law, sanctions are aimed at unarmed coercion of States to abandon their domestic or foreign policies. However, the history of sanctions shows that these countries do not seek to build their policies in accordance with the requirements of the sanctioning State and the international community.

Keywords: Western sanctions, sanctions against Iran, overcoming sanctions, history of sanctions, geopolitics

For citation: Koltsov P.M., Shuraev N.A. 2025. Towards the History of Sanctions Foreign Policy in Modern Times: The United States and its Allies against Iran. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 357–365 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-357-365. EDN: GNGCVP

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Статья посвящена истории санкционной внешней политики, а также анализу её исторической эффективности на примере санкций со стороны США, ее союзников и мирового сообщества в отношении Ирана.

В истории человечества санкционная политика известна достаточно давно, экономические способы политического давления одних стран в отношении других, вероятно, появились вместе с древними цивилизациями. В то же время в силу характерных особенностей экономики того времени, низкой степени ее международной интеграции, низкого уровня разделения труда, экономические санкции всё же не несли такого разрушительного потенциала, который они имеют сейчас. Тем не менее борьба за торговые маршруты, территории и ресурсы имела место и в древнее время.

В статье использованы как источники, так и историографические факты. В качестве непосредственных источников выступают Устав Лиги Наций, Устав ООН, послевоенные нормативные акты США, посвящённые наложению санкционных ограничений, а также дающие полномочия различным органам исполнительной власти накладывать эти ограничения в административном порядке. Специальному исследованию исторического аспекта санкций во внешней политике посвящена статья А.А. Белькевича [Белькевич, 2016, с. 284–294]. Вопрос о санкциях в истории так или иначе поднимался в трудах Е.В. Тарле [Тарле, 1958], Ф. Доллингера [Доллингер, 2020], современных статьях Г.Ю. Петрова [Петров, 2008, с. 140–150], В.Т. Юнгблюда, А.И. Сенникова [Юнгблюд, 2023, с. 70–83]. Новейшая история санкций отражена в исследованиях международных отношений – это статьи О.Л. Бучкевича [Бучкевич, 2006, с. 56–59], Е.В. Виноградовой [Виноградова, 2016], О.В. Комшукова [Комшукова, 2016, с. 24–41], И.С. Ланцовой [Ланцова, 2014, с. 185–198], О.А. Хлопова [Хлопов, 2019, с. 58–61].

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования выступают санкции как инструмент экономического и политического давления ведущих стран и международных организаций в отношении других, а также вопрос эффективности политики санкций на современном этапе истории.

Целью исследования является анализ истории санкционной политики, установленной в разное время западными государствами, преимущественно США и ЕС, против Ирана. Выявление негативного эффекта на экономическое, социальное и политическое состояние санкционируемого государства.

Статья основана на историко-генетическом и историко-сравнительном методах. Историко-генетический метод заключается в изучении объекта исследования в его последовательном и преемственном историческом развитии. Историко-сравнительный метод использовался для сравнения исторического опыта применения санкций во внешней политике на разных этапах истории.

Результаты и их обсуждение

Санкционная политика не является изобретением современного мира. Известно, что широко санкции использовали в своём противостоянии греческие полисы, которые накануне Пелопонесской войны поделились на два враждующих блока. Так, Афинский морской союз в 433 г. наложил торговые санкции на город Мегары. Они включали в себя серьёзные торговые ограничения и запреты, а также запрет посещения мегарскими купцами определённых торговых точек. Интересно, что санкционная политика предшествовала развернувшейся Пелопонесской войне, став одним из ключевых эпизодов, приведших к неизбежному на тот момент конфликту, потрясшему всю Грецию. Таким образом, необходимо сразу отметить особенность экономического противостояния – оно сопровождается противостоянием политическое [Доллингер, 2020].

В Средние века экономическая блокада заключалась в ограничении не только натуральных ресурсов врага, но и различных торговых операций. В силу корпоративности средневековой жизни купцы объединялись в гильдии, а торговые города – в более крупные объединения, чтобы отстаивать свои экономические возможности. Классическим примером такого объединения будет Ганза – союз торговых городов Европы, активно участвующий в европейской торговле.

С развитием мировой торговли, экономическим ростом индустриальной эпохи вырастает роль экономического противостояния. Самым ярким и известным примером была «континентальная блокада», устроенная Наполеоном с целью предотвратить торговлю Англии со странами Европы. Своеобразные санкции против Англии вводились поступательно рядом актов, которые сначала запретили торговлю, затем разрешали арест английских судов, объявляли их враждебными по отношению к Франции. Эффективность континентальной блокады с точки зрения экономики была очевидна – Франция подняла свою промышленность, развивала собственные экономические возможности. Однако в конечном итоге невыгодная для европейских стран континентальная блокада привела к Отечественной войне и поражению Наполеона [Тарле, 1958].

В целом разными странами успешно применялись «морские блокады», смысл которых заключался в блокировании торговых коммуникаций противника. Как правило, такую блокаду осуществляли более промышленно развитые и империалистические страны с целью заполучить определённые экономические и политические преференции. Всего с 1827 по 1914 гг. была проведена двадцать одна крупная торговая блокада. Интересно, что во многих случаях вооружённое противостояние между державами не приводило к существенным ограничениям торговли между ними [Белькевич, 2016, с. 284–294].

Различные запреты с удовольствием вводились против колонизируемых субъектов с целью заставить их подчиняться сложившейся империалистической системе. Однако были и случаи обратные, когда экономики «закрывались» от мировой системы. Такими закрытыми экономиками были Китай и Япония в XIX в. Ограничив торговлю с иностранными государствами, они надеялись преодолеть их политическое влияние. Однако это не удалось. Силой оружия европейцы заставили эти страны снять ограничения на торговлю. Китай смирился со своей участью после Опиумных войн, а Япония была «открыта как устрица» американскими кораблями, угрожавшими применить вооружённую силу [Петров, 2008, с. 140–150].

Индустриализация мировой экономики в двадцатом веке привела к развитию международных контактов, и, как следствие, – к увеличению возможностей для их ограничений. Теперь не только морская торговля, но и дипломатические контакты, разрешения на въезд в страну, международные финансовые операции, сотрудничество в международных организациях и международное научное и культурное сотрудничество – всё это стало предметом санкционных ограничений. Инструментарий санкционной политики в значительной степени расширился.

В 1920 г. понятие «санкции» закрепляется в международном праве. После Первой мировой войны крупные державы искали способы предотвратить подобное кровопролитие, построить системы международной коллективной безопасности. Важным элементом международной политики становится Лига Наций, в рамках которой санкции понимались как политика несогласия одной стороны с различными элементами внутренней и внешней политики другой. Соответственно, последняя должна изменить эти элементы для того, чтобы санкции были отменены. Основным видом санкций были санкции экономические и политические, которые дополнялись культурными, научными и иными ограничениями [Белькевич, 2016, с. 284–294].

Ход мировой истории показал, что санкции в конечном счёте не привели отдельных субъектов международного процесса к необходимости проводить мирную политику. Обложенные международными ограничениями, в том числе и санкционного характера, Германия и Япония, наоборот, приступили к реализации агрессивной и милитаристской политики, а к власти в этих странах пришли фашистские режимы. Несмотря на международные санкции в довоенный период, эти страны не стремились привести свою политику в соответствие с международными нормами. К примеру, санкции Лиги Наций против Италии в 1935 году не остановили итальянскую агрессию в Эфиопии.

После Второй мировой войны ООН также в своём Уставе установила санкции как инструменты контроля за внешней политикой. В 41-й статье Устава ООН, относящейся к 7-й Главе «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии», говорится о том, что Совет Безопасности ООН вправе применять «меры, не связанные с использованием вооружённых сил», а также «требовать от Членов Организации применения этих мер». Указанные меры включают в себя «полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений» [Устав Организации Объединённых Наций].

С 1945 по 1990 гг. санкции Совета Безопасности ООН накладывались только на ЮАР и в 1965 году на Южную Родезию в связи с установившимся в этих странах режимом апартеида. Несмотря на то, что Южная Родезия в конце концов прекратила своё существование в ходе гражданских войн, а ЮАР отменила политику апартеида, результаты непосредственно санкций оцениваются достаточно скромно во многом потому, что ФРГ, Япония, Швейцария и др. продолжили торговлю с подвергнутыми санкциям африканскими странами, а в 1971 г. и США разрешили поставки никеля из Родезии.

По мере развития мировой экономики, её диверсификации, углубления международного разделения труда санкционная политика стала прочным инструментом влияния экономически более могущественной страны на более слабую. С точки зрения современной международной политики экономические и политические санкции считаются гуманной формой давления, которая должна заменить военную силу [Виноградова, 2016, с. 9–23]. Однако на практике этого не происходит, т. к. зачастую после усиления санкционного давления разгораются новые конфликты. Так было, к примеру, с Ираком при Саддаме Хусейне. Санкции в отношении Ирака привели к значительному ухудшению экономической ситуации внутри страны, но не к смене политического режима. За введёнными санкциями последовала военная операция.

В основном санкции вводились и инициировались США и их союзниками. Примером значительных международных санкций, введённых против западных стран, являются санкции арабских экспортёров нефти в 1973 г. Арабские страны попытались остановить международную поддержку Израиля. Нефтяное эмбарго обернулось проблемами для самих экспортёров, для которых экспорт углеводородов составляет значительную часть национального бюджета.

После крушения Советского Союза санкции Совета Безопасности ООН следовали за политикой Запада. За международными санкциями в отношении Ирака, Югославии, Сомали,

Ливии, Афганистана и ряда других стран последовали военные операции, проводимые в ряде случаев без одобрения Совета Безопасности ООН.

Таким образом, ещё с колониальной эры санкции как меры политического и экономического невооружённого принуждения являются излюбленным инструментом западных стран. Это нашло отражение и в их законодательствах. Несмотря на наличие санкционных правовых инструментов у Совета Безопасности ООН, США имеет собственное законодательство, позволяющее американским легислатурам накладывать санкции на третьи страны. Как правило, санкционные ограничения принимаются американскими законодателями в виде закона (Act), как, к примеру, «Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act), принятый в 2017 г. и направленный против Ирана, КНДР и Российской Федерации (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. Сайт Конгресса США).

В период Холодной войны мы видим, что санкционная политика США и стран западной коалиции не приносила существенных результатов, т. к. в условиях биполярного мира невозможно было в значительной степени экономически или политически ограничить страну. Однако с концом Холодной войны и крушением биполярного мира ситуация изменилась – мировой гегемон США и «коллективный Запад» вновь получили возможность накладывать более эффективные санкции, фактически изолируя страну от внешнего мира. В большей степени от режима подобных ограничений пострадал Иран, вынужденный подстраивать своё общество и экономику под существование в условиях внешней экономической, политической, технологической блокады.

Санкции против Ирана имеют продолжительную историю. Примечательно, что использовались санкции для политического давления и на прошлые иранские режимы. В 1950-х гг. иранское правительство произвело национализацию нефтедобывающей «Англо-иранской нефтяной компании» (ныне – BP, British Petroleum), которая производила свою деятельность в Иране с 1913 г. в рамках реализации экономических прав по концессии Д'Арси 1901 г., а также благодаря ряду других уступок Ирана английскому политико-экономическому давлению. После прихода к власти премьер-министра Ирана Мухаммед Мосаддыка проводились левые реформы, в том числе и национализация нефтегазового сектора [Комшукова, 2016, с. 24–41].

Всё это привело к противостоянию между английским и иранским правительствами. Англичане утверждали, что подобный акт, нарушающий право частной собственности, а также различные концессионные экономические права английских компаний, противоречит международному праву. Вначале Великобритания, а затем и США объявили Ирану бойкот, перекрыв ему реализацию нефтепродуктов на международном рынке. Однако бойкот в силу ряда обстоятельств был вскоре отменён.

В 1979 г. США вновь инициируют санкции против Ирана в связи с проведением там Исламской революции. Хронологически санкции против Ирана можно условно разделить на два периода: с 1979 г. по 2005 г. и с 2006 г. до настоящего момента. Первый период отличается односторонним характером санкционной борьбы, второй период – многосторонним [Комшукова, 2016, с. 24–41].

Разумеется, сама по себе революция не является поводом для введения санкций. Таким поводом послужил захват студентами-исламистами 4 ноября 1979 г. американского посольства в Тегеране. Вообще, захват посольства, как и другие виды политических провокаций, имеет множество политических объяснений, но, скорее всего, это была реакция иранских революционных деятелей на предоставление политического убежища свергнутому иранскому шаху [Юнгблюд, 2023, с. 70–83].

Введённые санкции имели широкий спектр воздействия, но больше всех пострадал финансовый сектор. Прежде всего, США заморозили иранские активы, затем ввели торговые запреты, в том числе на деятельность совместных предприятий, особенно в нефтегазовой сфере.

В геополитическом отношении США рассматривали санкции как часть ограничения иранского влияния, замедления его экономического роста. В официальной риторике всячески подчёркивалось, что Иран поддерживает террористические организации, следовательно, санкционное давление на него только увеличивалось. В 80-е гг. был введён полный запрет на товарооборот между США и Ираном, который частично отменили в 1995 г. В области международной торговли под запрет попадали товары военного назначения [Комшукова, 2016, с. 24–41].

В 1990-е гг. расцветает однополярный мир, в котором Америка остаётся единственным гегемоном. В санкционное давление на Иран были вовлечены третьи страны и их граждане. В частности, под запрет попали любые инвестиции в энергетическую сферу Ирана. В 1996 г. был принят Акт о санкциях в отношении Ирана и Ливии (Iran and Libya sanctions Act) [Iran and Libya Sanctions Act of 1996. Congress.gov.].

В 2000-е гг. происходит ещё одно смещение нарратива о причинах санкций. Теперь на повестке дня стала разрабатываемая Ираном ядерная программа, способная создать собственное разрушительное по силе оружие [Davis, 2003, p. 187–197]. Сам Иран подобные разработки не признавал, утверждая, что его ядерная программа носит исключительно мирный характер. Ограничение иранской ядерной программы США объясняли действием Договора о нераспространении ядерного оружия. Тогда же были введены персональные санкции не только против юридических, но и против физических лиц, участвующих в разработке иранской ядерной программы. В целом санкции сопровождались мощнейшим нарративом, утверждающим, что Иран является частью «оси зла» [Бучкевич, 2006, с. 56–59].

В 2006 г. к проводимой США и их союзниками политике санкций присоединилась ООН. Ряд резолюций Совбеза ООН обязывал Иран сотрудничать с МАГАТЭ в области ядерной программы. В 2010 г. Резолюция ООН № 1929 наложила на Иран серьёзные экономические и политические санкции.

Не остался в стороне и Евросоюз, который весной 2007 г. запретил целому ряду иранцев вести бизнес на своей территории, а в 2012 г. ввел эмбарго на иранскую нефть и газ.

В целом санкционное давление на Иран можно оценить как полную блокаду со стороны западных стран любых официальных экономических, технологических и политических отношений с ним. Для обхода существующих санкций Иран использует различные способы, включающие в себя неофициальную торговлю, использование посредников, параллельный импорт и т. д. Большой экономической и политической задачей стало развитие суверенной экономики.

На уровне международных отношений вопрос о санкциях является жизненно важным для Ирана. Западными правительствами предпринимались различные попытки найти компромиссные решения, которые, с одной стороны, заставили бы Иран принять некоторые условия, а с другой стороны, привели бы к снятию санкций. К примеру, в 2013 г. между Ираном и странами группы шести (США, Китай, Россия, Великобритания, Франция, Германия) прошли переговоры и был принят Совместный план действий (Joint Plan of Action). План предусматривал постепенный отказ от санкций в случае выполнения Ираном обязательств по ядерной программе [Joint Plan of Action (JPOA) Archive and Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) Archive]. В 2015 г. Иран выполнил все требования по ядерной программе, о чём свидетельствует заключение МАГАТЭ. В связи с этим Евросоюз действительно частично отменил ряд санкционных ограничений, однако после этого последовали новые санкции, уже по другому поводу – поддержка терроризма и ракетные операции.

Политические цели санкций, по крайней мере официальные (прекращение Ираном разработки собственной ядерной программы), не были достигнуты, однако экономике и военному потенциалу Ирана был нанесён определенный ущерб.

Известно, что санкции используются одним участником международной торговли (страной или группой стран) по отношению к другому участнику («объекту санкций») с целью принудить последнего к изменению политического курса. Однако если санкции рассматривать

не как инструмент политического принуждения, то его эффективность следует считать в экономическом ущербе. С 1914 по 1990 гг. различными правительствами, коалициями и Совбезом ООН были применены несколько десятков продолжительных санкций, которые имели различные показатели экономического ущерба объекту санкций. К примеру, санкции США против Северного Вьетнама в 1954 году, против Камбоджи – с 1975 по 1979 гг. не продемонстрировали никакой эффективности в силу биполярного устройства мира. Наоборот, санкции западной коалиции и ООН против Ирака с 1990 по 2003 гг. нанесли экономике этой страны значительный экономический урон [Davis, 2003, p. 187–197].

Заключение

История санкций во внешней политике государств восходит ко временам Древнего мира, когда появилась возможность с помощью торговых блокад и эмбарго нанести вред потенциальному или уже состоявшемуся противнику. Торговые блокады, различные формы протекционистской политики, экспортные и импортные эмбарго сопровождали военную и политическую конфронтацию государств также и в Средние века, и в Новое время. По мере развития мировой экономики, международного разделения труда, интернациональной торговли в Новейшее время санкции становились более эффективными, а значит – наиболее распространенным инструментом внешней политики.

Зачастую санкции используются в одностороннем порядке сильной страной (или коалицией) против экономически более слабой. При этом реальные причины проводимой политики могут отличаться от официально заявленных. Одновременно с этим отрезанные от международного разделения труда экономики подвергнутых санкциям стран оказываются под существенным давлением, что сказывается на их политическом и социально-экономическом состоянии.

История показывает, что западные страны (которые и являются инициаторами большинства международных санкций) рассматривают санкции как инструмент экономического давления, способный оказывать негативный эффект на экономическое, социальное и политическое состояние санкционируемого государства, сделав его более предсказуемым и управляемым. В данной ситуации важно отметить, что Иран неоднократно предпринимал попытки сбросить или смягчить санкционное давление, совершая для этого шаги в направлении политического компромисса. Однако это не привело к снятию санкций, наоборот, конструктивные предложения Ирана воспринимались коллективным Западом во главе с США как слабость, которой можно воспользоваться для дальнейшего политического и экономического шантажа. Ответная реакция со стороны Ирана была предсказуемой, они вернулись к разработке собственной ядерной энергетики, способной использовать атом как в мирных, так и в военных целях.

Таким образом, анализ санкций в контексте истории их применения показывает, что данный инструмент политического и экономического давления не является эффективным средством выхода из внешнеполитической конфронтации. Напротив, санкции на протяжении истории предвещали или замещали открытую военную конфронтацию, экономические, политические, технологические ограничения были и остаются способом скорее ослабить врага, чем заставить его отказаться от своих политических целей. В рассматриваемых примерах видно, что Иран продемонстрировал способность к адаптации в условиях экономического и политического давления.

Сама возможность наложить на страну достаточно эффективные санкционные ограничения со стороны мирового сообщества появилась после создания Лиги Наций. Особенную эффективность санкции во внешней политике показали после крушения биполярного мира в период 90-х и нулевых годов, когда гегемония США и Запада была очевидной. В последние годы усиливается тенденция современного мира к многополярности, где санкционная политика, даже в финансовой сфере, становится гораздо менее эффективной.

Список источников

- Устав Организации Объединённых Наций. Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 22.04.2024)
- An Overview of Sanctions With Respect to North Korea. US Department of Treasury's site. URL: <http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/nkorea.txt> (дата обращения: 20.02.2024).
- Bush State of the Union address: Transcript of President Bush's first State of the Union address, delivered to Congress on January 29, 2002. CNN. 29.01.2002. URL: <http://edition.cnn.com/2002/ALLPOLITICS/01/29/bush.speech.txt/> (дата обращения: 21.02.2024).
- Iran and Libya Sanctions Act of 1996. Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-bill/3107> (дата обращения: 21.02.2024).
- Joint Plan of Action (JPOA) Archive and Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) Archive. U.S. Department of the Treasury's site. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/iran-sanctions/joint-plan-of-action-jpoa-archive-and-joint-comprehensive-plan-of-action-jcpoa-archive> (дата обращения: 21.02.2024).

Список литературы

- Белькевич А.А. 2016. Исследование мирового опыта применения экономических санкций во внешней политике. *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 1–1: 284–294.
- Бучкевич О.Л. 2006. США и иранская ядерная программа. *Pro nunc*. 2(5): 56–59.
- Виноградова Е.В. 2016. Экономические санкции как инструмент международной политики. *ЭСИП*. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-kak-instrument-mezhdunarodnoy-politiki/> (дата обращения: 10.08.2023).
- Доллингер Ф. 2020. Ганзейский союз. Торговая империя Средневековья от Лондона и Брюгге до Пскова и Новгорода. Москва, Центрполиграф, с. 510 с.
- Комшукова О.В. 2016. Санкции в отношении Ирана: цели и последствия. *Экономические и социальные проблемы России*. 2: 24–41.
- Петров Г.Ю. 2008. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени. *Историко-экономические исследования*. Т. 9. 2: 140–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opiumnye-voyny-i-legalizatsiya-narkopotrebleniya-v-kitae-novogo-vremeni/> (дата обращения: 10.08.2023).
- Тарле Е.В. 1958. Континентальная блокада. Т. 3. Москва, Издательство АН СССР, 652 с.
- Юнгблуд В.Т., Сенников А.И. 2023. США в поисках ответа на иранский вызов: курдский кейс, ноябрь – декабрь 1979 года. *Вестн. Перм. ун-та. Сер. История*. 2(61): 70–83.
- Davis L., Engerman S. Sanctions: Neither War nor Peace. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. No. 2, 2003, p. 187–197.

References

- Bel'kevich A.A. 2016. Issledovanie mirovogo opyta primeneniya ekonomicheskikh sanktsiy vo vneshney politike [Study of World Experience in the Application of Economic Sanctions in Foreign Policy]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 1–1: 284–294.
- Buchkevich O.L. 2006. SShA i iranskaya yadernaya programma [USA and the Iranian Nuclear Program]. *Pro nunc*. 2(5): 56–59.
- Vinogradova E.V. 2016. Ekonomicheskie sanktsii kak instrument mezhhdunarodnoy politiki [Economic Sanctions as an Instrument of International Policy]. *ESPR*. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-kak-instrument-mezhdunarodnoy-politiki/> (accessed: 10.08.2023).
- Dollinger F. 2020. Ganzeyskiy soyuz. Torgovaya imperiya Srednevekov'ya ot Londona i Bryugge do Pskova i Novgoroda [Hanseatic League. Trade Empire of the Middle Ages from London and Bruges to Pskov and Novgorod]. Moscow, Centrpoligraf, 510 p.
- Komshukova O.V. 2016. Sanktsii v otnoshenii Irana: tseli i posledstviya [Sanctions against Iran: Goals and Consequences]. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*. 2: 24–41.
- Petrov G.Yu. 2008. Opiumnye voyny i legalizatsiya narkopotrebleniya v Kitae novogo vremeni [Opium Wars and the Legalization of Drug use in Modern China]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. V. 9. 2:

140–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opiumnye-voyny-i-legalizatsiya-narkopotrebleniya-v-kitae-novogo-vremeni/> (accessed: 10.08.2023).

Tarle E.V. 1958. Kontinental'naya blokada [Continental Blockade]. Т. 3. Moscow, USSR's Academy of Science's publ., 652 p.

Yungblyud V.T., Sennikov A.I. 2023. SShA v poiskakh otveta na iranskiy vyzov: kurdskiy keys, noyabr' – dekabr' 1979 goda [USA in Search of an Answer to the Iranian Challenge: The Kurdish Case, November – December 1979]. *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriya*. 2(61): 70–83.

Davis L., Engerman S. Sanctions: Neither War nor Peace. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. No. 2, 2003, p. 187–197.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.05.2025

Received 13.05.2025

Поступила после рецензирования 04.06.2025

Revised 04.06.2025

Принята к публикации 06.06.2025

Accepted 06.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кольцов Пётр Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9776-3650](https://orcid.org/0000-0001-9776-3650)

Petr M. Koltsov, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia

Шураев Намсыр Александрович, магистрант кафедры философии и культурологии, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

 [ORCID: 0009-0001-5014-9538](https://orcid.org/0009-0001-5014-9538)

Namsyr A. Shuraev, Master's Student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia

УДК 94(567)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-366-375

EDN GUJWOB

Оригинальное исследование

Политика Российской Федерации в отношении республики Ирак в период иракского кризиса 2003 г.: к истории вопроса

Джоджи Н.Д.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23
E-mail: nechirvan.tury@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы обусловлена значительным влиянием иракского кризиса 2003 г. на международные отношения и глобальную безопасность. В статье анализируется позиция и политика Российской Федерации в контексте военной кампании США и их союзников против Ирака. Рассмотрены ключевые аспекты российской внешнеполитической стратегии, включая приверженность принципам международного права, защиту суверенитета Ирака и противодействие односторонним действиям, нарушающим решения Совета Безопасности ООН. Исследованы причины нарастания напряженности в российско-американских отношениях на фоне кризиса, а также экономические интересы России в Ираке. Отмечается, что российская политика в иракском вопросе была направлена на поиск дипломатических решений, предотвращение гуманитарной катастрофы. Позиция России отражала стремление к развитию невмешательства в дела третьих стран в соответствии с постулатами видения многополярного мирового порядка, который оказался под угрозой из-за односторонних действий США. Дипломатическая активность России в тот период была направлена на предотвращение разрушения международных норм и минимизацию последствий силового сценария.

Ключевые слова: иракский кризис, внешняя политика, международное право, суверенитет Ирака, дипломатия, ООН, Россия, США, урегулирование, многополярный мир, российско-американские отношения, ближневосточная политика

Для цитирования: Джоджи Н.Д. 2025. Политика Российской Федерации в отношении республики Ирак в период иракского кризиса 2003 г.: к истории вопроса. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 366–375. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-366-375. EDN: GUJWOB

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Policy of the Russian Federation towards the Republic of Iraq during the Iraqi Crisis of 2003: History of the Issue

Nechirvan Ja. Joji

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: nechirvan.tury@gmail.com

Abstract. The relevance of the subject is conditioned by significant influence of the 2003 Iraqi crisis on international relations and global security. The article analyzes the position and policy of the Russian Federation in connection with the USA military campaign and its allies against Iraq. The author details key aspects of the Russian foreign policy strategy, including adherence to the principles of international law, defense of Iraqi sovereignty, and counteraction to unilateral actions that violate the decisions of the UN Security Council. The reasons for the growing tension in Russian-American relations against the backdrop of the crisis are investigated, as well as Russia's

economic interests in Iraq. It is noted that Russian policy on the Iraqi issue was aimed at finding diplomatic solutions and preventing a humanitarian catastrophe. Russia's position reflected the desire to develop non-interference in the affairs of third countries in accordance with the postulates of the vision of a multipolar world order, which was threatened by the unilateral actions of the United States. Russia's diplomatic activity at that period aimed at preventing the destruction of international norms and minimizing the consequences of the armed scenario.

Keywords: Iraq crisis, foreign policy, international law, Iraqi sovereignty, diplomacy, UNO, Russia, USA, conflict settlement, multipolar world, Russian-U.S. relations, Middle East policy

For citation: Joji N.D. 2025. Policy of the Russian Federation towards the Republic of Iraq during the Iraqi Crisis of 2003: History of the Issue. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 366–375 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-366-375. EDN: GUJWOB

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Иракский кризис 2003 г. стал одной из наиболее значимых вех в современной международной политике, оказав серьезное влияние на глобальную безопасность, устойчивость международного права и динамику отношений между ведущими мировыми державами. Военная интервенция США и их союзников против Ирака не только поставила под сомнение легитимность одностороннего использования силы без санкции Совета Безопасности ООН, но и выявила глубокие противоречия между основными глобальными акторами относительно принципов разрешения международных конфликтов.

Для России иракский кризис стал своеобразным испытанием внешнеполитической стратегии, поскольку Москва была вынуждена выработать собственную позицию на фоне усиливающегося давления со стороны Вашингтона. До начала кризиса внешнеполитический курс России в отношении Ирака характеризовался определенной неоднозначностью и зависимостью от более широкого контекста российско-американских отношений. Однако с приближением вооруженного конфликта Россия заняла последовательную позицию, акцентируя внимание на необходимости соблюдения принципов международного права, уважения суверенитета государств и предотвращения односторонних военных действий.

Целью статьи является анализ позиции и внешнеполитической стратегии России в период иракского кризиса 2003 г., а также исследование дипломатических шагов, предпринятых для предотвращения конфликта и минимизации его последствий. В фокусе внимания находятся политические аспекты российского участия в урегулировании кризиса, а также последствия конфликта для российско-американских отношений и международной системы безопасности.

Результаты и их обсуждение

Иракский вопрос в международной повестке начала XXI века

После окончания военных действий в Персидском заливе Соединенные Штаты и их союзники не предпринимали активных попыток свержения режима Саддама Хусейна, сосредоточив основное внимание на введении и поддержании исключительно санкционного режима. Согласно мнению многих экспертов, ключевым мотивом вторжения США в Ирак стало стремление установить контроль над значительными нефтяными ресурсами страны [Кузнецов, 2006, с. 16]. Таким образом, помимо заявленных публично причин, таких как борьба с терроризмом и необходимость устранения, как это преподносилось в американских медиа, «диктаторского режима Саддама Хусейна», в основе конфликта лежали экономические интересы [Macfarquhar N. Saddam Hussein..., 2012]. Военная интервенция во многом была направлена на укрепление энергетической безопасности США и защиту коммерческих интересов американских корпораций в данном стратегически важном регионе.

предприняла ряд демонстративных мер: послы Российской Федерации в США и Великобритании были отозваны для консультаций, что в дипломатической практике является одним из самых выразительных жестов недовольства и несогласия с действиями принимающих государств. Одновременно представители России бойкотировали ежегодное заседание Совета Россия – НАТО, что стало сигналом о намерении Москвы пересмотреть характер своих отношений с Альянсом [Подцероб, 2010]. Еще одним значимым шагом стало решение Государственной Думы РФ отложить процесс рассмотрения и ратификации Договора с США об ограничении стратегических наступательных вооружений в качестве демонстрации широкой неудовлетворенности Москвы политикой Вашингтона, направленной на одностороннее применение силы в международных конфликтах.

В российской научной литературе активно обсуждаются мотивы действий США в указанный период, и эксперты часто связывают их с внутреннеполитическими целями американских лидеров, в частности стремлением Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего укрепить свой авторитет внутри страны [Белевцева, 2022, с. 5]. Несмотря на ограниченные возможности для прямого влияния на решения Вашингтона, российская дипломатия сумела на некоторое время отсрочить полномасштабное американское вторжение в Ирак. Одним из значимых достижений стало регулярное продление Советом Безопасности ООН гуманитарной программы «Нефть в обмен на продовольствие» [Resolution 986 (1995). Adopted... on 14 April 1995]. Инициатива позволяла Ираку продавать ограниченные объемы нефти в обмен на товары первой необходимости, несмотря на жесткий санкционный режим. Россия последовательно поддерживала продление программы, противодействуя попыткам США заблокировать соответствующие решения. Таким образом, дипломатические усилия Москвы сыграли важную роль в смягчении гуманитарных последствий санкций для иракского населения и на некоторое время сдержали нарастающее давление со стороны США.

После прихода в Белый Дом администрации Дж. Буша-младшего и событий 11 сентября 2001 г. США активизировали свои военные операции в Афганистане и Ираке под лозунгом борьбы с исламским экстремизмом. Саддаму Хусейну были предъявлены обвинения в поддержке международного терроризма, которые впоследствии неоднократно опровергались Советом Безопасности ООН [Krastev N. UN Security Council..., 2010].

Дж. Буш-младший, выступая на заседании ООН 12 сентября 2002 г., вновь озвучил аргументы в пользу военного удара по Ираку. Он настаивал на необходимости выполнения Ираком многочисленных резолюций, ранее принятых Советом Безопасности [Remarks by the President..., 2002]. В октябре того же года Сенат США поддержал право президента на применение военной силы против Ирака. Резолюция получила одобрение 77 сенаторов при 23 голосах против. Аналогичное решение было принято Палатой представителей, где 296 конгрессменов проголосовали за предоставление президенту таких полномочий [Рассолова, 2011, с. 78].

8 ноября 2002 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 1441, предписывающую проведение новых инспекций в Ираке. Документ исключал возможность автоматического применения военной силы, что соответствовало российской позиции и противоречило ожиданиям Вашингтона [Resolution 1441 (2002). Adopted... on 8 November 2002]. Однако вскоре администрация Буша заявила, что Ирак нарушил условия резолюции. Президент США объявил о намерении добиваться новой резолюции, которая санкционировала бы военное вмешательство. По некоторым сведениям, Вашингтон пытался склонить Москву к поддержке операции, предлагая ряд преференций, включая списание иракского долга перед Россией в размере 8 млрд долл. США, допуск российских компаний к восстановительным проектам в послевоенном Ираке, а также отмену «поправки Джексона – Вэника» (с 1978 г. ограничивала торгово-экономическое сотрудничество США с государствами с нерыночной экономикой, включая СССР, а затем и Россию как его правопреемницу) [Голдгейер, Макфол, 2009, с. 394].

Закономерно, что российское руководство отказалось от этого предложения. Россия продолжала надеяться, что вопрос о военной операции против Ирака не будет вынесен на

рассмотрение Совета Безопасности ООН. Официальные лица Москвы полагали, что внесение подобной резолюции было преждевременным, так как «потенциал политико-дипломатических средств для решения поставленных задач еще не исчерпан» [Интервью заместителя министра..., 2002].

В марте 2003 г. глава Специальной комиссии ООН Х. Бликс доложил членам Совета Безопасности о результатах работы международных инспекторов в Ираке. В своем выступлении он отметил, что доказательств производства или наличия оружия массового поражения в стране обнаружено не было [United Nations Weapons..., 2003]. Вывод ставил под сомнение обоснованность военной операции, к которой стремились США.

Министр иностранных дел России И. Иванов, комментируя позицию Вашингтона, подчеркнул, что США не следует использовать Ирак в качестве инструмента для компенсации неудач в поисках У. бен Ладена. По мнению российского министра, Ирак не являлся «главным центром зла на планете», как это пыталась представить американская администрация. Иванов напомнил, что международное сообщество, действуя через Совет Безопасности ООН, определило четкие цели и задачи, связанные с Ираком. Основной целью являлась ликвидация оружия массового уничтожения, если оно будет обнаружено. В случае его отсутствия санкции, наложенные на Ирак, должны были быть сняты. При этом министр отметил, что резолюции Совета Безопасности не предусматривали смену режима Хусейна в качестве цели международных действий по урегулированию ситуации в Ираке [Интервью министра..., 2003].

За три недели до начала американской операции в Ираке министр иностранных дел России Е. Примаков встретился с С. Хусейном и передал устное послание от президента РФ В.В. Путина. Примаков призвал Хусейна добровольно покинуть пост и предложить парламенту страны провести демократические выборы, подчеркивая, что это был последний шанс предотвратить военный конфликт с США [Примаков, 2016, с. 332]. Инициатива министра и президента отражала принципиальную позицию России: приоритет дипломатических методов и соблюдение международного права. Москва настаивала, что военные действия могут быть лишь крайней мерой и должны опираться на неопровержимые доказательства и международный консенсус. Однако С. Хусейн не воспользовался возможностью избежать эскалации кризиса [Примаков, 1999, с. 330].

Американское вторжение в Ирак в марте 2003 г. не ограничивалось исключительно экономическими целями, оно также имело выраженные политические амбиции. Военная операция представляла собой не только попытку укрепить влияние США на Ближнем Востоке, но и демонстрацию их глобального доминирования, а также средство давления на государства, не поддерживавшие американский геополитический курс [Мокрова, 2023, с. 83].

Начало вторжения в Ирак 30 марта 2003 г. произошло в обход резолюций Совета Безопасности ООН. Его последствия оказались разрушительными: свержение режима Саддама Хусейна привело к долгосрочной оккупации Ирака, глубокому экономическому кризису, масштабным разрушениям инфраструктуры и многочисленным жертвам среди гражданского населения. Социальная дестабилизация, последовавшая за войной, отбросила страну на десятилетия назад в экономическом и политическом развитии.

По мнению В.И. Киселева, война против Ирака стала серьезным вызовом для всего арабского мира, спровоцировав нестабильность в регионе и усугубив существующие межнациональные противоречия [Киселев, 2011]. Конфликт в Ираке стал катализатором новой волны напряженности на Ближнем Востоке. Противодействие американской оккупации усилило влияние террористических группировок и обострило конфессиональные противоречия между суннитами и шиитами внутри страны. Недостаток ресурсов и стратегических решений у коалиционных сил сделал конфликт затяжным, способствуя укреплению международного терроризма и росту влияния фундаменталистских организаций [Хоссамеддин, 2010, с. 38].

Односторонние действия США в Ираке рассматривались как попытка установить монопольное доминирование на Ближнем Востоке, что противоречило интересам других

глобальных акторов. Для Китая, ближайшего стратегического партнера России в вопросах международной безопасности, сохранение стабильности в регионе было напрямую связано с долгосрочными экономическими и энергетическими интересами, включая сотрудничество с Ираком, Ираном и другими странами региона. Американская интервенция воспринималась Пекином как угроза этим интересам, особенно в контексте энергетической безопасности и промышленного сотрудничества [Дериглазова, 2004, с. 12].

Китай как постоянный член Совета Безопасности ООН последовательно подчеркивал важность дипломатического подхода к урегулированию конфликта и выступал против одностороннего использования силы. Его позиция во многом совпадала с российской, что нашло отражение в совместном коммюнике по иракскому вопросу, подписанном министрами иностранных дел Т. Цзясюанем и И. Ивановым. Документ стал символом координации позиций двух государств на международной арене в противовес политике США на Ближнем Востоке. Представители России и Китая выступали за интеграцию усилий международных организаций и инспекционных миссий с целью обеспечения политического разрешения конфликта в Ираке. Они призывали Багдад к усилению сотрудничества с инспекторами и созданию необходимых условий для эффективной работы миссий, что, по их мнению, было бы ключевым шагом в направлении мирного урегулирования кризиса [Совместное коммюнике КНР и РФ..., 2003].

С начала американского вторжения в Ирак в 2003 г. Российская Федерация совместно с Германией и Францией формировала коалицию против США и союзников в рамках ООН с целью убеждения оппонентов не вторгаться в Ирак, в качестве аргумента делая акцент на тезисе, что иракское оружие массового поражения и ракеты были уничтожены под контролем Специальной комиссии, а США не имеют права развязывать новую войну без санкции СБ ООН [Подцероб, 2010]. На пресс-конференции 5 марта 2003 г. И. Иванов выразил решимость заблокировать резолюцию, поддерживающую военную операцию в Ираке. Глава МИД России подчеркнул важность соблюдения принципов международного права всеми членами мирового сообщества [Стенограмма выступления..., 2003]. Заявление подчеркивало позицию России, что применение силы должно быть крайним средством и что они готовы предложить все необходимые условия для завершения процесса разоружения Ирака мирным путем [Совместное заявление..., 2003]. На экстренном заседании Совета Безопасности ООН 19 марта 2003 г. И. Иванов вместе с французским и немецким коллегами осудил решение США о начале военной операции в Ираке [Стенограмма выступления..., 2003]. Выражение позиции вполне четко подчеркнуло недовольство тройки стран тем, что использование вооруженной силы было принято без одобрения Совета Безопасности ООН, игнорируя международное право и возможности для мирного разрешения конфликта.

Пресс-конференция представителей Лиги арабских государств, организованная в России 21 марта 2003 г., подчеркнула позицию о том, что судьба С. Хусейна должна решаться внутри Ирака через иракское правосудие или делегироваться народу страны и не должна определяться внешними силами в одностороннем порядке. Совместно с РФ ЛАГ выразила опасения относительно военной кампании в Ираке как первого шага экономической, военной и политической экспансии США в регионе [Марзиев, 2003].

Вторжение США в Ирак привело к обострению российско-американских отношений. С самого начала военной кампании руководство России заняло четкую и публичную позицию, осудив действия Вашингтона. Российская сторона расценила операцию как серьезную политическую ошибку, способную дестабилизировать обстановку не только в регионе, но и в глобальном масштабе. Президент В.В. Путин открыто заявил о незаконности военного вмешательства, подчеркнув, что подобные действия создают угрозу международной стабильности и подрывают авторитет международного права [Заявление на совещании..., 2003].

Оккупация Ирака существенно ограничила возможности России оказывать прямое влияние на развитие ситуации в стране. Тем не менее Москва не отказалась от попыток содействовать мирному урегулированию конфликта и продолжила свою дипломатическую

активность. Российский подход опирался на два ключевых принципа. Первый принцип заключался в поддержке национального согласия в Ираке и развитии внутривластного диалога, который включал бы все силы, отвергающие терроризм как метод достижения политических целей. Москва настаивала на необходимости вовлечения как прямых участников конфликта, так и международных посредников, способных способствовать выработке устойчивых политических решений [Совет Безопасности ООН, 13 июня 2008].

Второй принцип предусматривал установление четких временных рамок для присутствия многонациональных сил в Ираке. По мнению постоянного представителя России при ООН В. Чуркина, такая мера могла бы снизить уровень напряженности, создать условия для национального примирения и обеспечить устойчивое развитие Ирака в послевоенный период [Совет Безопасности ООН, 2008]. Подобный подход также способствовал бы укреплению российско-иракских отношений и восстановлению экономического и политического взаимодействия между двумя странами. Но, несмотря на предложения российских дипломатов, Вашингтон, сохраняя инициативу в самостоятельном решении иракской проблемы, не выразил заинтересованности в появлении каких-либо многосторонних центров принятия решений, предпочитая сохранять контроль над процессом урегулирования в одиночку.

Заключение

До военно-политического кризиса в Ираке российская внешнеполитическая стратегия в отношении страны оставалась неопределенной. Москва не демонстрировала последовательной позиции ни в отношении режима Саддама Хусейна, ни в контексте действий США на этом направлении. Формирование более четкой позиции произошло лишь к началу 2003 г. после консультаций с европейскими партнерами и оценки возможных последствий военной кампании. Характер американской операции в Ираке противоречил основным принципам российской внешней политики и ее национальным интересам, поскольку дестабилизировал международную экономику, разрушал хрупкую политическую стабильность на Ближнем Востоке и подрывал авторитет ООН как ключевого института в поддержании международно-правового порядка.

Российская политика в этом вопросе основывалась на защите принципов международного права и уважении суверенитета Ирака. Москва последовательно выступала против военного вмешательства, подчеркивая необходимость принятия решений о применении силы исключительно через Совет Безопасности ООН. Позиция России отражала стремление к развитию невмешательства в дела третьих стран в соответствии с постулатами видения многополярного мирового порядка, который оказался под угрозой из-за односторонних действий США. Дипломатическая активность России в тот период была направлена на предотвращение разрушения международных норм и минимизацию последствий силового сценария. Москва предпринимала усилия для привлечения внимания мирового сообщества к опасности подрыва международного права и созданию прецедента, способного легитимизировать односторонние военные действия.

Иракский кризис стал одним из наиболее острых раздражителей в российско-американских отношениях. Россия продолжала настаивать на дипломатическом решении конфликта, в то время как США делали ставку на силовой сценарий. Противоречия по иракскому вопросу усилили разногласия между Москвой и Вашингтоном, обострив и без того напряженные отношения. Несмотря на ограниченные ресурсы и инструменты влияния, Россия пыталась защитить свои экономические интересы в Ираке. Важной задачей оставалась реализация ранее заключенных контрактов и урегулирование иракских долгов перед российскими компаниями. Однако возможности для прямого влияния на события в регионе были минимальными, и Москва была вынуждена адаптироваться к новой геополитической реальности, сформировавшейся после свержения режима С. Хусейна.

Список источников

- Заявление на совещании с руководителями Правительства, Администрации Президента и силовых ведомств по ситуации в Ираке от 20 марта 2003 г. Президент России: официальный сайт [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21942>
- Интервью заместителя министра иностранных дел России Ю.В. Федотова интернет-изданию «Страна.Ру» от 10 сентября 2002 г. «Российский приоритет – укрепление международной стабильности при сохранении центральной роли ООН». Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1688123/
- Интервью министра иностранных дел России И.С. Иванова газете «Труд-7» от 23 января 2003 г. «Игорь Иванов: мы стали мыслить более прагматично». Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1611546/
- Совет Безопасности ООН, 5910-е заседание от 13 июня 2008 г. Повестка дня: Ситуация в отношении Ирака. Документы ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.5910>
- Совместное заявление России, Франции и ФРГ от 10 февраля 2003 г. Президент России: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3662>
- Совместное коммюнике КНР и РФ по иракскому вопросу от 27 февраля 2003 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1693173/> (дата обращения: 30.05.2024)
- Стенограмма выступления Министра иностранных дел России И.С. Иванова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Франции Д. Де Вильпеном и Федеральным министром иностранных дел Германии Й. Фишером. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 06.03.2003 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/1698961/
- Стенограмма выступления Министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова в прямом эфире «Первого канала» от 19 марта 2003 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1708019/ (дата обращения: 08.06.2024)
- Remarks by the President in Address to the United Nations General Assembly. New York, September 12, 2002. George W. Bush. White House Archives [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20101009124204/https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/09/20020912-1.html>
- Resolution 986 (1995). Adopted by the Security Council at its 3519th meeting, on 14 April 1995. UN Security Council Resolution [Электронный ресурс]. URL: <http://unscr.com/files/1995/00986.pdf>
- Resolution 1441 (2002). Adopted by the Security Council at its 4644th meeting, on 8 November 2002. UN Security Council Resolution [Электронный ресурс]. URL: <http://unscr.com/files/2002/01441.pdf>
- United Nations Weapons Inspectors Report to Security Council on progress in disarmament of Iraq. Press Release SC/7682. Security Council 4714th Meeting. UN Meetings Coverage and Press Releases [Электронный ресурс]. URL: <https://press.un.org/en/2003/sc7682.doc.htm>
- الناطق باسم الحكومة الكويتية يصلي قرأتا تسخير لحدود مغل كويتي في ٢٠٠٣ [Представитель правительства Ирака разъясняет решение о демаркации границы с Кувейтом с 1994 года]. Иракское новостное агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ina.iq/190750--1994.html>
- ١٩٩٨ [Закон об освобождении Ирака 1998 года]. Газета «Бет Нахрейн» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.betnahrain.net/Arabic/Documents/IL1998.htm>

Список литературы

- Белевцева С.Н. 2022. США – Ирак: демократия Дж. Буша-старшего против авторитаризма Саддама Хусейна, часть III, операция «Буря в пустыне». *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 1: 2–12.
- Голдгейер Дж., Макфол М. 2009. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». Москва, Международные отношения, 520 с.
- Дериглазова Л.В. 2004. Война в Ираке 2003 г. как продолжение войны США против терроризма. *Вестник Томского государственного университета*. 281: 11–16.

- Киселев В.И. Кризис в Ираке и Арабский мир. Востоквед. Ноябрь 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostokoved.ru/Крушение-саддамовского-Ирака-и-реакция-стран-Азии/2009-11-01-22-16-55.html>
- Кузнецов Д.В. 2006. Иракский кризис. Очерк событий. Документы и материалы. Благовещенск, Изд-во БГПУ, 265 с.
- Марзиев И.З. 2003. Роль международных организаций в урегулировании конфликтов: на примере иракского кризиса конца XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Москва, 166 с.
- Мелкумян Е.С. 1999. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. Москва, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока РАН, 197 с.
- Мокрова Е.М. 2023. Влияние нефтегазового лобби на формирование внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке и в Северной Африке на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.4. Москва, 180 с.
- Подцероб А.Б. 2010. Россия и кризисные ситуации вокруг Ирака: история и современность. *Вестник МГИМО-Университета*. 5 [Электронный ресурс]. URL: https://www.perspektivy.info/book/rossija_i_krizisnyje_situacii_vokrug_iraka_istorija_i_sovremennost_2011-02-11.htm
- Примаков Е.М. 1999. Годы в большой политике. Москва, «Совершенно секретно», 445 с.
- Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. Москва, Центрполиграф, 2016. 415 с.
- Рассолова П.Э. 2011. Неоконсерваторы и война в Ираке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения*. 2: 77–82.
- Хаджиева Б.М., Гадиева Т.И. 2022. Россия на Ближнем Востоке в конце XX начале XXI века: формирование международного статуса страны. *Власть истории – История власти*. 42: 155–162.
- Хоссамеддин С. 2010. Иракский кризис: особенности и характер его влияния на современные международные отношения: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Москва, 221 с.
- Clinton orders airstrike on Iraq. Politico. December 16, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/story/2016/12/clinton-orders-airstrike-on-iraq-dec-16-1998-232571>
- Krastev N. UN Security Council Ends Saddam Hussein-Era Sanctions Against Iraq. Radio Liberty. December 15, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rferl.org/a/un_security_council_rescinds_major_resolutions_on_iraq/2249558.html
- Macfarquhar N. Saddam Hussein, Defiant Dictator Who Ruled Iraq with Violence and Fear, Dies. The New York Times. December 30, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2006/12/30/world/middleeast/30saddam.html>

References

- Belevtseva S.N. 2022. USA – Iraq: Democracy J. Bush Sr. vs. Saddam Hussein's Authoritarianism, Part III, Operation Desert Storm. *Uchenye zapiski. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 1: 2–12 (in Russian).
- Goldgeier J., McFaul M. 2009. Goal and Means. U.S. Policy toward Russia after the Cold War. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 520 p. (in Russian).
- Deriglazova L.V. 2004. War in Iraq 2003. Bulletin of Tomsk State University. 281: 11–16 (in Russian).
- Kiselev V.I. Krizis v Irake i Arabskii mir [Crisis in Iraq and the Arab World]. November 2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.vostokoved.ru/Collapse-Saddamovsky-Iraq-i-reaction-countries-Asia/2009-11-01-22-16-55.html>
- Kuznetsov D.V. 2006. Iraqi Crisis. An Outline of Events. Documents and Materials. Blagoveshchensk: BSPU Publ., 265 p. (in Russian).
- Marzиеv I.Z. 2003. The Role of International Organizations in the Settlement of Conflicts: On the Example of the Iraqi Crisis of the End of the XX Century. ... Cand. East. Science: 07.00.15. Moscow, 166 p. (in Russian).
- Melkumyan E.S. 1999. GCC in Global and Regional Processes. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East of the Russian Academy of Sciences, 197 p. (in Russian).
- Mokrova E.M. 2023. Influence of the Oil and Gas Lobby on the Formation of the Foreign Policy Strategy of the United States in the Middle East and North Africa at the Turn of the XX–XXI Centuries. ... Cand. Bomber. Science: 5.5.4. Moscow, 180 p. (in Russian).

- Podtserob A.B. Rossiya i krizisnye situatsii vokrug Iraka: istoriya i sovremennost' [Russia and Crisis Situations around Iraq: History and Modernity]. Bulletin of MGIMO University. 2010. № 5 [Electronic resource] https://www.perspektivy.info/book/rossija_i_krizisnye_situacii_vokrug_iraka_istorija_i_sovremennost_2011-02-11.htm
- Primakov E.M. 1999. Years in Big Politics. Moscow, Sovershenno sekretno Publ., 445 p. (in Russian).
- Primakov E.M. 2016. Confidential. The Middle East on Stage and behind the Scenes. Moscow: Tsentrpoligraf, 415 p. (in Russian).
- Rassolova P.E. 2011. Neoconservatives and the War in Iraq. *Vestnik of St. Petersburg University. Series: International Relations*. 2: 77–82 (in Russian).
- Khadzhieva B.M., Gatsieva T.I. 2022. Russia in the Middle East at the End of the XX and the Beginning of the XXI Century: the Formation of the International Status of the Country. The Power of History – The History of Power. 42: 155–162 (in Russian).
- Hossameddin S. 2010. Iraqi Crisis: Features and Character of Its Influence on Modern International Relations. ... Cand. East. Science: 07.00.15. Moscow, 221 p. (in Russian).
- Clinton orders airstrike on Iraq. // Politico. December 16, 1998 [Electronic resource]. URL: <https://www.politico.com/story/2016/12/clinton-orders-airstrike-on-iraq-dec-16-1998-232571>
- Krastev N. UN Security Council Ends Saddam Hussein-Era Sanctions Against Iraq // Radio Liberty. December 15, 2010 [Electronic resource]. URL: https://www.rferl.org/a/un_security_council_rescinds_major_resolutions_on_iraq/2249558.html
- Macfarquhar N. Saddam Hussein, Defiant Dictator Who Ruled Iraq with Violence and Fear, Dies // The New York Times. December 30, 2012 [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2006/12/30/world/middleeast/30saddam.html>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.03.2025

Received 05.03.2025

Поступила после рецензирования 28.05.2025

Revised 28.05.2025

Принята к публикации 31.05.2025

Accepted 31.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Джоджи Нечирван Джасим, аспирант института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Nechirvan Ja. Joji, Postgraduate Student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0003-4335-9152](https://orcid.org/0009-0003-4335-9152)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.2 (477.62)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-376-391

EDN GVRBHF

Оригинальное исследование

Город Царёв-Борисов первого заселения по историческим данным и опыт графической реконструкции крепости

Чепига Г.Г.¹ , Вербовский А.В.²

¹⁾ Донецкий национальный технический университет,
Россия, ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Артема, д. 58;

²⁾ Донецкий республиканский краеведческий музей,
Россия, ДНР, 283086, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 189А
E-mail: chepiga_galina@mail.ru, verbovskiyy@ro.ru

Аннотация. В статье приводятся историографические данные о первом заселении города Царёва-Борисова в среднем Подонцовье с целью выявить в источниках и историографии сведения об особенностях оборонительных сооружений города, построенного на далёкой степной окраине Русского государства в 1599 г. Царёв-Борисов являлся первым русским городом со времён средневековья, возведённым на данной территории. Он сыграл заметную роль в дальнейшем освоении Российским государством территории современного Донбасса. Второе заселение города в середине XVII в. опиралось на остатки предшествующих построек, что отражено в документах. В работе предпринята попытка систематизировать данные источников о расположении и составе оборонительных сооружений Царёва-Борисова первого заселения с целью использовать упомянутые сведения для графической реконструкции городских укреплений. Вниманию читателей представлены художественная реконструкция, схематический план, детализация рельефа местности, а также графическая реконструкция крепости Царёв-Борисов с учетом особенностей рельефа.

Ключевые слова: степная окраина Российского государства, Среднее Подонцовье, город Царёв-Борисов, заселение, графическая реконструкция

Для цитирования: Чепига Г.Г., Вербовский А.В. 2025. Город Царёв-Борисов первого заселения по историческим данным и опыт графической реконструкции крепости. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 376–391. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-376-391. EDN: GVRBHF

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The City of Tsarev-Borisov of the First Settlement according to Historical Data and Experience of Graphic Reconstruction of the Fortress

Galina G. Chepiga¹ , Andrey V. Verbovskiy²

¹ Donetsk National Technical University,
58 Artem St., Donetsk 283001, DPR, Russia;

² Donetsk Republican Museum of Local Lore,
189a Chelyuskintsev St., Donetsk 283086, DPR, Russia
E-mail: chepiga_galina@mail.ru, verbovskiy@ro.ru

Abstract. The article provides historiographical data on the first settlement of the city of Tsarev-Borisov in the middle Podontsovye. The authors study relevant sources and historiography in order to find information about the peculiarities of the city's defence structures. The city was built on a plane, on a distant frontier of the Russian state, in 1599. Later on, it played an important role in Russia's developing the territory of contemporary Donbass. According to the documents, the second settlement of the city in the middle of the 17th century was based on the remains of the previous buildings. This study attempts to systematise available data on the location and composition of defensive structures of Tsarev-Borisov of the first settlement for the purpose of using this information for graphic reconstruction of the city fortifications. The authors dwell on artistic reconstruction, schematic plan, details of terrain relief, and a graphic reconstruction of Tsarev-Borisov fortress taking into account the relief peculiarities.

Keywords: plane outskirts of the Russian state, Middle Podontsovye, Tsarev-Borisov city, settlement, graphic reconstruction

For citation: Chepiga G.G., Verbovskiy A.V. 2025. The City of Tsarev-Borisov of the First Settlement according to Historical Data and Experience of Graphic Reconstruction of the Fortress. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 376–391 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-376-391. EDN: GVRBHF

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Первый русский город в среднем течении реки Северский Донец – Царёв-Борисов – привлекает внимание необычной судьбой и уникальной историей. Просуществовав около 12 лет, он стал свидетелем ярких событий и переломной эпохи в судьбе Российского государства. Историков разных поколений интересовали многие аспекты его возникновения и функционирования: географическое положение на далёкой окраине, связь с политикой Б. Годунова, в честь которого он назван, туманные сведения о судьбе Б. Бельского, одного из основателей города, масштаб постройки, немалое количество и состав населения, особенности хозяйственной жизни, участие его жителей в Смуте и пр. Во многом Царёв-Борисов остаётся загадкой для исследователя. Данные об истории этого города, городище которого находится в районе слияния рек Оскол (приток р. Северский Донец) и Бахтин Колодец (приток р. Оскол), представляют ценность в контексте исследований начала процесса освоения, а затем и заселения Донецкого региона [Чепига, 2021]. Округа Царёва-Борисова является территорией Среднего Подонцовья, где в основном расположена северная часть Донбасса. Именно отсюда распространялась на юг в XVII в. российская военно-земледельческая колонизация.

В связи с актуальностью указанной темы целесообразно обобщить имеющиеся данные о хронологии первого заселения Царёва-Борисова, систематизировать данные источников о расположении и составе его оборонительных сооружений с целью использовать упомянутые сведения для реконструкции городских укреплений с учетом реального расположения на местности.

Объекты и методы исследования

Целью данной работы является анализ и систематизация данных о хронологии существования крепости Царёв-Борисов, рассмотрение особенностей оборонительных сооружений, упоминаемых в письменных источниках, сопоставление известных данных с рельефом местности, создание графической реконструкции с учетом массива накопленной информации о деревянном оборонном зодчестве России. Город Царёв-Борисов первого заселения, таким образом, является объектом данного исследования, анализ его расположения на местности, внешнего вида и устройства оборонительных сооружений выступили материалом для графической реконструкции крепости.

Методологическая база исследования базируется на принципах историзма и объективности, а также на общенаучной и исторической методологии. В работе проведен сравнительный анализ имеющейся литературы на выявление необходимой информации о крепостных сооружениях Царёва-Борисова, системный подход позволил учесть разнообразные данные о рельефе, истории и оборонном деревянном строительстве на степных окраинах России, где расположен город, обобщение информации дало возможность составить графическую реконструкцию.

Результаты и их обсуждение

Особенностью историографии данной темы является её комплексность, т. к. история функционирования Царёва-Борисова первого заселения в начале XVII в., как правило, в работах историков увязывается со вторым этапом его существования во второй половине XVII в. Также характерным является цитирование или пересказ архивных источников во многих работах, что использовано для достижения поставленных в данной работе целей.

О планировании постройки крепости Царёв-Борисов (первого заселения) российским правительством наиболее полные сведения имеются в работах Д.И. Багалея, который опубликовал документ о планах постройки города в «Материалах...» и затем в «Очерках...» дал пересказ архивного источника о результатах постройки [Багaley, 1886, с. 5–13, Багaley, 1887, с. 49].

Основные данные о строительстве или функционировании города в начале и середине XVII в. содержатся в работах Филарета (Д.Г. Гумилевского), В.Д. Юркевича, В.П. Загоровского, Г.В. Алфёровой [Юркевич, 1932; Загоровский, 1980; Алфёрова, 1989; Филарет, 2004]. Упомянутые исследователи рассматривали историю Царёва-Борисова в контексте российской военно-земледельческой колонизации. Но поскольку Царёв-Борисов заселялся дважды, оба раза с целью охраны и освоения южнороссийского пограничья, то в работах исследователей содержатся сведения об обоих периодах заселения. Также к вопросу об укреплениях Царёва-Борисова обращались современные авторы в своих работах, посвященных истории крепостей южного Пограничья [Фоминов, 2013; Чепухин, 2014; Воротникова и др., 2016].

В контексте данной статьи важно, что оборонительные сооружения имели преемственность, т. е. крепость второго заселения 1654 г. была восстановлена в тех же пределах, что и крепость начала XVII в. Это облегчает понимание места расположения и соотношения укреплений города в разные периоды истории. Работы В.Д. Юркевича и В.П. Загоровского включают описания восстановленной в 50-х гг. XVII в. крепости и её сопоставление с предыдущей постройкой, особенно стоит отметить прямое цитирование ими ряда документов, из текста которых это чётко прослеживается.

Вопросы, касающиеся хронологии существования Царёва-Борисова, можно считать условно дискуссионными, т. к. очень больших расхождений во мнениях на верхнюю и нижнюю даты функционирования поселения в историографии нет. Большинство историков относят дату основания города Царёв-Борисов к 1599 г., что соответствует опубликованным источникам, верхняя дата в основном определяется 1612 г. [Чепига, 2012; Фоминов, 2013;

История Новороссии, 2017]. В историографии иногда датой основания называется также 1600 г. Часто эта ошибка попадает в исторические атласы по истории России для общеобразовательной школы соответствующего периода⁶⁴. В украиноязычном секторе историографии нередко данный город назван Цареборисовым, что следует признать диалектным, так как официальное название города обоих периодов не имеет разночтений.

Публикуя источники по ранней истории города, Д.И. Багалей в «Материалах...» [Багалей, 1886, с. 5] обозначил документ так: «Наказ воеводам Богд. Бельскому и Сем. Алферову о постройке города Царевоборисова 1600 года». Однако он сам, описывая историю города в «Очерках...» [Багалей, 1887, с. 46], указал как дату основания именно 1599 г., очевидно, считая другую дату случайной ошибкой. Проверив источниковую базу, которой пользовался Д.И. Багалей, В.П. Загоровский указал на то, что, согласно документам, датой строительства является именно 1599 г., а не 1600 г. [Загоровский, 1980, с. 53]. Давая ссылку на упомянутый документ, В.П. Загоровский никак не прокомментировал упомянутое название, так же, очевидно, считая это опiskой. Тот же подход видим в работе Алфёровой [Алфёрова, 1989, с. 133, 134]. Знакомство с классическими работами этих исследователей не оставляет сомнений в том, что датой основания Царёва-Борисова следует считать именно 1599 г., а ошибку из учебной литературы в будущем следует устранить.

Дата запустения города, после которой он стал именоваться городищем, на данный момент в большинстве современных работ признается 1612 г. Однако в историографии так же вариантов хватает. Д.И. Багалей, по его словам [Багалей, 1887, с. 51], не встречал упоминания о городе в документах с 1604 г., и только в 1625 г., как указал исследователь, князь Волконский, посылая станицу к Изюм-Кургану, отметил, что ров бывшего города был еще глубок. Филарет связывал разрушение города с продвижением вверх по Северскому Донцу Лже-Петра и считал, что город был разрушен в 1610 г. [Филарет, т. 2, 2005, с. 306].

Ряд исследователей придерживается мнения, что город разрушили татары. Например, А.А. Новосельский считал, что «Царёв-Борисов был сожжен, по видимому, татарами в 1612 г., когда «бояре под Москвою стояли»; «обгорелый наряд был вывезен в Белгород» [Новосельский, 1948, с. 67]. Донецкий исследователь В.А. Пирко заметил, что город был разрушен в 1607 г. крымской ордой [Пирко В.А., 1998, с. 29]. Некоторые авторы указали на определённую роль цареборисовцев в восстании И. Муромца (или Лже-Петра), который во главе отряда казаков поддержал антиправительственные выступления 1605–1607 гг. Казаки и «царевич» Петр «пришли з Донца на Украину во Царев город, а из Царева города пришли в Путивль» [Смирнов, 1966, с. 66]. Дальше он принял участие в восстании И. Болотникова и был казнен в 1608 г.

Современные российские историки упоминали участие цареборисовцев в восстании на стороне Лжедмитрия весной 1605 г. В 1608–1609 гг. Совместно с белгородцами и валуйцами цареборисовцы продолжали быть на стороне восставших и отказались присягать царю В. Шуйскому [Зенченко, 2008, с. 151]. М.Ю. Зенченко предположил, что город был организованно оставлен войсками в 1612 г., хотя в соответствии с разрядной справкой 1681 г. город погиб от «черкасского разорения». Однако исследователь заметил, что пушечный наряд был перевезен в Белгород, церковь в честь Николая Ратного перевезена в Валуйки, часть стрельцов переселили в 1615–1616 гг. туда же, то есть все сделано в соответствии с определенным планом. Причиной этого решения он считал сожжение Белгорода и Курска, из-за чего Царёв-Борисов был отрезан от метрополии [Зенченко, 2008, с. 162]. А.И. Папков также назвал датой пожара и упадка крепости 1612 г. [Папков, 2004, с. 162]. Подробно вопрос о дате

⁶⁴ Для учебной литературы это типичная ошибка, которая повторяется в каждом новом издании, например, в атласах по истории России издательства «ДРОФА»: «История России XVII–XVIII вв., 7 класс: атлас» в 12 изд. (2008 г.), в 17 изд. (2013 г.), в изд. за 2015 г. и т. д. Та же ошибка содержится в издании «Полный исторический атлас России. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 224 с.», о котором в аннотации написано, что «В книге содержится более 200 исторических карт, большинство из которых подготовлено специально для этого издания профессиональными историками-картографами». На с. 26 этого атласа год основания г. Царёв-Борисов дан 1600, на стр. 36 г. Бахмут почему-то назван «Бахмутское».

функционирования Царёва-Борисова рассмотрел на основе анализа различных письменных источников А.В. Фоминов, который обозначил датой строительства города 1599 г., датой наиболее вероятной гибели 1612 г. [Фоминов, 2013, с. 216, 223]. К аналогичным выводам пришли авторы коллективной монографии «История Новороссии» [История Новороссии, 2017, с. 73].

Таким образом, несмотря на отдельные упоминания о пожаре, затронувшем опоры валов, имеем достаточно четкие указания на то, что город был оставлен в 1612 г., и эту точку зрения можно считать устоявшейся в новейшей российской историографии. Именно тогда обгорелый наряд был вывезен в Валуйки, а имущество церкви перевезено сначала в Валуйки, потом в Белгород [Акты Московского государства, т. 1, 1890, с. 641–645]. Гарнизон также централизованно передислоцирован, т. е. переведен в Валуйки, причем в дальнейшем сохранял связь с регионом: есть сведения о том, что бывшие цареборисовцы готовы были вернуться в город, а в 1620 г. поступают первые известные сведения о Святогорском монастыре [Дедов, 2014, с. 89], чьи уходы по территории совпадали с цареборисовскими [Чепига, 2012, с. 159].

С начала 2000-х годов на цареборисовском городище проводились археологические раскопки под руководством харьковского археолога И.В. Голубевой. Результатам исследований посвящен ряд её статей. Городище является памятником истории (охранный номер 971) решением Харьковского облисполкома № 61 от 25.01.1972 г., административно он принадлежал Краснооскольскому сельсовету Изюмского района Харьковской области УССР. Памятник находится около с. Красный Оскол.

Археологические исследования крепости начались в 2004 г., а также велись в 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 гг. на территории, по определению И.В. Голубевой, «детинца и посада». По её мнению, крепость имела две линии укреплений «ров – вал», и в соответствии с этим разделяется на «детинец» и «посад». Она отметила, что поверхность посада почти полностью распахана, вторая линия укреплений еле заметна и практически сnivelирована [Голубева, 2011, с. 74]. Во время раскопок вскрыты жилища, ямы различного назначения, горны. Хронология существования памятника, по мнению исследовательницы, определяется с 1599 по 1604/5 гг. [Голубева, 2011, с. 73]. Отмечается, что вскрыто больше тысячи кв. м. на «детинце и посадах» (с 2004 по 2011 гг. – авт.) [Голубева, 2011, с. 9]. Отдельные результаты исследований публиковались в «Святогорском альманахе» – научном сборнике, издававшемся Государственным историко-архитектурным заповедником в г. Святогорске Донецкой области в рамках публикации материалов научной конференции «Сибилёвские чтения» [Голубева, 2009, с. 8–16, и др.]. В целом для графической реконструкции крепости эти исследования имеют ограниченное значение, т. к. раскопки оборонных сооружений не проводились. Однако расположение валов и рвов на момент исследования все ещё местами прослеживалось. Так, во время археологических разведок в 1986 г. научными сотрудниками Донецкого областного краеведческого музея Э.Е. Кравченко и В.В. Цимидановым на местности наблюдались валы проезжей крепости, на городище были собраны образцы русской белоглиняной керамики.

Расположению оборонительных сооружений Царёва-Борисова уделено внимание в работе современных российских исследователей И.А. Воротниковой и В.В. Неделина, посвященной крепостям юга России, второй раздел этого издания обозначен как «Крепости Малороссии (Слободская Украина)» [Воротникова, 2016, с. 40]. Следует заметить, что оба названия, поданные как синонимы, на самом деле обозначают разные территории, т. к. территория слободских полков Белгородского разряда не принадлежит к землям Малороссии. В то же время отрадно отметить, что территории «украина» вернули исторически правомерное написание. Анализ крепостных сооружений Царёва-Борисова дан в третьем разделе: «Новопостроенная (Новая, Изюмская) черта». По традиции он включает историю обоих периодов заселения города, автором (В.В. Неделин) также создана схематическая реконструкция плана крепости Царёв-Борисов в начале XVII в. и схематический план крепостных сооружений последней четверти XVII в. [Воротникова и др., 2016, с. 262–267].

Таким образом, литература по оборонительным сооружениям Царёва-Борисова представлена дореволюционным, советским и современным периодами, что свидетельствует о постоянном интересе к теме и о понимании научным сообществом большого значения его постройки для истории страны.

Крепость Царёв-Борисов первого заселения имела внушительные размеры и служила местом пребывания на службе и проживания значительного количества населения, что для далекой степной окраины Русского государства было выдающимся событием и смелым решением правительства. В спокойные первые годы численность гарнизона насчитывала 1–2 тыс. чел., в весенние и летние месяцы она возрастала; так, летом 1601 г. число служилых людей составляло 4 222 чел. [Анхимюк, 2022, с. 349]. Ни Воронеж, ни Белгород в 1615 г. по численности населения не дотягивали до 1 000 чел. [Там же].

Социальный состав города представляло исключительно служивое сословие. Церквей предполагалось построить две: в честь Пр. Троицы и страстотерпцев Бориса и Глеба. Однако после оставления города в Белгород перевезли две церкви – Пр. Троицы, а также Церковь Николая Ратного, т. е. в реальном посвящении церкви отличались от планируемых. О культе Николая Ратного на южном пограничье, а точнее в округе Царёва-Борисова, известно и позднее [Чепига, 2021].

Данные о длине периметра, количестве башен, городен цитирует или пересказывает целый ряд авторов, пользуясь одними и теми же источниками – описанием Царёва-Борисова по чертежу, который прислали Богдан Бельский и Семен Алферьев после завершения строительства в 7107 (1599) г. и опросом царёвоборисовских жителей в 1625 г. [Багaley, 1887, с. 49, Алфёрова, 1989, с. 135, Чепухин, 2014, с. 177, Анхимюк, 2022, с. 346].

В соответствии с этим документом, окружность стены Царёва-Борисова первого заселения состояла 379 саж., имела 3 проезжих башни, 6 глухих, 127 городен.

Причем, по скаске Котельникова 1625 г., крепость имела 2 проезжих ворот и 7 башен глухих [Алфёрова, 1989, с. 135]. Количество башен могло меняться в процессе эксплуатации крепости.

По воспоминаниям царёвоборисовцев, вокруг вала шёл ров глубиной 3 сажени и шириной 4 сажени, за которым стояли стрелецкая, казачья и пушкарская слободы. Слободы, как мы видим, были поселениями ратных людей, т. е. тот же самый гарнизон. По периметру их защищал стоячий острог длиной 2 версты. Вокруг него в радиусе до 7 вёрст для защиты пашен и пастбищ стояли надолбы «в три кобылины».

Оборонительные сооружения города были сделаны настолько добротно, что не выглядели разрушенными ни в 1625 г. (сведения кн. Г. Волконского) [Алфёрова, 1989, там же], ни в середине XVII в. [Юркевич, 1932, с. 165].

Черкасские мигранты поселились у подножия Царёво-Борисовского городища в 1654 г., на противоположной стороне р. Бахтин колодезь, в 82 саж. от неё, и возвели вокруг своей слободы ров и вал, создав посад около воссоздаваемого города [Юркевич, 1932, с. 166]. Параллельно началась отстройка укреплений кремля, т. е. Царёва-Борисова второго заселения. Вокруг, а именно на территории 50 верст вниз и 40 верст вверх по течению Северского Донца, располагались дикие поля [Загоровский, 1980, с. 54]. Данные земли легально осваивались ухотниками со времен Царёва-Борисова первого заселения, а после числились в дачах Святогорского монастыря. Теперь эти земли межевались жителям новопостроенных городов – Царёва-Борисова, Маяцкого, Тора, Райгородка и Бахмута (вторая половина XVII – начало XVIII вв.).

Исследователи, которые останавливались на истории города, отмечают, что оборонительные сооружения Царёва-Борисова первого заселения еще сохранялись и были основой для отстройки новых укреплений. Восстановленный город повторял границы старого. Кроме того, воевода Царёва-Борисова второго заселения соорудил около большого рва надолбы в 2 ряда, длиной в 900 саж., т. е. около 2 км. Таким образом, внешний контур города в том месте, где была острожная стена, также использовался [Загоровский, 1980, с. 167].

Сама крепость по расписным книгам в 1657 г. выглядела следующим образом: стены по периметру 402 саж., стороны 86, 86, 124 и 106 саж., по стенам 9 башен, некоторые шестиугольные, две проезжих, вокруг ров с частичком. Около старой крепости поставлены надолбы 1 106 саж. [Юркевич, 1932, с. 168].

Также дополнительно известно, что крепость второй половины XVII в. была в форме рубленого города из сосны, в марте 1657 г. город представлял из себя четырехугольник, вытянутый с востока на запад. Стена от Оскола восточная длиной 86 сажен, южная от Бахтина колодезя – 124 саж., от степи западная – 86 саж., от Валуйских ворот северная – 106 саж. В измерениях была использована трехаршинная сажень [Загоровский, 1980, с. 55]. Так как крепость восстанавливалась на месте старой постройки, можно предполагать, что и контуры, а возможно, и расположение башен были прежними.

По описанию 1663 г. окружность соснового города составляла 402 саж., на готове 10 пушек на башнях, по сто ядер, появилась вторая линия укреплений, которая совпала с прежним острогом, по ней располагалось 14 башен, из них три проезжих [Загоровский, 1980, с. 57].

Царёв-Борисов второго заселения, судя по описанию 1668 г., относился к городам Белгородской черты и Белгородского разряда [Материалы..., 1886, с. 63–64]. По этому описанию имеем прямое указание на то, что город построен на старой «городовой осыпи», рубленый, имел 2 башни проезжие, 7 глухих, городовые стены длиной 364 саж. По «старым башенным местам», т. е. по периметру старого острога, построено 15 башен, в т. ч. 3 проезжих и 12 глухих. Между башнями располагались надолбы. Черкасы имели статус городских казаков, их обязанностью было ездить на сторожи.

Таким образом, Царёв-Борисов первого и второго периодов заселения располагался на одном и том же месте, занимая возвышенность в междуречье рек Оскол и Бахтин Колодезь. Контуры новой крепости, по свидетельству источников, повторяли старые границы. На месте старого острога располагалась линия надолб. Черкасская слобода, возникшая на другом берегу р. Бахтин Колодезь, не входила в черту города, и ее можно назвать «посадом». В период постройки города первого периода известно существование в пределах острога трех слобод служилых людей. Посадами в классическом понимании их сложно назвать. Однако в документе 1625 г., приведенном Г.В. Алфёровой, эти поселения названы посадом: «ров которой был около посаду и около города и ныне глубок и цел весь» [Алфёрова, 1989, с. 135]. Посада за стенами крепости в то время быть не могло, постоянного населения в округе не было. Украинский археолог И.В. Голубева назвала территорию городища «детинец» и «посад». Поскольку термин «посад» упоминается в источниках, вероятно, с ним можно согласиться, несмотря на то, что этот посад был в то же время и гарнизоном города. Однако термин «детинец» для XVII в. представляется устаревшим. Для российской историографии более традиционно название внутренней крепости – «кремль».

Графическая реконструкция. Для создания графических реконструкций сооружений деревянного оборонного зодчества важны как письменные источники эпохи, так и материалы этнографических и археологических экспедиций. Следует учесть при этом и опыт создания реконструкций другими исследователями.

В случае с созданием рисунков-реконструкций Царёва-Борисова мы ограничены в исторической информации о внешнем виде городских укреплений письменными источниками. Следовательно, целесообразно использование историографических данных по реконструкции одновременных русских крепостей с других участков степного Пограничья [Крадин, 1988, с. 157].

Первый этап рисунка-реконструкции дает общее представление о том, как мог выглядеть Царёв-Борисов с противоположного берега реки Оскол с места, где в неё впадает приток – Бахтин Колодец (рис. 1).

Рис. 1. Город Царёв-Борисов. Вид с левого берега р. Оскол. Авт. А.В. Вербовский
Fig.1. Tsarev-Borisov. View from the left bank of the Oskol river. Author A.V. Verbovskiy

Информация, имеющаяся в письменных источниках и историографических работах, и знание того, что город был построен на высоком правом берегу Оскола, позволяют нам создать образ деревянного города с наружной острожной стеной и кремлём, рубленными тарасами (городнями). Подобное изображение отражает известные сведения в самом общем виде, вполне пригодно для научно-популярного и просветительского применения. Художественный «портрет» города, как и остальные реконструкции, выполнен одним из авторов данной работы.

Второй этап работы над графической реконструкцией городских укреплений Царева-Борисова – чертеж плана городского кремля (рис. 2).

Рис. 2. План кремля г. Царев-Борисов. Авт. А.В. Вербовский
Fig. 2. Layout of the kremlin in Tsarev-Borisov. Author A.V. Verbovsky

По материалам Д.И. Багалея, имеем упоминание о количестве башен (9) и городень (127), а также длине окружности стены (279 саж.). Более конкретные сведения можно почерпнуть из описания 1657 г., а именно то, что город представлял собой четырехугольник, вытянутый с востока на запад, восточная стена, тянувшаяся от реки Оскол на север, имела в длину 86 саж. Противоположная ей стена, находившаяся на возвышении со стороны притока Оскола – Бахтина Колодезя – составляла те же 86 саж. Южная стена, обращенная на Оскол, была самой длинной и составляла 124 саж. Северная стена города имела в длину 106 саж. [Юркевич, 1932, с. 168, Загоровский, 1980, с. 55]. Стены по периметру, в соответствии с данным описанием, составили 402 саж. [Там же].

Имеется расхождение с цифрой окружности стены по описаниям 1599 г. и 1657 г., и для построения реконструкции необходимо решить данное противоречие. Разница в размерах составляет 23 саж. Если предположить, что в первом случае при замерах давалась цифра только стен, а во втором случае – крепостных сооружений вместе с башнями, то остаток покажет общую длину башен. Девять башен из описания занимали длину в 23 саж., следовательно, каждая из них в среднем была 2,6 саж., что соответствует возможной длине данного сооружения.

Городские укрепления, рубленные тарасами (городнями), включали в себя девять башен: шесть глухих и три проезжих (в 1599 г.), или семь глухих и две проезжих (по данным 1625 г. и 1657 г.). Представленная информация позволяет выстроить трапецию, которая довольно точно передает конфигурацию внутренней крепости Царёва-Борисова. Разумеется, трапеция, имеющая два прямых угла с западной стороны и острый и тупой углы – с восточной, может быть и отзеркалена; может и вовсе не иметь прямых углов. Но в этот вопрос внести ясность могут только археологические изыскания.

Третий этап. Наличие плана городского кремля позволяет создать его рисунок-реконструкцию с «птичьего полета» (рис. 3).

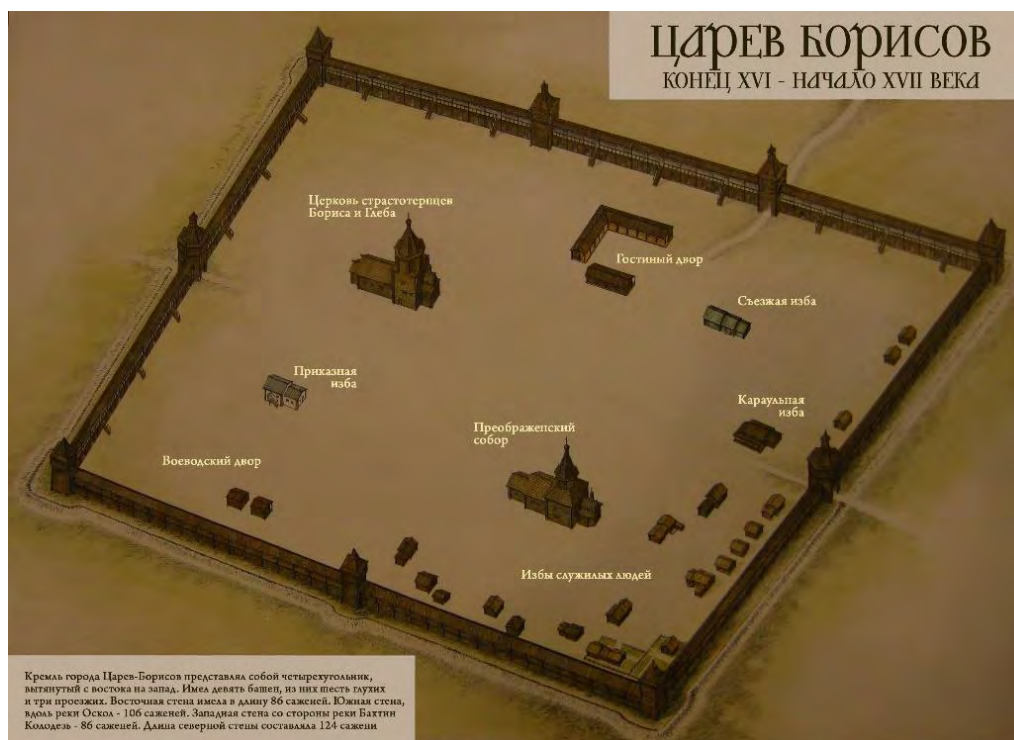

Рис. 3. Графическая реконструкция кремля г. Царёв-Борисов. Авт. А.В. Вербовский
Fig. 3. Graphic reconstruction of the kremlin in Tsarev-Borisov. Author A.V. Verbovsky

На нем изображены девять крепостных башен, в том числе три проезжих, и стены, рубленные городнями. Количество городен на графической реконструкции соответствует информации, данной в «Очерках...» Д.И. Багалея – 127 городен [Багалея, 1887, с. 49]. При этом застройка внутри кремля показана условно, поскольку достоверными данными о том, как выглядели постройки Царева-Борисова (церкви, воеводский двор, съезжая изба, гостинный двор, избы служилых людей и т. д.) мы не располагаем.

Для реконструкции оборонных укреплений города в ракурсе «с птичьего полета» были задействованы доступные веб-сервисы («Google Earth», «Яндекс карты») с использованием инструментов, позволяющих получить представление о рельефе местности.

Важным моментом в процессе создания графической реконструкции того или иного деревянного оборонного укрепления является его максимально точная привязка на местности по картографическим материалам. В случае с определением месторасположения города Царев-Борисов нами были использованы гугл-карты места впадения реки Бахтин Колодезь в Оскол.

Четвертый этап. Одним из этапов работы по реконструкции и привязке к местности крепостных сооружений города Царёв-Борисов при ограниченности исходных археологических данных и исторических свидетельств о расположении и планировке кремля и острога был поиск форм рельефа, которые могли в прошлом представлять интерес в качестве естественных элементов фортификации и стали важным фактором, повлиявшим на расположение и планировку оборонных сооружений.

При этом были применены возможности дистанционного зондирования Земли инструментами, предоставляемыми сервисом Google Earth Pro (рис. 4), достаточные для распознавания и детализации искомых элементов мезорельефа (средних форм рельефа с амплитудами высот до нескольких десятков метров).

Рис. 4. Дистанционное зондирование мезорельефа инструментами Google Earth Pro

Fig. 4. Remote sensing of the mesorelief using Google Earth Pro tools

Пятый этап. Детализация рельефа производилась посредством построения серии профилей (рис. 5) в зоне предполагаемого расположения крепости.

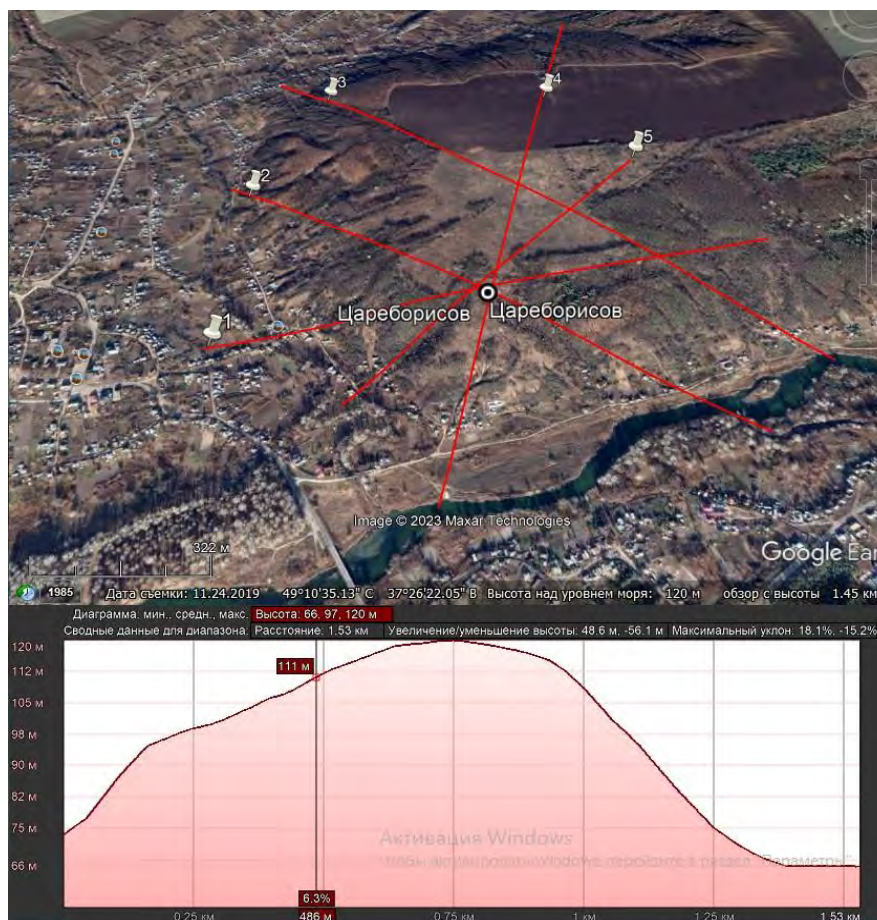

Рис. 5. Детализация рельефа посредством построения серии профилей в зоне предполагаемого расположения крепости

Fig. 5. Relief details by constructing a series of profiles in the area of the suggested location of the fortress

Это позволило выявить площадку, достаточную по размерам и относительной выположенности для расположения крепости с оптимальными по крутизне прилегающими склонами долин р. Оскол и впадающего в неё ручья Бахтин Колодец, не требующими значительного эскарпирования. Вместе с тем, как показало профилирование местности, крепость не имела естественных препятствий с напольной части.

Шестой этап. При основании городов издавна выбирали территории, которые были защищены естественными природными рубежами: высокие берега рек, а также крутые мысы при впадении рек [Надырова и др., 2016, с. 27]. Не только кремли, но и остроги, как правило, сооружались на высоком берегу.

В работе известного исследователя фортификационных сооружений В.М. Неделина проведена основательная работа по изучению нарративных источников, но привязка к местности сделана ученым на карте, дающей весьма условное представление о ландшафте, который имел решающее значение в формировании контуров городского кремля и острожных стен. Это сказалось на определении автором контуров фортификационных сооружений Царёва-Борисова. И если кремль поставлен достаточно правдоподобно на высоком правом берегу Оскола, то острожная стена с ее четырнадцатью башнями расположена исследователем внизу под склоном, прямо на берегу Оскола, что можно считать маловероятным [Воротникова и др., 2016, с. 263].

Это решение в принципе не характерно для устройства деревянных русских крепостей, которые, как правило, возводились на высоких берегах рек. Это прослеживается не только в южных крепостях, но и в оборонных сооружениях русского севера, Сибири и т. д. Так,

например, город Березов, основанный практически в то же время, что и Царев-Борисов (1593 г.), был построен между реками Вогулкой, Северной Сосьвой и соединяющей их Вогульской протокой.

Восточная сторона кремля и острога находится на высоком левом берегу (левом, поскольку эти реки текут на север) [Вершинин, 2018, с. 96]. Об этом свидетельствуют также планы оборонных сооружений Енисейска и Красноярска, представленные в книге В.И. Кочедамова «Первые русские города Сибири» [Кочедамов, 1977, с. 118–120].

В связи с этим нам представляется более реалистичным расположение острожной стены на той же выположенной площадке, на которой находился и городской кремль (рис. 6). На реконструкции В.М. Неделина острог (вторая линия укреплений вокруг города) располагается на обоих берегах р. Бахтин Колодезь, что не соответствовало ни известному по источникам её месторасположению на плато, ни данным о размерах крепости. Поскольку в схематичном плане исследователя нет привязки к местности и, очевидно, реконструкция не входила в задачи его работы, следует всё же отметить, что плато, где располагался рубленый город, занимает большую площадь, чем размеры кремля, что острожная стена с башнями по всем описаниям находилась на том же плато и имела в длину около двух километров, также нет упоминаний о том, что валы и рвы находились только с одной (напольной) стороны крепости и имели форму бастионов, характерную для более поздней эпохи. По длине острожная стена в реконструкции В.М. Неделина больше напоминает вероятную линию надолб.

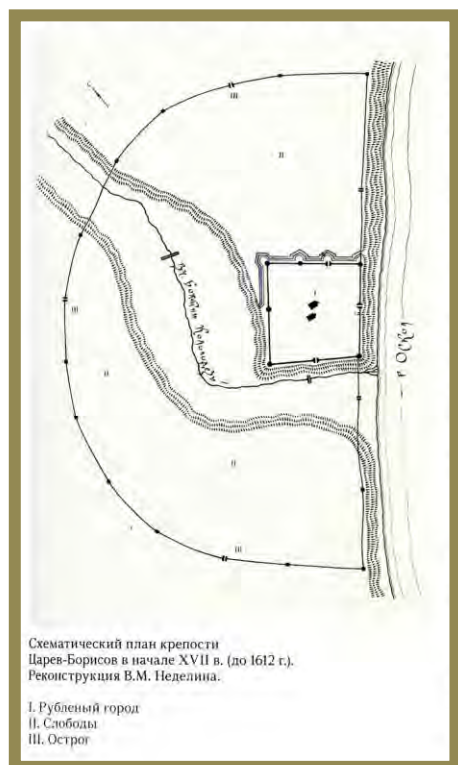

Рис. 6.1. Схематический план крепости Царёв-Борисов в нач. XVII в.
Реконструкция В.М. Неделина
Fig. 6.1. Schematic plan of the Tsarev-Borisov fortress in the early 17 th century.
Reconstruction by V.M. Nedelin

Рис. 6.2. Графическая реконструкция крепостных сооружений г. Царёва-Борисова в нач. XVII в. с привязкой к местности. Авт. А.В. Вербовский
Fig. 6.2. Graphic reconstruction of the fortress structures of Tsarev-Borisov in the early 17 th century with reference to the area. Author A.V. Verbovsky

Для точного изображения острожной стены информации, которой мы обладаем, явно недостаточно. Конфигурация острожной стены нами дана умозрительно, поскольку

фортификационное сооружение, включающее в себя четырнадцать крепостных башен, может иметь множество вариантов их расположения. В русском деревянном оборонном зодчестве существовали и случаи, когда прямоугольный кремль был окружен прямоугольным же острогом [Крадин, 1988, с. 157], но это скорее исключение из правил. Мы сделали попытку представить наиболее приближенный к реальности местности вариант расположения башен и стен.

Заключение

Таким образом, комплексное изучение истории Царёва-Борисова первого периода в сопоставлении со вторым периодом заселения с учетом географических факторов выявило преемственность исторических процессов на территории Среднего Подонковья. Изучение историографии показало, что нижняя и верхняя границы функционирования города ограничивается на сегодня 1599 и 1612 гг. Повторно, в 1654–1656 гг., город был возобновлен на том же месте, что позволило составить вариант реконструкции городских укреплений начала XVII в., представленных в данной работе. Городу уделялось в историографии достаточно большое внимание, в современный период интерес историков активизировался. Археологическое изучение в своё время не имело должного масштаба, которого заслуживает этот интереснейший памятник русской культуры. Стоит отметить, что предложенные в данной публикации графические реконструкции являются предварительным этапом в работе по воссозданию исторического облика Царёва-Борисова. Только конфигурация городского кремля (которая описана во многих источниках и историографических работах) представлена в данной работе в качестве научной графической реконструкции. Оборонные укрепления посада и внутренняя застройка Царёва-Борисова изображены с высокой долей условности. Отсутствие в широком доступе публикаций о результатах проведенных археологических изысканий затрудняет привязку к местности расположения оборонительных сооружений города и его внутренней застройки. В связи с этим стоит отметить, что в данный момент Цареборисовское городище представляет собой закрытый и не поврежденный застройкой археологический комплекс со слоями конца XVI – второй половины XVII в., что делает его особенно ценным для будущего изучения материальной культуры южнорусского пограничья.

Список источников

Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. Спб., 1890, 767 с.
Материалы для истории колонизации и быта Степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетии. Т. 1. Багалей Д.И. Харьков, Тип. К.П. Счасни, 1886, 358 с.

Список литературы

Алфёрова Г.В. 1989. Русские города XVI–XVII веков. Москва, Стройиздат, 216 с.
Анхимюк Ю.В. 2022. К истории русской колонизации Дикого поля: гарнизон крепости Царев-Борисов в конце XVI – начале XVII в. Российское государство в XVI – начале XVIII века: сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. Москва, Старая Басманная: 335–351.
Багалей Д.И. 1887. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. Москва, Тип. университета, 614 с.
Вершинин Е.В. 2018. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург, Демидовский институт, 504 с.
Воротникова И.А., Неделин В.М. 2016. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Юга России. Том 2. Книга 2. Москва, Индрик: 263.
Голубева І.В. 2011. Центральна Слобожанщина кінця XVI – XVIII ст. за археологічними джерелами: дис... канд. наук: 07.00.04, Киев, 183 с.
Голубева І.В. Цареборисівська фортеця: результати та перспективи археологічних досліджень. Святогірський альманах 2009: збірка наукових праць. Донецьк, 2009: 8–16.

- Дедов В.Н. 2014. Святые Горы. Иллюстрированная история. Донецк, «Донбасс», ТОВ «РА «Ваш імідж», 464 с.
- Загоровский В.П. 1680. Изюмская черта. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 238 с.
- Зенченко М.Ю. 2008. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). Москва, Памятники исторической мысли, 208 с.
- История Новороссии. 2017. Отв. ред. В.Н. Захаров; Рос. ист. об-во; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. Москва, Центр гуманитарных инициатив, 864 с.
- Кочедамов В.И. 1977. Первые русские города Сибири. Москва, Стройиздат, 190 с.
- Крадин Н.П. 1988. Русское деревянное оборонное зодчество. Москва, Искусство, 192 с.
- Надырова Х.Г., Русинова А.А. 2016. Архитектурно-пространственная организация уездных городов Казанской губернии конца XVII–XVIII вв. *Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. Известия КГАСУ*, 4(38): 26–34.
- Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. Москва – Ленинград, АН СССР, 447 с.
- Пірко В.О. 1998. Заселення Степової України в XVI–XVIII ст. Донецьк, Український культурологічний центр, 124 с.
- Папков А.И. 2004. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, Изд-во «КОНСТАНТА», 352 с.
- Смирнов И.И. 1966. Крестьянская война 1606–1607 гг. Смирнов И.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. Москва – Ленинград, Издательство «Наука», 328 с.
- Филарет (Гумилевский Д.Г.) 2005. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: в 3 т. Харьков: Райдер-Сага, 2005. Т. 2. 432 с.
- Фоминов А.В. 2013. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства, основание Валук и гибель Царева-Борисова. *Очерки феодальной России*. Москва, Санкт-Петербург, Вып. 16: 202–230.
- Чепига Г.Г. 2021. Культ Николая Ратного на южной окраине Российского государства (кон. XVI – нач. XVIII вв.). *Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). Том 7: Исторические науки*. Под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк, Изд-во ДонНУ, 2021: 277–280.
- Чепига Г.Г. 2021. Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI–XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле. *Via in tempore. История. Политология*, 48(1): 132–140. doi: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-132-140.
- Чепіга Г.Г. 2012. Українська та російська історіографія про перше заселення м. Цареборисова та особливості колонізаційних процесів навколо нього. *Святогірський альманах. Збірка наукових праць*. Донецьк. Видавництво «Донбас», ТОВ «РА «Ваш імідж»: 157–166.
- Чепухин А.Г. 2014. Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилецких людей XVII в.). *История военного дела: исследования и источники*. Т. V.: 156–416.
- Юркевич В. 1932. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького. Киев, ВУАН., 191 с.

References

- Alfeyorova G.V. 1989. Russkie goroda XVI–XVII vekov [Russian Cities of the XVI–XVII Centuries]. Moscow, Strojizdat, 216 p.
- Ankhimuk Yu.V. 2022. K istorii russkoj kolonizaczii Dikogo polya: garnizon kreposti Czarev-Borisov v koncze XVI – nachale XVII v. [On the History of the Russian Colonization of the Wild Field: The Garrison of the Tsarev-Borisov Fortress in the Late XVI – Early XVIII Centuries]. *Rossijskoe gosudarstvo v XVI – nachale XVIII veka: sbornik statej k 70-letiju Andreja Pavlovicha Pavlova*. Moscow, Staraya Basmanaya: 335–351.
- Bagalej D.I. 1887. Oчерки iz istorii kolonizaczii stepnoj okrainy` Moskovskogosudarstva [Essays from the History of Colonization of the Steppe Outskirts of the Moscow State]. Moscow, Tip. universiteta, 614 p.
- Vershinin E.V. 2018. Russkaya kolonizaczija Severo-Zapadnoj Sibiri v koncze XVI – XVII vv. [Russian Colonization of Northwestern Siberia in the Late 16th–17th Centuries]. Ekaterinburg, Demidovskij institut, 504 p.

- Vorotnikova I.A., Nedelin V.M. 2016. Kremli, kreposti i ukreplenny'e monasty'ri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti Yuga Rossii [Kremlins, Fortresses and Fortified Monasteries of the Russian State of the XV–XVII Centuries. Fortresses of the South of Russia]. Tom 2. Kniga 2. Moscow, Indrik, 263 p.
- Holubieva I.V. 2011. Tsentralna Slobozhanshchyna kintsia XVI – XVIII st. za arkhеolohichnymy dzhерelamy [The Central Slobozhanshin Region of the XVI–XVIII Centuries beyond the Archaeological Heritage]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.04, Kiev, 183 p. (in Ukrainian).
- Holubieva I.V. Tsareboryisvska fortetsia: rezultaty ta perspektyvy arkhеolohichnykh doslidzhen [Tsareboris Fortress: Results and Prospects of Archaeological Research]. Sviatohirskyi almanakh 2009: zbirka naukovykh prats. Donetsk, 2009: 8–16 (in Ukrainian).
- Dedov V.N. 2014. Svyatye Gory. Illyustrirovannaya istoriya [Holy Mountains. Illustrated History]. Doneck, «Donbass», TOV «RA «Vash imidzh», 464 p.
- Zagorovskij V.P. 1969. Izyumskaya cherta [Izyum Line]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 304 p.
- Zenchenko M.Yu. 2008. Yuzhnoe rossijskoe porubezh'e v koncze XVI – nachale XVII v. (opyt gosudarstvennogo stroitel'stva) [The Southern Russian Borderlands at the End of the XVII – Beginning of the XVIII Century (Experience of State Construction)]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 208 p.
- Istoriya Novorossii [The History of Novorossiya] 2017. Otv. red. V.N. Zakharov; Ros. ist. ob-vo; In-t ros. istorii Ros. akad. nauk. Moscow, Czentr gumanitarny'kh inicziativ, 864 p.
- Kochedamov V.I. 1977. Pervy'e russkie goroda Sibiri [The First Russian Cities of Siberia]. Moscow, Strojizdat, 190 p.
- Kradin N.P. 1988. Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo [Russian Wooden Defense Architecture]. Moscow, Iskustvo, 192 p.
- Nady'rova Kh.G., Rusinova A.A. 2016. Arkhitekturno-prostranstvennaya organizacziya uездny'kh gorodov Kazanskoj gubernii koncza XVII – XVIII vv. [Architectural and Spatial Organization of the County Towns of Kazan Province at the End of the XVII–XVIII Centuries]. *Teoriya i istoriya arkhitektury, restavracziya i rekonstrukcziya istoriko-arkhitekturnogo naslediya. Izvestiya KGASU*, 4(38): 26–34.
- Novosel'skij A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. [The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the XVII Century]. Moscow – Leningrad, AN SSSR, 447 p.
- Pirko V.O. 1998. Zaselennia Stepovoi Ukrainy v XVI–XVIII st. [Settlement of Steppe Ukraine in the XVI–XVIII centuries]. Donetsk, Ukrainskyi kulturolohičniy tsentr, 124 p. (in Ukrainian).
- Papkov A.I. 2004. Porubezh'e Rossijskogo czarstva i ukrainских zemel' Rechi Pospolitoj (konecz XVI – pervaya polovina XVII veka) [Borderlands of the Russian Empire and the Ukrainian Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Late 17th – First Half of the 17th Century)]. Belgorod, Izd-vo «KONSTANTA», 352 p.
- Smirnov I.I. 1966. Krest'yanskaya vojna 1606–1607 gg. [The Peasant War of 1606–1607]. Smirnov I.I. Krest'yanskіe vojny' v Rossii XVII–XVIII vv. Moscow – Leningrad, Izdatel'stvo «Nauka», 328 p.
- Filaret (Gumilevskij D.G.) 2005. Istoriko-statisticheskoe opisanie Khar'kovskoj eparkhii [Historical and Statistical Description of the Kharkov Diocese]: v 3 t. Khar'kov: Rajder-Saga, 2005. T. 2. 432 p.
- Fominov A.V. 2013. Nereshenny'e voprosy' istorii «pol'skikh» gorodov Moskovskogo gosudarstva, osnovanie Valuek i gibel' Czareva-Borisova [Unresolved Issues of the History of the "Polish" Cities of the Moscow State, the Founding of Valuyki and the Death of Tsarev-Borisov]. *Ocherki feodal'noj Rossii*. M., SPb., Vy'p. 16.: 202–230.
- Chepiga G.G. 2021. Kul't Nikolaya Ratnogo na yuzhnoj okraіne Rossijskogo gosudarstva (kon. XVI – nach. XVIII vv.) [The Cult of Nicholas the Warrior on the Southern Outskirts of the Russian State (End of the XVI – Beginning of the XVIII Centuries)]. *Doneczkie chteniya 2021: obrazovanie, nauka, innovaczi, kul'tura i vy'zovy' sovremennosti: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferenczii (Doneczk, 26–28 oktyabrya 2021 g.)*. Tom 7: Istoricheskie nauki. Pod obshhej redakciej prof. S.V. Bepalovoj. Doneczk, Izd-vo DonNU: 277–280.
- Chepiga G.G. 2021. Northern Donbass in the Economic and Political System of the Russian State in the XVI–XVII Centuries: Yurts, Watchmen, Cities in the Field. *Via in tempore. History and political science*, 48(1): 132–140 (in Russian). doi: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-132-140 (in Russian).
- Chepiga G.G. 2012. Ukraїns'ka ta rosijs'ka istoriografiya pro pershe zaselennya m.Careborisova ta osoblivosti kolonizacijnih procesiv navkolo n'ogo [Ukrainian and Russian Historiography about the First Settlement of Tsareborisov and Features of Colonization Processes around it]. *Svyatogorsk miscellany*. 2012.

Collection of Scientific Works. Donetsk, Vidavnictvo «Donbas», TOV «RA «Vash imidzh»: 157–166 (in Ukrainian).

Chepukhin A.G. 2014. Volujka: krepost' na yuzhnorusskoj okraine (sud'by` sluzhily`kh i zhileczkikh lyudej XVII v.) [Voluyka: A Fortress on the Southern Russian Outskirts (the Fate of Service Men and Tenants of the XVII Century)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. T. V.: 156–416.

Yurkevich V. 1932. Emigraciya na skhid i zalyudnennya Slobozhanshchini za B. Hmel'nic'kogo [Emigration to the East and Population of Slobozhanshchyna under B. Khmelnytsky]. Kiev, VUAN. 191 p. (in Ukrainian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.02.2025

Received 21.02.2025

Поступила после рецензирования 20.04.2025

Revised 20.04.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Accepted 22.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чепига Галина Геннадиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права, Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, ДНР, Россия

 [ORCID: 0009-0003-3041-4183](https://orcid.org/0009-0003-3041-4183)

Galina. G. Chepiga, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History and Law, Donetsk National Technical University, Donetsk, DPR, Russia

Вербовский Андрей Валерьевич, старший научный сотрудник, Донецкий республиканский краеведческий музей, г. Донецк, ДНР, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2171-4462](https://orcid.org/0000-0002-2171-4462)

Andrey V. Verbovskiy, Senior Researcher, Donetsk Republican Museum of Local Lore, Donetsk, DPR, Russia

УДК 930.23
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-392-400
EDN HMCNNV
Обзорная статья

О роли воеводского управления Якутского уезда в процессе складывания пограничья между Российским и Китайским государствами в XVII в.

Борисов А.А.¹ , Борисов Ан.А.²

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58;

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1
E-mail: borisov.arsen01@mail.ru, a_a_borisov@mail.ru

Аннотация. В работе на основе документов якутской воеводской канцелярии XVII в. рассматривается деятельность администрации и служилых людей Якутского уезда по освоению новых земель на Дальнем Востоке, приведению в подданство русского царя населявших регион народов, установлению границ с Китаем. Эти действия в современном понятии можно трактовать как внешнеполитические и рассматривается их роль в складывании пограничной обстановки на дальневосточных рубежах России в XVII в. Исследуются первые походы, организованные якутскими воеводами в начале 1640-х гг., в бассейн р. Амур, прослежены особенности их деятельности в дальнейшем, в 1650-х гг. Несмотря на то, что с середины столетия главная роль в укреплении российского присутствия на Дальнем Востоке переходит к нерчинским, иркутским и другим воеводам, и в последующие годы на якутских воевод были возложены некоторые внешнеполитические функции. Укрепление Якутского острога, действия якутских служилых людей на побережье Охотского моря, регулирование передвижений ясачного населения Якутского уезда на границу с Цинской империей также являются проявлениями внешней политики Российского государства, в которых активную роль играли представители якутского воеводского управления.

Ключевые слова: Якутское воеводское управление, функции, внешняя политика, якутская воеводская канцелярия, границы, походы, Дальний Восток

Для цитирования: Борисов А.А., Борисов Ан.А. 2025. О роли воеводского управления Якутского уезда в процессе складывания пограничья между Российским и Китайским государствами в XVII в. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 392–400. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-392-400. EDN: HMCNNV

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the Role of the Voivodeship Administration of the Yakut District in the Formation of the Border between Russia and China in the 17th Century

Arseniy A. Borisov ¹ , Andrian A. Borisov ²

¹ M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58 Belinsky St., Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russia;

² Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Petrovsky St., Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russia
E-mail: borisov.arsen01@mail.ru, a_a_borisov@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of the administration and the service people of the Yakut district in developing new lands in the Far East. The study is based on the documents of the 17th century Yakut

© Борисов А.А., Борисов Ан.А., 2025

voivodship office. The authors investigate processes of bringing the peoples inhabiting the region to the citizenship of the Russian tsar and establishing borders with China. These actions in the modern concept may be interpreted as foreign policy. Their role in shaping the situation on the Far Eastern borders of Russia in the 17th century is being considered. The article discusses the first campaigns organized by the Yakut voivodes into the basin of the Amur river in the early 1640s and look into the specifics of their activities in the 1650s. Though the main role in strengthening the Russian presence in the Far East was transferred to the Nerchinsk, Irkutsk and other voivodes in the middle of the 17th century, the Yakut voivodes were still entrusted with some foreign policy functions in subsequent years. Representatives of the Yakut voivodship office also played an important role in other Russia's foreign policy activities, such as strengthening of the Yakut stockaded town, the actions of Yakut military personnel on the coast of the Sea of Okhotsk, and the regulation of the movement of the Yakut District's rural population to the border with the Qing Empire.

Keywords: Yakut voivodship administration, functions, foreign policy, Yakut voivodship chancellery, borders, campaigns, the Far East

For citation: Borisov A.A., Borisov An.A. 2025. On the Role of the Voivodship Administration of the Yakut District in the Formation of the Border between Russia and China in the 17th Century. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 392–400 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-392-400. EDN: HMCNNV

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В последнее время отношения России с восточными странами становятся всё более интенсивными, в частности с Китаем. Для эффективного построения отношений немаловажно знать историю складывания внешней политики России на Дальнем Востоке. Данная история берёт начало с первой половины XVII в., когда на картах территории Дальнего Востока изображались самыми разнообразными и в большинстве нереалистичными способами. Не было чётких представлений у европейцев о территориях севернее молодой империи Цин, образованной в 1644 г. С запада к ним активно продвигались русские землепроходцы, а близко расположенный Китай по ряду причин не продвигал свои границы на север. До сих пор между Россией и КНР существуют разногласия в урегулировании границ некоторых территорий Дальнего Востока в связи с ранними этапами их освоения. Город Якутск, будучи дальневосточным городом и фактически старейшим из них, вскоре будет отмечать своё 400-летие. Город на протяжении длительного времени в XVII–XVIII вв. в силу своего геополитического положения сохранял свой административный статус форпоста Российского государства на Дальнем Востоке. Актуальность изучения заявленной темы связана с осмыслением исторического опыта государственного управления в регионах России, особенно на таких отдалённых окраинах, которые расположены на северо-востоке Азии и Дальнем Востоке.

Цель исследования: рассмотреть роль Якутского воеводства в процессе складывания российско-китайского пограничья на дальневосточных территориях в XVII в.

Задачи:

- 1) выявить источники, в которых отразилась внешнеполитическая деятельность якутского воеводского управления;
- 2) рассмотреть характерные действия служилых людей, в том числе воевод Якутского уезда, имеющие отношение к внешней политике;
- 3) показать роль этих действий в отношениях с Китаем в рамках рассматриваемого периода.

Источниковая база. Первичным источником в работе выступает корпус документов Якутской приказной избы из фондов Российского государственного архива древних актов: наказные памяти, грамоты, указы и т. п. Вторичными источниками выступают работы преимущественно отечественных учёных советского периода, поскольку в современный период имеется недостаток больших работ по данной теме исследования.

Степень изученности. Вопросом государственного управления регионами занимались различные чиновники XIX в., но косвенно и в основном с юридической точки зрения. Углубленным изучением Якутского уезда и его воеводского управления занимались преимущественно в советский период. Самыми яркими исследователями были Сафронов Ф.Г. и Иванов В.Н., в работах которых Якутский уезд находится в центре основного внимания [Сафронов, 1978]. Особенно это видно в работах Иванова В.Н., в которых он изучил процесс вхождения территории Якутии и основные вехи становления Якутского уезда [Иванов, 1999]. Работы по внешнеполитическим связям России и Китая XVII в. раскрывают в основном непосредственные действия центральной власти и мало затрагивают деятельность «местных» властей. Масштабных обобщающих трудов, в которых углубленно рассматривается начальный этап становления российско-китайских отношений XVII в., в регионе не было.

Объекты и методы исследования

В настоящей исследовательской работе основным объектом изучения являются функции, полномочия и деятельность якутского воеводского управления, которые вверялись якутским воеводам и их подчиненным в рассматриваемый период из столицы в период «наивысшей» самостоятельности данного уезда, которая так или иначе затрагивала отношения с иностранными государствами и инородцами (иноверцами) дальневосточного региона Российского государства в XVII–XVIII вв. Более обобщенно данный регион носит название Северо-востока Азии. В работе применяются общенаучные методы – анализ и синтез и частнонаучные – историко-сравнительный и типологический. Ведущими методами в работе являются типологический анализ и синтез в первую очередь корпуса документов Якутской приказной избы по данной тематике, что позволит выяснить роль администрации уездного центра Якутска и людей, находившихся на службе данного государственного учреждения, в деятельности Российского государства на современных дальневосточных территориях в XVII в. в отношениях с Китайским государством.

Результаты и их обсуждение

В 1620-е гг. русские землепроходцы достигли земель нынешней Якутии. В 1632 г. был заложен Ленский (Якутский) острог, куда первоначально назначались приказчики из Енисейска (центра одноименного воеводства). Однако в 1638 г. для облегчения управления данными обширными территориями царь утверждает новый уезд с воеводским управлением с центром в Якутском остроге. Якутский уезд приобрёл типичную структуру воеводского управления и стал пограничным, поскольку в дальнейшем исследуемые земли северо-востока Азии автоматически попадали под управление якутских воевод. Вскоре рост территории уезда привёл к столкновению с геополитическими интересами восточных стран [Иванов, 1999].

Система уездного управления, сформировавшаяся в XVI – начале XVII вв., не имела чёткого определения функций того или иного уезда, а потому функции их глав – воевод – разнились в зависимости от специфики региона. Каждый воевода при назначении получал царскую наказную грамоту, которая являлась своеобразной инструкцией для назначаемого человека, содержавшей его функции, а также для его подчинённых. То есть не только между уездами, но и у каждого отдельного воеводы могли отличаться вверенные ему функции, несмотря на общую схожесть [Ерошкин и др., 2008].

Якутский уезд обладал рядом специфических черт:

- обширная территория, ведь под властью Якутского воеводы на протяжении XVII в. – в начале XVIII в. была большая часть территорий современного Дальнего Востока России;
- сложные географические условия: суровый климат, малопригодный для сельскохозяйственной деятельности ландшафт, полиэтничность местного населения и т. п. [Аржакова и др., 2012];

– окраинное положение на северо-востоке Азии рядом с ещё не исследованными землями и государствами;

– близость иностранных государств, в особенности Китая, Японии, с которыми у России до XVII в. практически не было прямых взаимоотношений.

Следовательно, перед воеводой и служилыми людьми Якутского острога встал ряд нетипичных, например, для центральных уездов задач: приведение в подданство и поддержание благоприятных отношений с иноверцами, освоение новых земель, контроль за деятельностью соседних государств и т. д. [Сафронов, 1978]. Якутский уезд называли также «разрядом» по аналогии с другими крупными пограничными военно-административными областями, например, Белгородским, Севским, Смоленским и др., некоторые из них состояли из нескольких уездов. Отсюда, очевидно, проистекают причины, по которым якутских воевод наделяли более широкими полномочиями.

В первую очередь стоит обратить внимание на походы русских землепроходцев, которые фактически были связаны с внешнеполитическими задачами. Продвигаясь по обширной территории Сибири, они занимались процессом колонизации и установления контактов с иноверцами, некоторые из которых уже находились под властью других государств. Территория будущей Якутии стала одной из первых в рассматриваемом регионе на пути служилых людей Российского государства к Тихому океану. Следовательно, Якутия в скором времени превратилась в форпост продвижения царского правительства в северо-восточную Азию, а Якутский острог стал важным опорным пунктом, будучи старейшим городом Дальнего Востока России. О важности могут свидетельствовать большие материальные суммы и ресурсы, выделенные первым якутским воеводам: «только в Енисейском остроге от воеводы Н.Л. Веревкина якутские воеводы получили "в ленской подъем" "44 дощаника и шитиков, да на павоски к порогам и под завозы и для бечевного ходу болших малых 44 лодки, 3 паруса, а в них 1 507 аршин холсту нового в парусу ж, 10 фунтов свечил на свечи завозенных, 4 коната, 44 бечевы по 2 спуска на дощеник, по 50 сажен спуск, 2 000 скоб судовых, 10 ведр смолы...» [Иванов, 1999, с. 80]. Якутское воеводство получило в своё распоряжение обширный регион, начинающийся с бассейна Лены и упирающийся в побережье Тихого океана. С 1638 г. большая часть землепроходческих экспедиций в северо-восточной Азии стали направляться по распоряжению якутского воеводства, разумеется, на основе царского наказа, например, «Наказа царя Михаила Фёдоровича первым якутским воеводам Петру Головину и Матвею Глебову по вопросам управления новым Якутским уездом» [Иванов 1999, с. 171–196]. Сосредоточимся на юго-восточном направлении землепроходцев в виду того, что именно в этом направлении Якутский уезд имел «прямое пограничье», поскольку на северо-востоке не зафиксировано иностранного присутствия в рассматриваемый период, а южные и юго-западные границы Якутского уезда были смежными с границами других уездов Российского государства. Среди организованных якутскими воеводами экспедиций землепроходцев, свидетельствующих о внешнеполитических действиях служилых людей Якутского уезда, можно выделить следующие походы В.Д. Пояркова (1643–1646), Е.Ф. Хабарова (1649–1650, 1651–1653), О. Степанова (1653–1658). Информацию о данных походах узнаём из следующих документов Якутской приказной избы:

1. «Наказная память составленная воеводой Головиным письменному голове Василию Пояркову о походе на реки Зея и Шилка» (1643) [Чтения в Императорском..., 1861, с. 371–383], «Акты о плавании письменного головы Василия Пояркова из Якутска в Охотское море» [Дополнения к актам, 1869а, с. 50–61], состоящие из «Извещения о письменном голове Василии Пояркове новому воеводе В. Пушкину», «Отписке воевод о походе Василия Пояркова на р. Амур и челобитной, оправдывавшей противоречивые действия В. Пояркова» (1649 г.).

2. «Отписка якутского воеводы Дмитрия Францбекова, о походе промышленника Ерофея Хабарова на реку Амур» (1650 г.) [Дополнения к актам, 1869а, с. 258–261]. «Наказ якутского воеводы Димитрия Францбекова «опытовщику» Ерофею Хабарову, о походе в Даурскую землю» [Акты исторические, 1841–1842, с. 67–70]. «Отписка якутскому воеводе

Дмитрию Францбекову Ерофея Хабарова, о военных действиях его на реке Амур и о прочем» (1652 г.) [Дополнения к актам, 1869а, с. 359–371].

3. «Отписка Якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому приказного человека Онуфрия Степанова, о плавании его по реке Амуру для сбора ясака и прочее» (1656 г.) [Дополнения к актам, 1869б, с. 80–83]. «Книга сбора ясака с князцов и улусных людей на реках Амуре, Шингале и Ушуре в «Новых» Даурских, Дучерских и Гиляцких землях приказчика Ануфрия Степанова и целовальника Василия. 11 июня – 18 декабря 1655 г.»⁶⁵

Из документов группы 1 становится понятно, что поход Василия Пояркова был, по своей сути, разведкой региона от истоков р. Алдан и р. Учур до берегов р. Амур (от впадения в него р. Шилка и до устья). Отрывочные сведения о данном регионе поступали и раньше, но В. Поярков предоставил наиболее подробную и полную картину о нём. Кроме того, он выяснил, что живут там инородцы, которые находятся в подданстве «Борбоя» (по-видимому, китайского императора) [Дополнения к актам, 1869а, с. 52], и инородцы, которые «ясаку никому не дают» [Дополнения к актам, 1869а, с. 55]. С последних, кои были гиляками, он и взял ясак. Таким образом, В. Пояркову был поручен ряд заданий, среди которых было в том числе и узнать о взаимоотношениях Китая и инородцев, живущих близ р. Амур. В наказной памяти, которую дали ему первые якутские воеводы, присутствует следующая формулировка: «...всякими мерами спрашивать иноземцов накрепко по одному, ... какие на Шилке реке люди, и много ли их, и о себе ли живут, или ясак кому с себя дают; и про то спрашивать же накрепко, ... и есть ли на Шилке реку из Китайского Государства приход, и будет есть, и судами ль приходят, или конми, и по сколько человек приходят, и что хто в роспросе скажет, и то по тому ж писать на роспись имянно...» [Чтения в Императорском, 1861, с. 377]. Тем не менее данную задачу В. Поярков выполнить не смог, однако важен сам факт того, что якутские воеводы стали предпринимать целенаправленные попытки установить контакты с другим государством.

Документы из группы 2 свидетельствуют о походах Е. Хабарова и сразу же можно отметить тот факт, что инициатива поступила от самого Ерофея Хабарова, а воевода, очевидно, был сам заинтересован в данных походах [Ладыгина, 2020]. Если поход В. Пояркова был больше разведкой, то целью данных походов уже было именно объясачивание и приведение в подданство инородцев, в т. ч. и тех, кто уже был под властью императора Китая (династии Цин). Первый был менее удачный, потому что местные иноверцы – дауры – сбежали со своих прежних мест, а второй поход был нацелен не только на объясачивание, но и в целом на колонизацию земель, которые находились под властью Цин. Поход шёл с переменным успехом, сопровождаясь различными стычками между отрядом Хабарова с одной стороны и дауров, поданных Цин, с другой стороны. Упоминается даже случай пленения китайцев, которые, вероятно, отправлялись к даурам в качестве помощи из Китая.

В 1653 г. Хабарова из-за жалоб со стороны его отряда [Полевой, 1995] заменяют на Онуфрия Степанова, который, несмотря на дачу ему отдельной наказной памяти непосредственно от человека из Москвы – московского дворянина Д. Зиновьева, который был отправлен в ответ на челобитную от служилых людей Хабарова, в целом продолжал дела, которые поручил некогда Д. Францбеков Хабарову [Дополнения к актам, 1869а, с. 523–528]. Из документов группы 3 ясно, что О. Степанов отчитывается в том числе и якутскому воеводе, к тому времени уже М. Лодыженскому, что в принципе делает его служилым человеком Якутского уезда, более того, отправился он в поход вместе с Е. Хабаровым. В последующие 5 лет О. Степанов продолжит попытки закрепить территории проживания дауров – данников китайского императора – за Россией, а также объясачить прочее местное население, но будет взят в плен и, очевидно, погибнет в плену, а отряд отступит в Якутск и Забайкалье, однако оставив после себя ряд острожков и зимовий [Артемьев, 1999]. Что действия Е. Хабарова, что действия О. Степанова вполне можно считать за открытые военные действия, начатые по инициативе именно служилых людей Якутского уезда.

⁶⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Оп. 4. Д. 520. Л. 1–32.

Логически связаны с данными походами следующие, весьма интересные документы: «Грамота, посланная якутским воеводой Д.А. Францбековым князю Богдою о принятии русского подданства» (1650 г.) [Сын Отечества, 1840], а также «Грамота, посланная якутским воеводой Д.А. Францбековым князю Шамшакану о принятии русского подданства» (1651) [Акты исторические, 1841–1842, с. 72–73]. Д. Францбеков отличался твёрдым характером и в весьма грубой форме в первой Грамоте, по-видимому, недооценив ситуацию, решает психологически надавить на «князя Богдаю» (вероятно, китайского императора), чтобы тот признал власть русского царя и перешёл в его подданство вместе с даурами, дючерами и прочими подвластными ему народами. Первая Грамота, судя по всему, до получателя не дошла, поскольку Хабаров в своих отписках отрицает существование «князя Богдаю». После чего Д. Францбеков, очевидно, переписывает свою первую Грамоту в более сдержанный тон и направляет её повторно через Е. Хабарова, называя «князя Богдаю» уже как «князь Шамшакан» (по-видимому, это император Шуньчжи [Shunzhi: emperor of Qing dynasty...]). На эту грамоту по косвенным свидетельствам Е. Хабарова китайский император реагирует: во время очередной стычки с даурами, где присутствовали в т. ч. люди из империи Цин, последние отступили, и, по словам пленных дауров, причина заключалась в том, что сам «князь Шамшакан не велел с русскими людьми драться» [Иванов, 1999, с. 128]. Более того, на следующий день от имени правительства династии Цин прибыл представитель, но из-за языкового барьера дельного разговора не получилось, но обе стороны, по свидетельству Хабарова, решили «свидетаться честно». Тем не менее дальше актуальность данных грамот пропала, т. к. китайцы продолжили атаковать отряд Хабарова неожиданно из засады. Говоря в целом, данные Грамоты вполне можно назвать попыткой ведения дипломатических переговоров с Китаем, причём по инициативе якутского воеводы.

В 1653 г. был заложен Нерчинский острог вблизи р. Шилка, а в 1658 г. учреждено отдельно Нерчинское воеводство. С этого момента основная нагрузка на взаимоотношения с Китаем ложится на воеводу Нерчинска [Багрин, 2021], более того, сам Алексей Михайлович организует торговый караван в Китай [Романова, 2014, с. 103]. Якутский воевода сосредотачивается на дальнейшем освоении северо-восточного направления. Однако на протяжении почти всего XVII в. вплоть до подписания Нерчинского договора 1689 г. [Яковлева, 1958] Якутский острог, как и весь Якутский уезд, продолжает рассматриваться Москвой как опорный пункт Восточной Сибири в случае военной экспансии династии Цин. Обоснованным доказательством этому может служить проведённое якутскими воеводами в 1681–1687 гг. масштабное укрепление Якутского острога при очередном переносе. В процессе него он претерпел значительное переустройство. Получив более удачное месторасположение, острог также превратился в мощную крепость: «стены были уже не тыновыми, а срубными, в них стояли 2 проезжие и 6 глухих башен. Длина каждой стены составляла 60 саженей (128 м). Высота глухих башен достигала 9 (19,2 м), а проезжих – 14 саженей (29,87 м)» [Крадин, 1990, с. 97]. Более того, в 1684 г. в Якутский уезд в качестве воеводы был назначен Матвей Осипович Кровков – один из первых русских служилых людей, удостоенных чина «генерала», участник Второго Чигиринского похода [Половцов, 1903, с. 445–446]. По всей видимости, в 1670–1680-е гг. в связи с усложнением обстановки на границах с империей Цин царское правительство всерьёз опасалось экспансии китайских войск, в том числе и на территорию Якутского уезда.

Кроме того, у Якутского уезда оставались в подчинении прибрежные территории Охотского моря от р. Охота до р. Уда, которые практически напрямую граничили с владениями, которые империя Цин считала своими, так что опасение Москвы были вполне обоснованными. В 1679 г. было основано Удское зимовье, которое впоследствии превратилось в острог, и оно фактически стало пограничной крепостью, через которую продолжались весьма активные контакты китайцев с якутскими служилыми людьми [Сафронов, 1978, с. 21]. Так, известны два письма: «Письмо сына боярского Леонтия Трифонова Китайским воеводам, в ответ на предложение их о размене Тунгусов на Русских, взятых Китайцами на реке Тугире, и о проведении границ, и о прекращении неприязненных действий» [Дополнения к актам, т. 10,

1869в, с. 261–262] и «Письмо Китайских воевод приказному Удского острожка Андрею Амосову по поводу неприязненных действий Русских против Китайцев» [Дополнения к актам, 1869в, с. 263], и по ним видно, что Якутский уезд, несмотря на «отход на второй план» по вопросам внешней политики страны, всё же сохранял частично своё пограничное положение, и якутским служилым людям необходимо было организовывать торговлю и переговоры с Китайским государством. Таким образом, видно, что Якутский уезд дал начало активным русско-китайским отношениям, и даже после появления Нерчинска продолжал сохранять свою роль в качестве пограничной территории и резерва на случай падения Нерчинска под натиском войск империи Цин.

К концу XVII в. участвовавшие случаи бегства якутов «в Дауры», т. е. в Цинский Китай, из-за злоупотреблений ясачных сборщиков были пресечены строгими мерами якутского воеводы Д.А. Траурнихта в отношении последних, поэтому беглецы вскоре стали возвращаться, что, несомненно, снимало внешнеполитическую напряжённость в регионе [Романов, 1956, с. 13–24].

Таким образом, можно сделать вывод, что в компетенции Якутского воеводского управления находились следующие внешнеполитические функции:

- деятельность по колонизации новых земель;
- ведение переговоров с представителями иностранных государств;
- ведение военных действий;
- налаживание торговых отношений с иноверцами и иностранными государствами.

Очевидно то, что в документах Якутской воеводской канцелярии вопросы внешней политики видны не столь явно, но с точки зрения современной терминологии рассмотренные действия можно считать внешнеполитическими. Постепенно с конца XVII – начала XVIII вв. роль якутских воевод в регионе начала снижаться вследствие начавшихся административно-территориальных изменений.

Заключение

Таким образом, в работе были рассмотрены наиболее крупные действия администрации и служилых людей Якутского уезда. Исходя из «наказов», которые отправляли им из столицы, Якутский острог, несмотря на значительную удалённость от Китая, рассматривался царями как один из ключевых опорных пунктов на Дальнем Востоке на протяжении всего XVII в. Говоря о деятельности якутских воевод и подчинённых им людей, можно отметить, что они, исполняя волю Государя, вероятно, мало представляли себе, с кем имеют дело. Однако это не уменьшает их весьма значимой роли в самых первых контактах с Китайским государством. Несмотря на то, что ключевую роль в разрешении противоречий между Россией и Китаем будет играть Нерчинское воеводство, Якутское воеводство вступило в противостояние с китайскими властями и заложило основы в 1630–1650-х гг. для весьма успешной деятельности нерчинских служилых, а в дальнейшем играло роль заслона как с точки зрения запасного опорного пункта на случай экспансии Китайского государства, так и с точки зрения налаживания благоприятных отношений со значительной частью инородцев дальневосточного региона, ведь от их лояльности также зависели и успехи русских в столкновениях с империей Цин. Более того, Якутский уезд географически сохранил своё пограничное положение за счёт Охотско-Удского междуречья.

Список источников

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Оп. 4. Д. 520. Л. 1–32.
Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб., Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.
Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. Санкт-Петербург, Тип. Эдуарда Праца, 1869а. 572 с.
Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4. Санкт-Петербург, Тип. Эдуарда Праца, 1869б. 452 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 10. Санкт-Петербург, Тип. Эдуарда Праца, 1869в. 516 с.

Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амур в 1649. *Сын Отечества*. – 1840. 1: 99–101. 927 с.

Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Книга первая. Москва, Тип. Университетская типография, Январь-Март 1861. 626 с.

Список литературы

- Аржакова С.К., Пестерев В.И., Лыткин В.М. и др. 2012. Иллюстрированный атлас Республики Саха: новейшие карты, цифры, факты. Якутск, Бичик, 227 с.
- Артемьев А.Р. 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток, Приморский полиграфический комбинат, 335 с.
- Багрин Е.А. 2021. Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу о кризисе системы обороны Восточного Забайкалья. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*. 3: 14–33.
- Ерошкин Н.П., Иванов А.Е., Степанский А.Д. 2008. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд. Москва, РГГУ, 710 с.
- Иванов В.Н. 1999. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 199 с.
- Крадин Н.П. 1990. Старый Якутск. *Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры*. 2(22): 95–110.
- Ладыгина О. Путь к Амуру: экспедиция Ерофея Хабарова. 2020. Официальный сайт Русского географического общества (РГО) URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/put-k-amuru-ekspeditsiya-erofeya-khabarova/> (дата обращения: 02.12.2024).
- Полевой Б.П. 1995. Известная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее назначение для археологов Приамурья. Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования: сборник научных трудов, т. 2. Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН: 7–30.
- Половцов А.А. 1903. Русский биографический словарь. Том 9. Кнаппе – Кюхельбекер. Санкт-Петербург, Тип. Главного Управления Уделов, 670 с.
- Романов Н.С. 1956. Ясак в Якутии в XVIII в.: дис. канд. ист. наук: Якутск, Якуткнигоиздат, 104 с.
- Романова Г.Н. 2014. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.). *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2(67): 101–112.
- Сафронов Ф.Г. 1978. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. Москва, Наука, 258 с.
- Удский острог. Записки Гродековского музея. «Пути великих свершений». Историко-географический проект URL: <https://pvs-rgo.ru/2023/01/30/udskij-ostrog-zapiski-grodekovskogo-muzeya/> (дата обращения: 29.12.2024).
- Яковлева П.Т. 1958. Первый русско-китайский договор 1689 года. Москва, АН СССР, 212 с.
- Shunzhi: Emperor of Qing Dynasty. Encyclopædia Britannica, URL: <https://www.britannica.com/biography/Shunzhi> (дата обращения: 07.01.2025).

References

- Arzhakova S.K., Pesterev V.I., Lytkin V.M. i dr. 2012. Illjustrirovannyj atlas Respubliki Saha: novejšie karty, cifry, fakty [Illustrated Atlas of the Sakha Republic: Latest Maps, Figures, Facts]. Jakutsk: Bichik, 227 p.
- Artem'ev A.R. 1999. Goroda i ostrogi Zabajkal'ja i Priamur'ja vo vtoroj polovine XVII – XVIII vv. [Cities and Stockaded Towns of Transbaikalia and Amur Region in the Second Half of the XVII–XVIII Centuries]. Vladivostok, Primorskij poligraficheskij kombinat, 335 p.
- Bagrin E.A. 2021. Vooruzhennye sily Nerchinskogo uezda v 1660–1670-e gg.: k voprosu o krizise sistemy oborony Vostochnogo Zabajkal'ja [The Armed Forces of Nerchinsk Uyezd in the 1660s and 1670s: on the Issue of the Crisis of the Defense System of Eastern Transbaikalia]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. 3: 14–33.
- Eroshkin N.P., Ivanov A.E., Stepanskij A.D. 2008. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii [The History of State Institutions in Pre-Revolutionary Russia]. 5-e izd. Moscow, RGGU, 710 p.

- Ivanov V.N. 1999. Vhozhenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva [The Entry of Northeast Asia into the Russian State]. Novosibirsk, Nauka. Sib. izd. firma RAN, 199 p.
- Kradin N.P. 1990. Staryj Yakutsk [Old Yakutsk]. *Pamjatniki Otechestva: Al'manah Vserossijskogo obshhestva ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury*. 2(22): 95–110.
- Ladygina O. Put' k Amuru: jekspedicija Erofeja Habarova [The Way to Amur: the Expedition of Yerofey Khabarov]. 2020. Oficial'nyj sajt Russkogo geograficheskogo obshhestva (RGO) URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/put-k-amuru-ekspeditsiya-erofeya-khabarova/> (data obrashhenija: 02.12.2024).
- Polevoj B.P. 1995. Izvestnaja chelobitnaja S.V. Poljakova 1653 g. i ee naznachenie dlja arheologov Priamur'ja. Russkie pervoprophodcy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. [The Famous Petition of S.V. Polyakov in 1653 and its Purpose for Archaeologists of the Amur Region. Russian Pioneers in the Far East in the XVII–XIX Centuries]: Istoriko-arheologicheskie issledovanija: sbornik nauchnyh trudov, t. 2. Vladivostok, Institut istorii, arheologii i jetnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN: 7–30.
- Polovcov A.A. 1903. Russkij biograficheskij slovar'. Tom 9. Knappe – Kjuhel'beker [Russian Biographical Dictionary. Volume 9. Knappe – Kuchelbecker]. Saint-Petersburg, Tip. Glavnogo Upravlenija Udelov, 670 p.
- Romanov N.S. 1956. Jasak v Jakutii v XVIII v. [Yasak in Yakutia in the XVIII Century]: dis. kand. ist. nauk: Jakutsk, Jakutknigoizdat, 104 p.
- Romanova G.N. 2014. Stanovlenie rossijsko-kitajskih torgovyh svjazej (XVII – pervaja tret' XVIII v.) [The Formation of Russian-Chinese Trade Relations (XVII – the First Third of the XVIII Century)]. *Tamozhennaja politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2(67): 101–112.
- Safronov F.G. 1978. Russkie na Severo-Vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.: upravlenie, sluzhilye ljudi, krest'jane, gorodskoe naselenie [Russians in Northeast Asia in the 17th – Mid-19th Centuries: Management, Service People, Peasants, Urban Population]. Moscow, Nauka, 258 p.
- Udskij ostrog. Zapiski Grodekovskogo muzeja [The Udsy Stockaded Town. Notes from the Grodek Museum]. "Puti velikih svershenij" Istoriko-geograficheskij proekt URL: <https://pvs-rgo.ru/2023/01/30/udskij-ostrog-zapiski-grodekovskogo-muzeja/> (data obrashhenija: 29.12.2024).
- Jakovleva P.T. 1958. Pervyj russko-kitajskij dogovor 1689 goda [The First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow, AN SSSR, 212 p.
- Shunzhi: Emperor of Qing Dynasty. Encyclopædia Britannica, URL: <https://www.britannica.com/biography/Shunzhi> (дата обращения: 07.01.2025).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.01.2025

Received 27.01.2025

Поступила после рецензирования 20.04.2025

Revised 20.04.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Accepted 22.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисов Арсений Андрианович, студент Исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия

 [ORCID: 0009-0008-8025-5084](https://orcid.org/0009-0008-8025-5084)

Arseniy A. Borisov, Student of the Faculty of History, Northeastern Federal University, Yakutsk, Russia

Борисов Андриан Афанасьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Россия

 [ORCID: 0000-0002-8285-6421](https://orcid.org/0000-0002-8285-6421)

Andrian A. Borisov, Doctor of Sciences in History, Chief Researcher of the Department of History, Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

УДК 930. 2(470)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-401-415

EDN LLJSBA

Оригинальное исследование

Основные формы коммуникаций С.Ф. Платонова с Ф.И. Успенским

Митрофанов В.В.

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
Россия, 194944, г. Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, 14, кор. 1., литер «Б»

E-mail: viktor-n1962@mail.ru

Аннотация. Среди сотен корреспондентов С.Ф. Платонова были краеведы, преподаватели, археологи, крупные ученые. К последним, безусловно, относится и Ф.И. Успенский – авторитетный византист, основатель и руководитель Археологического института в Константинополе, бывший в разные годы профессором Новороссийского и Петроградского/Ленинградского университетов, академик. В статье на основе привлекаемых новых архивных материалов выясняются основные формы коммуникаций авторитетных отечественных ученых: заочное знакомство С.Ф. Платонова посредством известий от других корреспондентов и информации во время выполнения профессиональной деятельности в редакции «ЖМНП»; личная переписка, встречи в кругу друзей, университете, Академии Наук, контакты по линии научно-исторических обществ и др. Публикуются письма Ф.И. Успенского, которые позволяют установить хронологические рамки их личной переписки, выяснить основные вопросы, представлявшие взаимный интерес. Дается периодизация организаторской и научно-преподавательской деятельности крупного отечественного византиста. Уточняется круг коммуникативных связей С.Ф. Платонова.

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, Ф.И. Успенский, формы коммуникаций, периодизация деятельности, переписка, архивные материалы

Для цитирования: Митрофанов В.В. 2025. Основные формы коммуникаций С.Ф. Платонова с Ф.И. Успенским. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 401–415. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-401-415. EDN: LLJSBA

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Main Forms of Communication between S.F. Platonov and F.I. Uspensky

Viktor V. Mitrofanov

University at the EurAsEC Interparliamentary Assembly,
letter "B", building 1, 14 Smolyachkov St., St. Petersburg 194944, Russia

E-mail: viktor-n1962@mail.ru

Abstract. Among the hundreds of S.F. Platonov's correspondents were local historians, teachers, archaeologists, and prominent scientists. The latter, of course, include F.I. Uspensky, an authoritative Byzantinist, founder and head of the Archaeological Institute in Constantinople, who was a professor at Novorossiysk and Petrograd/Leningrad Universities in different years, an academician. On the basis of the new archival materials involved, the main forms of communication of reputable Russian scientists are clarified in the article: the correspondence of S.F. Platonov through news from other correspondents and information during the performance of professional activities in the editorial office of "ZhMNP"; personal correspondence, meetings with friends, university, Academy of Sciences, contacts through scientific and historical

societies, etc. These forms of communication continued for more than a quarter of a century. Most of the letters were written before 1917. Only two date back to the Soviet period, but at that time there were more frequent meetings at the Leningrad University and the Academy of Sciences and face-to-face communication prevailed. F.I. Uspensky's letters are published, of which there are few, allowing us to establish the chronological framework of their personal correspondence, to find out the main issues of mutual interest. The periodization of the organizational and scientific-teaching activities of a major domestic Byzantine artist is given. Three main periods are identified, named after the place of activity: Odessa, Constantinople and Petrograd/Leningrad. The circle of S.F. Platonov's communicative relations is being clarified.

Keywords: S.F. Platonov, F.I. Uspensky, forms of communication, periodization of activity, correspondence, archival materials

For citation: Mitrofanov V.V. 2025. The Main Forms of Communication between S.F. Platonov and F.I. Uspensky. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 401–415 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-401-415. EDN: LLJSBA

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

190-летию со дня рождения Ф.И. Успенского

Введение

Среди крупнейших отечественных ученых конца XIX – первой трети XX в. по праву достойное место занимает Ф.И. Успенский (1845–1928) [Памяти..., 1929]. Его называют «общепризнанным главой российских византистов» [Лебедева, Якубский, 2004, с. 257].

После первого небольшого по объему мемориального сборника (авторы В.Н. Бенешевич, С.А. Жебелев, В.П. Бузескул) развернувшиеся гонения на историков – «Академическое дело», «Дело славистов» – его имя, как и многих других «буржуазных» или ученых «старой школы», должно было остаться в прошлом. На это прямо указывали в публикациях. Так, один автор некролога, помещенного в официальном журнале, даже предсказал, что монументальный труд Ф.И. Успенского ждёт «забвение» [Лозовик, 1928]. Но уже в 1947 г. выходит знаковая статья, посвященная Ф.И. Успенскому, явившаяся одной из немногих, где давалась объективная оценка его деятельности в советские годы [Горянов, 1947, с. 97].

Сегодня имя замечательного ученого, организатора науки упоминается довольно часто, переиздаются его труды, о чем свидетельствуют и ссылки в настоящей работе. Вовлекаются в научный оборот и документальные источники [Бухерт, 2015].

Объект и методы исследования

Архивные материалы и, прежде всего, личная переписка является замечательным историческим источником для изучения межличностных коммуникаций, выяснения форм общения, вопросов, затронутых авторами. Поэтому они представляют исследовательский интерес и постоянно находятся в центре научных изысканий. Объектом исследования являются письма Ф.И. Успенского, адресованные С.Ф. Платонову. Для полноты и достоверности сведений о личности Ф.И. Успенского применялся метод сопоставления сведений из других источников. Историко-биографический способствовал выявлению ранее не известных сведений биографии и научно-организаторской деятельности ученого. Метод периодизации позволил определить временные рамки писем и распределить их по периодам: дооктябрьский и советский. Применялись и такие общенаучные методы, как анализ и обобщение. Для реализации замысла автора использовались как опубликованные сведения, так и вновь выявленные архивные материалы.

Результаты и их обсуждения

Заметим, что Ф.И. Успенский родился в глубокой провинции, в погосте Горки Костромской губернии, закончил Галичское уездное духовное училище, затем учился в Костромской духовной семинарии. Один учебный год был учителем русского языка, затем поступил в Петербургский университет, по окончании которого был оставлен для приготовления к профессорскому званию. 1 сентября 1874 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон». Положительный отзыв на исследование составил замечательный византист В.Г. Васильевский. Совершив несколько заграничных командировок, Ф.И. Успенский в 1879 г. представил докторскую диссертацию «Мелик Гази и Дзул-Нун Данишменды», при этом преподавательскую деятельность вел в Новороссийском университете (Одесса). С этим провинциальным городом связан и первый (Одесский) этап научной и преподавательской деятельности молодого исследователя.

Второй период (Константинопольский) начинается в 1894 г., когда Ф.И. Успенский проявил свои организаторские способности при создании и руководстве Русским археологическим институтом в Константинополе (1894–1914) [Басаргина, 1999]. В это время он собирал материалы и писал фундаментальный труд «История Византийской империи» [Успенский, 1913], опубликовал десятки исследований и рецензий на выходившие книги по истории Византии.

Начало Первой мировой войны и участие в ней Оттоманской Порты привело к приостановке работы института, и Ф.И. Успенский вернулся в Россию, редактировал «Византийский временник» [Медведев, 1995, с. 61]. Начинается третий, последний, период научной работы, получивший название «Петроградский – Ленинградский» [Лебедева, Якубский, 2004].

В первые советские годы Ф.И. Успенскому было поручено руководство комиссией АН «Константин Порфирородный» (начала работу 1 июня / 19 мая 1918 г.), затем, после реорганизации, получившей название «Русско-Византийской историко-словарной комиссии», а с 1925 г. – «Византийской комиссии» [Барынина, 2005; Барынина, 2020]; состоял профессором в Ленинградском университете (1922–1927) [Лебедева, Якубский, 2005].

Основные достижения профессиональной карьеры Ф.И. Успенского можно проследить по замечательной публикации, не потерявшей актуальности и сегодня. В ней же помещен список опубликованных и подготовленных к печати трудов ученого [Бенешевич, Жебелев, 1929].

Представляют закономерный интерес формы коммуникаций представителей двух поколений ученых – Ф.И. Успенского и С.Ф. Платонова. Их общение, письменное и личное, продолжалось почти четыре десятилетия.

Имя Ф.И. Успенского мы встречаем в переписке С.Ф. Платонова со своими коллегами и друзьями. Так, 29 января 1891 г. М.А. Дьяконов сообщал о предложении перейти из Дерптского университета в Новороссийский: «Правда, будет возможность общения с живыми людьми-историками (Успенским, Афанасьевым), но эти люди, кажется, любят ссориться» [Академик, 2003, с. 32]. Сам С.Ф. Платонов 10 декабря 1899 г. писал в Киев В.С. Иконникову о своих предположениях по избранию в Академию Наук: «Ф.И. Успенского “нельзя” избирать, потому что ординатуру Васильевского занял Дубровин! Византия остается вакантной» [Академик, 2003, с. 65]. Эта тема продолжена в письме Н.М. Бубнову, которого интересовала возможность закрепиться при Академии: «Думаю, что на Академию совершенно нельзя рассчитывать: там нет соответствующего кресла, а на Византии сидит Успенский; он же сядет, вероятно, и у нас на кафедру Васильевского» [Академик, 2003, с. 73].

Ф.И. Успенский, как постоянный автор «Журнала Министерства Народного просвещения» (поместил 22 работы: первая была опубликована в 1877 г., последняя – в 1913 г.), не раз встречается в письмах-распоряжениях В.Г. Васильевского – редактора журнала с 1890 г., адресованных своему помощнику С.Ф. Платонову: 14 декабря 1890 г. («Успенскому я назначил 2 р. в предположении, что оттиски мы примем на свой счет»), 25 декабря («Для избежания лишних объяснений лучше будет назначить Ф.И. Успенскому прямо 2 ½ руб. за страницу. А то

– экономия небольшая, между тем пришлось бы чуть не извиняться. Пусть он сам платит за оттиски») [Митрофанов, 2023, с. 26, 27]. В следующем году 19, 20 января (называет его «почтенным» человеком), 30 января, 26 февраля, 6 марта (по поводу рецензии [Успенский, 1891]), 17 апреля (по вопросу рукописи и гранок статьи – «я никак не нахожу»), 1 июня (о замене статьи) [Митрофанов, 2023, с. 223–225, 227, 229]. Подобные упоминания и указания, касающиеся присланных Ф.И. Успенским материалов, встречались и в последующие годы.

Интересная оценка дана Ф.И. Успенскому в письме от 8 июля 1909 г. В.В. Майкова С.Ф. Платонову. Первые два принимали участие в работе Четвёртого Областного археологического съезда, проходившего в Костроме. Сообщая о докладчиках, В.В. Майков писал: «Была еще забавная фигура своей напыщенностью – это Ф.И. Успенский» [Митрофанов, 2021, с. 145]. Это заочная форма знакомства С.Ф. Платоновым с самим Ф.И. Успенским, личными качествами, его исследованиями, манерой их написания, по сведениям, полученных из других достоверных источников.

190-летний юбилей – достойный повод обратиться к немногочисленным эпистолярным Ф.И. Успенского. В личном фонде академика С.Ф. Платонова хранится небольшая подборка из 16 писем, хронологически охватывающая значительный временной период (1890–1926). По годам они распределяются неравномерно (1890 – 1, 1891 – 4, 1892 – 1, 1894 – 1, 1901 – 1, 1902 – 1, 1903 – 3, 1909 – 1, 1914 – 2, 1925 – 1, 1926 – 1), с длительными перерывами в несколько лет (7, 6 и 11 лет), общим объемом 24 л., отдельные листы исписаны с обеих сторон⁶⁶. Следовательно, письменное общение было не регулярным, а эпизодическим, но оно дополнялось личным, прежде всего в стенах Академии Наук, университете. Но об этом сведения лаконичны, есть отдельные упоминания и в публикуемых письмах. Некоторые беседы происходили в близкой домашней обстановке, например, 28 января 1916 г. Н.Н. Платонова в дневнике записала: «вчера у нас обедали Д.К. Петров, Ф.И. Успенский, Э.Д. Гримм...» [Платонова, 2020, с. 228]. Через 4 года после этой встречи Ф.И. Успенский будет среди составителей записки с представлением С.Ф. Платонова в академики [Успенский, 1920] – давно заслуженное избрание.

Начало письменного общения относится к концу 1890 г., когда С.Ф. Платонов уже полгода являлся помощником редактора «ЖМНП». Поэтому первые письма касаются вопросов публикации исследований, просмотра и пересылки корректур, количества оттисков, порядок расчетов за типографские услуги (письма № 1–6). Кстати, сотрудничество Ф.И. Успенского с «ЖМНП» – малоизвестная страница его публикаторской биографии.

В 1894 г. Ф.И. Успенский переехал в Константинополь, где занимался организацией Русского Археологического института. Цели и задачи учреждения сообщались всем видным отечественным и зарубежным учёным. Об этом свидетельствует документ (№ 7), набранный и отпечатанный типографским способом на бланке директора института, датированный 7 декабря 1894 г. Среди получателей был и С.Ф. Платонов. Здесь содержалась просьба откликнуться и пожертвовать институту научные труды для организации библиотеки.

После длительного перерыва, когда уже С. Ф. Платонов в 1900 г. был избран деканом историко-филологического факультета Петербургского университета, он предложил Ф.И. Успенскому вернуться в столицу (№ 8). Все основные детали возможного перемещения, возникавшие сомнения являются темой объемного письма от 17 мая 1901 г. Здесь впервые упомянута фамилия Панченко, которая будет встречаться и в других письмах. Он выпускник Петербургского университета, еще в студенческие годы проявил интерес к «Тайной истории» Прокопия Кесарийского. Исследование готовил и публиковал на протяжении нескольких лет в «Византийском Временнике», выходившим под редакторством В.Г. Васильевского, а затем и отдельной книгой [Панченко, 1897]. Наиболее полные оценки творчества Б.А. Панченко (1872–1920) находим в обстоятельной публикации [Сюзюмов, 1964]. Её автор дает оценку этого исследования: «Первый научный труд Панченко «О “Тайной истории” Прокопия

⁶⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 1–24.

Кесарийского» представлял собою крупный вклад в науку» [Сюзюмов, 1964, с. 33]. 2 декабря 1903 г. Ф.И. Успенский интересуется ходом дела с представленной Б.А. Панченко в факультет Петербургского университета диссертацией на тему «Крестьянская собственность в Византии». Здесь же дается лаконичная характеристика новизны работы. Творчество рано ушедшего ученика Ф.И. Успенский отразил в своей статье [Успенский, 1926].

Среди вопросов, волновавших Ф.И. Успенского, – привлечение молодых исследователей для занятий историей Византии, а желающих, к сожалению, почти не было. А для этого нужна была в том числе и материальная мотивировка – сохранение министерских стипендий для направляемых в Константинополь выпускников университета и других учебных заведений. Поэтому понятно, что директор в 1902 г. обращается за помощью и советом к декану историко-филологического факультета С.Ф. Платонову. Примечательно, что на письме стоит помета об ответе. Кадровая проблема в институте была сложной ввиду того, что уже командированный В.Н. Сахаров вскоре умер от чахотки. Эта озабоченность будет темой и другого письма.

Следовательно, содержание писем позволяет проследить основную тематику вопросов, интересовавших корреспондентов, уточнить круг их общения, выделить основные этапы творческой и организаторской деятельности учёных. К тому же этот источник не упоминается в исследованиях. Заметим, что большая часть писем (14) приходится на дореволюционное время, и всего два относится к советскому периоду. По оценкам специалистов, достижения Ф.И. Успенского «в советский период впечатляют» [Лебедева, Якубский].

Еще одной формой коммуникаций были доклады в Русском отделении Русского Археологического общества (Отделение русской и славянской археологии), управляющим которым на протяжении более 23 лет был С.Ф. Платонов [Митрофанов, 2012]. Об одном упоминается в письме С.Ф. Платонова к С.Д. Шереметеву 22 января 1903 г.: «... я только что и, к сожалению, решительно отдал 28 [-е] число для заседания Археологического общества, где мы будем, под моим председательством, слушать доклад Ф.И. Успенского о Серальской (Серальская – В.М.) библиотеке в Царьграде» [Академик, 2003, с. 83]. В 1902 г. Ф.И. Успенский выступал с аналогичной темой «О греческих рукописях Серальской библиотеки в Константинополе» в возглавляемом им институте. Затем этот материал вошёл в V главу «Серальская библиотека и сохранившиеся в ней греческие рукописи», изданного в 1907 г. исследования [Успенский, 1907].

Как директор Женского педагогического института, С.Ф. Платонов среди новых форм в учебной процесс внедрял экскурсионные поездки с учебными целями, порой возглавлял и сам группы слушательниц. Так было и в 1909 г., когда планировалась и осуществилась экскурсия в Константинополь и ряд городов Греции. Было направлено письмо и Ф.И. Успенскому с просьбой о содействии в организации быта и экскурсионных программ. Эта тема раскрывается в двух письмах (№ 12, 13).

Представляет интерес и письмо о судьбе М.А. Полиевктова, застрявшего в Женеве, в то время как началась Первая мировая война. Получив тревожные известия, С.Ф. Платонов обращается к великому князю Константину Константиновичу с просьбой, используя своё положение – члена Династии, навести справки через женевского консула. Это обращение публикуется без номера. А факт сам по себе примечательный. Вмешательство высокой особы дало свои результаты, и уже 31 августа Платонов телеграфировал в Павловск: «Доношу Вашему Высочеству. Полиевктов телеграфирует о выезде. Марсель – Одесса. Деньги получены. Платонов»⁶⁷.

Работа РВК, её финансовое состояние, ход работ являются главной темой предпоследнего письма. Со стороны Ф.И. Успенского как её председателя выражается обеспокоенность за исход дела. Хотя и были привлечены значительные ученые силы, в том числе и из провинциальных вузов. Обращаясь к С.Ф. Платонову, руководитель научного коллектива хотел заручиться его помощью и поддержкой по изданию «Византийского

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1816. Л. 12.

Временника». Академическое издание было начато в 1894 г. стараниями В.Г. Васильевского и В.Э. Регеля. В 1915 г. Ф.И. Успенский стал преемником по выпуску этого ежегодника. До его смерти в 1928 г. (советское время) в свет вышло только три номера. Затем до 1947 г. «Византийский Временник» не издавался.

Таким образом, формы коммуникаций Ф.И. Успенского с С.Ф. Платоновым, продолжавшиеся не одно десятилетие, были активными и разнообразными: заочная переписка, в том числе через В.Г. Васильевского, получение информации от друзей, коллег, взаимное эпизодическое письменное общение, личные встречи, в том числе в Академии Наук, её комиссиях, Петроградском/Ленинградском Университете, на квартире в дружеском кругу, контакты в научных обществах, например, в Русском отделении. Эти коммуникации позволяли решать вопросы по печатанию исследований в «ЖМНП», обсуждать вопросы о переходе на историко-филологический факультет, проблемы диссертации Панченко, РВК и др.

Публикация небольшого пласта эпистолярный Ф.И. Успенского позволяет дополнить отдельные малоизвестные факты жизни, организаторской и научной деятельности замечательных русских ученых.

Приложение

Письма Ф.И. Успенского к С.Ф. Платонову: 1890–1926 гг.

№ 1

Милостивый государь, Сергей Фёдорович.

Весьма благодарен Вам за присылку корректуры ⁶⁸, которую старался сделать с возможной строгостью и сегодня посылаю заказной бандеролью. Сомнения остаются у меня только по отношению к синаксарю ⁶⁹ (нач[ало] на 20 гранке) некоторого листа, которою я не мог исправить за неимением оригинала. Весьма был бы обязан Вам, если бы потрудились сверить эту часть с рукописью, хотя вообще этот документ и в печатном тексте представляет много непонятных странностей вследствие весьма неудачного перевода с греческого.

Я вижу, что спасение статьи будет в том, если я получу возможность каждый раз прочитывать корректуру. Для этого необходимо заблаговременно давать оригинал. На днях я посылаю поэтому на имя В.Г. Васильевского следующую главу рукописи.

С совершенным к Вам почтением и преданностью имею честь быть Ф. Успенский.
4 дек[абря] 1890 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 1–1 об.

№ 2

Многоуважаемый Сергей Фёдорович,

Вменяя себе в большую любезность с Вашей стороны посылку корректуры и рукописи, спешу выразить Вам сердечную благодарность. Справка с рукописью дала мне возможность исправить несколько довольно важных погрешностей. Вместе с сим посылаю обратно и корректуру, и рукопись заказной бандеролью ⁷⁰. Ф. Успенский. 7 апр[еля] 1891 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 2.

⁶⁸ Речь идёт о публикации (Успенский Ф.И. Константинопольский собор 842 года и утверждение православия // ЖМНП. 1891. № 1. С. 73–158).

⁶⁹ Синаксáрь, или Синаксáрий – собрание; первоначально собрание верующих на праздник, в дальнейшем – собрание сведений, сборник с краткими агиографическими текстами.

⁷⁰ В апреле В.Г. Васильевский писал С.Ф. Платонову: «Ни Соколова, ни Успенского, ни Шимко ⁷⁰ нельзя без вероломства исключить вполне» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2458. Л. 30). Речь идёт о статье (Успенский Ф.И. Синодик в неделю православия (состав и происхождение части его) // ЖМНП. 1891. № 4. Ч. 267–323).

№ 3

7 окт[ября] [18]91 г.

Милостивый Государь, Сергей Фёдорович,

Душевно благодарен Вам за любезную готовность устранить недоразумения, возникшие между мной и типографией. Прошу великодушно не винить за причинённое Вам беспокойство.

Искренне преданный и готовый к услугам. Ф. Успенский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 3.

№ 4

Милостивый Государь, Сергей Фёдорович,

Спешу выразить Вам глубокую благодарность за принятое Вами участие в моём деле. В настоящем виде счёт не может возбуждать никаких недоразумений, и я нахожу его вполне правильным. С совершенным к Вам почтением имею честь быть Ф. Успенский.

25 окт[ября] [18]91 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 4.

№ 5

17 дек[абря] [18]91 г.

Милостивый Государь, Сергей Фёдорович,

Так как предназначенный для январской книжки набор я направил на Ваше имя 11 и 13 декабря, то, по всей вероятности, редакция не будет иметь затруднений с ним. Не откажите сделать распоряжение о высылке отпечатанных листов, мне послано всего 9, вероятно, есть готовых еще листов 5.

Преданный Вам Ф. Успенский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 5.

№ 6

Многоуважаемый Сергей Фёдорович,

Посылая корректуру отдельных оттисков, я могу считать оконченным дело, которое и Вам доставило немало хлопот. Но прошу у Вас извинения, я и еще нуждаюсь в Вашем содействии, т[ак] к[ак] к книге я должен присоединить указатель слов и выражений, то прошу приказать выслать мне все листы, напечатанные в январской и февральской книжках 1892 г.⁷¹ Упомянутый указатель, когда он будет препровождён в редакцию, нельзя ли поручить прокорректировать на месте с вознаграждением на мой счёт. Наконец, желательно было бы поместить в начале небольшое предисловие и оглавление книги. Ф. Успенский. 13 февр[аля] [18]92 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 6–6 об.

№ 7

7 декабря 1894 г.

Его Высокоб[лаго]родию. С.Ф. Платонову

Милостивый Государь, Сергей Фёдорович!

С первого января 1895 года открывает свою деятельность в Константинополе Русский Археологический Институт и имеет своей целью не только изучение древностей и истории народов, входивших в состав Византийской империи, но и вообще поддержку русских ученых, пребывающих на Восток для научных изысканий. Успешное выполнение этой двойственной задачи возможно лишь под условием создания в Константинополе основательной библиотеки, располагающей как всеми необходимыми для занятий книгами и учеными пособиями, так и в особенности возможно полным собранием русских сочинений по истории, древностям и искусству,

⁷¹ Речь идёт о публикации Ф.И. Успенского «Философское и богословское движение в XIV веке», помещенной в двух первых номерах за 1892 г.

по географии и этнографии, описанию древних рукописей по эпиграфике и нумизматике, по быту и обычному праву, языку и устной словесности народностей, находившихся под властью Византийских императоров. Ввиду недостаточности книгохранилищ в Константинополе, ввиду затруднительности там общения с русским научным движением и удалённости от европейских ученых центров достижение подобной цели само по себе было бы большим шагом вперёд и облегчило бы как деятельность самого Института, так и работы русских ученых на Востоке.

В силу этих соображений устройство основательной библиотеки не может не составлять первой заботы Института, но ограниченность средств, коими он располагает, лишает его возможности приобретать все книги покупкой и вынуждает его искать поддержки в своих начинаниях со стороны учёных учреждений, обществ и отдельных лиц, работающих в тождественных или смежных с ним областях знания. Сочувствие и поддержка, какие Институт уже встретил со стороны различных ученых учреждений и обществ, дали ему возможность положить прочное основание русскому отделу его библиотеки. Желание довести последний до возможно большей полноты и тем представить на Востоке русскую науку достойным образом, внушает мне смелость обратиться к Вам, Милостивый Государь, с просьбой обогатить возникающую библиотеку ценными сочинениями Вашими и тем поддержать Институт в его стремлении сделаться действительно полезным для русской науки и русских ученых русским ученым центром на Востоке.

Примите, Милостивый Государь, уверение в моём совершенном уважении и полной преданности. Ф. Успенский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 7–7 об. Типографский оттиск.

На бланке Директора Русского Археологического института в Константинополе.

№ 8

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Ввиду затронутого Вами вопроса о возможности моего перехода в Петербург, считаю долгом сообщить Вам несколько новых данных. Но прежде всего прошу Вас верить, что я глубоко Вам благодарен за то, что в беседе со мной Вы коснулись этого вопроса и что по существу интересующих соображений я вполне допускаю и возражения, и критику с Вашей стороны.

Дело о зачёте четырёх лет как службы моей в Константинополе к выслуге на заслуженность решен в мою пользу, так что теперь значительно упрощается вопрос об оставлении службы в К[онстанти]нополе. Я излагал Вам взгляд мой на вопрос дальнейшей моей профессорской деятельности. Мне бы желалось прочесть в университете несколько раз общий курс по истории Византии с целью, с одной стороны, самому суммировать всю свою литературную (оказывается довольно обширную) деятельность по Византии, с другой же стороны – для поддержания византийских заветов в том университете, которому я сам обязан всей моей духовной производительности. Практически мне рисовалось дело так, что я вступил в у[ниверсите]т приват-доцентом, объявлю две лекции в неделю на общий курс и часа 2 на практические занятия с теми молодыми людьми, которые бы пожелали учиться у меня по разным специальным областям византиковедения. Вы ставили дело о профессуре, говоря, что по существу это несколько не станет влиять на изменение характера моей проф[ессорской] деятельности. Мне и до сих пор кажется, что идеальная правда на моей стороне. К этому присоединяются ещё вот какие соображения. В конце октября или в самом начале ноября исполняется 30 л[ет] моей службы. Нет сомнений, что должен я выждать 30-летие здесь, в К[онстанти]нополе, а затем уже по силе действующих правил мне закрыта орд[ина]торская профессура. Таким образом, Ваша точка зрения на деле едва ли соответствует положению наличных фактов.

Даже ученый секретарь только что назначен и прибудет, по-моему, в начале июня, второй секретарь (Панченко) всё-таки ещё ассистент развивающийся, над ним ещё нужно

работать. Как я могу оставить Институт, прежде чем г. Лепер⁷² не войдёт в существо нашей деятельности? А затем нужно иметь в виду кандидата на место директора.

В принципе, я не желаю больше оставаться в К[онстантино]поле, но по условиям, выше описанным, мне необходимо ещё несколько времени здесь остаться. Прошу принять уверение в совершенном почтении, душевно преданный Ф. Успенский. 17 мая 1901.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 8–9 об.

№ 9

Карандашная помета С.Ф. Платонова: «Отв[ет] 7/II 1902».

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Не прошло ещё десяти дней, как я писал Вам, и вот снова должен сказать несколько слов, чтобы поделиться большим горем. 28 января скончался В.Н. Сахаров⁷³ – прекрасный молодой человек, командированный в Константинополь для занятий. Знаете ли, что он прибыл сюда уже пораженный туберкулёзным горем. Чихотка – самая злая и сильно действующая – свалила его в декабре. За несколько дней до нового года он вышел из больницы, встречал новый год в посольстве, сидел до 2 ч. и через два дня снова должен был лечь в больницу, откуда уже не выходил, а был вывезен на кладбище. Я весьма огорчен и глубоко страдаю.

А между тем следует подумать о новом молодом человеке для командирования в К[онстантино]поль. Нужно употребить все старания закрепить за Институтом две стипендии по 1 500 р. и указать кандидата на стипендию. Подскажите и посоветуйте. Буду весьма благодарен.

Искренно преданный А. Успенский. 1 февраля 1902 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 10–11.

№ 10

Синим карандашом помета С.Ф. Платонова: «А.А. Савельев».

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Весьма благодарен за уведомление. Предполагаю вторник 28 января для доклада. Заглавие реферата «Серальская библиотека в К[онстантино]поле»⁷⁴.

Душевно преданный Ф. Успенский.

Понедельник, 20 января

Карандашная помета С.Ф. Платонова: «1903».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 12.

№ 11

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Б.А. Панченко⁷⁵ на этих днях отправил в факультет прошение о допущении к научной защите своей диссертации «Крестьянская собственность в Византии»⁷⁶. Меня весьма

⁷² Лепер Роман Христианович (1864–1918) – 1901–1908 гг. – ученый секретарь Русского Археологического института в Константинополе

⁷³ Сахаров Владимир Николаевич (? – 1902) – сотрудник Русского археологического института в Константинополе.

⁷⁴ Речь идёт о докладе в Отделении русской и славянской археологии РАО, управляющим которого был С.Ф. Платонов. Об этом он упоминает в письме С.Д. Шереметева 22 января 1903 г.: «... что я только что и, к сожалению, решительно отдал 28 [-е] число для заседания Археологического общества, где мы будем, под моим председательством, слушать доклад Ф.И. Успенского о Серальной (вероятно, неточность: правильно – Серальская – В.М.) библиотеке в Царьграде» (Академик С.Ф. Платонов. Т. 1. С. 83).

⁷⁵ Панченко Борис Амфианович (1872–1920) – русский византист, специалист по внутренней истории Византии, учёный секретарь РАИК.

⁷⁶ Панченко Б.А. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. София 1903. 234 с. Было обосновано положение о том, что история крестьянского землевладения в Византии была построена на основе личной и наследственной собственности, а не общинного, как считалось ранее. Подробнее об ученом см., Сюзумов М.Я. Научное наследие Б.А. Панченко // Византийский временник. М., 1964. Т. XXV. С. 32–52.

интересует ход дела г. Панченка в факультете по многим причинам, и я бы весьма Вам был благодарен, если бы Вы направили его ровной и широкой дорогой. Я нисколько не сомневаюсь в положительных достоинствах этой диссертации и думаю, что степень магистра за эту работу должен присудить и самый строгий факультет. В книге есть методическая разработка важного материала, критическая оценка литературы и новые взгляды на предмет, который был трактован раньше г. Панченки крупными учеными иностранными⁷⁷ и русскими⁷⁸. Я следил за процессом работы, знаком с полученными выводами и от души желал, чтобы автор получил ученую степень и получил, наконец, прочное служебное положение. В настоящее время остается не занятой одна стипендия при Институте, да и вторая, которую получает Ф.И. Шмидт⁷⁹, летом освобождается. Кандидатов на стипендию в 1 500 р., по-видимому, не имеется. Трудно верится, до какой степени понизилось стремление к специальностям, стоящим в связи с занятиями Инст[иту]та.

Духовная Академия (Петерб[ургская]) послала молодого человека⁸⁰ на год для занятий в К[онстантино]поле. Но в год не сильно много можно успеть, при том же для кандидата Академии, пожалуй, будет полезней побывать на Афоне и в Иерусалиме, чем прочитать несколько книжек в Институте.

Живу ожиданиями благоприятных условий для перехода в Петербург. Но кажется, что этих условий не получится или что как откроются тогда, когда я для работы не буду пригоден. Окиньте взглядом Вашу армию, не будет ли на примете молодого человека на стипендию. Из Шмидта несомненно выйдет дельный ученый и профессор.

Искренно преданный Ф. Успенский. 2 декабря 1903 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 13–14 об.

На бланке Institut Archeologue Russe a Constantinople.

№ 12

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Хотя на Ваше письмо дали ответ из Института в моё отсутствие, но и я со своей стороны не могу оставить без ответа Ваше обращение.

Самое канительное неудобство – это многочисленность участников поездки⁸¹. 80 человек и поместить трудно, и организовать осмотр памятников для такой массы также нелегко.

Надо разделить на группы по 20 человек примерно и с каждой группой заниматься отдельно. Требуется 4 руководителя. Кроме того, может случиться, что в это же время прибудет сюда и другая экскурсия: заявлены намерения организовать поездку из Риги, Одессы и др[угих] городов. На будущие годы, если дело будет эволюционировать, следовало бы дать иную организацию экскурсиям, хорошо было бы устроителям поездок сговариваться предварительно между собой.

⁷⁷ Карл-Эдуард Цахарие фон Лингенталь (1812–1894) – известный исследователь греко-византийского права.

⁷⁸ Например, В.Г. Васильевский, Ф.И. Успенский.

⁷⁹ Шмит Фёдор Иванович (1877–1937) – российский и советский византолог, археолог, музеевед, искусствовед, теоретик искусства.

⁸⁰ Первым стипендиатом Петербургской духовной академии был И.А. Карабинов, работавшим над магистерской диссертацией (Карабинов И.А. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1910. 294 с.)

Отзыв профессора Н.В. Покровского об отчете о занятиях профессорского стипендиата Ивана Карабинова, командированного в Русский Археологический Институт в Константинополе // Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1904/5 ученый год. СПб., 1905. С. 217–218; Отчет профессорского стипендиата Ивана Карабинова в занятиях во время годичной командировки в Русский Археологический Институт в Константинополе // Там же. С. 225–236.

Карабинов Иван Алексеевич (1878–1937) – видный литургист, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, участник Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В годы гонений на Церковь принял мученическую кончину.

⁸¹ Речь идёт об экскурсии слушательниц Женского педагогического института, директором которого был С.Ф. Платонов. Он же руководил поездкой с учебно-познавательными целями.

Само собой разумеется, для К[онстантино]поля мы постараемся сделать что возможно в смысле осмотра памятников, но в смысле размещения участников по монастырским подворьям я бы советовал этого предприятия избежать. Что касается Афин, то этот вопрос я не могу выяснить. В июне и вообще в Афинах мало кто остается, а найти руководителя для экскурсантов полагаю совсем невозможно (из русских). Теперь нет в Афинах командированных для научных занятий русских. Но об этом поговорим лично.

Затем прошу верить, что мы вполне расположены оказать Вам всяческое содействие.

Искренне преданный Ф. Успенский. 30 апр[еля] 1909 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 15–16 об.

№ 13

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Сопровождавший Ваших спутниц кавас⁸² должен был уплатить из своих средств за позволение осмотреть Св. Софию. Не откажите побеседовать с ним по этому вопросу. Искренно преданный Ф. Успенский. 26 мая 1909 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 17.

№ 14

*Помета С.Ф. Платонова: «Получено 29. VIII»
11/ 24 авг[уста] 1914*

Милостивый Государь, Сергей Фёдорович.

М.А. Полиевктов со всею семьей находится в Geneve, Boulevard des Philosophes 9, Pens Gressielat⁸³ и терпит крайнюю нужду. При моём отъезде из Женевы он просил меня письменно передать Вам его просьбу сделать ему ссуду по телеграфу через Crédit Lyonnais⁸⁴.

Пользуясь настоящим случаем, имею честь засвидетельствовать Вам чувства моего глубокого уважения. Ф. Успенский.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 18.

На бланке Русского Археологического института в Константинополе

31. VIII. 14.

Ваше Императорское Высочество!

Прилагая на обороте обращение ко мне Ф.И. Успенского, почтительнейше прошу о распоряжении навести справку о М.А. Полиевктове через нашего консула в Женеве. Все попытки переслать деньги Мих[аилу] Александр[овичу] Полиевктову оказались без результата, и Институт о нём не имеет никаких известий.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший слуга С. Платонов. 30 авг[уста] 1914 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 19.

Geneve Boulevard des Philosophes Pens Gressielat

Его Превосходительству Сергею Фёдоровичу Платонову

С. Петербург. Малая Посадская, 26.

Русского Археологического института в Константинополе⁸⁵.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 20.

⁸² «Кавас» - слово восточное и имеет несколько смыслов, начиная от вооруженного охранника до почетной стражи для торжественных случаев. Например, в храме Гроба Господня с давних пор традиционно служат кавасами мусульмане, одетые в турецкие костюмы.

⁸³ Женева, бульвар Философов 9, Пенс Грессиелат – с фр.

⁸⁴ Кредит Лионне – с фр.

⁸⁵ Текст на почтовой карточке. Дата 12 авг. 14 на почтовом штемпеле.

№ 15

Многоуважаемый Сергей Фёдорович.

Вы имели любезность обратить внимание на способ снабжения авансами со стороны правления РВК и на мою недостающую настойчивость в смысле ходатайств об изменении положения. Вместе с тем Вы выразили желание иметь несколько сведений о ходе научного дела в Комиссии.

Со стороны нельзя без насмешливой улыбки и пожимания плечами относиться к моему предприятию. Председатель РВК ⁸⁶ задумал подготовить материал для переиздания Словаря Дюканжа ⁸⁷, имел содействие со стороны Академии иногда в 5, иногда в 10 р. в месяц. Между тем взятое на себя мной обязательство требует соединенной и продолжительной работы многих ученых сил и сложной организации, которая должна привлечь в свой состав несколько лиц. Теперь я собираю рабочие силы и сговариваюсь с сотрудниками как известных знатоков греческого языка, так и иногородних. Цель привлекательная, к общему делу идут многие. Пока из надёжных лиц назову Бенешевича, Дмитриевского, Ив. Соколова, Жебелева, Малеина ⁸⁸, Айналова, Фармаковского, Ернштедта; из иногородних охотно отзываются профессора Вернеке, Новосадский, Шестаков и др. ⁸⁹ Заявившим согласие работать указаны специальные задачи, идёт оживлённая переписка и сношения. Настаёт необходимость не только следить за исполнением намеченного плана, но развивать и углублять его и вести точную регистрацию карточек (т. е. словарного материала).

Холодное отношение Академии (т. е. отдел[ения] И[сторики]-Ф[илологического]) к начатому делу, ставит меня в тягостное положение, боюсь, что дело не обойдётся без неприятности.

Чтоб избежать таковой (в заграничных органах и в частных письмах из-за границы очень интересуются нашим предприятием), нужно ходатайствовать об определённых ассигнованиях. Я стар, не могу обходиться без деятельного платного секретаря, нужно нам дать хотя бы две платных единицы или иным способом обеспечить правильное течение дел. Необходимо предвидеть отдельную плату лицам, которые не имеют заработка и средств к жизни, если захотим привлечь их к делу и удержать при нём. В последнее время я заявил в Правлении, что для Комиссии нужно 400 р. в год, кроме 2 платных единиц, но это, конечно, не покроет всей вопиющей нужды. Без печатного органа, т. е. разрешения начать снова печатание Виз[антийского] временника, словарная работа не может идти вперёд.

Вот видите, Сергей Фёдорович, как трудно мне выйти на воздух. Написал Вам это, но не скажу, что *animem levavi* ⁹⁰.

Искренне преданный Ф. Успенский. 6 мая 1925.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 21–22 об.

На бланке Комиссия «Константин Порфирородный».

⁸⁶ Русско-Византийская комиссия.

⁸⁷ Речь идёт о словаре среднегреческого языка Дюканжа

⁸⁸ Малеин Александр Иустинович (1869–1938) – российский филолог-классик, библиограф, книговед, член-корреспондент Академии наук СССР.

⁸⁹ О.А. Барынина приводит значительный список: «А.Н. Акимов, А.Н. Андреев, А.И. Анисимов, В.В. Бартольд, П.В. Безобразов, М.Ф. Болтенко, А.И. Бриллиантов, В.А. Брим, В.П. Бузескул, В.М. Бузни, В.Е. Вальденберг, Б.В. Варнеке, А.А. Васильев, А.И. Виноградов, А.Ф. Вишнякова, А.Г. Готалов-Готлиб, С.С. Дложевский, А.А. Дмитриевский, О.А. Добиащ-Рождественская, А.П. Дьяконов, Д.Н. Егоров, П.В. Ернштедт, Е.А. Загоревский, Г.А. Иванов, В.М. Истрин, И.А. Ильинский, И.А. Карабинов, И.Ю. Крачковский, Н.П. Кондаков, В.В. Латышев, Н.П. Лихачев, Х.М. Лопарёв, А.А. Ляшенко, А.И. Малеин, Н.В. Малицкий, И.Ю. Маркой, Н.Я. Марр, Л.А. Мацулевич, А.Н. Насонов, Н.И. Новосадский, С.Ф. Ольденбург, Б.К. Ордин, Н.Н. Пальмов, Б.А. Панченко, А.А. Петров, И.А. Покровский, Н.П. Попов, П.О. Потапов, П.Г. Преображенский, М.Д. Присёлков, Н.Д. Протасов, В.Э. Регель, М.И. Ростовцев, Ф.М. Россейкин, Е.А. Рыдзевская, А.Ф. Семёнов, Е.Ч. Скржинская, А.П. Смирнов, СИ. Соболевский, И.И. Соколов, А.А. Степанов, Н.П. Сычёв, Е.В. Тарле, Н.Н. Томасов, Б.В. Фармаковский, Е.А. Черноусов, М.А. Шангин, Д.П. Шестаков, СП. Шестаков, В.Б. Шкловский, Л.П. Якубинский, А.Ю. Якубовский [Барынина, 1999, с. 197–198].

⁹⁰ Я поднял себе настроение – с лат.

№ 16

Академику Сергею Фёдоровичу Платонову

От Ф. Успенского

Помета С.Ф. Платонова: «Переслал Спицыну почтой карточки. 547–78»⁹¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 23 – 23 об.

№ 17

Многоуважаемый коллега.

Прежде чем пустить эту бумагу по назначению, я желаю знать Ваше мнение по вопросу. Если с Вашей стороны не встретится препятствий к проведению моего ходатайства, то не откажите передать присланную бумагу по назначению. Ваш Ф. Успенский. 12 окт[ября].

Карандашная помета С.Ф. Платонова: «1926».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429. Л. 24.

Список источников

- Академик С.Ф. Платонов: переписка с историками: в 2 т. 2003. Ред. С.О. Шмидт; сост. В.Г. Бухерт. Москва, Наука, 1: 388.
- Бухерт В.Г. 2015. «Нам нужно очень тщательно соизмерять наши первые шаги в Царьграде...»: записка академика Ф.И. Успенского. 1915 г. *Восточный архив*: 1(31): 60–65.
- Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (С.Ф. Платонова). Оп. 1. Ч. 2. Д. 1816 (Письма С.Ф. Платонова великому князю Константину Константиновичу – Почетному попечителю Женского педагогического института). Л. 12.
- Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (С.Ф. Платонова). Оп. 1. Ч. 2. Д. 4429 (Письма Ф.И. Успенского С.Ф. Платонову). Л. 1–24.
- Платонова Н.Н. 2020. Дневник (1889–1921). Рук. проекта А.Н. Цамутали. Рязань, 881 с.

Список литературы

- Барынина О.А. 2005. Русско-византийская историко-словарная комиссия: из истории отечественного византиноведения 1920-х годов: диссертация ... к. и. н. Санкт-Петербург, 322 с.
- Барынина О.А. 2020. Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). Санкт-Петербург, издательский дом СПбГУ. 323 с.
- Басаргина Е.Ю. 1999. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 244 с.
- Бенешевич В.Н., Жебелев С.А. 1929. Федор Иванович Успенский. I. Канва жизни. II. Список ученых трудов. Памяти академика Федора Ивановича Успенского (сб.). 1845–1928. Ленинград, Академия наук СССР: 1–24.
- Горянов Б.Т. 1947. Ф.И. Успенский и его значение в византиноведении. *Византийский временник*. 1: 26: 29–101.
- Лебедева Г.Е., Якубский В.А. 2004. К истории изучения творческой биографии академика Ф.И. Успенского (Петроградско-Ленинградский период жизни Ф.И. Успенского, судьба научного наследия). *Античная древность и средние века*. 35: 255–264.
- Лебедева Г.Е., Якубский В.А. 2005. Ф.И. Успенский и Петербургский университет. История и культура. Актуальные проблемы: Сб. статей в честь 70-летия профессора Юрия Константиновича Руденко. Санкт-Петербург, Наука: 238–245.
- Лозовик Г.Н. 1928. Федор Иванович Успенский (1845–1928) (Некролог). *Историк-марксист*. 9: 111–114.
- Медведев И.П. 1995. О Ф.И. Успенском как редакторе «Византийского временника». Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин: 57–61.
- Митрофанов В.В. 2012. С.Ф. Платонов как управляющий отделения Русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: мат-лы Всерос. науч-практ. конф. (г. Нижневартовск, 7–8 февраля 2012 года). Ч. 1. История идей и история общества. Отечественная история. Нижневартовск: 274–281.

⁹¹ Текст на конверте.

- Митрофанов В.В. 2021. «... Знакомство становилось все крепче...»: взаимодействие С.Ф. Платонова и В.В. Майкова. *Культурный ландшафт регионов*: 3: 3–4: 127–160.
- Митрофанов В.В. 2023. «Поздравляю себя с приобретением желанного сотрудника»: письма В.Г. Васильевского С.Ф. Платонову (1885–1890). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 4: 17–30.
- Митрофанов В.В. 2024. «Пожалуйста, распорядитесь согласно с обстоятельствами...»: письма В.Г. Васильевского С.Ф. Платонову по редакционным вопросам (январь – август 1891 года). *Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология*. 34: 1: 219–233.
- Памяти академика Федора Ивановича Успенского (1845–1928). 1929. Ленинград, изд-во АН СССР. 79 с.
- Панченко Б.А. 1897. О Тайной истории Прокопия. Санкт-Петербург, тип. Акад. Наук, 218 с.
- Сюзюмов М. Я. 1964. Научное наследие Б.А. Панченко. *Византийский временник*. Москва, 25: 32–52.
- Успенский Ф.И. 1891. История византийской литературы (По поводу книги К. Крумбахера, «Gesch. der byzant. Literatur», 1891). *ЖМНП*. 3: II: 199–269.
- Успенский Ф.И. 1907. Константинопольский Серапский кодекс Восьмикнижия. *Известия Русского археологического института в Константинополе*. XII: 230–251.
- Успенский Ф.И. [1913]. История Византийской империи. Санкт-Петербург, Издание Брокгауз – Ефрон, 872 с.
- Успенский Ф.И., Бартольд В.В., Никитский А., Тураев Б.А. 1920. Записка о трудах С.Ф. Платонова. *Известия Российской Академии Наук*: 6: 14: 5–14.
- Успенский Ф.И. 1926. Ученая деятельность Б.А. Панченко. *Византийский Временник*: 24: 95–102.

References

- Bary'nina O.A. 2005. Russko-vizantijskaya istoriko-slovarnaya komissiya: iz istorii otechestvennogo vizantinovedeniya 1920-x godov: dissertaciya ... k. i. n. [Russian-Byzantine Historical and Dictionary Commission: From the History of Russian Byzantine Studies of the 1920s: Dissertation ... Candidate of Historical Sciences]. Saint Petersburg, 322 p.
- Bary'nina O.A. 2020. Otechestvennoe vizantinovedenie na rubezhe e'pox: Russko-vizantijskaya komissiya (1918–1930 gg.) [Russian Byzantine Studies at the Turn of the Epochs: The Russian-Byzantine Commission (1918–1930)]. Saint Petersburg, izdatel'skij dom SPBGU. 323 p.
- Basargina E.Yu. 1999. Russkij arxeologicheskij institut v Konstantinopole: Oчерки istorii [The Russian Archaeological Institute in Constantinople: Essays on History]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 244 p.
- Beneshevich V.N., Zhebelev S.A. 1929. Fedor Ivanovich Uspenskij. I. Kanva zhizni. II. Spisok ucheny'x trudov [Fyodor Ivanovich Uspensky. I. Outline of Life. II. List of Scientific Works]. V kn. Pamyati akademika Fedora Ivanovicha Uspenskogo (sb.). 1845–1928 [In Memory of Academician Fyodor Ivanovich Uspensky (sat.). 1845–1928]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR: 1–24.
- Goryanov B.T. 1947. F.I. Uspenskij i ego znachenie v vizantinovedenii. [F.I. Uspensky and his Significance in Byzantine Studies]. *Vizantijskij vremennik*. Moscow, 1: 26: 29–101.
- Lebedeva G.E., Yakubskij V.A. 2004. K istorii izucheniya tvorcheskoi biografii akademika F.I. Uspenskogo (Petrogradsko-Leningradskij period zhizni F.I. Uspenskogo, sud'ba nauchnogo naslediya). [On the History of Studying the Creative Biography of Academician F.I. Uspensky (Petrograd-Leningrad Period of F.I. Uspensky's Life, the Fate of Scientific Heritage)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 35: 255–264.
- Lebedeva G.E., Yakubskij V.A. 2005. F.I. Uspenskij i Peterburgskij universitet [F.I. Uspensky and St. Petersburg University]. V kn. Istoriya i kul'tura. Aktual'ny'e problemy': Sb. statej v chest' 70-letiya professora Yuriya Konstantinovicha Rudenko [History and Culture. Current Issues: Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of Professor Yuri Konstantinovich Rudenko]. Saint Petersburg, Nauka: 238–245.
- Lozovik G.N. 1928. Fedor Ivanovich Uspenskij (1845–1928) (Nekrolog) [Fyodor Ivanovich Uspensky (1845–1928) (Obituary)]. *Istoriik-marksist*: 9: 111–114.
- Medvedev I.P. 1995. O F.I. Uspenskom kak redaktore «Vizantijskogo vremennika» [About F.I. Uspensky as the Editor of the "Byzantine Chronicle"]. V kn. Arxivny' russkix vizantinistov v Sankt-Peterburge [Archives of the Russian Byzantinists in St. Petersburg]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin: 57–61.
- Mitrofanov V.V. 2012. S.F. Platonov kak upravlyayushhij otdeleniya Russkoj i slavyanskoj arxeologii Russkogo Arxeologicheskogo obshhestva [Russian Russian Archaeology Platonov as the Head of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Russian Archaeological Society]. V kn. Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy' i perspektivy': mat-ly' Vseros. nauch-prakt. konf. (g. Nizhnevartovsk,

- 7–8 fevralya 2012 goda). Ch. 1. Istoriya idej i istoriya obshhestva. Otechestvennaya istoriya [Culture, Science, Education: Problems and Prospects: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Nizhnevartovsk, February 7–8, 2012). Part 1. The History of Ideas and the History of Society. Domestic History]. Nizhnevartovsk: 274–281.
- Mitrofanov V.V. 2021. «... Znakomstvo stanovilos' vse krepche...»: vzaimodejstvie S.F. Platonova i V.V. Majkova ["... The acquaintance became stronger and stronger...": The Interaction of S.F. Platonov and V.V. Maikov]. *Kul'turny'j landshaft regionov*: 3: 3–4: 127–160.
- Mitrofanov V.V. 2023. «Pozdravlyayu sebya s priobreneniem zhelannogo sotrudnika»: pis'ma V.G. Vasil'evskogo S.F. Platonovu (1885–1890) ["I congratulate myself on acquiring a coveted employee": Letters from V.G. Vasilevsky to S.F. Platonov (1885–1890)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*: 4: 17–30.
- Mitrofanov V.V. 2024. «Pozhalujsta, rasporyadites' согласно s obstoyatel'stvami...»: pis'ma V.G. Vasil'evskogo S.F. Platonovu po redakcionny'm voprosam (yanvar' – avgust 1891 goda) ["Please make arrangements according to the circumstances...": Letters from V.G. Vasilevsky to S.F. Platonov on Editorial Issues (January – August 1891)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya*: 34: 1: 219–233.
- Pamyati akademika Fedora Ivanovicha Uspenskogo (1845–1928) [In Memory of Academician Fyodor Ivanovich Uspensky (1845–1928)]. 1929. Leningrad, izd-vo AN SSSR. 79 p.
- Panchenko B.A. 1897. O Tajnoj istorii Prokopiya [The Secret History of Procopius]. Saint Petersburg, tip. Akad. Nauk, 218 p.
- Syuzumov M.Ya. 1964. Nauchnoe nasledie B.A. Panchenko [Scientific Heritage of B.A. Panchenko]. *Vizantijskij vremennik*. 25: 32–52.
- Uspenskij F.I. 1891. Istoriya vizantijskoj literatury' (po povodu knigi K. Krumbaxera, «Gesch. der byzant. Literatur», 1891) [The History of Byzantine Literature (Regarding the Book by K. Krumbacher, "Gesch. der byzant. Literatur», 1891)]. *ZhMNP*: 3: II: 199–269.
- Uspenskij F.I. 1907. Konstantinopol'skij Seral'skij kodeks Vos'miknizhiya [The Constantinople Seral Codex of the Octateuch]. *Izvestiya Russkogo arxeologicheskogo instituta v Konstantinopole*: XII: 230–251.
- Uspenskij F.I. [1913]. Istoriya Vizantijskoj imperii [The History of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, Izdanie Brokgauz – Efron: 1. 872 p.
- Uspenskij F.I., Bartol'd V.V., Nikitskij A., Turaev B.A. 1920. Zapiska o trudax S.F. Platonova [A Note on the Works of S.F. Platonov]. *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk*: 6: 14: 5–14.
- Uspenskij F.I. 1926. Uchenaya deyatel'nost' B.A. Panchenko [Scientific Activity of B.A. Panchenko]. *Vizantijskij Vremennik*: 24: 95–102.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.09.2024

Поступила после рецензирования 06.12.2024

Принята к публикации 08.12.2024

Received 08.09.2024

Revised 06.12.2024

Accepted 08.12.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2094-6883](https://orcid.org/0000-0003-2094-6883)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Mitrofanov, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC, St. Petersburg, Russia

УДК 94 (47)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-416-423

EDN NAAANM

Оригинальное исследование

«России нужен новый Пётр»: роль Петра I в истории России в оценке академика А.В. Никитенко

Владимиров К.А. , Шелудченко Ю.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: vladimirov@bsuedu.ru; sheludchenko@bsuedu.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу взглядов академика, цензора и писателя А.В. Никитенко на фигуру Петра I. Основным источником служит дневник, который Никитенко вёл почти всю свою взрослую жизнь. Анализ текста записок показывает, что в представлении цензора Пётр Великий – не просто выдающийся исторический деятель, но создатель России в качестве организованного государства. К допетровскому периоду истории Никитенко относится негативно, сами определения «допетровский» и «послепетровский» для него являются синонимами «невежества» и «прогресса» соответственно. В то же время Александр Васильевич не отрицает «деспотического» характера преобразований и связанных с ними жертв, но, с его точки зрения, именно петровские реформы спасли Россию от иноземного порабощения. В целом А.В. Никитенко воспринимает Петра I как правителя, который необходим и в середине XIX века, способного волевым усилием направить страну по пути реформ и просвещения.

Ключевые слова: А.В. Никитенко, Пётр I, Пётр Великий, мемуары, дневник, западники, славянофилы

Для цитирования: Владимиров К.А., Шелудченко Ю.В. 2025. «России нужен новый Пётр»: роль Петра I в истории России в оценке академика А.В. Никитенко. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 416–423. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-416-423. EDN: NAAANM

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

"Russia Needs a New Peter": The Role of Peter I in Russian History as Assessed by Academician A.V. Nikitenko

Kirill A. Vladimirov , Yuliya V. Sheludchenko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: vladimirov@bsuedu.ru; sheludchenko@bsuedu.ru

Abstract. The article analyzes the views of the academician, censor and writer A.V. Nikitenko on the figure of Peter I. The main source of the study is the diary that Nikitenko kept almost his entire adult life. According to the censor's notes, Peter the Great was not just an outstanding historical figure, but also the one who transformed Russia into an organized state. Nikitenko displays a negative attitude to the pre-Petrine period of history; to him, the very definitions of respectively "pre-Petrine" and "post-Petrine" are synonyms of "ignorance" and "progress", respectively. The author of the diary does not deny the "despotic" nature of the reforms and the victims associated with them, though he believes that it was Peter's reforms that saved Russia from foreign enslavement. In general, A.V. Nikitenko perceives Peter I as a ruler who was necessary for the mid-19th century Russia, being capable of directing the country along the path of reforms and education by an effort of will.

Keywords: A.V. Nikitenko, Peter I, Peter the Great, memoirs, diary, Westerners, Slavophiles

For citation: Vladimirov K.A., Sheludchenko Yu.V. 2025. "Russia Needs a New Peter": The Role of Peter I in Russian History as Assessed by Academician A.V. Nikitenko. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 416–423 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-416-423. EDN: NAAANM

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) – цензор, член Академии наук, писатель и редактор. Сын крепостного графа Н.П. Шереметева, он смог освободиться и построить успешную карьеру, оставив свой след в российской культурной жизни XIX века. Сама необычная биография А.В. Никитенко не раз становилась предметом исследований [Кряженков, 2019; Жилякова, Павлович, 2020], как и его переписка с современными ему деятелями литературы [Жилякова, 2011; Гончарова, Янушкевич, 2015]. На протяжении всей своей сознательной жизни – с четырнадцати лет, т. е. с 1818 по 1877 гг., – Александр Васильевич вёл подробный и обстоятельный дневник, который после его кончины публиковался в журнале «Русская старина» в 1888–1892 гг. В 1893 г. «Записки» и «Дневник» Александра Васильевича были выпущены отдельно в трёх томах (новое издание вышло в 1905 г.). В трёх томах сочинения Никитенко были изданы и в СССР в рамках цикла «Серия литературных мемуаров» (1955–1956 гг.) Примером современной версии заметок академика может служить переиздание 2005 г., также разделённое на три тома и составленное без сокращений дореволюционных изданий и с учётом исправлений в советской редакции.

Дневник А.В. Никитенко является важным источником по общественной жизни XIX столетия [Коровина, 2020; Соболев, 2023]. В нём Александр Васильевич записывал не только моменты, связанные со своей профессиональной деятельностью, но и личные соображения о современных ему политических событиях, а также размышления об историческом пути России. По нашему мнению, данный аспект записей исследован недостаточно подробно. А.В. Никитенко не являлся видным деятелем какого-либо из философско-политических направлений общественной мысли, и поэтому изучение его позиции является актуальным как в рамках подходов истории повседневности, так и истории ментальности, как отражение общественных дискуссий середины XIX в. в академической и чиновничьей среде Российской империи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются воспоминания А.В. Никитенко, представленные в его дневнике. Предметом исследования является образ Петра I в дневнике А.В. Никитенко.

В ходе работы были применены общие методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, систематизация. Тип основного источника обуславливает применение метода комплексного анализа источника с учётом времени его создания и личности автора: середина XIX века стала периодом споров о месте России в мире, о характере русской цивилизации, и дневник академика Никитенко является отражением этой дискуссии в силу тесных контактов автора с представителями литературно-философской мысли. Характер исследования также предусматривает применение методов текстологического анализа с выделением оценочных характеристик А.В. Никитенко применительно к личности и деятельности Петра I.

Результаты и их обсуждение

В своём дневнике А.В. Никитенко касался множества тем: состояния современной ему науки и литературы, внутренней и внешней политики государства, вопросов отечественной истории. Но особое место в записках Никитенко отведено Петру Великому. Он обращался к

этой исторической фигуре не раз, в качестве наиболее яркого примера можно привести «Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу Всероссийскому, Отцу Отечеству», составленное и прочитанное им на торжественном собрании Санкт-Петербургского университета в 1838 г. [Никитенко, 1838]. Но если данное произведение было, по словам самого Александра Васильевича, «заказным сочинением», составленным в сжатые сроки (запись от 17 апреля 1837 г.) [Никитенко, т. 1, 1955, с. 200], то в своём дневнике он мог высказывать свои взгляды без давления ограничений в тематике и времени.

Не будет преувеличением сказать, что с именем великого реформатора Александр Васильевич связывал всю свою жизнь с самого раннего возраста. Летом 1811 г. его отец, Василий Михайлович, получил должность управляющего в слободе Писаревке Богучарского уезда, где располагалось имение Марьи Фёдоровны Бедряги. И если о самой помещице у юного Александра остались самые неблагоприятные впечатления, то её брата – Григория Федоровича Татарчукова – он характеризовал как очень доброго и образованного человека. Но само существование подобных людей он связывал именно с давними преобразованиями Петра: «Любопытно, откуда в половине и в конце прошлого столетия брались у нас такие люди и откуда почерпали они свои мировоззрения. Их вызвал к жизни удар, нанесенный в России невежеству богатырскою рукою Петра Великого» [Никитенко, 1904, с. 37].

В понимании Никитенко, Пётр I – это создатель Российского государства, и как политического института, и как субъекта глобального исторического процесса. В записи от 3 августа 1839 г. Никитенко отмечает, что «Пётр Великий её [Россию] построил» [Никитенко, т. 1, 1955, с. 213]. Десятилетия спустя, 13 августа 1875 г. он выразился ещё более определённо: «Россия не была государством до Петра Великого. Это было скопище людей без всяких связующих идей, без всякого понятия о праве и обязанностях, которое одно существенно отличает государство от толпы. Во главе стоял царь – не государь, а господин; подвластные ему люди были не подданные, а рабы. Явился беспримерный плотник, который из этого материала срубил топором государство» [Никитенко, т. 3, 1956, с. 353]. Допетровский период истории России Александр Васильевич оценивал в крайне негативном ключе: «Великое брожение разнородных стихий – азиатские варварские нравы с чертами русского добродушия и простоты; грубое и глубокое невежество, смущенное вторжением иноземных понятий; темные и бессознательные порывы к чему-то лучшему; литература и искусство, каковы бы они ни были; законодательство и администрация, сложившиеся не в силу здравых понятий о государственной безопасности и благоденствии, а образовавшиеся в виде накипей, выбрасываемых изнутри на поверхность народной жизни случайными событиями и нуждами; церковь в борьбе с расколом и прочее... Во всем была неурядица; везде невежество; никакой промышленности; политическое бессилие; доходившее до того, что мы еще платили дань татарам и не раз трепетали от них в Москве» (запись от 4 мая 1858 г.) [Никитенко, т. 2, 1955, с. 21–23].

Присутствуя на экзамене в Мариинском институте, Никитенко отмечает: «Одной девиче досталось говорить о состоянии России до Петра, и, *разумеется* [выделено авт.], приходилось говорить и о невежестве, диких нравах и т. д.» (запись от 29 марта 1849 г.) [Никитенко, т. 1, 1955, с. 330].

В этой оценке Никитенко вступает в полемику со славянофилами, которых упрекал в предвзятости. В записи от 16 ноября 1858 г. он подверг критике работу Н.А. Жеребцова «История русской цивилизации» [Жеребцов, 1858], назвав её «фантастической» и обвинив автора в том, что «он голословно восхваляет все, что было до Петра, и объявляет, что Петр испортил Россию и уничтожил в ней все зародыши великой самобытной цивилизации». В качестве альтернативы «фантастической истории цивилизации» Жеребцова Никитенко одобрительно отзывается об опубликованной в «Отечественных записках» статье Н.И. Костомарова о Степане Разине [Костомаров, 1858], где «очень ярко и правдиво» показано «ужасное, невежественное состояние допетровской России» [Никитенко, т. 2, 1955, с. 44]. Но более пятнадцати лет спустя критике подвергся и сам Николай Иванович: «Костомаров в своей статье, напечатанной в "Древней и новой России" [Костомаров, 1875], отзывается неблагоприятно о Петре Великом и старается

доказать, что гораздо лучше было бы, если бы Россия постепенно выходила из своей вековой закоснелости, и что в ней были уж и прежде задатки просвещения и того умственного развития, которому стоило бы только помогать, ничего не насилуя, для того чтобы мы вошли в общую сферу человеческой истории. Постепенно, задатки – почтенный историк ужасно насилует здесь самые вещи и перестает быть беспристрастным историком. Где сидят все эти задатки? В киевской науке?!» (запись от 31 января 1875 г.) [Никитенко, т. 3, 1956, с. 330].

Рассуждая о недостатках допетровской России, Никитенко не останавливается только на проблемах нравственного свойства или на недостатках просвещения. По его мнению, император своими решительными действиями спас Россию от иноземного завоевания со стороны выдающихся европейских военных и государственных деятелей: «Сегодня в Петербурге празднуется двухсотлетие со дня рождения Петра Великого. Это действительно праздник. Без Петра Великого Россия и теперь еще гнила бы в своей гнусной апатии и совсем исчезла бы под натиском таких солдат, как Карл XII и Наполеон» (запись от 30 мая 1872 г.) [Никитенко, т. 3, 1956, с. 241].

В представлении А.В. Никитенко Пётр Великий не просто положил начало современной ему государственности, но национальному развитию: «Нация не может оставаться в застое, в неподвижности. Настоящее движение есть движение естественное. Его принцип: развиваться в нравственном, умственном и экономическом отношениях, согласно духу и способностям национальным. Это движение началось с Петра, но настоящий сознательный и определенный характер его наступает только теперь [в царствование Александра II – прим. авт.]» (запись от 2 августа 1861 г.) [Никитенко, т. 2, 1955, с. 199].

Рассуждая о роли Петра Великого в российской истории, Александр Васильевич считал, что в современной ему политической и культурной обстановке появилась угроза всем его преобразованиям. Несмотря на то, что в годы правления Николая I Пётр Великий рассматривался в качестве идеологической модели царствования [Высочков, 2023], в этот же период разворачивались дискуссии о роли первого российского императора в истории России [Кузнецова, 2007; Пешков, 2012; Малинов, 2022; Удалов, 2022]. В 1844 г., описывая протесты епископа Афанасия против публикации в «Отечественных записках» статей о Реформации, Никитенко отмечал звучащую критику петровских преобразований: «Беда, если монахам дать волю: опять настанут времена Магницкого. Ныне и то уж слишком много толкуют о православии, бранят Петра, хотят воскресить блаженные времена допетровской Руси и т. д.» (запись от 22 октября 1844 г.) [Никитенко, т. 1, 1955, с. 285].

В декабре 1848 г., комментируя реакцию государства на революционные события в Европе, Никитенко отмечает: «События на Западе вызвали страшный переполох... Варварство торжествует... свою дикую победу над умом человеческим, который начинал мыслить, над образованием, которое начинало оперяться... Западные происшествия, западные идеи о лучшем порядке вещей признаются за повод не думать ни о каком улучшении... Всякое поползновение мыслить, всякий благородный порыв, как бы он ни был скромн, клеймится и обрекаются гонению и гибели... Наука бледнеет и прячется. Невежество возводится в систему. Еще немного – и все, в течение полутора столетий содеянное Петром и Екатериной будет вконец низвергнуто, затоптано» (запись от 2 декабря 1848 г.) [Никитенко, т. 1, 1955, с. 315]. Тогда же он с горечью отмечал: «Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское, не исключая науки и искусства, и уверяющий, что Россия столь благословенна Богом, что проживет одним православием, без науки и искусства. Патриоты этого рода не имеют понятия об истории и полагают, что Франция объявила себя республикой, а Германия бунтует оттого, что есть на свете физика, химия, астрономия, поэзия, живопись и т. д. Они точно не знают, какою вонью пропахла православная Византия, хотя в ней наука и искусства были в страшном упадке. Видно по всему, что дело Петра Великого имеет и теперь врагов не менее, чем во времена раскольников и стрельческих бунтов. Только прежде они не смели выползти из своих темных нор, куда загнало их правительство, поощрявшее просвещение. Теперь же все подпольные, подземные, болотные гады выползли, услышав, что просвещение застывает, цепенеет, разлагается» (запись от 20 декабря 1848 г.) [Никитенко, т. 1, 1955, с. 318].

В качестве оппозиции «партии славянофилов» Никитенко видел «партию европейских людей, послепетровских, которые опираются на общечеловеческие идеи, на идеи науки и искусства» (запись от 26 марта 1849 г.) [Никитенко, т. 1, 1955, с. 329]. Скорбя о смерти Н.В. Гоголя (запись от 24 февраля 1852 г.), Никитенко называет его одной из опор этой «партии движения, света и мысли – партии *послепетровской Руси*», против которой выступают поборники прежней *допетровской тьмы*» (запись от 5 мая 1853 г.) [Никитенко, т. 1, 1955, с. 369]

В качестве дополнительного примера применения Никитенко коннотации «*допетровский*» как синонима чего-то хаотичного и варварского можно также привести запись от 26 января 1857 года: «Вот теперь такой случай прилетел к нам из Москвы: граф Бобринский подрался с профессором Шевыревым, или, лучше сказать, поколотил Шевырева, так что тот лежит в постели больной. Сегодня в Академии, в университете только об этом и толкуют. Кто стоит за одного из бойцов, кто за другого, но обстоятельства этого факта так перепутаны разными добавлениями, толкованиями, изменениями, вольными и невольными, что решительно нельзя составить себе точного о нем понятия. Знаешь только, что была драка, что подрались московский граф и московский профессор, что подрались они по-русски, то есть оплеухами, кулаками, пинками и прочими способами патриархального допетровского быта» [Никитенко, т. 1, 1955, с. 455–456].

Но, воспевая все усилия Петра Великого по строительству государства и внедрению европейской культуры, Никитенко не мог не отметить и тех методов, с помощью которых производились данные преобразования. «Неужели такая реформа, как реформа Петра Великого, неужели все жертвы народа, какие для нее потребовались, должны остаться бесплодными?» – вопрошал он 17 апреля 1868 г. [Никитенко, т. 3, 1956, с. 123]. Сам петровский стиль управления он называет «насильственным и диктаторским» (запись от 8 июля 1872 г.) [Никитенко, т. 3, 1956, с. 245], а «благие виды» реформатора сопровождалось «кнутобойством и застенками» (запись от 8 октября 1872 г.) [Никитенко, т. 3, 1956, с. 255]. Однако Никитенко оправдывал эти действия исторической обстановкой, в которой доводилось действовать монарху, одновременно противопоставляя их резким действиям министра народного просвещения Д.А. Толстого: «Разве можно насилем просвещать умы и созидать убеждения? Так поступал Петр Великий, но то был Петр Великий. Да и не те условия были, среди которых действовал он. Не те задачи, не те цели, не то время» (запись от 18 июня 1875 г.) [Никитенко, т. 3, 1956, с. 349].

Наблюдая за Великими реформами Александра II и развернувшейся бурной общественной дискуссией, Никитенко признал, несмотря на всё восхищение деятельностью первого российского императора, что «с Петра Великого мы находимся в неестественном и напряженном состоянии». В качестве разрешения этого напряжения академик предрекал революционный кризис, но остроту которого можно попытаться смягчить (запись от 20 октября 1864 г.) [Никитенко, т. 2, 1955, с. 471].

Но всё же идеальным вариантом в сложившейся обстановке Никитенко считал появление «нового Петра», который со всей решительностью, по его мнению, мог бы вновь произвести необходимые преобразования. Причём данная мысль повторяется независимо от царствующего монарха. 3 августа 1839 г. Никитенко записывает в дневнике: «России необходим еще новый Петр Великий. Первый Петр Великий ее построил, второму надлежало бы ее устроить. Теперь в ней все в хаосе. Кто выведет ее из этого хаоса? Где могущественный, светлый ум, который разделит бы стихии и свяжет их в гармоническое целое?» [Никитенко, т. 1, 1955, с. 213]. Уже в правление Александра II он вновь отмечает: «О, как не разработан еще русский мир! И как трудно разработать его одною силою мысли или знания. Тут необходима еще другая сила, которая служила бы проводником первой. России нужен новый Петр. Тот Петр начал, другому следовало бы довершить. Народ прежде нуждался в возбуждении, теперь он нуждается в руководстве» (запись от 30 мая 1865 г.) [Никитенко, т. 2, 1955, с. 521].

Заключение

Таким образом, в представлении цензора, академика и писателя Александра Васильевича Никитенко Пётр Великий является не просто выдающейся фигурой русской истории, но создателем Российского государства во всех отношениях. Период, предшествующий петровским преобразованиям, Никитенко оценивает крайне отрицательно как время варварства, невежества, застоя. По мнению А.В. Никитенко, преобразования Петра I не просто создали государство, но спасли Россию от иноземного порабощения – поэтому, отмечая жестокость и деспотичность методов, с помощью которых они приводились в жизнь, в целом Никитенко оценивает деятельность монарха крайне позитивно. Сами слова «допетровский» и «послепетровский» академик использует не только в значении исторической периодизации, но и применительно к современному ему идеологическому противостоянию, разделяя «партию допетровской тьмы» и «партию послепетровских людей, поборников света и мысли». В представлении А.В. Никитенко для преодоления вызовов, вставших перед Россией в XIX веке, ей был необходим «новый Пётр Великий» – столь же решительный и волевой государь, способный твёрдо придерживаться курса на реформы и просвещение.

Список литературы

- Бадялян Д.А. 2023. Славянофилы и их противники в спорах о реформах Петра I. *Русско-византийский вестник. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви*. № 4(15): 176–191.
- Высочков Л.В. 2023. Два императора: образ Петра Великого как идеологическая модель царствования Николая I. *Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви*. № 1(12): 130–145.
- Гончарова Н.В., Янушкевич А.С. 2015. В.А. Жуковский и А.В. Никитенко: к истории личных и творческих взаимоотношений. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 1(39): 108–121.
- Жеребцов Н.А. 1858. *Histoire de la Civilisation en Russie*. Paris, Amyot. 639 с.
- Жиякова Э.М. 2011. Письма В.А. Жуковского к А.В. Никитенко. *Вестник Томского государственного университета*. № 4(16): 82–92.
- Жиякова Э.М., Павлович К.А. 2020. А.В. Никитенко – читатель и критик романа И.А. Гончарова «Обломов». *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 68: 243–257.
- Коровина О.В. 2020. Дневник как практика культурно-исторической рефлексии (инициативы А.В. Никитенко). *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. Т. 6. № 1: 59–65.
- Костомаров Н.И. 1858. Бунт Стеньки Разина. *Отечественные записки*. Ноябрь: 289–346.
- Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. 1875. *Древняя и новая Россия. Иллюстрированный ежемесячный исторический сборник*. Том 1: 30–54, 134–152.
- Кряженков А.Н. 2019. Своё суждение имел: жизнеописание А.В. Никитенко. Белгород, Константа. 339 с.
- Кузнецова И.В. 2007. Образ Петра I в оценке петербургских западников (40–50-е годы XIX в.) *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2, вып. 1: 27–30.
- Малинов А.В. 2022. Образ Петра I в учении петербургских славянофилов. *Кунсткамера*. 2(16): 18–34.
- Никитенко А.В. 1838. Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу Всероссийскому, Отцу Отечества произнесенное в торжественном собрании императорского Санкт-Петербургского университета марта 25-го дня 1838 г. экстраординарным профессором доктором философии Александром Никитенко. СПб., Типография А. Плюшара. 23 с.
- Никитенко А.В. 1904. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Т. 1. СПб, Типография «Герольд». 631 с.
- Никитенко А.В. 1955. Дневник. В трёх томах. Том 1. 1826–1857. М., Государственное издательство художественной литературы. 543 с.
- Никитенко А.В. 1955. Дневник. В трёх томах. Том 2. 1858–1865. М., Государственное издательство художественной литературы. 652 с.
- Никитенко А.В. 1956. Дневник. В трёх томах. Том 3. 1866–1877. М., Государственное издательство художественной литературы. 584 с.

- Пешков А.А. 2012. Спор о судьбах России. Реформы Петра I в оценках П.Н. Милюкова и А.С. Хомякова. *Труды Нижегородской духовной семинарии*. Вып. 10: 79–94.
- Соболев В.С. 2023. Дневник академика А.В. Никитенко как источник по истории Санкт-Петербургской академии наук (1853–1877). *Социология наук и технологий*. Том 14. № 2: 7–17.
- Удалов С.В. 2022. Пётр I и русские консерваторы первой половины XIX в. *Русско-византийский вестник. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви*. № 3(10): 170–183.

References

- Badjaljan D.A. 2023. Slavjanofily i ih protivniki v sporah o reformah Petra I [Slavophiles and their Opponents in the Debates about the Reforms of Peter I]. *Russko-vizantijskij vestnik. Nauchnyj zhurnal Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. 4(15): 176–191.
- Vyskochkov L.V. 2023. Dva imperatora: obraz Petra Velikogo kak ideologicheskaja model' carstvovaniya Nikolaja I [Two Emperors: The Image of Peter the Great as an Ideological Model of the Reign of Nicholas I]. *Nauchnyj zhurnal Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. 1(12): 130–145.
- Goncharova N.V., Janushkevich A.S. 2015. V.A. Zhukovskij i A.V. Nikitenko: k istorii lichnyh i tvorcheskih vzaimootnoshenij [V.A. Zhukovsky and A.V. Nikitenko: On the History of Personal and Creative Relationships]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. 1(39): 108–121.
- Zherebcov N.A. 1858. Histoire de la Civilisation en Russie. Paris, Amyot. 639 p.
- Zhiljakova Je.M. 2011. Pis'ma V.A. Zhukovskogo k A.V. Nikitenko [Letters of V.A. Zhukovsky to A.V. Nikitenko]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(16): 82–92.
- Zhiljakova Je.M., Pavlovich K.A. 2020. A.V. Nikitenko – chitatel' i kritik romana I.A. Goncharova «Oblomov» [A.V. Nikitenko is a Reader and Critic of I.A. Goncharov's Novel "Oblomov"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. 68: 243–257.
- Korovina O.V. 2020. Dnevnik kak praktika kul'turno-istoricheskoy refleksii (inicijatyvy A.V. Nikitenko) [Diary as a Practice of Cultural and Historical Reflection (Initiatives of A.V. Nikitenko)]. *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovaniya*. Т. 6. 1: 59–65.
- Kostomarov N.I. 1858. Bunt Sten'ki Razina [Stenka Razin's Rebellion]. *Otechestvennye zapiski*. Nojabr': 289–346.
- Kostomarov N.I. Carevich Aleksej Petrovich [Tsarevich Alexei Petrovich]. 1875. *Drevnjaja i novaja Rossija. Illjustrirovannyj ezhemesjachnyj istoricheskij sbornik*. Tom 1: 30–54, 134–152.
- Krjazhenkov A.N. 2019. Svojo suzhdenie imel: zhizneopisanie A.V. Nikitenko [Had his Own Opinion: Biography of A.V. Nikitenko]. Belgorod, Konstanta. 339 p.
- Kuznecova I.V. 2007. Obraz Petra I v ocenke peterburgskih zapadnikov (40–50-e gody XIX v.) [The Image of Peter I in the Evaluation of St. Petersburg Westernizers (1840s – 50s)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2, vyp. 1: 27–30.
- Malinov A.V. 2022. Obraz Petra I v uchenii peterburgskih slavjanofilov [The Image of Peter I in the Teachings of St. Petersburg Slavophiles]. *Kunstkamera*. 2(16): 18–34.
- Nikitenko A.V. 1838. Pohval'noe slovo Petru Velikomu, imperatoru i samoderzhcu Vserossijskomu, Otcu Otechestva proiznesennoe v torzhestvennom sobranii imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta marta 25-go dnja 1838 g. jekstraordinarnym professorom doktorom filosofii Aleksandrom Nikitenko [A Eulogy to Peter the Great, Emperor and Autocrat of All Russia, Father of the Fatherland, Delivered at the Ceremonial Meeting of the Imperial St. Petersburg University on March 25, 1838, by Extraordinary Professor, Doctor of Philosophy Alexander Nikitenko]. Saint-Petersburg, Tipografija A. Pljushara. 23 p.
- Nikitenko A.V. 1904. Moja povest' o samom sebe i o tom, «chemu svidetel' v zhizni byl» [My Story about myself and about “what I witnessed in life”]. Т. 1. Saint-Petersburg, Tipografija «Gerol'd». 631 p.
- Nikitenko A.V. 1955. Dnevnik. V trjoh tomah. Tom 1. 1826–1857 [Diary. In Three Volumes. Volume 1]. М., Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. 543 p.
- Nikitenko A.V. 1955. Dnevnik. V trjoh tomah. Tom 2. 1858–1865 [Diary. In Three Volumes. Volume 2]. М., Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. 652 p.
- Nikitenko A.V. 1956. Dnevnik. V trjoh tomah. Tom 3. 1866–1877 [Diary. In Three Volumes. Volume 3]. М., Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. 584 p.

- Peshkov A.A. 2012. Spor o sud'bah Rossii. Reformy Petra I v ocenках P.N. Miljukova i A.S. Homjakova [A Dispute about the Fate of Russia. The Reforms of Peter I in the Assessments of P.N. Milyukov and A.S. Khomyakov]. *Trudy Nizhegorodskoj duhovnoj seminarii*. Vyp. 10: 79–94.
- Sobolev V.S. 2023. Dnevnik akademika A.V. Nikitenko kak istochnik po istorii Sankt-Peterburgskoj akademii nauk (1853–1877) [The Diary of Academician A.V. Nikitenko as a Source on the History of the St. Petersburg Academy of Sciences (1853–1877)]. *Sociologija nauk i tehnologij*. Tom 14. 2: 7–17.
- Udalov S.V. 2022. Pjotr I i russkie konservatory pervoj poloviny XIX v. [Peter I and Russian Conservatives of the First Half of the 19th Century]. *Russko-vizantijskij vestnik. Nauchnyj zhurnal Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. № 3(10): 170–183.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.03.2025

Received 25.03.2025

Поступила после рецензирования 05.05.2025

Revised 05.05.2025

Принята к публикации 07.05.2025

Accepted 07.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Владимиров Кирилл Александрович, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9700-569X](https://orcid.org/0000-0001-9700-569X)

Kirill A. Vladimirov, Assistant of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Шелудченко Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-3179-2402](https://orcid.org/0000-0003-3179-2402)

Yuliya V. Sheludchenko, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 351.741 + 94(47).083

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-424-434

EDN NICTZW

Оригинальное исследование

Материальное обеспечение уездной полицейской стражи Воронежской губернии (по материалам инспекций высших чинов Отдельного корпуса жандармов 1906–1916 гг.)

Ситников К.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Россия, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
E-mail: kirillsa@mail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Воронежской области проводится исследование отчетов высших чинов Отдельного корпуса жандармов по результатам инспекций уездной полицейской стражи Воронежской губернии в части, касающейся материального обеспечения соответствующего правоохранительного института. Поэтапно анализируется состояние обмундирования и вооружения (в том числе обеспечения боеприпасами) нижних чинов уездной полиции, их расквартирования, а также «конского» состава и соответствующего снаряжения. В статье обращается внимание на взаимосвязь указанных аспектов с традиционной недофинансированностью полиции Российской империи, а также изменением целевых установок, стоявших перед институтом уездной полицейской стражи. Делается вывод о значительном влиянии политики регионального руководства на состояние материального обеспечения нижних чинов полиции.

Ключевые слова: уездная полиция, полицейская стража, урядник, стражник, материальное обеспечение, вооружение, обмундирование, конный состав, Воронежская губерния

Для цитирования: Ситников К.А. 2025. Материальное обеспечение уездной полицейской стражи Воронежской губернии (по материалам инспекций высших чинов Отдельного корпуса жандармов 1906–1916 гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 424–434. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-424-434. EDN: NICTZW

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Material Support for the District Police Guard of the Voronezh Province (Based on the Materials of the Inspections Conducted by the Highest Ranks of the Separate Gendarmerie Corps in 1906–1916)

Kirill A. Sitnikov

V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
12 Akademik Volgin St., Moscow 117997, Russia
E-mail: kirillsa@mail.ru

Abstract. The article presents the results of analyzing the reports of high-ranking officials from the Separate Gendarmerie Corps drawn following the inspections of district police forces in Voronezh province. The study used materials of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of Voronezh region. The focus is on the material support provided to this law enforcement agency. The authors meticulously examine the conditions of uniforms, weapons, including ammunition supply, for lower-ranking officers of the district police. It also analyses their accommodation conditions and the "equipage" of horses and related equipment. The study highlights the correlation between these aspects and the chronic underfunding characteristic of the

police in the Russian Empire. Additionally, it explores how these factors were influenced by changes in the strategic objectives of the district police force. Ultimately, the article concludes that the policies implemented by regional authorities significantly impacted the material security of low-ranking police officers.

Keywords: county police, police guard, constable, guard, material support, weapons, uniforms, horse personnel, Voronezh province

For citation: Sitnikov K.A. 2025. Material Support for the District Police Guard of the Voronezh Province (Based on the Materials of the Inspections Conducted by the Highest Ranks of the Separate Gendarmerie Corps in 1906–1916). *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 424–434 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-424-434. EDN: NICTZW

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

На первоначальном этапе функционирования учрежденной в 1903 году уездной полицейской стражи многие вопросы организации деятельности самого массового регулярного полицейского института в стране не были упорядочены нормативно. Часть проблем организационно-правового характера досталась в «наследство» от института полицейских урядников, который был включен в качестве структурного элемента в стражу. Не исключением были и вопросы, связанные с материальным оснащением.

Однако революционные потрясения 1905 года вынудили законодателя предпринять ряд оперативных мер, в которые входила и милитаризация уездной полицейской стражи, а также передача согласно законоположениям 18 февраля 1906 г. строевой части Отдельному корпусу жандармов (далее – ОКЖ) [Нахимов и др., 2020].

С момента начала реализации новых полномочий руководство ОКЖ предприняло в целом удачную попытку установить постоянный контроль за результатами заведования строевой частью правоохранительного института. С этой целью регулярно организовывались и плановые командировки высших жандармских чинов в регионы империи.

Объект и методы исследования

В рамках настоящей работы было осуществлено изучение материалов, сконцентрированных в архивных учреждениях на региональном и федеральном уровнях, позволившее установить достоверную информацию о 5 таких инспекциях в Воронежской губернии:

- 1906 г. – полковник Э.А. фон-Пистолькорс (первичный) и генерал-майор П.Н. Шабельский⁹² [Невский, 2015, с. 97; Нахимов и др., 2018, с. 482];
- 1907 г. – полковник С.С. Навроцкий;
- 1909 г. – генерал-майор С.С. Навроцкий;
- 1916 г. – генерал-лейтенант Л.М. Слезкин⁹³.

Как справедливо отмечают А.П. Нахимов, А.В. Кирнос и В.А. Колесников, с одной стороны, «осмотры» служили образцами для внутригубернского инспектирования уездной полицейской стражи, с другой – посредством формулирования по итогам командировок в отчетах соответствующих предложений вносили коррективы в функционирование стражи в регионах страны. Вместе с тем нельзя не признать и факт достаточно частого использования в качестве «заготовок» для подобного рода отчетов материалов, подготовленных самим губернским руководством уездной полиции и потому не всегда ориентированных на предоставление

⁹² В 1906 г. мартовские командировки организовывались Департаментом полиции. С сентября 1906 г. инспекции стали осуществляться по Делопроизводству по делам полицейской стражи.

⁹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 11. Д. 249, 465, 986. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 304.

объективной информации о состоянии стражи [Нахимов и др., 2018, с. 480–485]. Особенно отчетливо это можно наблюдать на примере обследования Воронежской губернии в 1909 году.

Вместе с тем документы вкупе с иными материалами служебной переписки позволяют составить определенное представление о состоянии материально-технической оснащённости полицейской стражи.

Так, в отчетах П.Н. Шабельского, С.С. Навроцкого и Л.М. Слезкина⁹⁴, помимо прочего, можно обнаружить структурные блоки, посвященные:

- размещению стражи;
- обмундированию;
- вооружению;
- конному («конскому») составу;
- конному снаряжению.

Таким образом, исследование, лежащее в основе статьи, направлено на реконструкцию качественных и количественных характеристик состояния материального обеспечения деятельности уездной полиции Воронежской губернии, оказывающей непосредственное влияние на функционирование данного элемента правоохранительной системы.

Методологическую основу настоящего исследования составили принципы историзма, объективности и системности.

В исследовании был задействован комплекс как общенаучных (например, активно применялись непосредственно в отношении материального обеспечения полиции методы количественного и качественного анализа), так и специальных методов (например, повествовательно-описательный метод способствовал поэтапной реконструкции исследуемых исторических процессов, также применялись историко-сравнительный и историко-критический методы).

Результаты и их обсуждение

Размещение стражи

В период с 1903 по 1916 гг. функциональное предназначение уездной полицейской стражи неоднократно выступало объектом бурных дискуссий у руководства МВД и губерний.

Так или иначе, одной из важнейших составляющих деятельности рассматриваемого института выступало исполнение роли мобильных («летучих») отрядов, способных оказать силовую поддержку в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (особенно в период с 1905 по 1910 гг.).

В этой связи отдельной статьей расходов стражи традиционно было обеспечение их казарменными помещениями – местами постоянной дислокации подразделений. Согласно отчету П.Н. Шабельского за 1906 год, отряды конной и пешей стражи Воронежской губернии были размещены частью казарменно, а частью – по частным квартирам, от 1 до 4 человек в каждой. Последний способ, по мнению чиновника, затруднял наблюдение старших за людьми и оружием, а также отличался своей дороговизной⁹⁵.

Некоторые конные и пешие отряды, расположенные в принадлежащих землевладельцам зданиях и при станковых квартирах, пользовались помещениями бесплатно. Помещениями служили частные дома, которые, ввиду местных условий, а именно недостатка в городах и селениях подходящих квартир, несколько тесны и часто не имели соответствующих приспособлений для стоянки лошадей и хранения фуража. Более удовлетворительные помещения были в Богучарском, Павловском и Землянском уездах⁹⁶.

⁹⁴ В рамках настоящего исследования анализу были подвергнуты отчеты инспекций, осуществлявшихся по Делопроизводству по делам полицейской стражи.

⁹⁵ Плата при казарменном положении от 55 коп. до 1 р. 50 коп. с человека, не считая отопления и освещения, а для живущих отдельно – от 3 до 5 р. в месяц за каждую квартиру.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 249. Л. 16–17.

К 1907 году значительное распространение получил артельный способ ведения хозяйства. С.С. Навроцкий оценил встреченные им казармы как неудовлетворительные, исключение составлял лишь губернский город: «В... Воронеже казармы отличны. Происходит это оттого, что разница квартирного оклада не употребляется на улучшение быта и казарм, а выдается на руки»⁹⁷.

Наибольшее затруднение обеспечение правоохранительного института казарменными оповещениями вызвал Коротоякский уезд, где за отсутствием подходящих для казармы помещений стражники были расположены по отдельным квартирам и при повторном посещении С.С. Навроцким региона.

Чиновник отмечал, что «вопрос об устройстве в Коротояке казарменного помещения всегда составляет особую заботу губернского начальства, но, к сожалению, все попытки в этом направлении не привели к желательному результату». Объяснялось это тем, что городское управление отказалось в постройке казармы за неимением средств, а частных лиц, желающих сдать свои строения, не нашлось, поэтому было сделано распоряжение вызвать желающих построить помещение на условиях продолжительного срока аренды и при субсидии от казны.

Во многих отрядах велось довольствие из котла, что удешевляет и уменьшает пищу. Семьи стражников жили отдельно (бессемейных около 50 %).

Среди недостатков отмечалось и то, что квартирный оклад неправильно выдавался на руки лицам, помещенным в казармах. Разница его должна была употребляться на улучшение быта и квартирования стражи: заведение коек, одеял, устройства умывальников и пр.⁹⁸

Начало Первой мировой войны не могло не сказаться на материальном обеспечении полиции. Скопление в тыловых губерниях войсковых запасных частей, беженцев, военнопленных, военнообязанных, иностранных подданных, колонистов, усиленный состав рабочих, вызванный мобилизацией военной промышленности, являя усиленную работу стражникам, поставил вопрос дороговизны квартирного и продовольственного обеспечения стражи в безвыходное положение.

В ходе инспекций по некоторым регионам в 1916 году Л.М. Слезкин лично убедился, что в иных местах квартира с отоплением в селах обходилась стражнику до 10 руб. в месяц. С учетом трат на фураж (еще 16 руб.) зачастую у стражника ничего не оставалось из получаемого им содержания (30 руб. в месяц).

Каменное помещение, в котором располагался городской конный отряд Воронежского уезда, уже не отмечалось в лучшую сторону: «...представляется невероятно сырым и несоответствующим громадной цене (до 7 000 руб. в год) уплачиваемой за него». Все также не было изыскано средств для создания казармы в Коротояке⁹⁹.

Усугубила положение и проведенная в 1913 году трансформация правоохранительного института, связанная с появлением пунктов стражников. Подобный способ несения службы обуславливал невозможность постоянного казарменного проживания многих нижних чинов. Находившиеся в отделах на постах стражники нанимали в местах своего служения квартиры, которые в настоящее время с отоплением обходились им, как отмечалось ранее, иногда до десяти рублей в месяц.

Обмундирование

Форменная одежда полицейского традиционно представляет собой особый социально-правовой символ служения закону и государству. Обмундирование для служащего правоохранительных органов Российской империи – не просто некоторый внешний атрибут, но и выражение специфики профессионального правосознания, отражение традиций уважения к «служению царю и отечеству» [Леонова, 2018, с. 73–76; Артемченко, 2023, с. 11–19]. Кроме

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 465. Л. 59 об. – 60.

⁹⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 304. Л. 277 об.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 986. Л. 28 об.

того, обмундирование должно быть и функциональным, отвечать потребностям несения наружной службы.

В этой связи отдельное внимание при инспектировании уделялось и данному направлению материального обеспечения нижних чинов уездной полиции. На первоначальном этапе в 1906 году во всех осмотренных отрядах Воронежской губернии обмундирование найдено довольно разнообразным, за исключением стражи Павловского уезда, где в особенности конная стража имела обмундирование, близко подходящее ко вновь установленной форме. В общем обмундировании была общая полицейская форма. Подобное положение объяснялось тем, что постройка формы задержалась в ожидании запланированных в ведомстве изменений и вытекающим из этого стремлением регионального руководства минимизировать «напрасные» расходы служащих¹⁰⁰.

При повторной проверке в 1907 году ситуация кардинально не изменилась, окончательный переход на новую форму планировался к 1 января 1908 года. Особым разнообразием в обмундировании отличались казаки¹⁰¹.

Третья инспекция уже не выявила столь значительных недостатков. В лучшую сторону С.С. Навроцким отмечались «щегольски одетый» Воронежский уезд и почти не уступавший ему Валуйский [Артемченко, 2023, с. 11–19].

Обмундирование стражи проводилось распоряжением специальной комиссии, образованной при Губернском правлении, причем необходимые материалы получались непосредственно от фабрик и крупных торговых фирм в Москве, а затем рассылались по уездам к исправникам для шитья вещей на месте. Прочие же предметы обмундирования (папахи, погоны, башлыки и аксельбанты) изготавливались в Воронеже и уже в готовом виде рассылались исправникам.

Несмотря на попытки оптимизации подготовки обмундирования, сложившуюся систему стоит признать далекой от совершенства, что в дальнейшем было выявлено при посещении отрядов инспектором стражи полковником В.З. Тарховым. В связи с этим в январе 1912 года комиссией под председательством губернатора С.И. Голикова было принято окончательное решение об открытии швальни полицейской стражи в г. Воронеже [Ситников, 2021, с. 64–68].

Инициатива руководства уездной полицейской стражи на региональном уровне оказалась очень дальновидной. Вопрос обмундирования в условиях экономики военного времени стал очень сложным: сказывалась не только дороговизна материала, но даже и полная невозможность при современных условиях мобилизации военной промышленности достать солдатского сукна и форменных принадлежностей.

В отчете 1916 года Л.М. Слезкин указывал, что в тех губерниях, где были заведены особые швальни (как, например, в Воронежской и Тамбовской), «заботливостью Губернского Правления» в качестве единственного возможного варианта приходилось исходатайствовать у военного ведомства разрешение пользоваться отпуском из интендантских складов материала для обмундирования и снаряжения для стражников. В Воронеже во время проверки швальни уже не работала ввиду полного отсутствия сукна¹⁰².

Однако имевшийся задел благодаря губернской швальне обусловил довольно благоприятную картину в регионе даже в столь сложных условиях: форма была «однообразной и весьма щегольски построенной»¹⁰³.

Вооружение

Особенности полицейских обязанностей определяют необходимость обеспечения служащих вооружением [Ахмедов, 2018, с. 183], которое в качестве чрезвычайной меры

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 249. Л. 17 об.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 465. Л. 58 – 58 об.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 986. Л. 2 об. – 3.

¹⁰³ См.: ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 783; Оп. 3. – Д. 101.

государственного принуждения [Белкин, 2012, с. 49–52] может применяться для защиты жизни и здоровья как граждан (подданных), так и самого полицейского. Согласно закону об учреждении полицейской стражи, урядники вооружались за счет казны шашками и револьверами, а стражники – только шашками с сохранением возможности приобретения аналогичного огнестрельного оружия на собственные денежные средства¹⁰⁴. Ухудшение социально-политической обстановки в стране, вылившееся в Первую русскую революцию, привело к тому, что законодатель принял решение о дополнительном вооружении пешей и конной стражи винтовками (ввиду функционального предназначения института, упомянутого нами ранее)¹⁰⁵ [Ситников, 2023, с. 64–72].

Данное обстоятельство обусловило и повышенное внимание высших чинов ОКЖ к состоянию вооружения и снаряжения уездной полицейской стражи в ходе инспекций.

По состоянию на 1906 год воронежские стражники конных отрядов были вооружены берданками драгунского образца, за исключением тех, которые сформированы за счёт сокращения пешей стражи, имеющих берданки пехотного образца без приспособлений для погонного ремня в конном строю. Пешая стража была вооружена берданками пехотного образца со штыками. Также имелись шашки драгунского образца с хорошими клинками. У пешей стражи – с железными клинками.

По мнению П.Н. Шабельского, в целом в регионе оружие содержалось в порядке, а снаряжение было хорошего качества и в исправности с учетом сравнительной незначительности объема ассигнуемых на материальное обеспечение стражи денежных средств¹⁰⁶.

По всей видимости, в течение года оружие стражи изнашивалось: отмечалась сильная «просадка», много пропитанных салом лож, было обнаружено и две винтовки с потерянными мушками.

Большинство шашек (как оказалось, с железными клинками) было признано негодным к употреблению, о замене их новыми было возбуждено ходатайство, но Департамент Полиции предложил отправлять холодное оружие частями в Тульский Императорский завод для исправления и закалки (к моменту инспекции туда направили 246 штук).

Также возбуждено было ходатайство о вооружении старших стражников револьверами взамен ружей. Но и в этом руководством ведомства было отказано с указанием, что они могут быть вооружены револьверами, отобранными от населения.

Однако представитель ОКЖ С.С. Навроцкий был солидарен с представителями Воронежской губернии во мнении о том, что подобное оружие в большинстве случаев очень плохое и непригодное к употреблению.

Среди предложений проверяющего можно назвать следующие:

- завести нагрудные патронташи вместо патронташных сумок, из которых часто во время езды теряются патроны;
- вооружить старших стражников револьверами системы Нагана за счет казны¹⁰⁷.

О затруднениях в поддержании оружия в порядке С.С. Навроцкий доложил и в ходе инспектирования 1909 года. Он отмечал, что до этого времени ремонт ружей и револьверов производился в Тульском оружейном заводе, но «в данное время завод винтовок Бердана и револьверов Smith & Wesson в починку не принимает» и рекомендует обращаться в Московский Артиллерийский склад, в котором имеются запасные части [Ситников, 2023, с. 64–72].

В свою очередь, Артиллерийский склад предложил войти в соглашение по этому предмету с местными войсковыми частями, при которых имеются оружейные мастерские. На

¹⁰⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собр. 3-е. Т. 23. Отд. I. № 22906.

¹⁰⁵ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 25. Отд. I. № 27166.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 249. Л. 17 об.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 465. Л. 58 об.

сделанные командирам Скопинского и Коротоякского полков (расположенных в Воронеже) предложения относительно починки оружия стражи за плату последний категорически отказал за массой своей работы, а первый, хотя и нашел возможным согласиться на прием оружия для исправления, но в самом небольшом размере.

Боевые припасы имелись в должном количестве. Снаряжение, как и само вооружение, у всех стражников было признано, несмотря на возникавшие проблемы, удовлетворительным.

В период Первой мировой войны началось перевооружение полицейской стражи. Л.М. Слезкин указывал на подходящий выбор карабинов японской системы «Арисаки», но считал необходимым при возможности всю конницу вооружить карабинами, изъязв совершенно неудобные винтовки пехотного образца, а затем предоставить право браковать то оружие, которое сдавалось в стражу с весьма существенными недостатками: с ржавыми раковинами в дулах, с ослабевшей пружиной, удерживающей магазинную коробку и подающей патроны в дуло. Указанные коробки часто выпадали при езде, и, чтобы не потерять, их приходилось примитивно привязывать веревочкой, а вследствие ослабления пружин, подающих патроны автоматически, приходилось «досовывать» патрон рукой¹⁰⁸.

По результатам осмотра Самарской, Тамбовской и Воронежской губерний чиновник отмечал, что патронов к этим ружьям было выдано лишь по 50 на каждое ружье, а у полицейского начальства не было никаких сведений, можно ли рассчитывать на получение еще запаса патронов¹⁰⁹.

Конный состав и снаряжение

По справедливому замечанию Ч.Н. Ахмедова, географические особенности, а также специфика экономического развития Российской империи обуславливали ситуацию, при которой лошадь оставалась «единственным и постоянно востребованным средством передвижения для военных и полицейских чинов» [Ахмедов, 2018, с. 152]. Особенно актуальным это было и для уездной полицейской стражи, чины которой, с одной стороны, патрулировали значительные по своей пространности административные участки, а с другой – должны были оперативно прибывать к местам массовых волнений для их подавления или участвовать в погоне за разбойничьими шайками [Ситников, 2022, с. 376–380].

По результатам инспекции 1906 года, состав лошадей был охарактеризован как «хороший», в особенности в Павловском уезде. Возраст лошадей составлял от 4 до 10 лет. Перековка производилась местными кузнецами.

Конное снаряжение во всех отрядах было тоже вполне удовлетворительным. Лучшие сёдла – вновь в отрядах Павловского уезда, выписанные исправником из Саратова от фабрики Малышевых. Другие же отряды приобретали это снаряжение от Щетинина в Москве и от Перелыгина в Воронеже по 23 руб.

Особенности организационного и правового построения функционирования уездной полицейской стражи были таковы, что чиновники не только на региональном, но и местном уровне значительно могли влиять на эффективность функционирования института.

Не удивительно, что, характеризуя конный состав, П.Н. Шабельский указывал: «Справедливость требует отметить особую заботливость и распорядительность в хозяйственном отношении вверенной ему стражи, состоящего при Министерстве Внутренних Дел и. об. Павловского Исправника, Статского Советника Буловича»¹¹⁰.

Названный чиновник на всем протяжении своей службы в качестве исправника отличался инициативностью и административной распорядительностью, что в очередной раз подтвердил представитель высшего руководства.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 986. Л. 3.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 249. Л. 17 об., 18.

Спустя год конный состав вновь предстал перед проверяющим в удовлетворительном состоянии: «Плохих и старых я почти не встречал»¹¹¹. Стражники приходили со своими конями или покупали на аванс, но задолженность по коням были очень невелика.

При этом конюшни не имелись в двух уездах: Коротояжском и Новохоперском. В последнем для конных стражников конюшни и казармы нанимались. Предпринимателей на строительство подобных сооружений как по политическим причинам, так и ввиду дороговизны леса найти было очень трудно¹¹².

Конная аммуниция была довольно разнообразна. Седла – преимущественно казачьего образца, с подушками, набитыми слабо, так как бывшие кавалеристы предпочитали посадку не казачью. Конское снаряжение приобреталось стражей за свой счет при содействии исправников, и в этом случае им представлялись некоторые льготы «в смысле уплаты денег»¹¹³.

В отчете за 1909 год отмечалось, что некоторым стражникам региона губернским начальством выдавались ссуды от 75 до 100 руб. с погашением определенными ежемесячным вычетами. В случае же увольнения стражника от службы до уплаты ссуды соблюдался установленный порядок расчета за приобретенную за счет казны лошадь, причем ни в одном случае не наблюдалось ущерба казенного интереса, а также и каких-либо недоразумений со стражниками. В случае порчи лошади при исполнении стражниками служебных обязанностей выдавались безвозвратные пособия не свыше указанного размера на приобретение новых лошадей¹¹⁴.

Конюшни в большинстве отрядов, по мнению С.С. Навроцкого, имелись вполне пригодные, а в Валуйском и Воронежском уездах – «отличные»¹¹⁵.

Конское снаряжение у стражников (собственное) тоже было признано вполне удовлетворительным. Седла у большинства стражников уже были кавалерийского образца.

С началом Первой мировой войны цена на лошадей ожидаемо возросла. В связи с этим стражникам покупать их было затруднительно. Большой помощью для комплектования лошадьми конно-полицейской стражи было бы предоставление им выбракованных из канцелярских запасных частей лошадей в покупке по казенной оценке.

Несмотря на все финансовые трудности благодаря налаженной местным руководством Воронежской губернии системе обновления и восполнения конного состава полицейской стражи рассматриваемое направление вновь было удовлетворительно оценено по итогам инспекции 1916 года: «Конский состав представился хотя довольно пестрым по качеству своему, но вполне соответствующим, особливо по нынешним временам, службе в полицейской страже. Способ приобретения коней общепринятый» [Ситников, 2022, с. 376–380].

Заключение

Несмотря на наблюдавшееся после передачи заведывания строевой частью полицейской стражи ОКЖ успехи в области унификации и оптимизации материального обеспечения правоохранительного института, Первая мировая война «перечеркнула» многие из имевшихся достижений.

Так, Л.М. Слезкин в отчете от 1916 года доложил «о неотложной необходимости обратить серьезное внимание на условия полной небезопасности материального положения стражи и урегулирования некоторых основных начал воинской дисциплины и строя, без чего эта организация бессильна соответствовать своему назначению; без первого условия удержать стражу на службе по окончании войны явится совершенно невозможным, без второго оставшиеся в полицейской страже (конечно в очень ограниченном количестве) представят

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 465. Л. 59.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 304. Л. 277.

¹¹⁵ Там же.

собой лишь отрицательный элемент». Как показала практика революционных событий в стране, во многом чиновник оказался прав [Кирнос, 2023].

При этом необходимость улучшения материальной обеспеченности стражи по Воронежской губернии представлялась практически в той же мере, как и в прочих губерниях. Длительное сохранение удовлетворительных показателей по многим направлениям, на наш взгляд, было обусловлено длительной и тщательной работой местного руководства, сочетавшейся с разумной инициативой: поиск оптимальных способов закупки материалов для пошива обмундирования, налаживание контактов с оружейными мастерскими полков, создание собственной «образцовой» швальни и т. д.

Список источников

- Государственный архив Воронежской области. Ф. И-1. Воронежское губернское жандармское управление (ВГЖУ) г. Воронеж. Оп. 2. Д. 304. Документы (рапорты, списки, переписка) о деятельности полицейской стражи в Воронежской губернии.
- ГАВО. Ф. И-1. Воронежское губернское жандармское управление (ВГЖУ) г. Воронеж. Оп. 2. Д. 783. Переписка с Воронежским губернатором о деятельности полицейской стражи.
- ГАВО. Ф. И-1. Воронежское губернское жандармское управление (ВГЖУ) г. Воронеж. Оп. 3. Д. 101. Списки полицейских стражников Воронежской губернии, принимавших участие в учебных стрельбах.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Штаб Отдельного корпуса жандармов. Оп. 11. Д. 249. По командировке, состоящего при особых поручениях при министре внутренних дел по званию шефа жандармов, генерал-майора Шабельского в Воронежскую, Нижегородскую, Ярославскую и Пензенскую губернии.
- ГАРФ. Ф. 110. Штаб Отдельного корпуса жандармов. Оп. 11. Д. 986. Командирование генерал-лейтенанта Слезкина в Воронежскую, Самарскую и Тамбовскую губернии.
- Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 5 мая 1903 года. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3-е. Т. 23. Ч. 1. № 22906. С. 477–481.
- О введении полицейской стражи во всех губерниях, управляемых по общему учреждению: высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 29 декабря 1905 года. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 25. Ч. 1. № 27166. С. 963–964.

Список литературы

- Артемченко А.В., Ситников К.А. 2023. Правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи Российской империи форменным обмундированием (на примере Воронежской губернии). *Вестник Воронежского института МВД России*, 2: 11–19.
- Ахмедов Ч.Н. 2018. Институт полицейских урядников: профессиональная подготовка и социально-материальное обеспечение его деятельности (вторая половина XIX – начало XX века): монография. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 224 с.
- Беликин В.В., Косиковский А.Р., Зарыпов В.З. 2012. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия - мера административного принуждения. *Труды Академии управления МВД России*, 4(24): 49–52.
- Кирнос А.В. 2023. Особенности ликвидации "царской полиции" весной 1917 г.: общероссийские тенденции и реалии Воронежской губернии. *Право и государство: теория и практика*, 3: 51–73.
- Леонова И.А. 2018. Эстетические аспекты внешнего вида сотрудника полиции. *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*, 2(75): 73–76.
- Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. 2018. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века: монография. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 685 с.
- Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. 2020. Формирование института полицейских урядников и реорганизация уездной полиции в Воронежской губернии в 1878–1880 гг. *Вестник Воронежского института МВД России*, 3: 9–27.

- Невский С.А. 2015. О работе комиссии по рассмотрению отчетов о проверке организации и деятельности уездной полицейской стражи в 1906 году. *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России*, 3(35): 97–100.
- Орлов А.С., Фролов А.Г. 2020. Экономическая политика Российской империи накануне Первой мировой войны и в ходе ее. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2(87): 36–37.
- Ситников К.А. 2021. Совершенствование системы вещевого обеспечения полицейской стражи Воронежской губернии: учреждение швальни. *Право и государство: теория и практика*, 1: 64–68.
- Ситников К.А. 2022. Правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи Российской империи конным составом (на примере Воронежской губернии). *Образование и право*, 11: 376–380.
- Ситников К.А. 2023. Правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи Российской империи вооружением (на примере Воронежской губернии). *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 48(1): 64–72.

References

- Artemchenko A.V., Sitnikov K.A. 2023. Pravovy'e osnovy` obespecheniya uездnoy policejskoj strazhi Rossijskoj imperii formenny`m obmundirovaniem (na primere Voronezhskoj gubernii) [The Legal Basis for Providing the District Police Guards of the Russian Empire with Uniforms (on the Example of the Voronezh Province)]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2: 11–19.
- Axmedov Ch.N. 2018. Institut policejskix uryadnikov: professional`naya podgotovka i social`no-material`noe obespechenie ego deyatel`nosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [The Institute of Police Officers: Professional Training and Social and Material Support of its Activities (The Second Half of the XIX – Early XX Century)]: monografiya. Saint Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 224 s.
- Belikin V.V., Kosikovskij A.R., Zary`pov V.Z. 2012. Primenenie sotrudnikami policii ognestrel`nogo oruzhiya – mera administrativnogo prinuzhdeniya [The Use of Firearms by Police Officers is a Measure of Administrative Coercion]. *Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4(24): 49–52.
- Kirnos A.V. 2023. Osobennosti likvidacii "carskoj policii" vesnoj 1917 g.: obshcherossijskie tendencii i realii Voronezhskoj gubernii [Features of the Liquidation of the "Tsarist Police" in the Spring of 1917: all-Russian Trends and Realities of the Voronezh Province]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 3: 51–73.
- Leonova I.A. 2018. E`steticheskie aspekty` vneshnego vida sotrudnika policii [Aesthetic Aspects of the Appearance of a Police Officer]. *Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova* [Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov], 2(75): 73–76.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2018. Professional`naya podgotovka nizhnix chinov uездnoy policii v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX veka [Professional Training of the Lower Ranks of the District Police in the Russian Empire at the End of the XIX – Beginning of the XX Century]: monografiya. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs, 685 s.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2020. Formirovanie instituta policejskix uryadnikov i reorganizaciya uездnoy policii v Voronezhskoj gubernii v 1878–1880 gg. [The Formation of the Institute of Police Officers and the Reorganization of the District Police in the Voronezh Province in 1878–1880]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3: 9–27.
- Nevskij S.A. 2015. O rabote komissii po rassmotreniyu otchetov o proverke organizacii i deyatel`nosti uездnoy policejskoj strazhi v 1906 godu [On the Work of the Commission for the Review of Reports on the Inspection of the Organization and Activities of the County Police Guard in 1906]. *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii* [Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3(35): 97–100.
- Orlov A.S., Frolov A.G. 2020. E`konomicheskaya politika Rossijskoj imperii nakanune Pervoj mirovoj vojny` i v xode ee [The Economic Policy of the Russian Empire on the Eve of the First World War and during it]. *Ucheny`e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Orel State University], 2(87): 36–37.

- Sitnikov K.A. 2021. Sovershenstvovanie sistemy` veshhevogo obespecheniya policejskoj strazhi Voronezhskoj gubernii: uchrezhdenie shval'ni [Improvement of the System of Clothing Support for the Voronezh Province Police Guard: Establishment of a Shval'Nya]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 1: 64–68.
- Sitnikov K.A. 2022. Pravovy`e osnovy` obespecheniya uездной policejskoj strazhi Rossijskoj imperii konny`m sostavom (na primere Voronezhskoj gubernii) [The Legal Basis for Providing the District Police Guard of the Russian Empire with Mounted Personnel (on the Example of the Voronezh Province)]. *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 11: 376–380.
- Sitnikov K.A. 2023. Pravovy`e osnovy` obespecheniya uездной policejskoj strazhi Rossijskoj imperii vooruzheniem (na primere Voronezhskoj gubernii) [The Legal Basis for Providing the District Police Guards of the Russian Empire with Weapons (on the Example of the Voronezh Province)]. *Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law], 48(1): 64–72.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.01.2025

Received 14.01.2025

Поступила после рецензирования 12.05.2025

Revised 12.05.2025

Принята к публикации 14.05.2025

Accepted 14.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ситников Кирилл Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0002-6247-969X](https://orcid.org/0000-0002-6247-969X)

Kirill A. Sitnikov, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law, V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

УДК 93/94+271.2(470.324)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-435-444

EDN RRLBLZ

Оригинальное исследование

Архиепископ Тихон (Никаноров) и Воронежский епархиальный церковный совет: к истории церковного двоевластия на местах в период 1917–1918 гг.

Иконников С.А.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I,
Россия, 394087, г. Воронеж, ул. Мичурина, 1
E-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных документов и опубликованных источников рассматривается история формирования выборных органов церковного управления в период революционных событий в России 1917–1918 гг. На примере Воронежской епархии анализируются причины конфликтов, возникших между новообразованным церковным советом и правящим архиереем. Автор рассматривает взаимные попытки архиепископа Тихона (Никанорова) и Воронежского епархиального церковного совета взять под контроль церковную власть в губернии. Исследование раскрывает эволюцию выборных органов епархиального управления в условиях революционных потрясений 1917 г. В статье делается вывод о том, что стремление части духовенства построить управление кафедрой на демократических началах в реальности привели лишь к неразберихе и расколу. Первоначальные попытки «демократизировать» Церковь, избавившись от формализованных традиций синодальной системы, поставили под угрозу единство и целостность ее канонического устройства.

Ключевые слова: Православная Российская Церковь, Воронежская епархия, приходское духовенство, архиепископ Тихон (Никаноров), Воронежский епархиальный церковный совет

Для цитирования: Иконников С.А. 2025. Архиепископ Тихон (Никаноров) и Воронежский епархиальный церковный совет: к истории церковного двоевластия на местах в период 1917–1918 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 435–444. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-435-444. EDN: RRLBLZ

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Archbishop Tikhon (Nikanorov) and Voronezh Diocesan Church Council: On the Dual Role of Church in the Regions in 1917–1918

Sergey A. Ikonnikov

Emperor Peter the Great Voronezh State Agrarian University,
1 Michurin St., Voronezh 394087, Russia
E-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Abstract. The article examines the history of the formation of church government elected bodies during the revolutionary events in Russia in 1917–1918. The study is based on archival documents and published sources. Using the example of the Voronezh diocese, the reasons for the conflicts that arose between the newly formed church council and the ruling bishop are analyzed. The author describes mutual at-tempts of Archbishop Tikhon (Nikanorov) and the Voronezh diocesan church council to take control of church power in the province. The evolution of elective institutions of diocesan administration in the context of the 1917 revolution is investigated. The article concludes that the desire of the clergy to form a democratic system for managing the diocese only led

to confusion. The initial attempts to “de-mocratize” the Church by getting rid of the formalized traditions of the synodal system undermined the unity and integrity of its canonical structure.

Keywords: Russian Orthodox Church, Voronezh diocese, parish clergy, Archbishop Tikhon (Nikanorov), Voronezh diocesan church council

For citation: Ikonnikov S.A. 2025. Archbishop Tikhon (Nikanorov) and Voronezh Diocesan Church Council: On the Dual Role of Church in the Regions in 1917–1918. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 435–444 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-435-444. EDN: RRLBLZ

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В условиях масштабных революционных потрясений 1917 г. и последовавшей в России гражданской войны Православная Церковь столкнулась с небывалыми в истории испытаниями. Архипастыри, приходское и монашеское духовенство, миряне не только в полной мере разделили все тяготы вызванного падением царской власти политического и социально-экономического кризиса, но и были вынуждены искать возможные пути взаимодействия с новыми, откровенно безбожными, негативно настроенными к любым религиозным проявлениям властями.

Усугубляли ситуацию противоречия внутри самой Церкви. Перед лицом угрозы духовенство оказалось разделенным, наблюдались конфликты как между пастырями и мирянами, так и среди самих служителей алтаря. В официальной церковной печати все чаще стали раздаваться голоса о нарастании кризисных ситуаций на местах. Типичной является зарисовка со страниц воронежской газеты «Вестник церковного единения» от 22 июня 1917 г., в которой говорилось, что, по имеющимся в редакции сведениям, «в некоторых местах епархии неспокойно: недоразумения между духовенством и мирянами продолжают, разделение существует и между членами клира на почве дележа братских доходов. Епархиальная власть, Исполнительный комитет духовенства и мирян и разные организации на местах по мере возможности разрезают сгущенную атмосферу нашего тяжелого времени» [Вестник церковного единения, 1917, с. 3].

Естественно, еще задолго до начала революционной бури внутри духовного сословия раздавались голоса о важности реформирования церковных институтов, привнесении демократических (выборных) начал в жизнь приходских общин, даровании Церкви «подлинной» свободы и юридических прав [Беглов, 2021].

Имелись среди духовенства и сторонники консервативной модели развития, полагавшие, что увлечение демократическими чаяниями не предаст Церкви реальной свободы, а лишь внесет в жизнь верующих дополнительные соблазны и неразбериху. К тому же возникшей сумятицей могли воспользоваться не вполне искренние и далекие от христианских идеалов люди, что, в свою очередь, никак не способствовало бы единству приходских общин. Подобную точку зрения, к примеру, исповедовал член Поместного Собора Православной Российской Церкви от Воронежской епархии В.Я. Бахметьев, утверждавший, что у христиан может быть лишь одна политическая программа реформирования – Евангелие. Предостерегая клириков от увлечения духом времени, он писал: «И вдруг, если бы вместо целительного бальзама некоторым пастырям вздумалось бы лить на больные раны пламя политических страстей или партийного перетолкования вечных истин Евангелия, это было бы несчастьем и для самого духовенства, от него отвернулись бы все истинно верующие» [Бахметьев, 1917, с. 373].

К сожалению, как показала история, избежать увлечения «демократическим» движением духовенству Воронежской епархии не удалось. Революционные события 1917 г. придали давно назревшим идеям очередной импульс, что вылилось в попытку формирования новых «свободных» и «независимых» органов епархиального управления. По замыслу инициаторов именно таковыми они должны были стать. Однако на практике желание создать якобы поистине соборные, либеральные институты управления привели лишь к разделению внутри

Церкви, вынудив правящего архипастыря приложить все силы для преодоления образовавшегося двоевластия.

Некоторые аспекты кризиса приходской жизни и проблемы формирования новых органов церковной власти в период революции 1917 г. ранее уже становились предметом исследования. Так, к примеру, к указанной проблематике обращались такие историки, как В.Д. Кузнецов [Кузнецов, 2022], Н.С. Сапелкин [Сапелкин, 2018], С.Л. Фирсов [Фирсов, 2021]. Однако историю создания Воронежского епархиального церковного совета, а также конфликт с архиепископом Тихоном (Никаноровым) на сегодняшний день сложно назвать в полной мере раскрытыми.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является Воронежский епархиальный церковный совет – «демократический» орган управления, созданный в условиях революции 1917 г. Духовенство стремилось соответствовать духу времени, стараясь привнести либеральные начала в церковное администрирование.

В качестве методов исследования использовались традиционные для исторической науки контент-анализ, историко-сравнительный, историко-генетический подходы. С целью формирования достоверной картины взаимоотношений между Воронежским епархиальным церковным советом и архиепископом Тихоном (Никаноровым) анализировались как опубликованные источники, прежде всего материалы журнала «Воронежские епархиальные ведомости» и газеты «Вестник церковного единения», так и архивные документы. Из неопубликованных источников для реконструкции истории конфликта между канонической властью и выборным в революционных условиях учреждением было привлечено дело из фонда Канцелярии Патриарха Тихона и Священного Синода (ф. 831) Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), содержащее переписку членов Воронежского епархиального церковного совета и архиепископа Тихона (Никанорова) с патриархом Тихоном (Беллавиным) и Священным Синодом по вопросу о судьбе церковного управления в Воронежской епархии.

Результаты и их обсуждение

После отречения императора Николая II от престола с новой силой стали раздаваться голоса о необходимости преобразования не только государственного устройства, но и Православной Российской Церкви на демократических началах, путем изменения системы епархиального управления. По мнению критиков, во главе Церкви якобы находились не искренние христиане, а высшие иерархи-чиновники, представлявшие интересы коронной администрации. На страницах официальных органов духовной печати раздавались открытые призывы избавиться от таких людей и поставить организацию церковного управления на «подлинно христианские» начала. «Церковь никогда и нигде и не становилась против демократии; в ее определениях и преданиях нет ничего, что могло бы подать повод к таким обвинениям. Становились на пути демократии государственные чиновники, облеченные в ряссы и под страхом наказания, говорили, что им приказано, да люди с сознательною совестью ради своекорыстных интересов державшие говорить от имени Церкви», – писал в мае 1917 г. на страницах газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» православный публицист Ф.Н. Белявский [Белявский, 1917, с. 2].

В Воронежской епархии, также как и в Православной Российской Церкви в целом, после февральской революции стали чаще говорить о даровании приходам подлинной свободы и необходимости претворения в жизнь демократических начал управления.

13 марта 1917 г. в г. Воронеже состоялся съезд городского духовенства. Планировалось, что он выработает единую позицию клириков по поводу происходивших в стране событий. В ходе работы съезда был создан Исполнительный комитет духовенства г. Воронежа.

Председателем избрали священника С.А. Замахеева, заместителями – священников Т.Д. Попова (заведующего кафедрой православного богословия Воронежского сельскохозяйственного института) [Иконников, 2024] и Е.Е. Дольского [Попов, 1917, с. 389]. На съезде выяснилось, что пастырей волнует целый ряд неотложных вопросов, которые необходимо обсудить не только представителям городского духовенства, но и всей епархии. Было принято решение начать подготовку к общепархиальному съезду клириков. Иных значимых определений принять на съезде от 13 марта не удалось, за исключением официального приветствия Временному правительству. Итоговое определение съезда гласило: «Духовенство церквей Воронежа горячо приветствует в лице Вашем новое правительство, самоотверженно совершившее великое дело освобождение нашей дорогой Родины. Приветствует зарю свободной жизни и надеется, что христианские начала свободы, равенства и братства, на которых строится здание возрожденной России, будут благотворны и для процветания православной церкви» [Воронежский Телеграф, 1917, с. 3].

С целью объединения духовенства и паствы, а также для обсуждения насущных вопросов и предложений по реорганизации системы управления по инициативе клириков и по согласованию с правящим архиереем – архиепископом Тихоном (Никаноровым) – объявлялся созыв Воронежское епархиальное собрание делегатов от духовенства и мирян.

25 апреля 1917 г. Собрание (в составе 129 клириков и 130 мирян) приступило к работе [Журнал Воронежского епархиального собрания, 1917, с. 177]. В ходе заседаний превалирующим оказалось мнение о необходимости скорейшего воплощения в жизнь выборного начала управления Церковью. Предыдущая система организации церковной жизни признавалась неудовлетворительной. Консистории, по мнению делегатов, не отвечали ни духу времени, ни христианским традициям, внося в приходскую жизнь излишнюю канцелярщину. В ходе дебатов достаточно отчетливо звучали голоса о введении выборности епископов, намерении «положить полную согласованность пастырей с паствой в стремлении утвердить в русской жизни демократический республиканский строй», разрешении принимать архиерейский сан мирянам, повышении образовательного уровня духовенства, а главное, создании своего рода противовеса единоличному архиерейскому управлению в лице епархиального и окружных пресвитерских советов [Там же, с. 186–187].

Однако ясная картина того, как должна выглядеть новая конфигурация системы управления в епархии, так и не была предложена. Участники Собрания ограничились лишь декларативными определениями и осуждением неэффективности и ненормальности старого порядка вещей. Единственное, что действительно удалось учредить, так это так называемый Епархиальный исполнительный комитет объединенного духовенства и мирян, новый постоянно действующий орган управления, призванный придать более демократичный, как тогда казалось, характер церковному управлению, стать своего рода посредником между правящим архиереем, консисторией и благочинными. Епархиальный исполнительный комитет создавался на основе сформированного на съезде городского духовенства от 13 марта 1917 г. Исполнительного комитета объединенного духовенства и мирян города Воронежа. Последний, по сути, и провозглашался епархиальным комитетом, за исключением того, что в епархиальный орган избрали двоих новых членов – священника П.А. Милоградского и мирянина Б.А. Рукина [Там же, с. 202]. Председателем епархиального исполнительного комитета стал профессор богословия, священник Т.Д. Попов.

Епархиальный исполнительный комитет действовал на постоянной основе, принимал обращения от духовенства, выдвигал инициативы, выступал с предложениями, имел право подавать ходатайства правящему архиерею.

Турбулентность политических событий в стране, общий общественно-политический подъем побуждали высшее священноначалие к ответным мерам, к поиску новых адекватных форм взаимодействия Церкви и государства, пастырей и пасомых. При Святейшем Синоде была образована специальная комиссия под председательством видного иерарха того времени архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) для рассмотрения «разного рода

мероприятий в епархиальной церковной жизни, предпринимаемых в зависимости от обстоятельств последнего времени» [От 1–5 мая 1917 года за № 2668..., 1917, с. 112]. По результатам работы комиссии 5 мая 1917 г. вышло специальное синодальное определение за № 2668 «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении». В определении говорилось, что церковная власть в полной мере осознает масштаб происходящих в стране событий и считает необходимым «предоставить духовенству и пастве право более активного участия в церковном управлении и более свободного обсуждения и заявления своих интересов и нужд» [Там же]. В качестве своеобразного руководства к действию клирикам и мирянам на епархиальных собраниях предлагалось сформировать церковно-епархиальные советы, которые бы и стали, по замыслу синодальных властей, ответом на запрос времени о демократизации управления. Вместе с тем в определении подчеркивалось, что епархиальные церковные советы должны были лишь временно решить проблему до выработки новых канонических форм организации церковной жизни на местах отцами Всероссийского Поместного Собора.

В распоряжении от 5 мая отдельно ничего не говорилось о составе церковно-епархиальных советов и духовных консисторий. Впоследствии вышло дополнительное определение № 3102 от 16–18 мая 1917 г., где уточнялось, что епархиальным съездам предоставлялось право избирать новых членов консистории, исходя из принципа, согласно которому число мирян в составе органов церковного управления не должно превышать число лиц в священном сане [От 16–18 мая 1917 года за № 3102..., 1917, с. 141].

Проанализировав определение Синода, Епархиальный исполнительный комитет на заседании от 27 мая 1917 г. принял резолюцию о скорейшем созыве в Воронеже чрезвычайного съезда с целью обсуждения ряда наиболее актуальных и требующих, по мнению клириков, незамедлительного решения вопросов. К числу последних относились:

- формирование Церковного епархиального совета при епископе;
- переизбрание всех членов духовной консистории, епархиального училищного, миссионерского советов, попечительства о бедных духовного звания, эмеритальной кассы, ревизионного комитета;
- запрос экономических отчетов от духовных учебных заведений и назначение в них представителей от епархиального съезда;
- прояснение вопросов о положении церковно-приходских школ, статусе и функциях благочиннических и приходских советов;
- обсуждение мнения клириков о наиболее приемлемых формах взаимоотношения Церкви и государства в новых общественно-политических реалиях;
- материальное положение клириков и епархиальных учреждений, способы раздела причтовых доходов и источники финансирования органов управления епархии [От Воронежской духовной консистории..., 1917, с. 265–267].

Как видно из вышеприведенного перечня проблем, Епархиальный исполнительный комитет был, прежде всего, заинтересован в практически полном обновлении системы управления Воронежской кафедрой. Помимо кадровой смены уже действовавших органов планировалось создать и новое учреждение – Епархиальный церковный совет.

Чрезвычайное Воронежское епархиальное собрание в итоге действительно состоялось. Его работа проходила с 22 июня по 1 июля 1917 г. Вопрос согласования начал епархиального управления с духом времени являлся одним из наиболее животрепещущих. Была создана специальная секция (под председательством священника Аскоченского), призванная сформулировать и предложить Собранию на голосование резолюцию об изменении местного церковного управления. По итогам работы и дебатов на заседании от 26 июня Собрание проголосовало за следующую резолюцию (150 голосов – за, 14 – против, 23 – воздержались): «Во главе церковно-епархиального управления должно быть только одно учреждение – Церковно-епархиальный совет с епископом ... Церковно-епархиальный совет с епископом, заменяющий

прежнюю консисторию, должен состоять из 13 лиц, кроме епископа: два священника, два дьякона, два псаломщика и семь мирян» [Вестник церковного единения, 1917, с. 2].

Сразу же бросается в глаза провокативность формулировок. Согласно определению Епархиального собрания, Церковно-епархиальный совет учреждается вместо консистории и представляет собой главный орган управления кафедрой, как бы подменяя собой архипастыря, а не выступая в качестве его помощника.

Несмотря на формальную поддержку итогового решения большинством голосовавших, отдельные делегаты выступили против, подчеркивая неканоничность создаваемого органа управления. В особом мнении некоторые клирики и миряне (в частности, протоиерей Е. Белозоров, священники Ф. Игнатов, Е. Дольский, П. Базилевский, П. Говоров, А. Никитин, Б. Бологов, А. Казьмин, А. Попов, И. Путинцев, А. Девицкий, А. Ильинский, Н. Игнатов, Л. Федотов, К. Попов, Я. Стефанов, П. Автономов, Т. Богомоллов, помощники смотрителя Воронежского духовного училища С. Стефанов, Л. Страшкевич, секретарь консистории П. Беллавин) отметили явные противоречия между определением Съезда и синодальными определениями о церковно-епархиальных советах за № 2668 от 5 мая и № 3102 от 16–18 мая 1917 г. В частности, в синодальных определениях говорилось, что церковно-епархиальные советы создавались в дополнение к консистории, а в решении Епархиального съезда – вместо. К тому же состав Совета явно противоречил духу и смыслу синодальных узаконений, ведь число мирян в нем значительно превышало число пастырей. Возникал вопрос, насколько же церковным является предлагаемый к учреждению орган, больше походивший на приходское собрание мирян. Подобная ситуация грозила епархии, по мнению выразивших свой протест лиц, «остаться без надлежащего управления» [Там же, с. 3].

Следует признать, что дальнейшие события показали всю обоснованность подобных опасений.

Со временем Воронежский епархиальный совет, по сути, сделался противовесом правящему архипастырю и консистории. Члены совета считали себя высшей властью в епархии, нередко оспаривая указы владыки Тихона (Никанорова) и распоряжения консисторского начальства. При этом Совет самостоятельно, без одобрения архиерея пополнял число своих членов (по состоянию на сентябрь 1918 г. в составе совета числилось 13 членов вместо предусмотренных соборным определением 5; лишь двое членов имели пресвитерский сан, тогда как, согласно соборному определению, в священном сане должны были быть не менее 3 членов из 5)¹¹⁶.

О злоупотреблениях со стороны Воронежского епархиального церковного совета в рапорте на имя Святейшего патриарха Тихона (Беллавина) от 15 сентября 1918 г. архиепископ Тихон (Никаноров) писал следующее: «По отношению же к Епископской власти допускал Совет серьезные уклонения от дисциплины, обязательной для церковного учреждения, к явному ущербу для авторитета епископа. Члены Совета без ведома и разрешения моего уезжали в отпуска, назначали себе командировки и, за выбытием некоторых членов, пополняли кандидатами свой и без того многочисленный состав»¹¹⁷.

Согласно определениям Поместного Собора от 4, 7, 9 февраля 1918 г. [Собрание определений и постановлений..., 1918, с. 14–33] действующие епархиальные советы, являясь временными органами управления, и должны были быть переизбраны в полном составе в кратчайшие сроки. Однако осуществить указанные соборные определения в Воронежской епархии не удалось ввиду вызванных войной сложностей. Боевые действия и потоки беженцев (в Воронежской губернии по состоянию на 1 января 1916 г. проживало 39 633 беженца, при этом их количество с течением времени постоянно увеличивалось [Белова, 2014, с. 115]) прервали пути коммуникации, что осложняло проведение назначенного на срок не позднее мая

¹¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

¹¹⁷ Там же. Л. 3 об.

1918 г. епархиального собрания. Ввиду тяжелых обстоятельств времени правящему архиерею пришлось отложить проведение намеченного собрания.

Между тем позиция Воронежского епархиального церковного совета, откровенное вмешательство в дела управления кафедрой сильно тревожили архиерея. Владыка Тихон (Никаноров) просил патриарха разрешить либо вовсе распустить совет, оставив во главе епархии лишь присутствие духовной консистории, либо образовать временно объединенный орган епархиального управления – новый Церковный епархиальный совет, в состав которого вошло бы не более 8–10 человек, по равному количеству представителей как от консистории, так и от существовавшего на тот момент прежнего Епархиального церковного совета. При этом в состав нового Совета должны были войти лица, соответствующие по образованию, возрасту и сану принципам постановлений Поместного Собора.

Члены Воронежского епархиального церковного совета священник Тихон Черницкий и мирянин Борис Рукин, узнав о том, что архиепископ Тихон стремился добиться разрешения патриарха упразднить Совет, 25 сентября 1918 г. также отправили Святейшему доклад и представление, в которых объясняли свое видение ситуации. По их мнению, правящий архиерей стремился к авторитарному стилю управления, не желал разделять, как того требовало время, власть на равных основаниях с представителями демократического клира и мирянами.

В частности, члены Совета писали о том, что из 13 депутатов в нем осталось лишь 9 человек, так как за год по различным обстоятельствам из него выбыло четверо. Оставшиеся и по возрасту, и по уровню образования, с их точки зрения, соответствовали определениям Поместного Собора. В качестве доказательства приводились данные о составе Совета по состоянию на сентябрь 1918 г.: священник Тихон Черницкий (44 года, окончил Воронежскую духовную семинарию); псаломщик Дмитрий Поярков (30 лет, окончил Воронежскую духовную семинарию); мирянин Александр Фаддеев (51 год, окончил университет); мирянин Борис Рукин (39 лет, окончил духовную академию); мирянин Иван Коротков (50 лет, имел звание учителя начального училища); мирянин Дмитрий Мироненко (60 лет, имел домашнее образование); мирянин Иван Петренко (60 лет, имел домашнее образование); мирянин Василий Бахметьев (моложе 30 лет, учился в 6 классе реального училища) ¹¹⁸.

Таким образом, заявители как бы показывали, что по возрасту, да и по образовательному уровню тоже члены Воронежского совета вполне соответствовали предъявляемым требованиям. Однако в качестве главного аргумента в пользу сохранения Совета назывался его демократический, выборный, а значит, соответствующий духу времени характер. Члены Совета прямо писали патриарху, что выстроить полноценные отношения с прихожанами в новых условиях у священноначалия без выборного учреждения просто не получится: «В настоящее, исключительное по своему характеру время, во главе епархии непременно должно стоять строго выборное учреждение, ибо только паства, только народная церковная организация может заступить и отстоять церковь с Божией помощью и ее достояние от всех нападений. Но это возможно только в том случае, если во главе епархии будет стоять учреждение, пользующееся доверием воронежской паствы. Естественно, что таким доверием может пользоваться учреждение только выборное» ¹¹⁹.

Члены Совета пытались преувеличить свою роль в жизни епархии. В докладе говорилось о том, что кроме них никто лучше не мог исполнять обязанности по «изысканию новых епархиальных средств, а, главным образом, по расходованию сих средств» ¹²⁰. В частности, Совет смог ассигновать 1 млн руб. на содержание духовно-учебных заведений, «сверх тех смешных ассигнований», которые выделялись причтами на епархиальном съезде. Помимо этого, были также найдены и выделены средства на поддержание работы консистории,

¹¹⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 43. Л. 6 – 6 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 9.

¹²⁰ Там же. Л. 9 об.

«которая иначе могла прекратить свое существование». Последняя фраза звучит особенно цинично, учитывая изначальный конфликт совета с присутствием консистории.

«Епархиальный церковный совет считает справедливым и совершенно необходимым во имя блага Воронежской церкви оставить выборный епархиальный совет в том виде, в каком он существовал до сего времени», – так завершался призыв Совета к высшей церковной власти ¹²¹.

Однако священноначалие в лице патриарха посчитало подобного рода доводы не вполне убедительными. Стало со всей очевидностью понятно, что совет пытается взять на себя функции не только консисторского присутствия, но и правящего архиерея, что в условиях политического кризиса могло привести к катастрофическим для епархии последствиям. Сохранить Воронежский епархиальный церковный совет в текущей обстановке не представлялось возможным.

Вместе с тем архиепископ Воронежский Тихон (Никаноров) 7 октября 1918 г. докладывал патриарху о том, что полностью упразднить совет также не представляется возможным ввиду того, что советская власть отказывалась признавать консисторию и готова была взаимодействовать лишь с выбранным учреждением ¹²². Желая оказать давление на правящего архиерея, большевики грозились отобрать архиерейский дом, лишив, по сути, епархиальное управление удобного для работы помещения.

«Местная гражданская власть требует, чтобы я очистил весь занимаемый архиерейский дом в монастыре для помещения в нем почтово-телеграфного управления Воронежского округа. Назначен был для сего недельный срок, который уже истекает 23 сего октября. На все просьбы со стороны монастырского управления об отзыве такого распоряжения или замене его другим, даже более пригодным для почтово-телеграфного управления монастырским зданием, отвечают отказом. Мало того, что выселяют меня из архиерейского дома, но требуют, чтобы вся мебель была оставлена на месте. Исполнение такого требования будет равносильно фактическому упразднению епархиального управления, ибо без столов, без мебели, даже без более или менее пригодного помещения ни консистория, ни епархиальный совет существовать не может» ¹²³, – жаловался патриарху воронежский архиепископ Тихон (Никаноров).

В итоге 18 октября 1918 г. святейший патриарх Тихон (Беллавин) и Высший церковный совет приняли решение пойти на определенный компромисс и до созыва епархиального совета, который должен был окончательно определить структуру управления кафедрой, учредить епархиальный совет в составе как членов консистории (протоиереев А. Спасского, Г. Алферова, священника М. Девицкого), так и представителей от епархиального церковного совета (священника А. Пояркова, псаломщика Д. Пояркова, мирян А. Фаддеева и Б. Рукина) ¹²⁴.

Заключение

Таким образом, история противостояния канонической власти в лице правящего архиерея и нового выборного «демократического» учреждения в лице Воронежского епархиального церковного совета в конечном счете завершилась благодаря вмешательству в дело святейшего патриарха Тихона (Беллавина). Архиепископу Тихону (Никанорову) было предоставлено право созыва епархиального совета, органа хоть и компромиссного, но все же состоявшего из числа более лояльных к правящему архиерею лиц, нежели епархиальный церковный совет.

Образовавшееся в Воронежской епархии в ходе революционных событий двоевластие демонстрирует всю сложность переживаемого времени, отражает попытку построения религиозной жизни на новых началах, обернувшуюся в реальности лишь борьбой за власть внутри клира. Демократический орган духовенства и мирян, коим себя позиционировал Воронежский епархиальный церковный совет, внес сумятицу в местное церковное управление,

¹²¹ Там же. Л. 12 об.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. Л. 20.

¹²⁴ Там же. Л. 16.

еще раз показав справедливость евангельского учения о том, что «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Мф. 12: 25)».

Список источников

- Бахметьев В.Я. 1917. К вопросу о свободной Церкви Христовой. *Воронежские епархиальные ведомости*, 16: 369–373.
- Вестник церковного единения. Воронеж, 1917. 3 августа.
- Воронежский Телеграф. Воронеж, 1917. 15 марта.
- Журнал Воронежского Епархиального Собрания делегатов от духовенства и мирян. 1917. Воронежские епархиальные ведомости, 20: 177–206.
- От 1–5 мая 1917 года за № 2668 о привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении. 1917. *Церковный вестник*, 18–19: 111–115.
- От 16–18 мая 1917 года за № 3102 о некоторых изменениях в существующей ныне организации епархиального управления. 1917. *Церковный вестник*, 22–23: с. 141.
- От Воронежской духовной консистории к сведению духовенства епархии. 1917. *Воронежские епархиальные ведомости*, 24: 265–267.
- Попов Т., свящ. 1917. Вынужденное слово. *Воронежские епархиальные ведомости*, 17: 385–394.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831 (Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода). Оп. 1. Д. 43 (Об упразднении Воронежского церковного совета и об оставлении до созыва епархиального собрания Воронежской духовной консистории).
- Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1. 1918. Москва: 33.

Список литературы

- Беглов А.Л. 2021. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. Москва, Индрик, 1047.
- Белова И.Б. 2014. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. Москва, АИРО-XXI, 431.
- Иконников С.А. 2024. Исторический путь кафедры православного богословия Воронежского сельскохозяйственного института (1913–1918 гг.). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 3(71): 60–69.
- Кузнецов В.Д. 2022. Русская Православная Церковь в эпоху революций 1917 года в России. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*, 2: 191–196.
- Резухин П.С. 2023. Создание и деятельность приходских советов в Тульской епархии в 1917–1918 гг. *Церковный историк*, 2(12): 47–55.
- Сапелкин Н.С. 2018. Воронежская епархия в период Великой русской революции. *Воронежский вестник архивиста*. Вып. 16. Воронеж, Фортуна: 137–150.
- Фирсов С.Л. 2021. Революция 1917 года и проблема «демократизации» Русской Церкви. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: материалы всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена: 51–67.

References

- Beglov A.L. 2021. Pravoslavnyj prihod na zakate Rossijskoj imperii: sostoyanie, diskussii, reformy [Orthodox Parish at the End of the Russian Empire: Status, Discussion, Reforms]. Moscow, Indrik, 1047.
- Belova I.B. 2014. Vynuzhdennye migranty: bezhency i voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Rossii [Forced Migrants: Refugees and Prisoners of War of the First World War in Russia]. 1914–1925 gg. Moscow, AIRO-XXI, 431.
- Ikonnikov S.A. 2024. Istoricheskij put' kafedry pravoslavnogo bogosloviya Voronezhskogo sel'skohozyajstvennogo instituta (1913–1918 gg.) [The Historical Path of the Department of Orthodox Theology of the Voronezh Agricultural Institute (1913–1918)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(71): 60–69.

- Kuznecov V.D. 2022. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v epohu revolyucij 1917 goda v Rossii [The Russian Orthodox Church in the Era of the Revolutions of 1917 in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizajna. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki*, 2: 191–196.
- Rezuhin P.S. 2023. Sozdanie i deyatel'nost' prihodskih sovetov v Tul'skoj eparhii v 1917–1918 gg. [Creation and Activity of Parish Councils in the Tula Diocese in 1917–1918]. *Cerkovnyj istorik*, 2(12): 47–55.
- Sapelkin N.S. 2018. Voronezhskaya eparhiya v period Velikoj russkoj revolyucii [Voronezh Diocese during the Great Russian Revolution]. *Voronezhskij vestnik arhivista*. Vyp. 16. Voronezh, Fortuna: 137–150.
- Firsov S.L. 2021. Revolyuciya 1917 goda i problema «demokratizacii» Russkoj Cerkvi [The Revolution of 1917 and the Problem of “Democratization” of the Russian Church]. *Revolyuciya 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzglyady: materialy vsrossijskoj nauchnoj konferencii*. Sankt-Peterburg: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena: 51–67.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.02.2025

Поступила после рецензирования 26.02.2025

Принята к публикации 28.02.2025

Received 09.02.2025

Revised 26.02.2025

Accepted 28.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иконников Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, философии и социально-политических дисциплин, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3094-9271](https://orcid.org/0000-0002-3094-9271)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Ikonnikov, Doctor of Sciences in History, Head of the Department of History, Philosophy and Socio-Political Disciplines, Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University, Voronezh, Russia

УДК 93

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-445-454

EDN SJSZMI

Оригинальное исследование

Школьное историческое образование в 1918–1930-х гг.: от демонтажа к новым практикам

Ермоченко К.П.

Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4
Email: ermochenko.konstantin@gmail.com

Аннотация. В статье выявляются особенности становления и развития нового школьного исторического образования в 1918–1930-х гг., формируемого после отказа от «буржуазной истории», структурно-содержательный контент которого находился под влиянием руководителей строительства советского государства. История как самостоятельная учебная дисциплина в системе школьного образования, выступая в роли носителя идеологических установок в рассматриваемый период, оказалась втянута в советский эксперимент по построению нового общества с сопутствующим становлением концепции «нового человека». Советская действительность не могла принять опыт имперской России в вопросе школьного строительства. Автор приходит к выводу о том, что избежать реформ в сфере школьного исторического образования 1918–1930-х гг. было невозможно, потому что его традиционная добольшевистская основа противоречила ценностным установкам советской власти.

Ключевые слова: советское государство, единая трудовая школа, история, историческое образование, обществоведение

Для цитирования: Ермоченко К.П. 2025. Школьное историческое образование в 1918–1930-х гг.: от демонтажа к новым практикам. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 445–454. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-445-454. EDN: SJSZMI

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

History Teaching in Schools in 1918–1930s: From the Unmaking to New Practices

Konstantin P. Ermochenko

Smolensk State University,
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia
E-mail: ermochenko.konstantin@gmail.com

Abstract. The article reveals the formation and evolution peculiarities of the new approach to teaching history in schools from 1918 to 1930s that formed after the denial of ‘Bourgeois History’ and was influenced by Soviet leaders. At that time, History, being a separate academic discipline, was involved in the society constructing experiment and incorporated in the establishment of the ‘new man’ concept as an ideo-logical tool. The imperial educational traditions were incompatible with the new Soviet realities. Thus, the objectives, structure and content of history education requested new practices corresponding to Bolshevik ideology. The Soviet education system was based on the model of a unified labor school, with the main focus on polytechnicism and ideological orientation. The author comes to the conclusion that educational reforms in 1918–1930s were inevitable in history teaching because of the contradiction between pre-Bolshevik teaching traditions and new Soviet value orientations.

Keywords: Soviet State, unified labor school, History, history teaching, social studies

For citation: Ermochenko K.P. 2025. History Teaching in Schools in 1918–1930s: From the Unmaking to New Practices. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 445–454 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-445-454. EDN: SJSZMI

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Сразу после прихода к власти партии большевиков в строящейся советской школе, поставленной на путь реформирования и поиска новых путей своего развития, руководством страны был запущен процесс коренного пересмотра прежней добольшевистской системы школьного образования. Дореволюционные идеологические и методологические основы образовательного процесса были отвергнуты, потому что они основывались на идейных принципах прежнего строя. Центральное место в вопросе обновления и модернизации школы отводилось уместности сохранения предмета истории в своей традиционной дореволюционной форме. 1918–1930-е гг. стали неоднозначным временем для предметной исторической подготовки, задачи, структура и содержание которой в условиях советской действительности нуждались в обновлении.

Школа в условиях новой власти вплоть до начала 1930-х гг. представляла собой совокупность обновляющихся, замещающих друг друга образовательных практик, в основе которых лежали идеологические и структурные компоненты модели строящегося советского государства. Только к 1930-м гг. школа сложилась как общественно-государственная система, организационная структура которой была способна удовлетворить образовательно-социальные запросы советского государства и общества. В связи с этим концепт «советской» школы в 1918 – начале 1920-х гг. в условиях *строящегося* государства является не корректным, так как не способен адекватно осмыслить его формирующийся опыт [Гришаев, 2014]. Первые советские практики в отношении школы нашли свое отражение в 1918 г., когда на смену имперской образовательной системы пришла единая трудовая школа РСФСР (ЕТШ), «Основные принципы» и «Положения» [Положение о Единой Трудовой Школе РСФСР 1918, 1974, с. 112–114] которой впоследствии заложили концепцию новой школы советской России: дореволюционные разнотипные школы были заменены обязательными государственными школами, в которых учащиеся осваивали образовательную программу вместе. Так, школа постепенно становилась светской, а раздельное обучение мальчиков и девочек уходило в прошлое. Труд, трудовое воспитание должны были стать основой образовательного процесса, до середины 1920-х гг. остававшегося беспредметным.

Реформаторы школьного образования четко осознавали, что история является тем эффективным инструментом, который способен воспитать коммунистические ценности: каждый участник образовательного процесса (советский школьник и его родители, советское учительство) с ее помощью (*или под ее нажимом*) должен выработать стойкую уверенность в правоте всех выдвинутых задач по строительству «нового общества» советской России. Но, с другой стороны, было и четкое понимание того, что любое знание о прошлом без нужного идеологического подкрепления в интересах новой власти может для советской школы стать мощным инструментом по формированию ложных (не отвечающих запросам большевистского руководства) и неправильных представлений и интерпретаций в отношении исторических событий и явлений. Последнее могло стать источником формирования и распространения антисоветских взглядов в школьной среде. Лидеры советской России не могли этого допустить ни при каких условиях, потому что ими уже был запущен процесс строительства «нового» общества. Школа играла важную роль проводника советских идей. Она оказалась в условиях постоянного контроля со стороны власти. Таким образом, вопрос о необходимости изменений в школьном историческом образовании был порожден советской

действительностью, которая не приняла установки и опыт царской России. Настороженное отношение новой власти к истории, как отмечает современный исследователь Е.Ю. Быкова, было вызвано той осознанной и видимой *опасностью*, которую несло в себе дореволюционное историческое образование: этот «старый мир» необходимо было разрушить до основания [Быкова, 2011].

Объект и методы исследования

Актуальность исследования. Сегодня в условиях быстро меняющегося мира гуманитарное знание оказывается уязвимым с позиции устойчивости своих объяснительных подходов и трактовок и нуждается в постоянном развитии, дополнении и поиске актуальных научных основ (обновленных фактов, законов и принципов) для защиты своих дисциплинарных полей. История занимает свое особое место в системе гуманитарных наук, играет важную роль при сохранении и укреплении национального самосознания, очень чутко реагирует на значимые социальные изменения в обществе. Школьное историческое образование в современной России в условиях актуальных общественно-политических запросов постоянно подвергается реформированию, пересмотру отдельных структурно-содержательных компонентов.

Объектом исследования выступает школьное историческое образование в 1918–1930-х гг.

Целью исследования является изучение процесса становления советского школьного исторического образования в 1918–1930-х гг., выявление его особенностей и механизмов включения в общую модель советской школы.

Принцип историзма и научной объективности стали основой данного исследования, а сравнительный и историко-системный методы позволили последовательно и комплексно изучить конкретные исторические факты и явления и выявить причинно-следственные связи между ними.

Вопросу развития школьного исторического образования рассматриваемого периода посвящено достаточное количество научных работ отечественных историков (Л.П. Бущик [Бущик, 1961], Н.А. Багрова [Багрова, 2001], М.И. Кругляк [Кругляк, 1964], коллективный труд В.П. Витевицкого и С.Я. Лавренова [Витевицкий, Лавренов, 2016] и др.). Отдельно следует назвать работу «Очерки по истории советской школы за 30 лет» (Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский), которая для современных исследователей является ценным источником при изучении вопроса становления и развития советской школы и педагогики первых десятилетий новой власти [Константинов, Медынский, 1948]. Научные труды названных авторов легли в основу данного исследования.

Результаты и их обсуждение

«История – это прошлая политика, а политика – сегодняшняя история» (Э. Фримен)

Перед строителями «новой» школы стояла задача критического переосмысления опыта дореволюционной системы школьного исторического образования и на его основе создания обновленной ее модели, в которой на первом месте стоял бы *идеологический компонент*, провозглашенной В.И. Лениным 2 октября 1920 г. в программном выступлении на III Всероссийском съезде РКСМ *концепции коммунистической морали* [Курилов, 2019]. Изучение рассматриваемой проблематики неразрывно связано с деятельностью авторитетных идеологов этого периода. В первую очередь следует назвать А.В. Луначарского (первый нарком просвещения до 1929 г.) и историка М.Н. Покровского. Систематичность истории – буржуазной науки, согласно его мнению, оказывала негативное влияние на процесс формирования личности школьника. В 1928 г. в докладе «Общественные науки в СССР за 10 лет» М.Н. Покровский определил историю как «*политику, опрокинутую в прошлое*» [Покровский, 1965]. Автор подверг критике не только целостность исторического образования, но и само историческое знание в целом, считая его лишь буржуазной выдумкой. Всякое историческое произведение, как считал

советский историк-марксист, это «образчик известной *идеологии* как отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом интересов классовых» [Покровский, 1933]. Отметим, что в исследованиях 1940-х гг. авторы открыто связывали провалы начального этапа строительства советской школы с именем М.Н. Покровского, антиисторичная концепция преподавания которого, в частности, и привела к этому [Кругляк, 1964]. Советский историк, член-корреспондент АН СССР (1939) А.В. Шестаков роль М.Н. Покровского в исторической науке рассматривал как последовательное немарксистское понимание исторических процессов в России. Историк удалось выявить следующие ошибки, которые были допущены авторитетным идеологом своего времени в отношении истории и исторического образования: во-первых, было неправильно отрицать объективность науки вообще и истории в частности («история – это политика, обращенная в прошлое»), во-вторых, «вульгарный экономический материализм», как считал А.В. Шестаков, был не уместен при объяснении исторических явлений. Постепенно взгляды М.Н. Покровского стали рассматриваться как препятствие распространения официально признанных научных знаний о прошлом: на смену «покровскому» пришло «сталинско-академическое» направление исторических исследований [Киселев, 2019].

В свою очередь, А.В. Луначарский призывал избавить «новую» школу от любого влияния «*мертвой истории*» со своим запоминанием событий и фактов ради самого запоминания. Это все «мертвое обременение памяти», от которого необходимо было оказаться. Все старое, отмечал нарком просвещения, «заражено известными пороками... это ночь человеческого полусуществования, потому что оно заполнено развитием общества классового, ...несправедливого...» [Луначарский, 1918]. Большую роль нарком отводил личности самого историка, который оказывается зависимым от того, к чему привык, скованным всем тем, что в быту у него создается и происходит. Ему сложно вырваться из этих условий, но он должен это сделать, чтобы каждый человек, который его слушает, почувствовал бы себя отдельным советским «строителем», участвующем в строительстве общем, коллективном. Новая история должна была воспитывать, как считал А.В. Луначарский, «чувство принадлежности к некоему «мы», судьба которого стала бы более интересной и важной, чем своя собственная. На смену «мертвой истории» должна прийти история общественно-политического строя, классовой борьбы, история труда [Луначарский, 1918, с. 89]. Такие взгляды советских идеологов оказали огромное влияние на судьбу систематического исторического образования в советской школе, от которого впоследствии было предложено отказаться.

В.И. Ленин писал о том, что нужно «пробуждать в людях, обладающих научной подготовкой, сознание всей мерзости использования науки для личного обогащения и для эксплуатации науки человека человеком...» [Бушник, 1961]. Преподаватели общественно-исторических школьных дисциплин раньше других кругов учительства должны были определить свое политическое кредо, свое отношение к новой власти и к принятым большевистским руководством методам строительства советской школы. Работа учителя в новых условиях так или иначе касалась вопросов политики и государственной власти. О тесной взаимосвязи политической и исторической науки еще в XIX в. говорил профессор Оксфордского университета историк Эдуард Фримен (1823–1892), считая историю «*прошлой политикой, а политику – сегодняшней историей*» [Горелов, 2017].

Работа Наркомпроса по пересмотру дореволюционной учебной литературы и составлению учебных программ

Чтобы помочь определиться учителю «новой» школы с его пока еще идеологическими колебаниями, было навязано советское печатное слово: начался процесс пересмотра всех имеющихся учебников и учебных пособий дореволюционного времени, некоторые из которых были все-таки допущены к использованию Наркомпросом. Это труды Е.А. Звягинцева,

К.В. Сивко, «Очерки и рассказы для первоначального знакомства с историей» П.М. Шестакова, Н.В. Тулупова. Книги В.Я. Уланова («Опыт методики истории в начальной школе»), Д.А. Жаринова и Н.М. Никольского и др. применялись учителями в качестве пособий для подготовки к занятиям.

Но большая часть всех учебников и учебных пособий по истории по своему содержанию и направленности противоречила основным принципам строящейся советской школы, не соответствовала новым задачам, которые ставились перед ней. В связи с этим возникла необходимость в создании новых, советских учебников для учащихся и методических руководств для учителей. 3 февраля 1919 г. соответствующим отделом Наркомпроса, занимавшимся непосредственно вопросами реформирования школы, был объявлен конкурс, практическим результатом которого должны были стать составленные для учащихся I и II ступени книги по истории. Участникам конкурса предлагалось составить четыре учебные книги по следующим разделам и ступеням:

- «– по русской истории для учащихся школ I ступени;
- по истории культуры для первых годов обучения в школе II ступени;
- по новейшей истории в связи с историей социализма на Западе и в России;
- по русской истории для учащихся школы II ступени и самообразования».

Предполагалось вручение премии за составленную и принятую учебную книгу в каждой категории. Ее размер утверждало жюри конкурса, в состав которого вошел и М.Н. Покровский. Но комиссия Отдела реформы школы, которая организовывала этот конкурс, в первую очередь по причине глубоких программно-методических разногласий в самом Отделе (также из-за краткости сроков конкурса и недостаточной подготовленности самих педагогов) не смогла выполнить задуманное. Уже на второй день после решения о проведении конкурса коллегией Отдела реформы было одобрено соответствующее постановление съезда заведующих губернскими отделами народного образования (губоно) о том, что при условии недостаточности сил и технических средств массовые формы работы с детьми не смогут всюду с самого начала достигнуть нормального уровня школ I и II ступени.

В докладах заседаний коллегии Отдела реформы все отчетливее стали звучать мнения о том, что задача разработки планов занятий по истории является по существу неразрешимой. Многие докладчики вовсе высказывались за ликвидацию истории как отдельного учебного предмета (Б.З. Вульф). Постепенно значение занятий историей члены Отдела стали ограничивать лишь развитием детских интересов: во-первых, история замещает сказку, тем самым дает детям «пищу для воображения», картины прошлого, которые предоставляет история, возбуждают мысль детей; во-вторых, история дает возможность перерабатывать те представления, которые отложились в результате «мифического» и «фантастического» периода детского мышления. Эта система взглядов на значение занятий историей на заседании коллегии Отдела реформы школы была охарактеризована в качестве биогенетического подхода, чуждого материалистическому пониманию исторической науки.

22 февраля 1919 г. на заседании коллегии Отдела реформы Д.А. Кашинцев предложил заменить занятия историей, которые имели место в школе I ступени, на совокупность простейших данных и сведений из сферы культуры, этнографии и других дисциплин. Историю должно было заменить обществоведение, построенное в методологическом отношении по принципу: от ближайшего, видимого через наглядность к отвлеченному (*от живого восприятия к обобщениям и выводам*). Предлагалось материал этого курса изучать в первые годы в порядке *ретроспекции* («от современных объектов к грубейшим историческим примитивам»), в последующие годы – в порядке *проспекции* («от данного объекта до пределов современных технических, социальных и других усовершенствований») [Бушик, 1961, с. 105].

Следует отметить, что предложение Д.А. Кашинцева, как и программа проекта нового курса, была принята, то есть вопросы и проблемы *обществоведения*, которые возникали как в школьной среде во время живых бесед, так и в семье, подменяли традиционные исторические темы, которые уже были не способны решать конкретные реальные задачи, стоявшие перед

строящейся советской школой. Для укрепления связи обучения с трудовой деятельностью и замены «нудного вызубривания» школьного учебника по русской истории Отдел реформы школы Наркомпроса предложил конкретную схему анализа основных вопросов обществоведения. Предполагалось изучение деревни, города и России в целом на основе выявления основных занятий населения, его особенностей быта, культурных проявлений, характеристики системы управления и организации хозяйственной жизни.

Такая последовательность изучения вопросов, по замыслу составителей программы курса обществоведения, позволила бы наполнить обучение живыми и творческими беседами о различных явлениях окружающей общественной жизни с постепенным переходом от более близкого к более далекому. Именно такой принцип построения учебного материала способствовал бы, как указывали идеологи, воспитанию новых граждан – строителей коммунизма в советской школе, ставшей, согласно программе РКП(б) 1919 г., орудием перерождения коммунистического общества. Последнее положение выступало теоретической основой школьного реформирования 1920-х гг. в целом [Программа РКП(б) 18–23 марта 1919 г., 1974, с. 18].

К осени 1919 г. в работе самого Наркомпроса по определению системы и содержания школьного курса истории наметились существенные изменения: Отдел реформы школы, программно-методические ошибки которого на IX съезде партии осудил А.В. Луначарский, был закрыт. Следует отметить, что главным результатом этих структурных изменений в работе Наркомпроса стало не столько упразднение важного Отдела реформы школы, сколько, как отмечал А.В. Луначарский, произошедшая смена курса, а вместе с ней – смена руководящих лиц [Некрылова, 2023].

Уже в начале 1920 г. Отдел ЕТШ Наркомпроса приступил к переработке учебных планов и программ для школ I и II ступени, которые в скором времени были опубликованы. Так, для школы I ступени было отведено 11 часов, чтобы учащиеся могли освоить общественно-исторические темы. Это все согласно плану-максимуму. В школе II ступени на эти же вопросы давалось 20 часов. Их идейно-политическое значение подкреплялось новыми учебными предметами. Так, например, возник курс экономической географии или политики. Содержание учебного материала в опубликованных примерных программах для школ II ступени раскрывалось уже более последовательно, конкретно и систематично, признавая необходимость давать исключительно фактическое обоснование всем возникающим событийным представлениям. Так, история постепенно становится всего лишь описанием различных сторон человеческой жизни. То есть речь идет об отсутствии самостоятельных систематических учебных курсов по всем разделам отечественной и всемирной истории. Можно согласиться с мнением современных исследователей (Некрылова О.Г., Аверкиева А.А.), которые считают, что конкретно-исторические условия 1920-х гг. оказали сильное влияние на процесс преподавания истории в школе: освоение ее общих представлений и понятий привело к тому, что она просто растворилась в курсе школьного обществоведения [Там же, с. 53].

От истории к обществоведению

Обществоведение, построенное на синтезе различных учебных дисциплин (право, экономика и др.), в 1921 г. с выходом в свет новых программ лишало историю статуса самостоятельного учебного предмета. Оно включало в себя сведения из истории культуры, социологии, политической экономии и других научных дисциплин и областей, суммарность которых как бы должна была затмить необходимость в преподавании единого школьного курса истории. Так, по мнению советского историка М.Н. Коваленского, обществоведение могло бы законы общественной жизни сделать доступными для маленьких «творцов новой жизни» [Современность и обществоведение в школе, 1923, с. 88]. В условиях ЕТШ эта идея никаким образом не противоречила общей направленности содержания учебно-

воспитательной работы, проводимой в области гуманитарного образования. Так, обществоведение стало играть роль одной из главных мировоззренческих дисциплин в школе.

С 1923 г. под руководством ГУСа началось введение комплексных школьных программ. В них большая роль отводилась вопросам и проблемам, изучение и решение которых, по мнению их авторов, были полезны для учащихся и имели тесную связь с трудовой деятельностью. С этого же года параллельно преподаванию обществоведения вводилась политграмота. Введение этого курса было необходимо для возобновления систематической работы по политическому просвещению в школах. Следует отметить, что он был хорошо продуман, включал в себя вопросы и задания, которые позволяли не просто прочно усваивать материал и запоминать основные события, но и фиксировать в памяти идеологически важную информацию. Например, зная точную дату жизни и смерти В.И. Ленина, предлагалось определить, в каком возрасте он умер (ответ: в возрасте 53 г.). Часто сами формулировки заданий могли давать политически «верную» информацию: «Годовой доход московского митрополита выражался приблизительно в сумме 81 000 руб. Митрополит получал 300 % этой суммы. Сколько школьников можно было бы содержать на эти деньги, если содержание школы на 120 учащихся обходится в год в 4 500 руб.?». Не решая задачу, уже понятно, кого можно считать врагом советского государства! [Липатова, 2020]. Обществоведение стремительно стало входить в программы советских школ. В 1925 г. в основу его изучения была положена схема: «природа, труд, общество» [Чемоданова, 2009]. В таких условиях школьные общественно-исторические дисциплины существовали вплоть до конца 1920-х гг. Но политические задачи форсированной индустриализации, коллективизации и нарастание классовых противоречий в деревне в начале 1930-х гг. подтолкнули советское руководство к пересмотру роли истории в идеологическом обосновании происходивших в стране процессов.

Восстановление истории в качестве самостоятельной учебной дисциплины

1930-е гг. прошли под лозунгом отказа советской власти от экспериментаторства в отношении школьного исторического образования и истории в целом. Началось постепенное возобновление предметного принципа преподавания, восстановление классно-урочной системы. История смогла вернуть себе статус самостоятельного школьного предмета с признанием ее методологических принципов непрерывности и преемственности в изучении исторического прошлого. Она должна была направить мысль ребенка на «элементарное понятие об истории как науке о человеческом обществе в различные отрезки времени» [Лубков, 2024].

Постановление 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» признавало необходимым излагать исторические факты и события в хронологической последовательности с обязательной характеристикой исторических деятелей. Возникла необходимость в подготовке новых учебников по истории, которые стали бы для учителя и ученика эффективным средством при организации процесса обучения в живой занимательной форме. Учебная литература прошлых годов со своей абстрактностью для этого уже не подходила [Директивы ВКП(б), 1947, с. 204–205]. Началась одновременная работа (соревнование) московской и ленинградской группы авторов по составлению учебника по истории СССР. Содержание и структуру исторического образования в младших классах определял введенный в этом же году элементарный курс всеобщей истории и истории СССР. К середине 1935 г. макеты учебников были подготовлены, но, получив отрицательные отзывы в ЦК, так и не были применены на практике. В 1936 г. вводилась специальная комиссия под председательством А.А. Жданова, которая непосредственно занималась вопросами подготовки новой учебной литературы по истории. Для учителей в отдельных журналах («Борьба классов», «Исторический журнал» и др.) размещались важные методические рекомендации по историческим вопросам и темам. «Краткий курс истории ВКП(б)» 1938 г. стал теоретической базой для школьного исторического образования [Ефимов, 1957]. Постепенно возобновлялась подготовка учителей истории: в 1933 г. был создан Отдел

подготовки учителей и университетов (с 1936 г. – Управление высшей школой), в которых возобновлялось историческое образование. В этом же году было принято постановление о создании постоянно действующей системы повышения квалификации учительских кадров. Уже в 1934 г. Наркомпрос провел целый комплекс образовательных встреч и совещаний с учителями истории, общим итогом которых стали выработанные рекомендации по улучшению профессиональной подготовки учителей.

Заключение

Таким образом, 1918–1930-е гг. стали для школьного исторического образования и истории как учебной дисциплины в целом временем экспериментального поиска новых основ существования этой группы гуманитарных наук, способных принять и эффективно транслировать в среде обучающихся идеологию советской власти, став «орудием по созданию нового человека». Это время метания и поиска «верного» метода производства «нужной» истории. Оно породило многие ошибки, главная из которых, как нам кажется, – это отсутствие минимума систематического знания по истории, которое могли получить за это время учащиеся. Но без этого история не стала бы столпом государственной системы воспитания и образования граждан советской России. Очевидно, что история не могла в условиях новой власти основываться на добольшевистских началах. Поэтому до конца 1920-х гг. ее заменили разрозненные исторические экскурсии и отдельные обществоведческие сюжеты. История стала всего лишь кратким социологическим обзором явлений и событий прошлого через политграмоту, историю культуры и другие курсы. Она рассматривалась как нечто второстепенное, как подготовительный этап для становления настоящего. Проблем развития исторического образования в «новой» школе нельзя было избежать. Советская власть диктовала свои правила, ценностным основам которых история не должна была противоречить. Единство прошлого и советского настоящего до начала 1930-х гг. не смогло справиться с идеологическим разрывом этих времен.

Список источников

- Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. 1947. Сборник документов. 1917–1947. Москва, Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 320 с.
- Положение о Единой Трудовой Школе РСФСР 1918 года. 1974. Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917–1973 гг. Москва, Педагогика, 137 с.
- Программа РКП(б) 18–23 марта 1919 г. 1974. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917–1973 гг. Москва, Педагогика, 18 с.

Список литературы

- Багрова Н.А. 2001. Становление школьного исторического образования в советской России, 1920–1934 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 26 с.
- Бущик Л.П. 1961. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. Москва, Акад. пед. наук РСФСР, 542 с.
- Быкова Е.Ю. 2011. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 1(13): 1–11.
- Витевицкий В.П. 2016. История как предмет в школах России. Часть 2. Историческое образование в СССР. *Обозреватель*, 8(319): 68–91.
- Горелов М.М. 2017. Эволюция и континуитет английских политических традиций в творчестве Э. Фримена. *Диалог со временем*, 58: 271–284.
- Гришаев О.В. 2014. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920 – начале 1930-х годов. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 15(186): 144–151.
- Ефимов А.В. 1957. Изучение в СССР новой истории за сорок лет (1917–1957). *Вопросы истории*, 10: 220.

- Киселев М.Ю. 2019. М.Н. Покровский и его школа: оценка историка А.В. Шестакова. В. кн.: Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях (Томск, 3–4 октября 2019 года). Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет: 149–153.
- Константинов Н.А., Медынский Е.Н. 1948. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. Москва, Гос. уч.-пед. издательство Министерства просвещения РСФСР, 472 с.
- Кругляк М.И. 1964. Развитие основных взглядов на преподавание истории в русской школе. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 43.
- Курилов В.А. 2019. «Строитель коммунизма» и «homo religiosus» в философском дискурсе марксистско-ленинской этики. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 3: 102–117.
- Липатова Н.В. 2020. Политобразование как инструмент формирования нового человека в 1920-е гг. В кн.: *Ленин... История, память, образ: трансформация исторической памяти в пространстве регионов в XX – начале XXI в.* Материалы II Международного форума историков, философов и публицистов. К 150-летию со дня рождения В.И. Ленина (22 апреля – 08 октября 2020 года). Ульяновск, Автономная некоммерческая организация «Центр стратегических исследований Ульяновской области»: 182–184.
- Лубков А.В. 2024. О едином учебнике истории. Концептуальные подходы. *Преподаватель XXI век*. 1(2ч): 311–312.
- Луначарский А.В. 1918. О преподавании истории в коммунистической школе. Москва, Отд. подготовки учителей Ком нар. прос. Союза коммун. Сев. обл., 20 с.
- Некрылова О.Г. 2023. Школьное историческое образование в 1920-е – начале 1930-х гг.: от рабочих книг к стабильным учебникам. *Вестник педагогических наук*, 2: 51–55.
- Покровский М.Н. 1965. Избранные произведения. Москва, Мысль, 132 с.
- Покровский М.Н. 1933. Историческая наука и борьба классов. Выпуск I. Москва, Гос. социально-экономическое изд-во, 325 с.
- Современность и обществоведение в школе. 1923. *Сб. статей под ред. М.Н. Коваленского и В.Н. Шульгина*. Москва, Новая Москва: 88.
- Чемоданова Т.В. 2009. Становление школьного обществоведческого образования в 1920-е годы (на материалах Нижнего Поволжья). *Альманах современной науки и образования*. 1–2: 173–176.

References

- Bagrova N.A. 2001. Stanovlenie shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v sovetskoj Rossii, 1920–1934 gg. [The Formation of School Historical Education in Soviet Russia, 1920–1934]. Abstract. dis. ... cand. ist. nauk. Rostov-na-Donu, 26 p.
- Bushhik L.P. 1961. Ocherk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR [An Essay on the Development of School Historical Education in the USSR]. Moscow, Akad. ped. nauk RSFSR, 542 p.
- Bykova E.Ju. 2011. Reformirovanie sistemy shkol'nogo obrazovaniya v SSSR v 1917–1930 gg.: organizacionnye i ideologicheskie aspekty [The Reform of the School Education System in the USSR in 1917–1930: Organizational and Ideological Aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 1(13): 1–11.
- Vitevickij V.P. 2016. Istorija kak predmet v shkolah Rossii. Chast' 2. Istoricheskoe obrazovanie v SSSR [History as a Subject in Russian Schools. Part 2. Historical Education in the USSR]. *Obozrevatel'*, 8(319): 68–91.
- Gorelov M.M. 2017. Jevoľucija i kontinuitet anglijskih politicheskikh tradicij v tvorchestve Je. Frimena [The Evolution and Continuity of English Political Traditions in the Works of E. Freeman]. *Dialog so vremenem*, 58: 271–284.
- Grishaev O.V. 2014. Istoricheskoe obrazovanie i istoricheskaja nauka v SSSR v konce 1920 – nachale 1930-h gg. [Historical Education and Historical Science in the USSR in the Late 1920s and Early 1930s.]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija*, 15(186): 144–151.
- Efimov A.V. 1957. Izuchenie v SSSR novej istorii za sorok let (1917–1957) [The Study of Modern History in the USSR for Forty Years (1917–1957)]. *Voprosy istorii*. 10: 220.
- Kiselev M.Ju. 2019. M.N. Pokrovskij i ego shkola: ocenka istorika A.V. Shestakova. Tvorcheskaja laboratorija istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiju so dnja rozhdenija B.G. Mogil'nickogo). Materialy

- Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation] (Tomsk, 3–4 oktjabrja 2019 goda). Tomsk, Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet: 149–153.
- Konstantinov N.A., Medynskij E.N. 1948. Oчерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет [Essays on the History of the Soviet School of the RSFSR for 30 Years]. Moscow, Gos. Uch.-ped. izdatel'stvo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 472 p.
- Krugljak M.I. 1964. Razvitie osnovnyh vzgljadov na prepodavanie istorii v russkoj shkole [The Development of Basic Views on Teaching History in Russian Schools]. Abstract. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 43.
- Kurilov V.A. 2019. "Stroitel' kommunizma" i "homo religiosus" v filosofskom diskurse marksistsko-leninskoj jetiki ["The Builder of Communism" and "homo religiosus" in the Philosophical Discourse of Marxist-Leninist Ethics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 3: 102–117.
- Lipatova N.V. 2020. Politobrazovanie kak instrument formirovanija novogo cheloveka v 1920-e gg. In.: *Lenin... Istorija, pamjat', obraz: transformacija istoricheskoi pamjati v prostranstve regionov v XX – nachale XXI v. Materialy II Mezhdunarodnogo foruma istorikov, filosofov i publicistov. K 150-letiju so dnja rozhdenija V.I. Lenina* [Lenin... History, Memory, Image: The Transformation of Historical Memory in the Space of Regions in the XX – Early XXI Century. Proceedings of the II International Forum of Historians, Philosophers and Publicists. On the 150th Anniversary of the Birth of V.I. Lenin] (22 aprelja – 08 oktjabrja 2020 goda). Ul'janovsk, Avtonomnaja nekommercheskaja organizacija "Centr strategicheskikh issledovanij Ul'janovskoj oblasti": 182–184.
- Lubkov A.V. 2024. O edinom uchebnike istorii. Konceptual'nye podhody [About the Unified History Textbook. Conceptual Approaches]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1(2ch): 311–312.
- Lunacharskij A.V. 1918. O prepodavanii istorii v kommunisticheskoi shkole [About Teaching History in a Communist School]. Moscow, Otd. podgotovki uchitelej Kom nar. pros. Sojuza kommun. Sev. obl., 20 p.
- Nekrylova O.G. 2023. Shkol'noe istoricheskoe obrazovanie v 1920-e – nachale 1930-h gg.: ot rabochih knig k stabil'nyim uchebnikam [School Historical Education in the 1920s and Early 1930s: From Working Books to Stable Textbooks]. *Vestnik pedagogicheskikh nauk*, 2: 51–55.
- Pokrovskij M.N. 1965. Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. Moscow, Mysl', 132 p.
- Pokrovskij M.N. 1933. Istoricheskaja nauka i bor'ba klassov. Vypusk I. [Historical Science and the Class Struggle. Issue I]. Moscow, Gos. social'no-jekonomicheskoe izd-vo, 325 p.
- Sovremennost' i obshhestvovedenie v shkole [Modernity and Social Studies at School]. 1923. *Sb. statej pod red. M.N. Kovalenskogo i V.N. Shul'gina*. Moscow, Novaja Moskva: 88.
- Chemodanova T.V. 2009. Stanovlenie shkol'nogo obshhestvovedcheskogo obrazovanija v 1920-e gody (na materialah nizhnego povolzh'ja) [The Formation of School Social Science Education in the 1920s (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. 1–2: 173–176.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.02.2025

Received 04.02.2025

Поступила после рецензирования 30.04.2025

Revised 30.04.2025

Принята к публикации 05.05.2025

Accepted 05.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ермоchenko Константин Павлович, аспирант кафедры истории и права, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Konstantin P. Ermochenko, Postgraduate Student of the Department of History and Law, Smolensk State University, Smolensk, Russia

[ORCID: 0009-0004-1150-4287](https://orcid.org/0009-0004-1150-4287)

УДК 94 (470): 911.373

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-455-471

EDN SSIWYO

Оригинальное исследование

Частушки как аксиологический источник по истории Великой Отечественной войны

Шаповалов В.А. , Шаповалова С.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: Shapovalov@bsuedu.ru, Shapovalova_S@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются частушки в качестве аксиологического источника в период лихолетья 1941–1945 гг. Показаны причины того, что частушка стала самым любимым жанром музыкально-поэтического фольклора в военные годы: острота и оперативность поднимаемых проблем, «нарушение правил по правилам», эмоциональный накал при малой форме. В период войны параллельно бытовали литературные и народные частушки. Литературные частушки в своей основе являлись отражением политики советского правительства по поддержке патриотизма в обществе посредством инструментов культуры. Противоречия в сознании демонстрировали фронтовые частушки, носившие названия потаенных или заветных. В них, в отличие от патриотических частушек тыла, показывалась вся неприглядная изнанка войны: промахи командования, противопоставление штабников и бойцов в окопах, измены жен в тылу, походно-полевые жены командиров и т. д. Но в них не было призывов к свержению существующего режима. Все это вместе делает частушки ценным аксиологическим источником по проблемам Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: фольклор, частушка, культура, Великая Отечественная война, аксиология

Для цитирования: Шаповалов В.А., Шаповалова С.П. 2025. Частушки как аксиологический источник по истории Великой Отечественной войны. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 455–471. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-455-471. EDN: SSIWYO

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Ditties as an Axiological Source on the History of the Great Patriotic War

Vladimir A. Shapovalov , Svetlana P. Shapovalova

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: Shapovalov@bsuedu.ru, Shapovalova_S@bsuedu.ru

Abstract. The article examines ditties as an axiological source of the hard times of 1941–1945. The study reveals the reasons for ditty, also known as “chastushka”, becoming the most beloved genre of musical and poetic folklore during the war years. These include the acuteness and promptness of the problems raised, “breaking the rules according to the rules”, and a combination of emotional intensity with a small literary form. During the war, literary and folk ditties existed in parallel. Literary ditties, at their core, reflected the Soviet government's policy of supporting patriotism in society through cultural instruments. Contradictions in consciousness were demonstrated by front-line ditties called secret or cherished ones. Unlike the patriotic ditties of the rear, they showed the unsightly underside of the war: command blunders, opposition of staff officers and fighters in the trenches, betrayal of wives in the rear, field wives of commanders, etc. At the same time, they did not call for the overthrow of the existing regime. All this together makes ditties a valuable axiological source on the problems of the Great Patriotic War.

Keywords: folklore, ditty, culture, the Great Patriotic War, axiology

For citation: Shapovalov V.A., Shapovalova S.P. 2025. Ditties as an Axiological Source on the History of the Great Patriotic War. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 455–471 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-455-471. EDN: SSIWYO

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Учитывая, что в массовом сознании частушка – это малый жанр русского музыкально-поэтического фольклора, для которого характерны шутливое четверостишие, трехстишие или двустиишие, на первый взгляд, трудно ее соотнести с лирическим осмыслением трагических событий Великой Отечественной войны. Но частушка в годы военного лихолетья была самым распространенным и любимым жанром песенного фольклора. Она звучала повсюду – на фронте и в тылу, в партизанских отрядах и во временно оккупированных врагом районах [Тищенко, 1957, с. 8; Власова, 1964, с. 193]. И на это были причины. Частушка, зародившаяся в крестьянской молодежной среде второй половины XIX в., характеризовалась отражением всего нового в реальной жизни и в сознании людей [Селиванов, 1990, с. 5], являя собой, по сути, ментально озвученное песенное фото конкретных событий. Главное же, частушка представляла речевой жанр, посредством которого можно было публично высказать то, что не подлежало оглашению иным образом [Олсен и др., 2021, с. 258]. Это делало ее особенно привлекательной. В то же время необходимо учитывать, что основная часть частушек по содержанию имеет грустный, элегический характер (не всегда по исполнению) [Селиванов, 1990, с. 14]. Все эти характерные жанровые черты нашли свое отражение и в событиях XX в., включая Великую Отечественную войну, показывая противоречия в сознании людей через частушки официального характера и «заветные», которые исполнялись в очень узком кругу и в тайне от начальства, раскрывая неприглядную подноготную военных будней. Аксиологический дискурс бытования частушки в годы Великой Отечественной войны не являлся еще объектом исследования, и это обуславливает актуальность настоящей работы.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает бытование русской частушки в годы Великой Отечественной войны. Методология исследования представлена комплексным подходом, поскольку исследование в своей основе синергетическое, объединяет методологии фольклористики, истории, социальной психологии. Также необходимо выделить метод контент-анализа (анализ содержания письменных источников) и сравнительно-исторический метод.

Результаты и их обсуждение

Частушка стала объектом пристального изучения фольклористов-профессионалов (В.Ю. Крупянской, С.И. Минц, Э.В. Померанцевой (Гофман), Н.П. Колпаковой и многих других собирателей народного творчества) уже в начальный период войны. В первую очередь записи фронтового фольклора велись в госпиталях, так как выздоравливающие после операций или лечения бойцы имели достаточно свободного времени [Пушкарев, 1995, с. 29]. Буквально в первые дни войны бытование фронтового фольклора интересовало не только маститых профессионалов, но и вчерашних выпускников филологических факультетов. В частности, выпускник 1941 г., в будущем известный ученый-фольклорист Лев Никитич Пушкарев (1918–2019) первые свои записи фронтового фольклора сделал уже в октябре, когда надел форму 3-го Коммунистического батальона Бауманского района столицы [Там же, с. 9]. В своих воспоминаниях упоминания о первых записях фронтовых частушек он датирует ноябрем-декабром 1941 г. [Там же, с. 13]. Понимание ценности фольклорных текстов для возможного

изучения аксиологических установок, бесспорно, присутствовало. Собиратели фронтового фольклора, в частности частушек, вели записи исходя из того, что устный текст, реально существующий лишь в процессе своего изложения, за его пределами не хранится целиком в памяти исполнителя, а каждый раз более или менее точно воссоздается по своей сюжетно-жанровой и тематической модели с помощью различных стилистических клише, которые принадлежат всему жанровому фонду, а не только данному произведению [Мелетинский и др., 2021, с. 11]. Поэтому было очень важно записать частушку в момент исполнения, когда ее реальное бытование приходилось на конкретное событие, отражая определенные умозаключения и настроения. Частушки начала войны и ее завершения кардинально отличаются по своему настрою, демонстрируя изменения аксиологических установок в сторону позитива.

В послевоенный период вопросом бытования частушки в годы Великой Отечественной войны занимались, в частности, В.А. Тонков, А. Тищенко [Тонков, 1951; Тищенко, 1957]. В их работах указывалось, что частушка была наиболее распространенной формой устно-поэтического жанра на фронте, ее задачей было поддерживать патриотизм на передовой и в тылу, среди партизан, доносить советским гражданам в краткой рифмованной форме основные призывы партии и правительства. Это резюмировалось частушками о частушках [Там же]. В рассматриваемый период академичностью отличается исследование З.И. Власовой. Автор разделила в своей работе частушки, бытовавшие в военные годы, на литературные, народные фронтовые и тыла, партизанские, выделяя в особую группу частушки, бытовавшие на временно оккупированных территориях и концентрационных лагерях [Власова, 1964, с. 149–193]. З.И. Власова подчеркивала особую связь текстов частушек с советской идеологией. Такой же обстоятельностью отличается работа Ф.М. Селиванова, вышедшая накануне развала СССР [Селиванов, 1990, с. 5–28].

В 1990-х гг. появилась возможность введения в научный оборот текстов «заветных» частушек, где содержалась критика советских порядков, но, как правило, не было открытого призыва к свержению существовавшего режима. Среди частушек были и фронтовые [Кулагина, 1999, т. 2]. А.В. Кулагина на примере собирателя политических и эротических частушек А.Д. Волкова показывает бытование «заветных частушек», специфику их письменной фиксации в военные годы [Там же, т. 2, с. 5–14].

В рамках современного дискурса рассматриваемой проблематики необходимо выделить работы американской исследовательницы Лоры Олсон Остерман, С.Б. Адоньевой, С.П. Шаповаловой, И.В. Истоминой [Адоньева, 2006; Олсон и др., 2016; Шаповалова и др., 2024, с. 192–203]. В указанных исследованиях особо подчеркивается уникальная жанровая специфика частушки – возможность при ее исполнении высказать открыто то, что в иных условиях невозможно. Отсюда частушка приобретала социальный подтекст. Особый интерес среди профессионалов-фольклористов приобретают региональные сборники частушек, подчеркивающие местные фольклорные и региональные нюансы [Праведников, 2024].

Подводя итог весьма краткому историографическому обзору бытования частушки в годы Великой Отечественной войны, особо стоит остановиться на работе Л.Н. Пушкарева «По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика» [Пушкарев, 1995]. Хотя в названии и присутствует слово «воспоминания», данный труд соединяет в себе литературный жанр воспоминаний и монографический дискурс. Автор подробно разбирает специфику фронтового фольклора, его разновидности, различия в бытовании и указания, на что следует обратить внимание будущим исследователям фронтового фольклора. Все это подробно резюмируется личными фронтовыми воспоминаниями.

Перед непосредственным анализом бытования частушки в годы Великой Отечественной войны необходимо кратко проиллюстрировать зарождение этой краткой песенки и причины ее большой привлекательности. Частушка как фольклорный музыкально-поэтический жанр появился в пореформенный период. Термин «частушка» – первоначально одно из названий коротких, «частых» (в отличие от «протяжных», «долгих») песен. В литературу данный термин был введен Глебом Успенским в очерке «Новые народные стишки» (1889), где он впервые дал краткий анализ нового явления в народных песнях. Со временем слово «частушка» приобрело

значение общего термина для коротких народных песен. На первых этапах бытования этих песен в различных регионах они имели разные названия: просто песни, короткие песни, коротушки, припевки, прибаски, причудни, собирашки, прибрешки и т. д. [Селиванов, 1990, с. 7–8].

Привлекательность частушки с момента ее зарождения в первую очередь была связана с возможностью «излить душу» в короткой песенке, затрагивая те темы, которые нельзя было поднять в других условиях. По сути, частушка отчасти стала наследницей традиций скоморошских выступлений, для которых социальные шутки являлись «нарушением правил по правилам» [Артемова, 2015, с. 104].

Начало войны советский народ воспринял как акт вероломной агрессии, страшное несчастье и бедствие, разрушившее привычный образ жизни и мирное счастье миллионов людей, сделав будущее весьма тревожной и неопределенной перспективой. Это сразу же нашло отражение в частушках, в первую очередь сочиненных в девичьей среде [Кулагина, 1999, с. 8]. Особую тревогу в них вызывала неопределенность их будущих взаимоотношений с возлюбленным, уходящим на фронт. Подавляющая часть опубликованных частушек о войне – это женские частушки, показывающие войну с точки зрения девушки, проводившей многого защищать отчизну. Данные частушки полны тревоги, тоски и печали:

Двадцать первого июня
Стал германец воевать.
Мне молоденькой девчонке,
Невесело гулять.

Я не думала с миленочком
Разлуку получить,
Но проклятая Германия
Сумела разлучить [Селиванов, 1990, с. 164].

Текст частушек показывает, как за короткий период времени с начала войны поменялось мировосприятие девушек с позитива если не на негатив, то на неизвестность завтрашнего дня. При этом они готовы встать рядом с милым в одном ряду:

Милый мой фашистов бьет,
И мне тоже хочется.
Дайте, дайте пулемет –
Буду пулеметчица [Там же, с. 168].

Добровольцы первых месяцев войны на призывных пунктах при отправке на фронт пели следующие частушки:

Дайте новую винтовочку,
Патронов сорок пять.
Я любимую отчизну
Поеду защищать!

Нет на свете большей чести,
Как в бою фашистов бить,
Воевать с народом вместе,
Милой Родине служить! [Пушкарев, 1995, с. 15].

В частушках Великой Отечественной войны рельефнее, чем в предыдущие периоды, проявилось единство личного и общего. Исходя из особенностей частушек как лирического

жанра общее историческое стало личным делом их героев. Пусть покажется наивным, когда девушка просит дать винтовку или пулемет, встать в один строй с любимым, но это личное, искреннее и выстраданное [Там же, с.11]. То есть при исполнении частушки проявляется выравнивание возможной диспропорции между «Я – для себя» и «Я – для других». За счет самопрезентации исполнителя в частушечном тексте происходит интеграция «Я» внутреннего в поле внешних «Я» [Адоньева, 2004, с. 171].

Патриотический настрой, отраженный в частушках, после начала войны подтверждают свидетельства очевидцев. В частности, Л.Н. Пушкарев вспоминает: «...мы, комсомольцы и коммунисты, добровольно пошедшие на фронт, свято верили в то, что скорее умрем, но не отступим с занятого нами рубежа. Настроение у всех было боевое, паники не было и следа – и не только у нас, но и у тех работниц, которые оставались в Москве и работали на оборону. Осознание, что мы – их последние защитники, поддерживало наш дух и вселяло надежду» [Пушкарев, 1995, с. 13]. Противоборствующая сторона подтверждала решимость советских бойцов, для которых, как пелось в частушке, «Нет на свете больше чести / как в бою фашистов бить!» Так, немецкий генерал Готхард Карл Федор Хейнрици (1886–1971) в своем письме к жене от 20 июля 1941 г., написанном в окрестностях Бобруйска, отмечал: «Русский очень силен и дерется отчаянно, наущаемый своими комиссарами. Сражения в лесополосе особенно тяжелы. Внезапно, откуда ни возмись, появляется русский и открывает огонь, атакуют колонны, отдельных бойцов или машины со связными... Все предыдущие компании были, скорее, детской игрой по сравнению с нынешними боями. Наши потери значительны, а у русских очень, очень велики» [Хейнрици, 2018, с. 70]. Примечательна цитата из письма к жене и от 1 августа 1941 г.: «Пока что совершенно не ясно, чем здесь закончится дело. Нет ощущения, что русский однажды захочет сдаться, как это сделал француз» [Там же, с. 71].

Советское правительство с первых дней войны четко осознавало роль культуры, в частности музыкальной, для подъема патриотических настроений у граждан, сплочения общества. Данному направлению уделялось серьезное внимание, что нашло отражение в литературных частушках. Эти частушки сочинялись известными советскими поэтами (А. Прокофьевым, С. Кирсановым, В. Лебедевым-Кумачом, М. Червинским и др.) и поэтами-частушечниками, вышедшими из народной среды, такими как А. Анисимова, Л. Кулешова [Власова, 1964, с. 157]. Литературная частушка очень широко публиковалась в печати, а в последствии вошла в различные фольклористические сборники. Данные частушки сильно отличались от народных своей поэтической завершенностью и утонченностью. Специалисты отмечают, что если снять указание автора под заголовком и встречающееся в тексте слово «частушки», то эта частушка ничем не отличалась от обычных стихов [Там же]. Литературная и народная частушки взаимозаимствованием различных поэтических приемов обогащали друг друга. В качестве примера можно привести следующие литературные частушки:

Эй, сильней гвоздите, пушки!
Гром, лети во все концы!
Эх, петть без музыки частушки
Не привыкли мы, бойцы (С. Кирсанов) [Там же].

Мы народ совсем не грубый!
Чистота у нас закон.
Эх, мы фашистам чистим зубы
День и ночь со всех сторон (В. Лебедев-Кумач) [Там же].

Хвалебные частушки об И.В. Сталине, как правило, сочинялись в литературной среде:

Бьем мы с воздуха фашистов,
Бьем на суше и морях.

Мы со Сталиным любимым
Победим во всех боях [Тонков, 1951, с. 23].

Скоро, скоро час настанет,
Скоро праздничек придет,
Наш любимый маршал Сталин
Нас к победе приведет [Там же].

Особенностью частушек начала войны было проникновение в их тексты лозунгов и призывов, которые встречались в приказах Верховного Главнокомандования и в выступлениях И.В. Сталина. Л.Н. Пушкарев вспоминает: «Так, зимой 1941 г. мною были записаны такие частушки, включавшие в себе заключительные призывы из выступления В.М. Молотова 22 июня 1941 г. и неоднократно повторявшиеся в докладах и приказах И.В. Сталина о том, что «наше дело правое».

Лезут к нам в страну бандиты
Бешено оравую.
Будут все они разбиты –
Наше дело правое!

Прочь, фашистская рука,
Грязная, кровавая!
Мы за Родину идем,
Наше дело правое! [Пушкарев, 1995, с. 14].

Социальные психологи центральным фактором убеждения считают экспрессию уверенности. Выражение уверенности в речи является ключевым фактором, от которого зависит убеждение тех, к кому обращаются, что и демонстрируют лозунги и призывы в вышеуказанных частушках. Однако слишком многословное выражение уверенности может привести к обратному результату и вызвать у слушающих сопротивление [Ильин, 2017, с. 109]. Короткие песенки с яркими лозунгами и призывами как нельзя лучше подходили на роль музыкально-поэтического инструмента, придающего уверенность через воздействие на эмоции.

В частушках Гитлера и фашистов нередко лишали человеческого облика и называли каким-либо животным, которое должно было вызывать не только саркастический смех, но и омерзение. Назвать человека каким-либо животным – самая распространенная форма ругательства. Но это должно было быть животное, которому приписывались отрицательные качества [Пропп, 1976, с. 49]. Как, например, жаба:

Жаба Гитлера рожала –
Вся Германия дрожала:
Ждите горя, ждите бед –
Появился людоед [Селиванов, 1990, с. 185].

Жаба и лягушка в славянской народной традиции – нечистые животные, родственные змеям и другим гадам. Как и змей, лягушек и особенно жаб считают ядовитыми. Чаще всего в жабах и лягушках видят обращенных ведьм [Гура, 1997, с. 380, 385]. Создан весьма нелицеприятный образ.

В частушках ход войны непосредственно связывали с личностью Гитлера, и во многих из них слышались призывы к расправе с ним. Например:

Найди, туча, найди, гром,
И разбей фашистский дом,
Убей в доме за стеной
Злого Гитлера с женой [Селиванов, 1990, с. 168].

Сказали: Гитлер с одним глазом,
Милый, выколи второй!
Позавидуют подружки,
Скажут: «Милый твой герой!» [Там же, с. 186].

Неменьшее презрение, если не большее, выражается в частушках в адрес полицейских. Оскорбительная терминология, по сути, является тропом для образа предателей, усиливая негативную образность:

Полицай, полицай,
Какой ты полудурок!
А ты Родину продал
За один окурок! [Там же, с. 169].

Полицай, полицай,
Лютая уродина,
Тебя люди ненавидят,
Презирает Родина [Там же].

Полицаям предрекают в частушках неминуемую кару:

Полицаи, полицаи,
За что вы воюете?
Все равно вы партизанской
Пули не минуете [Там же].

Весьма трагичны по эмоциональному накалу частушки об оккупации, плене, концентрационных лагерях. В них, несмотря на четверостишие, показана страшная детализация немецкого плена, ожидания угнанных в неволю или находящихся в концентрационных лагерях:

Не боюсь я мороза,
Не боюсь холоду,
А боюсь, что в Германии
Помру от голоду [Там же, с. 170].

Надоела пайка хлеба
И солома мятая,
Еще больше надоела
Немчура проклятая [Там же, с. 171].

Фашисты в лагерь нас загнали
Близ самого озерушка.
Кто не пожил в лагерях,
Тат не знает горюшка [Рождественская, 1956, с. 395].

Весьма примечательна полная отчаяния элегия о невозможности вернуться домой из Германии, пусть если даже придётся идти по шпалам:

Неужели я пропала,
Неужели пропаду,
Неужели я по шпалам
Из Берлина не приду? [Там же].

Частушка содержательно указывает поведенческую программу (код), как поступать или не поступать в определенных ситуациях. На оккупированных территориях частушка подсказывала, что делать:

Никогда нас не загнать
В армию в германскую
Я найду себе приют –
Землянку партизанскую [Селиванов, 1990, с. 172].

Противоречия в народном сознании периода войны отражены в так называемых «заветных» или «потаенных» частушках, в основном сочиненных на фронте. Их авторами были мужчины-фронтовики. В отличие от опубликованных частушек, мужские окопные частушки раскрывают не героическую или трагическую сторону войны, а показывают низменную, изнаночную ее сторону, сатирически обличают внутренние отношения в стране и в разных слоях общества. В заветных частушках основными темами выступали не совсем хорошая подготовка советских войск к войне; одни в тылу, другие – на фронте; измены жены в тылу; штабники и окопники; женщины на войне; ППЖ и т. д. [Кулагина, 1999, т. 2, с. 8–9].

Записывались и пересказывались друг другу потаенные частушки в основном в госпиталях. Собирателем политических и эротических частушек А.Д. Волков (сам лежал в госпиталях семь раз) в этой связи вспоминает: «Понятно, ... в боевой обстановке даже об анекдотах не было и речи, но как только выдавалось свободное время: в госпиталях, запасных полках, в учебных частях, – то солдаты в частушках хоть и не пели, а тихонько, без свидетелей, пересказывали друг другу о своем наболевшем, недовольство свое выражали таким образом» [Там же, с. 5]. За исполнение и коллекционирование потаенных частушек, содержащих критику в адрес существовавших порядков и властей, можно было получить реальную статью. Но накипевшая душевная боль, переживания за себя, родных и страну в узком дружеском кругу способствовали бытованию заветных частушек.

Первые очевидные неудачи советских войск летом-осенью 1941 г. стали предметом бытования следующих потаенных частушек, в которых в саркастической форме предпринимались попытки осмысления причин этих неудач:

Знаем мы, что за кордоном
Враг к войне готовится.
Против танков, самолетов
У нас штык да конница [Кулагина, 1999, т. 2, с. 65].

В запасном полку нас учат
В строю петь, маршировать,
А когда нас в бой послали –
Не умеем воевать [Там же, с. 70].

Что коварные фашисты –
Сразу все мы поняли,
А вот «славные» чекисты
Это проворонили [Там же, с. 65].

Об указанных и иных причинах неудач в начальный период войны на фронте и в тылу шли дискуссии, но в очень узких кругах, состоящих из доверенных лиц, так что вышеуказанные частушки стали музыкально-поэтическим проявлением данных дискуссий и в целом нелицеприятных вопросов в обществе. Эти вопросы и суждения отражены в личных дневниках фронтовиков, хотя их ведение было категорически запрещено. Но, несмотря на запреты, их вели. Например, выписка из дневника старшего лейтенанта А.Н. Дзяковича от 2.10.1941: «Вчера в 6:00 немцы открыли ураганный огонь артиллерии, минометов, автоматов. Непрерывно громила немецкая авиация... Вся связь уничтожена. Мы разбиты вдребезги. От дивизии на шоссе Москва – Смоленск вырвалось едва 300 человек. Патрон достали на 3 суток, без пищи, без сна» [Дзякович, 2010, с. 16]. В этих строках видна растерянность, недоумение автора и за словами «Мы разбиты вдребезги» – отголоски присутствовавшей паники. Все эти строки объединяет один вопрос: «Почему?».

Отражена в заветных частушках и жесткая система сталинского контроля над обществом, его сознанием:

Мы с тобой, великий Сталин,
Победим во всех боях.
Не на немцев и японцев –
На своих наводим страх [Кулагина, 1999, т. 2, с. 66].

Век не будет наша Родина
Фашистскою рабой –
Рабство нам свое дороже,
За него идем мы в бой! [Там же, с. 67]

Среди советских военнослужащих в начальные периоды войны было предчувствие, что победа над фашистской Германией достанется страшной ценой и не всегда оправданно жестокими мерами:

Сколь фашисту ни гордиться,
На колени упадет!
Но до этого, наверно,
Пол-России перебыет [Там же].

Ситуация на фронте –
Ни вперед и ни назад:
Впереди тебя – фашисты,
Позади – заградотряд [Там же, с. 74].

В отдельных потаенных частушках фронтовиков отчетливо прослеживается если не ненависть, то глубокая обида на советскую власть за перегибы при построении социализма, которые трагически сказывались на их родных:

Раскулачен дед, а бати
И костей-то не сыскать...
А я гадов, изуверов
От фашистов шел спасать [Там же, с. 73].

В отношении автора(ов) данной частушки, исходя из понятийного аппарата социальной психологии, была нарушена так называемая дистрибутивная справедливость, когда за весь трудовой путь его семьи или отдельных ее членов не было должного вознаграждения, а

последовали репрессии. Здесь необходимо учитывать, что справедливость – одно из базовых понятий человеческой культуры [Гулевич, 2011, с. 9, 13].

Негативная эмоциональная экспрессия рассматриваемой частушки вкупе с другими потаенными частушками на первый взгляд может указывать на двойственный характер спецпоселенцев из кулаков, да и колхозного крестьянства в целом в годы Великой Отечественной войны. Один из основных отечественных специалистов по проблеме «Сталин и народ» В.Н. Земсков в этой связи отмечает: «Весь массив исторических источников, которыми мы располагаем, непосредственно свидетельствует о том, что советские крестьяне в массе своей не рассматривали колхозную землю как якобы чужую и отнюдь не собирались отдавать ее без боя чужеземным завоевателям.

Крестьян глубоко возмущало стремление чужеземных завоевателей захватить их землю, политику потом, хлеб, скот...» [Земсков, 2014, с. 123].

Для зарубежных историков, да и либеральных российских специалистов феномен массового патриотизма в годы войны колхозного крестьянства стал камнем преткновения. Им непонятно, как могли колхозники и репрессированные кулаки в годы военного лихолетья поддерживать своих угнетателей – большевиков. Особенно это касается спецпереселенцев – бывших кулаков, проживавших в спецпоселках. В качестве их позиции в годы войны приведем пример спецпереселенцев Ставропольского края. По данным на 1 октября 1941 г., здесь на учете состояло 43 360 чел. Во второй половине 1942 г. «кулацкая ссылка» Ставропольщины оказалась в зоне немецкой оккупации. В январе 1943 г. оттуда вместе с отступающими немцами бежало 412 спецпереселенцев, которых считают коллаборационистами. Остальные спецпереселенцы остались верны Родине. В письме секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) А. Орлова от 11 июня 1946 г., адресованном лично И.В. Сталину, указывалось: «В период Великой Отечественной войны из спецпереселенцев было призвано 7 636 человек, причем многие из них отличились в боях за советскую родину. Из спецпереселенцев 3 чел. удостоены звания Героев Советского Союза, 303 человека награждены орденами и 471 чел. медалями и 564 чел. возвратились в спецпоселки инвалидами Отечественной войны. В период временной оккупации края спецпереселенцы в своем абсолютном большинстве были настроены за Советскую власть, против гитлеровских захватчиков. Имели место факты, когда спецпереселенцы прятали у себя коммунистов и евреев» [Там же, с. 125].

Отсюда, несмотря на наличие обид и серьезных претензий к представителям советской власти, в потаенных частушках нет призывов к свержению существовавшего политического режима.

Мужчины-фронтовики, отчасти и женщины в заветных частушках часто поднимали тему весьма щекотливую и нелюбимую для них – измену жен в тылу и развлечение командиров и штабистов «бабами». Бытование подобных частушек на фронте указывало на распространенность данных социальных явлений, которые не поднимали патриотический настрой у бойцов. В качестве примера частушек об измене жен фронтовиков можно привести следующие частушки:

Ну и что, если гуляю?!
В том прок, а не порок:
С фронта письма получаю,
От майора – сахарок! [Кулагина, 1999, т. 2, с. 68].

Треплют: «Бога не боюсь –
С парторгом изменяю».
Муж вернется – отряхнусь,
Мол, ничего не знаю [Там же].

В качестве любовников традиционно выступают офицеры-тыловики, снабженцы и местные руководители, имеющие возможность скрасить быт своим «дамам сердца». Противопоставление бойцов и штабистов видно из нижеприведенной частушки:

Занимаются в штабах
С бабами любовью,
А бойцы за их забавы
Расплатились кровью [Там же, с. 78].

Война с ее жизненной непредсказуемостью, тяжестью быта, вынужденной разлукой мужей и жен, женихов и невест изменила саму парадигму взаимоотношений мужчин и женщин. Как отмечает О. Будницкий, специально занимавшийся данной проблематикой, эти взаимоотношения не могли не измениться в условиях, когда 34 млн мужчин были призваны в армию накануне и во время войны, и это привело к тому, что женщины остались без мужчин, а мужчины – без женщин. Причем соотношение женщин и мужчин на фронте и в тылу было прямо противоположным; в тылу был дефицит мужчин, на фронте – женщин.

Заметным явлением в годы войны стал «институт» походно-полевых жен (ППЖ), которых еще называли «трофейными женами» [Будницкий, 2011, р. 412].

Отношение мужчин и женщин упростились, по выражению медсестры Эстер Маньковой (Файн), «до минимума». Бойцы подходили к «этому вопросу», по словам Файн, еще проще, чем офицеры, без обиняков задавая вопрос встретившейся девушке: «Даешь или не даешь?» В случае отказа миролюбиво посылали «к такой-то матери» и шли спать. Доступ к женскому телу стал «валютой» в период войны. Сержант Николай Иноземцев записал 18 февраля 1944 г. примечательный диалог: девушка-регулировщица, у которой украли (девушка употребила совершенно непечатный синоним) шинель, пообещала сослуживцам: «Кто найдет – получит пол-литра и 8 раз» [Там же, с. 413].

Такая минимизация отношений мужчин и женщин в военных условиях привела к тому, что отдельные представители командного состава считали подобное чем-то само собой разумеющимся, их неотъемлемой привилегией. В данном контексте примечательно письмо анонимного автора И.В. Сталину от 6 мая 1943 г., где он жаловался вождю народов на представителей контрразведки, которые ни во что не ставят командиров частей и соединений Западного фронта, подрывают их авторитет и т. п. И один из доводов против контрразведчиков заключался в следующем: «От командиров отняли женщин. А каждый контрразведчик имеет одну или две» [Лившин, 2003, с. 110]. Это было искреннее возмущение. То есть командиров «незаконно» лишили женской ласки, и это возмутительно. Анонимный автор явно был из командного состава.

С другой стороны, дефицит женщин на фронте давал девушкам, особенно из «низов», шанс устроить свою личную жизнь, и в отдельных случаях это получалось даже с представителями высшего командного состава [Будницкий, 2011, р. 412]. Подобную «охоту» за выгодными женихами отражает частушка:

Для любви война – раздолье,
Золотое времечко:
Лейтенантов и майоров
Щелкала, как семечки [Кулагина, 1999, т. 2, с. 77].

Все вышеприведенные фронтовые нюансы взаимоотношений мужчин и женщин нашли отражение в потаенных частушках, отражая их упрощенность, мимолётность, определенную корысть и простое стремление к плотским удовольствиям.

В случае конфликтной ситуации при исполнении заветной частушки (стало известно начальству) можно было сослаться на один нюанс жанровой специфики частушки. Так, существует определенный зазор между социальным статусом исполнителя и той персоной, которой он представляет себя в акте речи. То есть можно отнестись ответственность за высказывание к роли, а не к «эго» [Адоньева, 2004, с. 185]. Хотя в военное время это вряд ли могло бы реально помочь, если в частушках поднимались вопросы военно-политического дискурса.

В ходе коренного перелома в войне и переходе советских войск через государственную границу тональность частушек поменялась: оживилась тематика скорой победы, причем даже тема снизывалась (традиционно в фольклоре!) с темой весны, несущей избавление от фашистского гнета, победы добра над злом.

Зазвучали жизнеутверждающие, озорные частушки:

Скоро, скоро Троица,
Скоро лес покроется,
Скоро Гитлера убьют –
Сердце успокоится [Пушкарев, 1995, с. 77].

Скоро, скоро снег растает,
Ручеечки потекут,
Скоро фрицев всех погонят,
А бойцы домой пойдут! [Там же].

В строках этих частушек звучит окончательная уверенность в скорой победе.

Бытование фронтовых частушек и на территории врага также было связано с тоской по Родине:

На березке есть полоски
И в немецкой стороне,
Только русские березки
Во сто крат дороже мне! [Там же]

Моросят дожди косые
На Штудгарттовском пути.
Лучше матушки России
Во всем свете не найти... [Там же]

Тема победы еще раз показала, как быстро частушка следовала за текущими событиями. Об этом говорит следующий факт: «...9 мая 1945 года, в День Победы, краснореченская молодежь плясала «Подгорную» на главной улице... Девушка, вышедшая на середину круга, пропела:

Поминай девятый май,
Ворота шире растворяй.
Шире ворота растворяй,
С победой дrolечку встречай.

Частушка была подхвачена и пропета хором гуляющих» [Рождественская, 1956, с. 9].

В контексте бытования частушки в дни победы весьма примечателен еще один факт. Вагоны с подлежащими демобилизации бойцами украшались самими солдатами самодельными лозунгами и надписями, сделанными от руки мелом или другим материалом прямо на стенках вагонов, где также могли быть прибиты фанерные или железные листы. Очень многие надписи были сделаны женской рукой, и это были главным образом частушки [Пушкарев, 1995, с. 113]. В них звучали слова гордости, радости и счастья:

Победители домой
С фронта возвращаются.
Сколько сразу ухажеров –
Глазки разбегаются! [Там же].

Наши славные войска
Родину прославили
И в Берлине на рейхстаге
Красный флаг поставили! [Там же].

Зазвучала тема и будущей счастливой жизни:

Для весенних мы цветов
Грядки приготовим,
Города и села
Быстро восстановим [Рождественская, 1956, с. 402].

Нельзя обойти вопрос, как нашла отражение в частушках послевоенная демографическая ситуация в контексте половозрастных показателей, особенно чувствительных для девушек и молодых женщин. С 1941 по 1946 гг. население в СССР фактически сократилось с 195,4 млн до 170,5 млн человек. При этом количество мужчин работоспособного возраста, т. е. репродуктивного, сократилось с 52,3 млн до 41,5 млн человек, а женщин работоспособного возраста увеличилось с 54,1 млн человек до 55,9 млн человек [Малков, 2020, с. 25]. В половозрастной структуре советского общества был явный количественный перевес в сторону женщин. Мужчин просто не хватало на всех девушек и женщин. Народные частушки, сочинённые девушками, сразу же откликнулись на этот демографический перекос:

Задуманная, дробы,
Дорогая, дробани!
Раньше были ухажеры,
А теперь где они? [Селиванов, 1990, с. 190].

Девочки, война, война,
Девочки, победа!
Девочки, кого любить, –
Остались три деда! [Там же].

Девки по лесу ходили,
Собирали молочай.
Остались у нас ребята,
Хоть баюкай, хоть качай [Там же, с. 195].

Частушки раскрывают главную проблему для создания семьи в послевоенное время – дефицит мужчин репродуктивного возраста. Это озорно обыгрывается в них, указывая в качестве потенциальных женихов дедов и малолетних ребят. Отдельные частушки показывают женские трагедии, когда, не дождавшись женихов с войны, девушки в силу разных причин сходились с великовозрастными мужчинами:

Ты война, ты война,
Скоро уже победа.
А я, дура, не дождала –
Полюбила деда [Там же, с. 188].

Послевоенное сверхизобилие женского пола девушки весьма саркастически обыграли в частушке, в которой чувствуется определенная безысходность:

Девоч много, девочек много,
Девоч некуда девать,
Скоро кони передохнут,
Будем девочек запрягать [Там же, с. 191].

Данная безысходность в плане отсутствия перспективы выхода замуж показана в следующей частушке через прием комического преувеличения в форме гротеска:

Дорогие мои девочки,
Поеду на луну,
Привезу себе лунатика
И вам по одному [Там же, с. 195].

В гротеске преувеличение достигает таких размеров, что увеличенное превращается уже в чудовищное. Оно полностью выходит за грани реальности и переходит в область фантастики [Пропп, 1976, с. 70]. Это и демонстрирует вышеприведенная частушка, но сама суть данного преувеличения всем понятна.

Завершая рассмотрение данной проблемы, хотелось бы отметить, что бойцы на фронте осознавали роль патриотических песен, в частности частушек, создающих эмоциональный накал. Они поднимали их боевой дух и укрепляли ненависть к врагу:

Бьем врага и в хвост и в гриву
Пулеметом, пушкой.
Меж боями в перерыв –
Боевой частушкой [Рождественская, 1956, с. 385].

Эх, частушка, ты частушка,
Слово каждое – снаряд:
Бьет фашистов по макушкам,
Помогает воевать [Там же].

Бойцы, исполняя частушки, подчеркивали, что они сопровождали их как в бою, так и на отдыхе:

Запевай дружной частушки,
Веселее будем жить.
Есть и танки, есть и пушки,
Знаем, чем фашистов бить [Тищенко, 1957, с. 55].

Часто я пою частушки
После боя у костра
Про любимую «катюшу»
И про славные дела [Там же, с. 56].

Заключение

Частушка в силу оперативности поднимаемых тем, «нарушения правил по правилам», задора и легкой запоминаемости в годы Великой Отечественной войны стала любимым жанром музыкально-поэтического фольклора. Советское руководство прекрасно осознавало роль культуры в плане сплочения общества для отпора врагу и поднятия патриотических настроений у людей. Песни, в частности частушки, с их эмоциональным накалом восприятия

как нельзя лучше подходили для этого. В годы войны, особенно в начальный период, заметным культурным явлением были литературные частушки, авторами текстов которых стали профессиональные поэты. Их отличала литературная завершенность и изысканность в отличие от народных частушек. Тем не менее литературные и народные частушки взаимообогащали друг друга всевозможными приемами подачи текста и бытовали параллельно. В тылу авторами частушек выступали, главным образом, девушки, которые поднимали темы проводов на фронт любимого, готовности встать в один строй рядом с ним, делать на местах все для победы, быть верной любимому бойцу и т. п. Девушкам в оккупированных районах и в партизанских отрядах принадлежала пальма первенства при сочинении частушек. Фронтовые частушки, как правило, сочинялись мужчинами-бойцами, и в них показывалась неприглядная изнанка войны. Звучала критика командного состава за определенные промахи; противопоставлялись штабисты и бойцы, сидевшие в окопах; поднимались темы измен жен в тылу, «игры в любовь» командиров с девушками-военнослужащими; демонстрировалась глубокая обида за перегибы при коллективизации и т. д. Эти частушки назывались потаенными или заветными, исполнялись они в узком кругу и в тайне от начальства. В них не было откровенных призывов к свержению советской власти.

Все вышесказанное отражает настроения и ценностные установки работников тыла и бойцов на фронте, показывая противоречия в их сознании. Это делает частушки ценным аксиологическим источником по Великой Отечественной войне.

Список литературы

- Адоньева С.Б. 2004. Прагматика фольклора. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петербургского ун-та; ЗАОТИД «Амфора», 312 с.
- Артемова Ю.А. 2015. Ипостаси смеха. Ритуал, традиция и юмор. Москва, Смысл, 240 с.
- Будницкий О. 2011. Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945). *Cahiers du Monde RUSSE*. 52/2–3: 405–422.
- Великая Отечественная война. 2020. Юбилейный статистический сборник. Под ред. П.В. Малкова. Москва, РОССТАТ, 299 с.
- Власова З.И. 1964. Частушки. Русский фольклор Великой Отечественной войны. Отв. ред. В.Е. Гусев. Москва – Ленинград, Наука: 149–193.
- Гулевич О.А. 2011. Социальная психология справедливости. Москва, Институт психологии РАН, 281 с.
- Гура А.В. 1997. Символика животных в славянской народной традиции. Москва, Индрик, 912 с.
- Деревенские частушки XX века. 2006. Сост. и автор вступ. ст. С.Б. Адоньева. Санкт-Петербург, Изд-во СПбГУ, 531 с.
- Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. 1999. Политические частушки. В 2 т. Сост. А.В. Кулагина. Москва, Ладомир, 500 с. («Русская потаенная литература»).
- Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици. 2018. Под ред. И. Хюртера; пер. с немецкого, предисловие к русск. изд. О.И. Бэйдли, И.Р. Петрова. Санкт-Петербург, Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 328 с.
- Земсков В.Н. 2014. Сталин и народ. Почему не было восстания. Москва, Алгоритм, 240 с.
- Ильин Е.П. 2017. Психология общения и межличностных отношений. Санкт-Петербург, Питер, 592 с.
- Кулагина А.В. 1999. Сатирические частушки-хроники. Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2 т. Т. 2. Политические частушки. Сост. А.В. Кулагина. Москва, Ладомир: 5–14. («Русская потаенная литература»).
- Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. 2021. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. Москва, РГГУ, 285 с. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика).
- Мы все войны шальные дети... Дневники периода Великой Отечественной войны 1941–1945. 2010. Под. ред. В.Н. Данилова и др. Саратов: Госуд. архив Саратовской области, 293 с.
- Олсон Л., Адоньева С. 2021. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской жизни. Москва, Новое литературное обозрение, 520 с.
- Письмо анонимного автора И.В. Сталину [6 мая 1943 года]. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. 2003. Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. Москва, РОССПЭН: 109–110.
- Пропп В.Я. 1976. Проблемы комизма и смеха. Москва, Искусство, 183 с.

- Пушкарев Л.Н. 1995. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. Москва, ИРИ РАН.
URL: https://archive.org/details/po_dorogam_voyny
- Русские частушки. 1956. Сост. Н.И. Рождественская, С.С. Жилина. Москва, Художеств. Литература, 496 с.
- Селиванов Ф.М. 1990. Народная лирическая поэзия последнего столетия. Частушки. Сост., подготовка текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. Москва, Сов. Россия: 5–28 (Б-ка русского фольклора. Т. 9)
- Тонков В.А. 1951. Народное творчество в годы Великой Отечественной войны. Воронеж: Воронежское обл. книгоиздательство, 58 с.
- Частушки. 1957. Сост. и предисл. А. Тищенко. Москва, Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 160 с.
- Частушки. 1990. Сост., вст. стат., подготовка текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. Москва, Сов. Россия, 656 с. (Б-ка русского фольклора; Т. 9).
- Шаповалова С.П., Истомина И.В. 2024. Советская женщина и Великая Отечественная война в контексте народных частушек. *Via in tempore. История. Политология*. Т. 51. 1: 192–203.

References

- Adon'eva S.B. 2004. Pragmatika fol'klora [Pragmatics of Folklore]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta; ZAOTID «Amfora», 312 p.
- Artemova Yu.A. 2015. Ipostasi smekha. Ritual, traditsiya i yumor [Hypostases of Laughter. Ritual, Tradition and Humor]. Moscow, Smysl, 240 p.
- Budnitskiy O. 2011. Muzhchiny i zhenshchiny v Krasnoy armii (1941–1945) [Men and Women in the Red Army (1941–1945)]. *Cahiers du Monde RUSSE*. 52/ 2–3: 405–422.
- Velikaya Otechestvennaya voyna [The Great Patriotic War]. 2020. Yubileynyy statisticheskiy sbornik [Anniversary Statistical Digest]. Pod red. P.V. Malkova. Moscow, ROSSTAT, 299 p.
- Vlasova Z.I. 1964. Chastushki. Russkiy fol'klor Velikoy Otechestvennoy voyny [Chastooshkas. Russian Folklore of the Great Patriotic War]. Otv. red. V.E. Gusev. Moscow – Leningrad, Nauka: 149–193.
- Gulevich O.A. 2011. Sotsial'naya psikhologiya spravedlivosti [Social Psychology of Justice]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 281 p.
- Gura A.V. 1997. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii [Animal Symbolism in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik, 912 p.
- Derevenskie chastushki XX veka [Village Ditties of the 20th Century]. 2006. Sost. i avtor vstup. st. S.B. Adon'eva. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 531 p.
- Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D. Volkova [Cherished Ditties from the Collection of A.D. Volkov]. 1999. Politicheskie chastushki [Political Ditties]. V 2 t. Sost. A.V. Kulagina. Moscow, Lodomir, 500 p. («Russkaya potaennaya literatura»).
- Zametki o voyne na unichtozhenie. Vostochnyy front 1941–1942 gg. v zapisyakh generala Kheynritsi [Notes on the War of Extermination. The Eastern Front 1941–1942 in the Notes of General Heinrici]. 2018. Pod red. I. Khyurtera; per. s nemetskogo, predislovie k russk. izd. O.I. Beydi, I.R. Petrova. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 328 p.
- Zemskov V.N. 2014. Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya [Stalin and the People. Why There Was No Uprising]. Moscow, Algoritm, 240 p.
- Il'in E.P. 2017. Psikhologiya obshcheniya i mezhlichnostnykh otnosheniy [Psychology of Communication and Interpersonal Relations]. Saint Petersburg, Piter, 592 p.
- Kulagina A.V. 1999. Satiricheskie chastushki-khroniki. Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D. Volkova [Satirical Chronicle Ditties. Cherished Ditties from the Collection of A.D. Volkov]. V 2 t. T. 2. Politicheskie chastushki [Political Ditties]. Sost. A.V. Kulagina. Moscow, Lodomir: 5–14. («Russkaya potaennaya literatura»).
- Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S. 2021. Istoricheskaya poetika fol'klora: ot arkhaiki k klassike [Historical Poetics of Folklore: From Archaic to Classic]. Moscow, RGGU, 285 p. (Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika).
- My vse voyny shal'nye deti... Dnevnik perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 [We are All Crazy Children of War... Diaries from the Period of the Great Patriotic War of 1941–1945]. 2010. Pod. red. V.N. Danilova i dr. Saratov: Gosud. arkhiv Saratovskoy oblasti, 293 p.
- Olson L., Adon'eva S. 2021. Traditsiya, transgressiya, kompromiss: miry russkoy derevenskoy zhizni [Tradition, Transgression, Compromise: The Worlds of Russian Village Life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 520 p.

- Pis'mo anonimnogo avtora I.V. Stalinu [6 maya 1943 goda]. Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie. 1939–1945 [Letter from an Anonymous Author to I.V. Stalin [May 6, 1943]. Everyday Life in the Soviet Union and Mass Consciousness. 1939–1945]. 2003. Sost. A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. Moscow, ROSSPEN: 109–110.
- Propp V.Ya. 1976. Problemy komizma i smekha [Problems of Comedy and Laughter]. Moscow, Iskusstvo, 183 p.
- Pushkarev L.N. 1995. Po dorogam voyny. Vospominaniya fol'klorista-frontovika [Along the Roads of War. Memories of a Front-Line Folklorist]. Moscow, IRI RAN. URL: https://archive.org/details/po_dorogam_voyny.
- Russkie chastushki [Russian Ditties]. 1956. Sost. N.I. Rozhdestvenskaya, S.S. Zhilina. Moscow, Khudozhestv. Literatura, 496 p.
- Selivanov F.M. 1990. Narodnaya liricheskaya poeziya poslednego stoletiya. Chastushki [Folk Lyric Poetry of the Last Century. Ditties]. Sost., podgotovka tekстов i komment. F.M. Selivanova. Moscow, Sov. Rossiya: 5–28 (B-ka russkogo fol'klora. T. 9).
- Tonkov V.A. 1951. Narodnoe tvorchestvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Folk Art during the Great Patriotic War]. Voronezh: Voronezhskoe obl. knigoizdatel'stvo, 58 p.
- Chastushki [Chastooshkas]. 1957. Sost. i predisl. A. Tishchenko. Moscow, Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuza SSR, 160 p.
- Chastushki [Chastooshkas]. 1990. Sost., vst. stat., podgotovka tekстов i koment. F.M. Selivanova. Moscow, Sov. Rossiya, 656 s. (B-ka russkogo fol'klora; T. 9).
- Shapovalova S.P., Istomina I.V. 2024. Sovetskaya zhenshchina i Velikaya Otechestvennaya voyna v kontekste narodnykh chastushek [Soviet Woman and the Great Patriotic War in the Context of Folk Ditties]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. T. 51. 1: 192–203.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.05.2025

Поступила после рецензирования 02.06.2025

Принята к публикации 04.06.2025

Received 06.05.2025

Revised 02.06.2025

Accepted 04.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

Шаповалова Светлана Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0002-9305-8564](https://orcid.org/0000-0002-9305-8564)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of Russian History and Document Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Svetlana P. Shapovalova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Document Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-472-480

EDN TUANDB

Краткое сообщение

Организация военно-ветеринарной службы в годы Великой Отечественной войны

Немцева Ю.С.

Российский биотехнический университет,
Россия, 117133, г. Москва, ул. Академика Варги, д. 5
E-mail: Jul555lia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность военно-ветеринарной службы Советского Союза в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Описаны задачи и роль службы в обеспечении боеспособности Красной армии за счёт сохранения и лечения служебных и тягловых животных. Анализируется структура ветеринарной службы, включая передовые пункты, полковые, дивизионные и армейские лазареты. Подчёркивается важность подготовки ветеринарных кадров, работы фронтовых и эвакуационных госпиталей для животных, а также развития научных методов ветеринарии в условиях военного времени. Описаны трудности начального периода войны, связанные с нехваткой кадров и материальных ресурсов, а также пути их преодоления. Анализируется вклад специалистов в профилактику эпидемий, снабжение армии фуражом, ветеринарно-санитарный контроль продуктов животного происхождения. Делается вывод о значительном вкладе военно-ветеринарной службы в достижение Победы и сохранение людских и материальных ресурсов страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945, Вторая мировая война, военно-ветеринарная служба, организация Красной армии

Для цитирования: Немцева Ю.С. 2025. Организация военно-ветеринарной службы в годы Великой Отечественной войны. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 472–480. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-472-480. EDN: TUANDB

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Organization of the Military Veterinary Service during the Great Patriotic War

Yulia S. Nemtseva

Russian University of Biotechnology,
5 Akademik Varga St., Moscow 117133, Russia
E-mail: Jul555lia@yandex.ru

Abstract. The article examines the activities of the Soviet Union's military veterinary service during the Great Patriotic War of 1941–1945. The study describes the service's tasks and its role in maintaining the combat readiness of the Red Army by preserving and treating service and draft animals. The structure of the veterinary service is analyzed, including frontline stations, regimental, divisional, and army infirmaries. The importance of training veterinary personnel, operating frontline and evacuation hospitals for animals, and developing scientific methods of veterinary care under wartime conditions is emphasized. The article outlines the difficulties of the war's initial period, associated with shortages of personnel and material resources, as well as the ways to overcome these challenges. It analyzes the contribution of specialists to epidemic prevention, the army's forage supply, and veterinary and sanitary inspection of animal-derived products. The conclusion

highlights the significant contribution of the military veterinary service to victory and the preservation of the country's human and material resources.

Keywords: Great Patriotic War 1941–1945, World War II, military veterinary service, organization of the Red Army

For citation: Nemtseva Yu.S. 2025. Organization of the Military Veterinary Service during the Great Patriotic War. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 472–480 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-472-480. EDN: TUANDB

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

С первых дней Великой Отечественной войны ветеринарная служба Красной армии стала неотъемлемой частью боевого механизма, обеспечивая сохранность одного из важнейших элементов работы фронта – животных. Лошади, мулы и другие животные оставались критически важными для армейской логистики даже в условиях постоянного увеличения числа машин и другой техники в войсках [Медведев, 1942, с. 5]. С началом боевых действий ветеринарная служба взяла на себя ответственность за подготовку и поддержание здоровья животных. Уже в первые месяцы войны численность лошадей достигла 2 миллионов, такой высокий показатель сохранялся вплоть до Победы [Беленький, 1985, с. 47].

Лошади и другие тягловые животные в заметной степени обеспечивали работу тыла, который часто испытывал недостаток в технике. Советские кавалерийские соединения успешно взаимодействовали с общевойсковыми армиями, участвовали в обороне Москвы, битве за Сталинград, сражениях на Кавказе, освобождении Белоруссии и многих других операциях [Беленький, 1985, с. 47]. Мобильность и выносливость кавалерии позволяли ей эффективно действовать даже в условиях сложного рельефа и бездорожья, где механизированные части теряли преимущество. Однако лошади были нужны не только кавалеристам. В первой половине войны значительная часть советской артиллерии всё ещё оставалась на конной тяге. На момент начала войны численность лошадей в армии по спискам достигала 0,5 млн голов, в их обслуживании было задействовано 5,2 тыс. человек ветеринарного состава [Ветров]. Советская стрелковая в обычных условиях имела в составе более 2 000 лошадей, которые использовались для перевозки орудий, боеприпасов и снаряжения. Без этих животных работа артиллерийских расчетов и тыловых служб была бы крайне затруднена [Беленький, 1985, с. 47].

Однако столь высокая численность животных в частях означала и большое число ранений среди них. На линии столкновения, протянувшейся от Белого до Чёрного моря, миллионы животных оказались в зоне боевых действий, где каждый день они могли стать жертвой вражеского огня: огнестрельные раны, инфекции и истощение угрожали их жизни и боеспособности армии в целом. Для спасения животных в Красной армии развернули сеть мобильных лазаретов, где проводили сложные операции и лечение. Однако, несмотря на очевидность вклада ветеринарной службы в Победу, изучением её работы практически не занимаются в научной среде, число работ исследователей по теме крайне невелико, а ведущие работы относятся к прошлому веку, будучи написанными сразу после войны или через несколько десятилетий после неё [Медведев, 1947; Беленький, 1985]. Отсутствуют и серьёзные современные обобщающие работы, в которых проводились бы попытки объединить уже существующий материал. Потому вопрос изучения темы представляется актуальным.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются документы, отражающие деятельность военно-ветеринарной службы Красной армии в годы Великой Отечественной войны, включая

материалы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО), научные работы советских специалистов (в том числе профессора И.Д. Медведева). Предметом исследования выступает организация, функционирование и эволюция системы военно-ветеринарного обеспечения частей Красной армии, включая профилактику заболеваний, лечебно-эвакуационные мероприятия, контроль качества продовольствия и взаимодействие с другими структурами военного тыла.

Методологической основой исследования стали как общенаучные, так и специальные исторические методы. Использовались методы анализа, синтеза, индукции для систематизации и осмысления имеющегося фактического материала. Историко-генетический метод использовался для прослеживания становления и развития организационных форм ветеринарной службы в хронологических рамках с 1941 по 1945 год. Историко-сравнительный метод использовался для выявления различий и общих черт в организации ветеринарной помощи на различных уровнях: от передовых ветеринарных пунктов до армейских и фронтовых лазаретов. Историко-системный подход применялся для анализа взаимодействия ветеринарной службы с другими элементами армейского тыла и боевыми подразделениями, а также оценки её роли в обеспечении общей боеспособности армии. Комплексное применение этих методов позволило дать объективную и всестороннюю оценку роли и значения военно-ветеринарной службы в ходе Великой Отечественной войны.

Результаты и их обсуждение

Работа ветеринарной службы оставалась незаметной для большинства, но она была одним из важнейших элементов, поддерживающих боеспособность частей в их сложной борьбе с захватчиком. Уже в июне 1941 года ветеринарные части приступили к выполнению мобилизационного плана [Медведев, 1947, с. 5], все осознавали, что предстоящая борьба потребует не только человеческого героизма, но и безупречной работы тыла. Но также учитывался размах боёв – поток раненых лошадей и иного тяглового скота мог достигать серьёзных значений в короткий срок. К примеру, согласно плану ветеринарного обеспечения Новгородской армейской группы, в наступательных боях в период декабря 1941 года предполагалось за весь отрезок времени принять 1 040 больных и раненых лошадей ¹²⁵.

На момент начала Великой Отечественной войны в Красной армии уже был проанализирован значительный опыт по ветеринарному делу в условиях военного столкновения – бои на озере Хасан, у реки Халхин-Гол и Советско-финляндская война позволили обновить и дополнить существующие наработки. Было выяснено, что, как и в случае с людьми, при эвакуации животного необходимо на всех этапах оказывать квалифицированную медицинскую помощь, при осуществлении этого можно было достичь низкого уровня смертности и быстрее возвращения в строй поступивших на лечение [Медведев, 1947, с. 7].

Для выполнения широкого спектра задач военно-ветеринарная служба Советской армии обладала четко выстроенной иерархической системой, охватывающей все уровни управления. Её деятельность поддерживалась разветвлённой сетью органов управления, учебных заведений, научно-исследовательских центров и лечебных учреждений.

Центральным звеном в управлении службой являлось Ветеринарное управление Советской армии. Под его началом находились ключевые учреждения, такие как Военно-ветеринарная академия, Военно-ветеринарное училище, Ветеринарный научно-исследовательский институт, Центральная ветеринарно-химическая лаборатория и центральные ветеринарные склады. Эти организации обеспечивали подготовку кадров, проведение исследований, а также снабжение войск необходимыми ресурсами для ветеринарного обслуживания частей. Во главе ветеринарного управления стоял генерал-

¹²⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО). Ф. 221. Оп. 1351. Д. 5. Л. 52–55.

лейтенант В. Лекарев, чей опыт и руководство способствовали эффективной координации работы всех подразделений службы [Беленький, 1985, с. 47].

Работу военно-ветеринарной службы можно разделить на три главных направления. Первое – профилактика инфекционных болезней среди тяглового скота. Эта задача крайне важна и в мирное время, но в период боевых действий эпидемиологическая обстановка ухудшается очень быстро, а любая вспышка опасной болезни может нанести урон больший, чем удар врага. Советские специалисты во главе с главным эпизоотологом С.М. Воронцовым при поддержке командующих всех уровней смогли организовать успешную систему профилактики и не допустить урона войскам [Беленький, 1985, с. 47]. Также службе предписывалось контролировать процесс уборки трупов в районах расположения войск и грунтовых дорог ¹²⁶.

Второе направление – надзор за довольствием войск. Любая армия требует огромного числа различных ресурсов, особенно еды, от достатка и качества которой боеспособность войск зависит не меньше, чем от достатка боеприпасов. В среднем один фронт только за месяц боевой работы мог потреблять мясо крупного рогатого скота в количестве более 60 тысяч голов [Беленький, 1975, с. 41]. Во время эвакуации скота в первые месяцы войны от общего числа животных от 17 до 23 % в итоге перешли под контроль Красной армии как источник питания [Бахтияров, Фёдорова, 2014, с. 654]. Если часть мяса оказывалась некачественной или даже заражённой, это могло мгновенно привести к болезням среди красноармейцев, нанеся серьёзный ущерб и ударив по моральной составляющей войск. Всё отправляемое продовольствие требовало строгого контроля и отбраковки. Помимо мяса, проверке подвергались жиры, консервы, молоко и многое другое, поступавшее на армейские склады разного уровня [Боев, Ветров, 2007, с. 59].

В послевоенных работах специалистов отмечается, что уже с 1943 года вопрос снабжения войск был переложен на заготовки из местных и трофейных запасов – Красная армия активно освобождала Родину от оккупантов, постоянно вызволяя всё больше городов, людей и ресурсов из-под его контроля. Только в мае 1943 года на направлении боевой работы Центрального фронта было заготовлено 70 тысяч голов скота, обработка, проверка и отправка столь крупной группы животных в Поволжье стала новым организационным вызовом для советских ветеринаров. Всё усложнялось необходимостью провести стада через только что освобождённые территории, где из-за прошедших боёв и зверств оккупации санитарная обстановка была на опасно низком уровне. Тем не менее задача была решена успешно и без серьёзных проблем [Беленький, 1975, с. 41].

Также условно «побочным» направлением работы военно-ветеринарной службы стал сбор бесхозного скота. Ближе к концу войны, когда бои перенеслись уже на территорию Германии, значительное число скота оказалось лишено хозяев, которые покинули дома из-за приближающейся линии фронта. Бесхозные стада были лишены ухода и питания, животные разбредались по полям и лесам. Состояние животных оставляло желать лучшего, без должной помощи в скором времени их ожидала бы гибель – допустить бессмысленную потерю скота, в котором остро нуждалось восстанавливающееся народное хозяйство, было нельзя. Советским ветеринарам пришлось приложить усилия для организации процесса сбора, группировки, размещения и лечения скота [Беленький, 1975, с. 42].

Третье направление – лечебно-эвакуационная работа, т. е. полный набор мероприятий по перевозке раненого животного в безопасное место, медицинская помощь и последующая реабилитация с возвращением на службу в войска или отправкой в тыл.

Хотя сфера деятельности службы была действительно большой, при проведении операций командование в качестве основных задач выделяло именно бесперебойную эвакуацию больных и раненых лошадей и проведение профилактических мероприятий ¹²⁷.

¹²⁶ ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 807. Л. 1.

¹²⁷ ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 5. Л. 52–55.

Организация лечебно-эвакуационной работы в Красной армии на базовом уровне начиналась с передовых ветеринарных пунктов. Они не были постоянной частью структуры, однако при необходимости разворачивались, но исключительно в кавалерийских и артиллерийских подразделениях. На пункте находился ветеринарный фельдшер, он обладал весьма скромным набором возможностей – главной задачей была первичная обработка раны, остановка кровотечения, обработка йодом и другие манипуляции, не требующие значительных ресурсов или умений, но крайне необходимые для выживания раненого животного на поле боя [Медведев, 1947, с. 12]. Несомненно, такие пункты были бы очень полезны и для линейных стрелковых частей, но материальные и кадровые ограничения не позволяли выделять ресурсы для их организации. Более того, на первых этапах войны в силу отступления, потери специалистов и множества других проблем, даже на активно действующих пунктах часто занимались только эвакуацией раненых животных, поскольку сделать что-либо ещё не было возможности. Впрочем, оказание первой помощи в условиях боя предполагалось и силами простых солдат как минимум на базовом уровне при помощи элементарных медицинских манипуляций [Медведев, 1941, с. 4].

После этого животное попадало в полковые ветеринарные лазареты. Они были основным звеном ветеринарной работы, выполняя большую часть медицинской работы, начиная от первичной обработки в случае отсутствия передовых пунктов и заканчивая хирургическими операциями. ПВЛ разворачивались во втором эшелоне полка, в 4–6 километрах от передовой, где условия были относительно безопасными. Но на начальном этапе войны деятельность полковых пунктов была ограничена из-за недостатка опыта у имевшихся ветеринарных врачей и сложных фронтовых условий. В большинстве случаев врачи занимались лишь регистрацией раненых лошадей, составлением эвакуационных документов и отправкой животных в дивизионные лазареты [Медведев, 1947, с. 13]. Часто не было возможности или умений даже для первичной обработки, что негативно сказывалось на процессе выздоровления.

Однако после стабилизации фронта и постепенной наработки навыков персоналом полковые ветеринарные лазареты стали оказывать раненым животным полноценную хирургическую помощь. В образцово организованных лазаретах проводилась первичная хирургическая обработка ран, применялись антисептики, накладывались повязки. Документация оформлялась грамотно, структурированно и своевременно, что позволяло отслеживать состояние животных и их дальнейшее лечение [Медведев, 1947, с. 14].

Следующим этапом была отправка в дивизионные ветеринарные пункты. Здесь организовывалась более глубокая медицинская работа – обыкновенно находящимися на излечении занимались два врача и фельдшер, причём врачи, если условия не требовали иного, по отдельности отвечали за два сектора – для раненых и для больных животных. В идеально работающих пунктах животные получали всеобъемлющую ветеринарную помощь. Помимо первичного хирургического вмешательства могли проводиться сложные операции, стабилизирующие состояние тяжелораненых животных [Медведев, 1947, с. 14]. Здесь же происходила ревизия ранений и проверялось качество оказанной ранее помощи, при необходимости устранялись недостатки. Легкораненые животные благодаря качественной помощи быстро восстанавливались именно на этом этапе ветеринарной работы [Медведев, 1947, с. 15].

Важнейшая роль для дальнейшего лечения лежала на условно «промежуточном» звене – эвакуационных ветеринарных лазаретах. Их задачей не было полное излечение животного, они были новшеством и работали для поддержания состояния эвакуированных в дороге. Ветеринары могли проводить небольшие вмешательства с целью облегчения тяжести ран, но главной целью было доставить животное на новый пункт лечения [Медведев, 1947, с. 15]. Профессор Медведев в своей работе от 1947 года, анализируя опыт Великой Отечественной войны, приводит статистику, что за годы боев число животных, которые прошли эвакуацию походным порядком при поддержке именно этих пунктов увеличилось в два раза и составляло более 80 % от общего числа эвакуированных [Медведев, 1947, с. 16].

Если ранение животного было серьёзным и вернуть его в строй быстро после оказания первой помощи не получалось, оно прибывало в армейские ветеринарные лазареты. Здесь проводились сложные операции и реабилитация поступавших, размеры лазаретов позволяли одновременно содержать большое число животных [Медведев, 1947, с. 17]. Обыкновенно они размещались на расстоянии 50–60 км от линии фронта [Медведев, 1947, с. 18].

Часть животных отправлялась ещё глубже в тыл, где ими занимались фронтовые ветеринарные лазареты, расположенные на расстоянии от 30 при наступлении и до 100 километров от предыдущего пункта помощи [Медведев, 1947, с. 28].

Необходимо отметить, что после начала Великой Отечественной войны выяснилось, что ветеринарные службы на фронте и в тылу испытывают острую нехватку кадров. Кадровых ветеринаров в запасе было недостаточно, из числа гражданских лиц набрать необходимое число квалифицированных специалистов оказалось сложно [Медведев, 1947, с. 9]. В довоенные годы в рядах Красной армии находилось относительно небольшое число ветеринаров, они были способны полностью покрывать потребности частей в условиях мирного времени. Ветеринарные врачи были в народном хозяйстве, однако в массовом порядке забирать их на фронт и усложнять работу сельского хозяйства в условиях тяжёлой войны было недопустимо – конечно, некоторая часть врачей отправилась на линию столкновения, но даже они не могли кардинально исправить ситуацию, поскольку число их было невелико, а опыт нерелевантен, серьёзно отличаясь от того, с чем пришлось столкнуться во время боёв. Более того, огромное число сельскохозяйственных животных оказалось в зоне риска из-за эвакуации – они получали травмы в пути, число их было велико, а потери в поголовье постоянно росли [Булюлина, 2025, с. 114]. При этом большая часть животных из совхозов так и не попала в пункты назначения [Зеленин, 1969, с. 110]. Это повысило спрос на ветеринаров и в народном хозяйстве. Решением проблемы стала помощь тыловых научных и медицинских центров. Войска получали подкрепление в лице сотрудников Военно-ветеринарной академии и Ветеринарного НИИ, которые не только оперировали раненых, но и разрабатывали методы скорейшей реабилитации животных, коллективы в годы войны трудились с полной самоотдачей и проявили истинный трудовой героизм [Рябиков, 2005, с. 89]. Благодаря их усилиям лошади, спасённые на поля боя, возвращались в строй за считанные недели, а фронт получал всё необходимое. На фронт уже в первые дни боёв были отправлены ведущие хирурги из числа кадрового резерва – они не могли восполнить нехватку рабочих рук в лазаретах, но их задачей была общая организация процессов работы в условиях боевых действий, а также повышение квалификации в срочном порядке уже работавших врачей, которые до этого не имели обширного опыта лечения такого числа различных проявлений военного травматизма [Медведев, 1947, с. 8].

Отправленная группа специалистов прикладывала все усилия для выполнения столь важной задачи, но и здесь были проблемы – они работали разрозненно, их распоряжения не были едиными и централизованными, уровень их навыков, хотя и был очень высоким, не был одинаковым. В высших командных кругах быстро поняли необходимость появления особой должности для упорядочивания и контроля работы военно-ветеринарной службы. Такой должностью стала позиция старшего специалиста-хирурга, появившаяся уже в сентябре 1941 года [Медведев, 1947, с. 8]. За время Великой Отечественной войны эту должность занимали профессора Дегтярёв и Медведев. Позднее, в 1942 году, появились должности главных фронтовых хирургов [Беленький, 1985, с. 47]. В целом организационная структура ветеринарной службы Красной армии окончательно сформировалась только к июню 1943 года [Медведев, 1947, с. 8].

Высококласная работа советских ветеринаров и учёных привела к спасению огромного числа лошадей и других животных. Страна находилась в условиях тяжёлого затяжного конфликта, множество городов, сёл и деревень было сожжено врагом, огромные плодородные пространства подверглись разорению, а скот – уничтожению. Мы знаем степень разрушений в конкретных цифрах – почти 7,5 млн человек было преднамеренно уничтожено оккупантами [Кривошеев, 2010, с. 46]. Урон колхозам Курской области по оценкам областной Чрезвычайной комиссии достигал 27 млрд рублей [Никифоров, 2007, с. 128]. Исследователь Герасимова, используя областные

архивы, приводит информацию об уничтожении врагом в области 73 % конюшен и 82 % коровников [Герасимова, 2015, с. 16]. Сельскому хозяйству Ставрополья был нанесён ущерб на сумму 11 млрд рублей [Судавцов, 2019, с. 99]. В чуть более чем на половину оккупированной Калмыцкой АССР было нанесено урона только животноводству почти на 200 млн рублей [Согданова, 2014, с. 67]. В оккупированных районах РСФСР от довоенного числа в среднем осталось лишь 23 % лошадей и 40 % крупного рогатого скота [Вознесенский, 1948, с. 65].

Тягловый скот был нужен как армии, так и народному хозяйству, потеря каждого животного была серьёзной проблемой. Выбраковка любой раненой лошади из частей Красной армии была связана с многоэтапным бюрократическим процессом, разрешалось отправлять в тыл только лошадей с неизлечимыми болезнями, неустранимыми пороками или недостатками, которые полностью препятствовали их работе, а решение должно было проходить через специальную комиссию. Умерщвление животных допускалось только в крайних случаях, когда они не могли быть полезны в сельском хозяйстве или имели заразные заболевания, опасные для остального поголовья¹²⁸. За всё время ветеринарные пункты и лазареты смогли вернуть в строй 2,1 млн лошадей, ветеринары достигли очень высокого процента излечения у животных с незаразными заболеваниями – 93 % от общего числа случаев [Беленький, 1985, с. 48]. В том числе благодаря таким высоким показателям советское сельское хозяйство после войны быстро восстанавливалось – уже в 1945 году разорённые войной регионы получили 51 % довоенной сельскохозяйственной продукции [Поляк, 1986, с. 58].

Заключение

Военно-ветеринарная служба Красной армии в годы Великой Отечественной войны сыграла исключительно важную роль в обеспечении боеспособности армии и тыла. Несмотря на сложнейшие условия военного времени, ей удалось создать эффективную систему сохранения и лечения животных, которые были критически важным ресурсом для армейской логистики.

Несмотря на начальную нехватку кадров, которая была частично компенсирована привлечением специалистов из тыловых центров и повышением квалификации действующих врачей, службе удалось наладить эффективную работу. Была создана многоуровневая система эвакуации и лечения животных, где каждый этап – от передовых пунктов до тыловых лазаретов – играл свою роль в сохранении тяглового состава. Особое значение имела организация эвакуационных ветеринарных лазаретов, которые поддерживали состояние животных в пути и способствовали их дальнейшему выздоровлению.

Работа военно-ветеринарной службы стала важным вкладом в Победу, обеспечив стабильное функционирование армейской логистики и сохранение ценного тяглового состава для нужд фронта и народного хозяйства в тяжелейших условиях войны. Служба не только спасала животных от ранений, истощения и инфекций, но и решала дополнительные задачи, такие как сбор бесхозного скота, заготовка трофейных запасов и проверка качества продовольствия. Все эти усилия помогли не только поддерживать боеспособность армии, но и сохранить ресурсы для восстановления сельского хозяйства после войны. Таким образом, деятельность военно-ветеринарной службы стала одним из важнейших, хотя и менее заметных для большинства элементов Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Список источников

- Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 221. Оп. 1351. Д. 5. Л. 52–55.
Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 3533. Оп. 1, Д. 208. Л. 162–166.
Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 229. Оп. 161. Д. 807. Л. 1.

¹²⁸ ЦАМО. Ф. 3533. Оп. 1, Д. 208. Л. 162–166.

Список литературы

- Бахтияров Р.С., Фёдорова А.В. 2014. Эвакуация сельскохозяйственных животных на Южный Урал в условиях Великой Отечественной войны. *Вестник ТГТУ*. Т. 20. 3: 653–662.
- Беленький О. 1985. В дни суровых испытаний войск. *Тыл и снабжение Советских вооруженных сил*, 5. Москва: 47–49.
- Беленький О. 1975. Ветеринарное обеспечение войск. *Тыл и снабжение Советских вооруженных сил*, 6. Москва: 39–42.
- Боев Ю.Г., Ветров В.П. 2007. От конюшенного приказа – к государственной ветеринарно-санитарной службе. *Военно-исторический журнал*, 6: 57–60.
- Булюлина Е.В. 2025. Эвакуация сельскохозяйственных животных в Сталинградской области в 1941–1942 гг. *Культурный код*. 1: 112–124.
- Ветров В.П. Экскурс в историю военной ветеринарной медицины России. *Материально-техническое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://mto.ric.mil.ru/Stat/item/504870/> (дата обращения: 05.03.2025).
- Вознесенский Н.А. 1948. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Москва, Госполитиздат, 192 с.
- Герасимова Е.О. 2015 Основные мероприятия по укреплению колхозов Курской области после освобождения от немецко-фашистской оккупации. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 5(68): 16–20.
- Зеленин И.Е. 1969. Совхозы в СССР (1941–1950). Москва, Наука, 344 с.
- Медведев И., Андреев П. 1941. Первая помощь раненой и больной лошади в бою и на походе. Москва, Воениздат НКО СССР. 48 с.
- Медведев И.Д. 1947. Ветеринарная военно-полевая хирургия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Москва, Военное Издательство Министерства Вооружённых Сил Союза ССР. 338 с.
- Медведев И.Д. 1942. Ветеринарная военно-полевая хирургия. Москва, Государственное издательство колхозной и совхозной литературы «Сельхозгиз». 304 с.
- Никифоров С.А. 2007. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг. *Курск*, 253 с.
- Поляк Г.Б. 1986. Послевоенное восстановление народного хозяйства. Москва, Финансы и статистика, 168 с.
- Рябиков А.Я. 2005. Институт ветеринарной медицины в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Вклад в Победу. *Омский научный вестник*, 1(30): 87–91.
- Согданова З.Г. 2014. Ущерб народному хозяйству Калмыцкой АССР, причиненный в период немецкой оккупации. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 4: 62–68.
- Судавцов Н.Д. 2019. Возрождение сельского хозяйства Ставрополя после освобождения от оккупации в период великой Отечественной войны. *Гуманитарные и юридические исследования*. 98–106.
- Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь: новейшее справочное издание. 2010. Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. Москва, Вече, 384 с.

References

- Bakhtiyarov R.S., Fyodorova A.V. 2014. Evakuatsiya selskokhozyajstvennykh zivotnykh na Yuzhnyj Ural v usloviyakh Velikoj Otechestvennoj vojny [Evacuation of Agricultural Animals to the Southern Urals during the Great Patriotic War]. *Vestnik TGTU*, Vol. 20, 3: 653–662.
- Belenkij O. 1985. V dni surovyykh ispytaniy vojsk [In Days of Severe Trials of the Troops]. *Tyl i snabzhenie Sovetskikh vooruzhennykh sil*, 5: 47–49.
- Belenkij O. 1975. Veterinarnoe obespechenie vojsk [Veterinary Support of the Troops]. *Tyl i snabzhenie Sovetskikh vooruzhennykh sil*, 6: 39–42.
- Boev Yu.G., Vetrov V.P. 2007. Ot konjushennogo prikaza – k gosudarstvennoj veterinarnosanitarnoj sluzhbe [From the Stable Order to the State Veterinary-Sanitary Service]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 6: 57–60.
- Bulyulina E.V. 2025. Evakuatsiya selskokhozyajstvennykh zivotnykh v Stalingradskoj oblasti v 1941–1942 gg. [Evacuation of Agricultural Animals in the Stalingrad Region in 1941–1942]. *Kulturnyj kod*, 1: 112–124.
- Vetrov V.P. 2025. Ekskurs v istoriyu voennoj veterinarnoy meditsiny Rossii [An Excursion into the History of Russian Military Veterinary Medicine]. *Material'no-tekhnicheskoe obespechenie Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii*. [Electronic resource]. URL: <https://mto.ric.mil.ru/Stat/item/504870/> (accessed: 05.03.2025).

- Voznesenskij N.A. 1948. Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny [The Military Economy of the USSR During the Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat, 192 p.
- Gerasimova E.O. 2015. Osnovnye meropriyatiya po ukrepleniyu kolkhozov Kurskoj oblasti posle osvobozhdeniya ot nemetsko-fashistskoj okkupatsii [Main Measures to Strengthen Collective Farms in the Kursk Region After Liberation from Nazi Occupation]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(68): 16–20.
- Zelenin I.E. 1969. Sovkhozy v SSSR (1941–1950) [State Farms in the USSR (1941–1950)]. Moscow, Nauka, 344 p.
- Medvedev I., Andreev P. 1941. Pervaya pomoshch ranenoi i bol'noj lozhadi v boyu i na pokhode [First Aid for Wounded and Sick Horses in Battle and on the March]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR, 48 p.
- Medvedev I.D. 1947. Veterinarnaya voenno-polevaya khirurgiya v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. [Military Field Veterinary Surgery in the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Voennoe Izdatel'stvo Ministerstva Vooruzhyonnykh Sil Soyuzo SSSR, 338 p.
- Medvedev I.D. 1942. Veterinarnaya voenno-polevaya khirurgiya [Military Field Veterinary Surgery]. Moscow, Sel'khozgiz, 304 p.
- Nikiforov S.A. 2007. Politika okkupatsionnykh vlastej na territorii Kurskoj oblasti v 1941–1943 gg. [Occupation Policy in the Kursk Region in 1941–1943]. Kursk, 253 p.
- Polyak G.B. 1986. Poslevoennoe vosstanovlenie narodnogo khozyajstva [Postwar Recovery of the National Economy]. Moscow, Finansy i statistika, 168 p.
- Ryabikov A.Ya. 2005. Institut veterinarnoy meditsiny v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.). Vklad v Pobedu [The Institute of Veterinary Medicine During the Great Patriotic War (1941–1945). Contribution to Victory]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 1(30): 87–91.
- Sogdanova Z.G. 2014. Ushcherb narodnomu khozyajstvu Kalmytskoj ASSR, prichinennyj v period nemetskoj okkupatsii [Damage to the National Economy of the Kalmyk ASSR During the German Occupation]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN*, 4: 62–68.
- Sudavtsov N.D. 2019. Vozrozhdenie selskogo khozyajstva Stavropol'ya posle osvobozhdeniya ot okkupatsii v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Revival of Agriculture in Stavropol Region after Liberation during the Great Patriotic War]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*: 98–106.
- Krivoshchev G.F., Andronikov V.M., Burikov P.D., Gurkin V.V. 2010. Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter': novejshee spravochnoe izdanie [The Great Patriotic War Without a Secrecy Stamp. Book of Losses]. Moscow, Veche, 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.04.2025

Received 14.04.2025

Поступила после рецензирования 12.05.2025

Revised 12.05.2025

Принята к публикации 14.05.2025

Accepted 14.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Немцева Юлия Сергеевна, кандидат ветеринарных наук, доцент кафедры «Ветеринарная дисциплина», Российский биотехнический университет, г. Москва, Россия

Yulia S. Nemtseva, Candidate of Sciences in Veterinary, Associate Professor of the Department "Veterinary Discipline", Russian Biotechnological University, Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0006-2101-5270](https://orcid.org/0009-0006-2101-5270)

УДК 94 (47)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-481-490

EDN USHBMC

Обзорная статья

Вклад Е.В. Годовой в развитие современной историографии казахской повседневности имперского периода

Любичанковский С.В.

Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

E-mail: svlubich@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вкладу Е.В. Годовой в изучение повседневной жизни российского казачества в имперский период (конец XVIII – начало XX вв.). Основное внимание уделено её новаторским подходам, включая синтез военного и гражданского аспектов казачьей жизни, анализ модернизационных процессов и региональных особенностей. Годова разработала концепцию «гибридной повседневности», сочетающую традиционные методы исторического исследования с междисциплинарными подходами из социальной антропологии и микроистории. Её работы раскрывают трансформацию казачьих сообществ под влиянием государственных реформ, уделяя особое внимание гендерным ролям, экономическим практикам и культурному синкретизму. Исследования основаны на обширной источниковой базе, включающей архивные материалы, законодательные акты, статистику и этнографические данные. Труды Е.В. Годовой не только существенно обогатили научные представления о казачьей повседневности, но и задали новые стандарты исторического анализа, сочетающие глубину источниковедческой работы с широкими социокультурными обобщениями. Разработанная ею концептуальная модель открывает перспективы для дальнейшего изучения как казачества, так и других традиционных сообществ в условиях модернизации.

Ключевые слова: казачество, повседневность, имперский период, Е.В. Годова, модернизация, гендерные исследования, микроистория, социокультурные практики, историография

Для цитирования: Любичанковский С.В. 2025. Вклад Е.В. Годовой в развитие современной историографии казачьей повседневности имперского периода. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 481–490. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-481-490. EDN: USHBMC

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

E.V. Godovova's Contribution to the Development of Modern Historiography of Cossack Everyday Life in the Imperial Period

Sergey V. Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia

E-mail: svlubich@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the contribution of E.V. Godovova to the study of everyday life of the Russian Cossacks in the imperial period (late 18th – early 20th centuries). The main attention is paid to her innovative approaches, including synthesis of military and civilian aspects of Cossack life, analysis of modernization processes and regional peculiarities. Godova has developed the concept of “hybrid everyday life” combining traditional methods of historical research with interdisciplinary approaches from social anthropology and microhistory. Her work reveals the transformation of Cossack communities under the influence of state reforms, focusing on gender roles, economic practices, and cultural syncretism. The research

is based on an extensive source base including archival materials, legislative acts, statistics and ethnographic data. The works of E.V. Godovova not only significantly enriched the scientific understanding of Cossack everyday life, but also set new standards of historical analysis, combining the depth of source research with broad socio-cultural generalizations. The conceptual model developed by her opens prospects for further study of both the Cossacks and other traditional communities in the context of modernization.

Keywords: Cossacks, everyday life, imperial period, E.V. Godovova, modernization, gender studies, microhistory, socio-cultural practices, historiography

For citation: Lyubichankovskiy S.V. 2025. E.V. Godovova's Contribution to the Development of Modern Historiography of Cossack Everyday Life in the Imperial Period. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 481–490 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-481-490. EDN: USHBMC

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Елена Викторовна Годовова – один из ведущих современных исследователей истории российского казачества, чьи работы существенно обогатили историографию повседневной жизни казаков в имперский период. Ее диссертационные исследования, монографии, написанные на их основе, охватывают широкий хронологический диапазон (конец XVIII – начало XX вв.) и представляют комплексный анализ различных аспектов казачьей повседневности. На основании доступных научных трудов Годовой можно выделить несколько ключевых направлений ее вклада в современную историографию.

Наиболее фундаментальными трудами Е.В. Годовой о казачьей повседневности мы считаем следующие:

1. Монография «Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.» (2020) – фундаментальное исследование, в котором автор рассматривает две основные сферы казачьей повседневности: «военную» и «гражданскую». Книга основана на комплексном использовании разнообразных источников и анализирует трансформацию традиционной казачьей жизни под влиянием модернизационных процессов [Годовова, 2020a].

2. Монография «Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах» – работа посвящена военно-административному устройству, экономическому развитию и социально-культурным особенностям оренбургского казачества. Годовова подробно анализирует систему землевладения, аграрную сферу, торгово-предпринимательскую деятельность, а также демографический и этноконфессиональный состав войска [Годовова, 2007].

3. Монография «Из истории повседневной жизни оренбургских казаков XIX века» (2011) – специализированное исследование хозяйственной деятельности и социального уклада оренбургского казачества. Автор использует архивные материалы, мемуары, статистические данные и периодические издания для реконструкции повседневных практик [Годовова, 2011].

В этих обобщающих работах, а также в целой серии высокоцитируемых статей в рецензируемых научных журналах России [Годовова, 2019а; Годовова, Васильев, 2019; Годовова, 2020б, 2020в; Годовова, Картунов, 2020; Годовова, 2021; Годовова, Мещеряков, 2021; Годовова, Астафьев, 2021; Годовова, 2023а, 2023б; Годовова, Избасарова, 2023; Годовова, 2024а, 2024б], опубликованных за последние 5–6 лет, Елена Викторовна Годовова развивала как теоретико-методологические, так и эмпирические новации исторического казачеведения.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является научное наследие Е.В. Годовой в области изучения повседневной жизни российского казачества. В работе анализируются ключевые монографии и статьи Годовой, посвященные казачьей повседневности, военному быту, социальной структуре и региональным особенностям казачества; теоретико-методологические подходы, разработанные исследовательницей, включая модель синтеза военного и гражданского

«миров»; вклад Годовой в современную историографию – её новаторские идеи и их влияние на дальнейшее изучение казачества.

Методы исследования, примененные в статье: историографический анализ – систематизация и оценка научных трудов Годовой, выявление эволюции её взглядов, определение места её исследований в современной исторической науке; сравнительный метод – сопоставление подходов Годовой с работами других исследователей (Н.И. Бондаря, А.П. Пронштейна, Л.И. Футорянского) для определения её оригинального вклада.

Статья обобщает достижения Е.В. Годовой и анализирует их с точки зрения современной исторической науки, демонстрируя значение её работ для дальнейших исследований казачества.

Результаты и их обсуждение

Теоретико-методологический вклад Е.В. Годовой в изучение казачьей повседневности

Одним из ключевых вкладов Е.В. Годовой в современную историографию является развитие концептуальной модели казачьей повседневности, основанной на синтезе военного и гражданского «миров». В своих работах исследовательница опирается на предложенную этнографом Н.И. Бондарем модель, согласно которой повседневность казачества структурирована вокруг двух взаимосвязанных сфер: военного мира, включающего службу, походный быт, воинские ритуалы и адаптацию к экстремальным условиям, и гражданского мира, охватывающего станичный уклад, хозяйственную деятельность, семейные отношения и досуговые практики [Годова, 2020а, с. 4].

Годова углубляет эту модель, демонстрируя, как в имперский период государственная политика модернизации трансформировала традиционный баланс между этими сферами. Например, в монографии 2020 года она детально анализирует, как реформы 1860–1870-х гг. (введение всеобщей воинской повинности, изменение земельного законодательства) привели к усилению «гражданских» элементов в жизни казаков, но не устранили их военной идентичности [Годова, 2020а].

Особое внимание ею уделено региональной специфике: на примере Оренбургского казачьего войска Годова показывает, как географические, экономические и этнокультурные факторы влияли на соотношение военного и гражданского в повседневности. Например, удаленность от фронтов снижала интенсивность военных сборов, но усиливала роль сельскохозяйственного труда [Годова, 2011].

Критически переосмысливая классические работы по казачеству [Пронштейн, 1962; Футорянский, 1997], исследовательница подчеркивает, что даже в условиях имперской интеграции казаки сохраняли элементы автономии, что отражалось в ритуалах, фольклоре и системе самоуправления [Годова, 2007]. Этот подход позволил преодолеть упрощенные трактовки казачества либо как «служилого сословия», либо как «этнической группы», предложив комплексную аналитическую схему, применимую к изучению других казачьих войск.

Е.В. Годова в своих исследованиях демонстрирует синтез традиционных исторических методов с междисциплинарными подходами, что позволяет ей раскрывать казачью повседневность как многомерный феномен. Её работы сочетают архивное источниковедение (анализ законодательных актов, делопроизводственных документов, отчётов атаманов), социальную антропологию (изучение ритуалов, семейных отношений и хозяйственных практик через призму этнографических описаний), историческую психологию (реконструкцию ценностных ориентаций казаков через мемуары, фольклор и девиантные поведенческие модели (анализ восприятия военной службы как «сакрального долга» [Годова, 2020а].

Ключевыми аспектами развиваемой ученым методологии являются:

1. Микроисторический анализ. Годова детализирует повседневные практики на примере локальных сообществ (например, казачьих станиц), выявляя региональную

специфику. Это позволяет избежать генерализаций, характерных для классических трудов по истории казачества.

2. Гендерный подход. В монографии 2020 года исследовательница акцентирует внимание на роль женщин в сохранении традиций и адаптации к модернизации, используя данные о хозяйственной деятельности казачек и их участии в образовательных проектах [Годовова, 2020а].

3. Сравнительный метод. Сопоставление данных по разным казачьим войскам (например, Оренбургскому, Уральскому, Донскому, Кубанскому) помогает выделить общие и уникальные черты повседневного уклада [Годовова, 2020а].

Годовова преодолевает ограничения советской историографии, где казачество часто рассматривалось лишь как «служилое сословие». Её подход, интегрирующий экономические, культурные и антропологические аспекты, близок к современным исследованиям повседневности школы «Анналов» (например, работы Ф. Броделя о структурах повседневности). При этом она сохраняет опору на архивную базу – в отличие от некоторых западных коллег, склонных к умозрительным конструкциям. Так, в монографии 2007 года Годовова анализирует земельные конфликты в Оренбургском казачьем войске не только через правовые документы, но и через жалобы казаков, выявляя «человеческое измерение» реформ (например, сопротивление введению общественной запашке полей [Годовова, 2007, с. 90]). Этот подход позволил ей создать целостную модель изучения казачества, где повседневность выступает как динамичная система, реагирующая на внешние (государственные) и внутренние (общинные) импульсы.

Одним из наиболее значимых аспектов научного творчества Е.В. Годовой является ее пристальное внимание к проблеме модернизации казачьих сообществ в имперский период. Исследовательница предлагает оригинальную концепцию «адаптивного традиционализма», раскрывающую сложный характер взаимодействия казачества с вызовами модернизации [Годовова, 2020а].

В своих работах Годовова выделяет несколько ключевых направлений анализа модернизационных процессов.

1. Экономическая модернизация – исследование перехода от натурального к товарному хозяйству, анализ адаптации казачьих хозяйств к рыночным отношениям [Годовова, 2020а, с. 199–240].

2. Военная модернизация – анализ изменений в системе военной подготовки и службы после реформ Д.А. Милютин и исследование трансформации ценностных ориентаций казаков в условиях профессионализации армии [Годовова, 2020а, с. 93–179].

3. Социокультурные изменения – изучение влияния системы народного образования на казачью молодежь, анализ изменений в семейных отношениях и гендерных ролях под влиянием урбанизации [Годовова, 2020а, с. 288–354].

Методологическая новизна подхода Е.В. Годовой заключается в сочетании макроисторического анализа законодательных актов и правительственных решений, микроисторического изучения конкретных практик адаптации на уровне отдельных станиц и семей, компаративного метода, позволяющего выявить региональные особенности модернизационных процессов.

Особый интерес представляет разработанная исследовательницей типология реакций казачества на модернизацию:

1. Активное восприятие новшеств (преимущественно зажиточными слоями).
2. Селективное заимствование отдельных элементов.
3. Консервативное сопротивление [Годовова, 2020а].

Важным методологическим достижением является введение понятия «модернизационного напряжения» – состояния социокультурного дискомфорта, вызванного противоречием между традиционными нормами и требованиями новых условий. Это понятие позволяет анализировать причины девиантного поведения, конфликты поколений, кризисные явления в казачьей среде [Годовова, 2020а, с. 364–383].

Таким образом, Е.В. Годовова предложила комплексную методологическую модель изучения модернизационных процессов в казачьей среде, которая учитывает многоуровневый характер изменений, позволяет анализировать как объективные трансформации, так и их субъективное восприятие, сохраняет баланс между изучением структурных изменений и повседневных практик.

Содержательные новации в исследованиях Е.В. Годовой

Е.В. Годовова вносит значительный вклад в изучение военной повседневности казачества, выходя за рамки традиционного анализа боевых действий и сосредотачиваясь на комплексной реконструкции быта, психологии и адаптационных стратегий казаков в условиях службы. Её работы раскрывают несколько ключевых аспектов, ранее недостаточно изученных в историографии.

На основе архивных материалов (делопроизводственных документов, источников личного происхождения) Годовова детализирует организацию казачьего быта во время длительных кампаний, включая вопросы снабжения, размещения, гигиены и медицинского обслуживания [Годовова, 2019а; Годовова, 2020а, с.117–140].

Впервые в историографии ею анализируется роль боевого коня не только как инструмента войны, но и как центра повседневных практик – от ухода до ритуального значения в казачьей культуре [Годовова, 2015; Годовова, 2020а, с. 158–167].

Через мемуары и фольклорные источники (песни, предания) исследовательница реконструирует ценностные ориентации: идеалы «воинской чести» и их трансформацию под влиянием имперской политики [Годовова, 2024в]. Методологические новации в этом направлении исследования заключаются в изучении отдельных походных дневников (например, записки казака Н.В. Агапова для реконструкции «человеческого измерения» войны [Записки, 2013]). Годовова преодолевает стереотип казака как «природного воина», показывая, как повседневные практики формировались под влиянием внешних (государственные реформы) и внутренних (общинные традиции) факторов. Её работы задают новый стандарт для исследований военной повседневности.

Е.В. Годовова вносит значительный вклад в изучение станичного уклада казачества, выходя за рамки традиционного описания быта и раскрывая комплексную систему взаимодействия социальных, экономических и культурных практик. Её работы выделяют несколько ключевых аспектов, которые ранее не получали достаточного внимания в историографии. Исследователь детально анализирует механизмы принятия решений в казачьих общинах, подчеркивая диалектику традиции и имперского регулирования. Она показывает, как станичные сходы сохраняли автономию в вопросах землепользования, но постепенно теряли влияние в военно-административной сфере под давлением государственных реформ. Особое внимание уделяется роли атаманов как посредников между имперской властью и общиной, что раскрыто через анализ их переписки и отчетов [Годовова, 2020а, с. 180–198].

Исследовательница вводит понятие «адаптивного традиционализма», описывая, как казаки сочетали традиционное земледелие с новыми формами предпринимательства (например, торговля хлебом, аренда земель иногородним) [Годовова, 2020а, с. 355–363].

Уникальным вкладом является анализ гендерного разделения труда: женщины не только вели домашнее хозяйство, но и активно участвовали в ремеслах и торговле, особенно в периоды мужских военных кампаний [Годовова, 2020а, с. 305–325].

Годовова реконструирует праздничную культуру казачества, выделяя её функции: интеграционную (общие праздники укрепляли общинные связи); идентификационную (ритуалы подчеркивали военно-сословный статус) [Годовова, 2020а, с. 285]. Впервые в историографии исследуется влияние городской культуры на станичный досуг (например, распространение театров и чтения газет в конце XIX века) [Годовова, 2020а, с. 279].

Работы Годовой опровергают миф о казачьей станице как «застывшем» традиционном обществе. Вместо этого она предлагает модель «динамичного консерватизма», где внешние изменения (реформы, рынок) перерабатываются через призму местных обычаев.

Е.В. Годовова вносит существенный вклад в изучение социальной динамики казачьих сообществ, раскрывая сложные процессы расслоения и адаптации к модернизационным вызовам. Её работы опираются на архивные документы, судебные дела и статистику, что позволяет выявить ранее не исследованные аспекты казачьей повседневности.

Ученый анализирует, как реформы XIX века изменили структуру семьи: переход от большесемейных к малым семьям под влиянием индивидуализации землевладения; рост экономической самостоятельности молодежи, что ослабляло власть старейшин; уникальный вклад – исследование «женских хозяйств», то есть семей, где мужчины погибли на службе, а женщины брали на себя управление наделами и торговлей. Впервые в историографии исследуется феномен «соломенных вдов» – жен казаков, годами живших без мужей из-за службы, и их стратегии выживания [Годовова, 2019б].

Годовова опровергает миф о казачестве как монолитной группе, демонстрируя его внутреннюю дифференциацию по имущественному, возрастному и гендерному признакам. Её работы легли в основу современных исследований по истории маргинальности в Российской империи.

Исследователь вносит значительный вклад в изучение регионального разнообразия казачьих сообществ, раскрывая уникальные черты повседневности Оренбургского, Уральского и других войск в контексте имперской политики. Её работы опираются на архивные материалы, статистику и этнографические данные, что позволяет выявить ранее не исследованные аспекты локальной адаптации казачества. Так, Годовова детально анализирует, как географическое положение (граница с казахской степью) и полиэтнический состав войска (татары, башкиры, русские) сформировали особые черты повседневности: совмещение функций авангарда военного проникновения в степь и посредников в торговле с кочевниками. Показывает особенности хозяйственных практик: преобладание скотоводства над земледелием из-за засушливого климата [Годовова, 2020в].

Исследования Годовой ясно показывают, как казачьи сообщества реагировали на реформы; использовали административные лазейки: сохранение традиционного судопроизводства в станицах, несмотря на создание имперских судов; отмечено сочетание формального подчинения имперским властям с сохранением автономных практик [Годовова, 2020а, с. 195–197].

Говоря о культурном синкретизме, Годовова производит анализ заимствований из соседних культур: у оренбургских казаков – элементы башкирской и казахской кухни (например, распространение кумыса); у терских казаков – влияние горских традиций (отмеченное еще Л.Н. Толстым в «Казаках») [Годовова, 2020а, с. 254–257].

Работы Е.В. Годовой опровергают стереотип о казачестве как едином социокультурном массиве, демонстрируя многоуровневую идентичность (войсковая, станичная, семейная).

Заключение

Итак, работы Е.В. Годовой по истории казачьей повседневности получили широкое признание в научном сообществе за новаторский подход к изучению казачества как сложного социокультурного феномена, сочетающего военную организацию с традиционными формами хозяйствования и быта. Её исследования отличаются глубокой проработкой методологии, в которой сочетаются традиционные исторические методы с междисциплинарными подходами из социальной антропологии, исторической психологии и микроистории.

Одним из ключевых достижений Годовой является разработка модели казачьей повседневности, основанной на синтезе военного и гражданского «миров». Эта концепция, первоначально предложенная этнографом Н.И. Бондарем, была существенно расширена и адаптирована к условиям имперского периода, что позволило преодолеть упрощенные трактовки казачества либо как «служилого сословия», либо как «этнической группы».

Особую ценность представляет комплексный анализ модернизационных процессов в казачьей среде. Годовова не ограничивается описанием реформ «сверху», а исследует их

влияние на повседневные практики казаков, выявляя разнообразные стратегии адаптации – от активного восприятия новшеств до консервативного сопротивления.

Значимым вкладом является и региональный подход к изучению казачества. На примере Оренбургского казачьего войска Годовова демонстрирует, как географические, экономические и этнокультурные факторы формировали уникальные черты повседневности, отличавшие его от других казачьих сообществ (Донского, Уральского).

Работы Е.В. Годовой оказали существенное влияние на развитие современной историографии казачества, открыв новые перспективы для исследований. Важным достижением исследовательницы стало преодоление узковедомственного подхода к изучению казачества, характерного для советской историографии. В отличие от работ А.П. Пронштейна и В.Н. Королева, сосредоточенных преимущественно на военно-политической истории, Годовова комплексно рассматривает хозяйственные, семейные и культурные аспекты жизни казаков. Такой подход позволил выявить внутреннюю дифференциацию казачьих сообществ и разнообразие стратегий выживания в условиях социально-экономических трансформаций.

Особого внимания заслуживает разработанная Годовой методика работы с источниками. Комплексное использование законодательных актов, делопроизводственных документов, статистики и личных свидетельств позволило создать многомерную картину казачьей повседневности. При этом исследовательница демонстрирует критическое отношение к источникам, учитывая их субъективность и возможные искажения [Годовова, 2020а, с. 55–92].

Перспективным направлением, открытым работами Годовой, стало изучение гендерных аспектов казачьей повседневности. Используемое ею понятие «соломенных вдов» для обозначения казачек, вынужденных годами жить без мужей, находящихся на службе, стимулировало новые исследования о роли женщин в сохранении традиционного уклада [Годовова, 2019б]. Критики отмечают, что исследования Годовой создали основу для сравнительного изучения различных казачьих войск. Выявленные ею особенности оренбургского казачества (пограничное положение, полиэтнический состав, специфика хозяйственной деятельности) позволяют проводить продуктивные сопоставления с другими регионами. Это направление представляется особенно перспективным для дальнейших исследований.

Научные труды Е.В. Годовой представляют собой значимый вклад в современную историографию российского казачества, открывая новые перспективы для исследований повседневной жизни военных сообществ имперского периода. Проведенный анализ позволяет утверждать, что работы исследовательницы совершили качественный прорыв в понимании казачества как сложного социокультурного феномена, существующего на пересечении традиционных практик и модернизационных процессов.

Перспективность работ Елены Викторовны Годовой проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, это возможность сравнительного изучения различных казачьих войск на основе разработанной ею методологии. Во-вторых, перспективным представляется углубленное исследование гендерных аспектов казачьей повседневности, начатое в ее работах о казачках. В-третьих, особый интерес вызывает возможность применения предложенных подходов к изучению других военных сообществ Российской империи.

Таким образом, исследования Е.В. Годовой не только существенно обогатили научные представления о казачьей повседневности, но и задали новые стандарты исторического анализа, сочетающие глубину источниковедческой работы с широкими социокультурными обобщениями. Разработанная ею концептуальная модель открывает перспективы для дальнейшего изучения как казачества, так и других традиционных сообществ в условиях модернизации.

Список литературы

- Годовова Е.В. 2007. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах. Самара, Универс групп, 224 с.
- Годовова Е.В. 2015. «Уж ты конь мой, конь, ты товарищ боевой»: конь в повседневной жизни казака (вторая половина XIX – начало XX вв.). *Вестник Самарского государственного университета*. 7(129): 133–139.

- Годовова Е.В. 2011. Из истории повседневной жизни оренбургских казаков XIX века. Саарбрюккене, LAP LAMBERT, 90 с.
- Годовова Е.В. 2019а. Присоединение Средней Азии к России: особенности военно-походной повседневности казаков в Хивинском походе 1873 г. *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. Т. 10. 8(82).
- Годовова Е.В. 2019б. Положение женщины-казачки в семье и обществе во второй половине XIX – начале XX в. Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. Тв. редакторы: З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Канныкин. Москва, ИЭА РАН: 79–84.
- Годовова Е.В., Васильев И.Ю. 2019. Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. Т. 25. 3: 7–15.
- Годовова Е.В. 2020а. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 382 с.
- Годовова Е.В. 2020б. Горнодобывающая промышленность на землях Оренбургского казачьего войска в конце XVIII – начале XX в. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26. 3: 16–21.
- Годовова Е.В. 2020в. Основные направления экономического развития оренбургского казачества (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. Т. 19. 3: 563–577.
- Годовова Е.В., Картунов А.И. 2020. Земельные споры между киргиз-кайсаками и оренбургскими казаками в Новолинейном районе Оренбургской губернии на протяжении второй половины XIX в. *Вопросы истории*. 10–1: 212–219.
- Годовова Е.В. 2021. Экономическая повседневность казаков (вторая половина XIX – начало XX вв.). *Экономическая история: Ежегодник*. Москва, Институт российской истории РАН: 82–106.
- Годовова Е.В., Мещеряков А.В. 2021. Контролирующая функция Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. *Новое прошлое*. 2: 96–111.
- Годовова Е.В., Астафьев Д.А. 2021. Источниковая база генеалогического исследования служилых родов XVII в. *Вестник архивиста*. 3: 927–938.
- Годовова Е.В. 2023. Рассказ Н.К. Бухарина «Очерки прилинейной жизни оренбургских казаков. Хивинка» как исторический источник о повседневной жизни казаков южноуральского фронта середины XIX в. // *История повседневности*. 2(26): 144–152.
- Годовова Е.В., Избасарова Г.Б. 2023. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и распространение российского образования в Казахской Степи. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 14. 1(123).
- Годовова Е.В. 2023. Страницы военной истории кубанских казаков. *Военно-исторический журнал*. 5: 116–117.
- Годовова Е.В. 2024а. Методологическое поле истории повседневности как основа изучения казачьей повседневности. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия*. Т. 6. 2: 36–43.
- Годовова Е.В. 2024б. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска как собрание исторических источников для исследования аккультурационных процессов на юго-восточном фронтире Российской империи. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 15. 1(135).
- Годовова Е.В. 2024в. Казачий фольклор как исторический источник по изучению повседневной жизни оренбургских казаков. Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 105-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (21–22 марта 2024 г., г. Ростов-на-Дону). Под общ. ред. М.Н. Крота, Н.А. Мининкова, О.О. Завьяловой; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета: 320–324.
- Записки 2013. Записки Н.В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Научная публикация и исследование текста. Сост.: И.А. Филиппова, Е.В. Годовова, С.А. Моисеева. Оренбург, 368 с.
- Пронштейн А.П. 1962. Развитие сельского хозяйства на Дону в XVIII веке. *Ежегодник по аграрной истории восточной Европы*. 1960 г. Киев: 248–261.
- Футорянский Л.И. 1997. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, Печатный дом «Димур», 200 с.

References

- Godovova E.V. 2007. Orenburgskoe kazach'e vojsko v 1798–1865 godax [Orenburg Cossack Host in 1798–1865]. Samara, Univers Group, 224 p.
- Godovova E.V. 2015. «Uzh ty` kon` moj, kon`, ty` tovarishh boevoy»: kon` v povsednevnoj zhizni kazaka (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [“Oh, my horse, my horse, you are a fighting comrade”: The Horse in the Everyday Life of a Cossack (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. *Bulletin of Samara State University*. 7(129): 133–139.
- Godovova E.V. 2011. Iz istorii povsednevnoj zhizni orenburgskix kazakov XIX veka [From the History of Everyday Life of the Orenburg Cossacks of the 19th Century]. Saarbrücken, LAP LAMBERT, 90 p.
- Godovova E.V. 2019a. Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii: osobennosti voenno-poxodnoj povsednevnosti kazakov v Xivinskom poxode 1873 g. [The Annexation of Central Asia to Russia: Features of the Military-Marching Everyday Life of the Cossacks in the Khiva Campaign of 1873]. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*. Vol. 10. 8(82).
- Godovova E.V. 2019b. Polozhenie zhenshhiny`-kazachki v sem'e i obshhestve vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The Position of Cossack Women in the Family and Society in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Gender in Focus of Anthropology, Ethnography of the Family and Social History of Everyday Life. Editors-in-Chief: Z.Z. Mukhina, A.V. Belova, N.A. Belova, S.V. Kannykin. Moscow, IEA RAS: 79–84.
- Godovova E.V., Vasiliev I.Yu. 2019. Obzor sovremenny`x publikacij, posvyashhenny`x issledovaniyu e`tnicheskogo sostava kazach`ix vojsk [A Review of Modern Publications Devoted to the Study of the Ethnic Composition of the Cossack Troops]. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*. Vol. 25. 3: 7–15.
- Godovova E.V. 2020a. Povsednevnyaya zhizn` rossijskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Everyday Life of the Russian Cossacks in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 382 p.
- Godovova E.V. 2020b. Gornodoby`vayushhaya promy`shlennost` na zemlyax Orenburgskogo kazach`ego vojska v konce XVIII – nachale XX v. [Mining Industry on the Lands of the Orenburg Cossack Army in the Late 18th – Early 20th Centuries]. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*. Vol. 26. 3: 16–21.
- Godovova E.V. 2020c. Osnovny`e napravleniya e`konomicheskogo razvitiya orenburgskogo kazachestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Main Directions of Economic Development of the Orenburg Cossacks (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. Vol. 19, 3: 563–577.
- Godovova E.V., Kortunov A.I. 2020. Zemel`ny`e spory` mezhdru kirgiz-kajsakami i orenburgskimi kazakami v Novolinejnom rajone Orenburgskoj gubernii na protyazhenii vtoroj poloviny` XIX v. [Land Disputes between the Kyrgyz-Kaisaks and Orenburg Cossacks in the Novolineyny District of the Orenburg Province during the Second Half of the 19th Century]. *Questions of History*. 10–1: 212–219.
- Godovova E.V. 2021. E`konomicheskaya povsednevnost` kazakov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Everyday Economic Life of the Cossacks (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Economic History: Yearbook. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences: 82–106.
- Godovova E.V., Meshcheryakov A.V. 2021. Kontroliruyushhaya funkciya Vojskovogo xozyajstvennogo pravleniya Orenburgskogo kazach`ego vojska na rubezhe XIX–XX vv. [The Control Function of the Military Economic Administration of the Orenburg Cossack Army at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. *New past*. 2: 96–111.
- Godovova E.V., Astafyev D.A. 2021. Istochnikovaya baza genealogicheskogo issledovaniya sluzhily`x rodov XVII v. [The Source Base of the Genealogical Study of Service Families of the 17th Century]. *Archivist's Bulletin*. 3: 927–938.
- Godovova E.V. 2023. Rasskaz N.K. Buxarina "Ocherki prilnejnoj zhizni orenburgskix kazakov. Xivinka" kak istoricheskij istochnik o povsednevnoj zhizni kazakov yuzhnoural`skogo frontira serediny` XIX v. [The Story of N.K. Bukharin "Essays on the linear life of the Orenburg Cossacks. Khivinka" as a Historical Source about the Everyday Life of the Cossacks of the South Ural Frontier of the Mid-19th Century]. *History of everyday life*. 2(26): 144–152.
- Godovova E.V., Izbasarova G.B. 2023. Orenburgskij Neplyuevskij kadetskij korpus i rasprostranenie rossijskogo obrazovaniya v Kazaxskoj Stepj [The Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps and the Spread of Russian Education in the Kazakh Steppe]. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*. Vol. 14. 1(123).

- Godovova E.V. 2023. Stranicy voennoj istorii kubanskix Kazakov [Pages of the Military History of the Kuban Cossacks]. *Military History Journal*. 5: 116–117.
- Godovova E.V. 2024a. Metodologicheskoe pole istorii povsednevnosti kak osnova izucheniya kazach`ej povsednevnosti [Methodological Field of the History of Everyday Life as a Basis for the Study of Cossack Everyday Life]. *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy*. Vol. 6. 2: 36–43.
- Godovova E.V. 2024b. Materialy` po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach`ego vojska kak sobranie istoricheskix istochnikov dlya issledovaniya akkul`turacionny`x processov na yugo-vostochnom frontire Rossijskoj imperii [Materials on the Historical and Statistical Description of the Orenburg Cossack Army as a Collection of Historical Sources for the Study of Acculturation Processes on the Southeastern Frontier of the Russian Empire]. *Electronic scientific and educational journal "History"*. Vol. 15. 1(135).
- Godovova E.V. 2024v. Kazachij fol`klor kak istoricheskij istochnik po izucheniyu povsednevnoj zhizni orenburgskix Kazakov [Cossack Folklore as a Historical Source for Studying the Everyday Life of the Orenburg Cossacks]. Scientific Heritage of Professor A.P. Pronshtein and Current Problems of Historical Science (On the 105th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Scientist): Materials of the All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference (March 21–22, 2024, Rostov-on-Don). Under the General Editorship of M.N. Krot, N.A. Mininkov, O.O. Zavyalova; Southern Federal University. Rostov-on-Don; Taganrog, Southern Federal University Publishing House: 320–324.
- Notes 2013. Zapiski N.V. Agapova: iz poходnoy zhizni orenburgskix kazakov. Nauchnaya publikaciya i issledovanie teksta [Notes by N.V. Agapov: From the Campaign Life of the Orenburg Cossacks. Scientific Publication and Text Study]. Compiled by: I.A. Filippova, E.V. Godovova, S.A. Moiseeva. Orenburg, 368 p.
- Pronshtein A.P. 1962. Razvitie sel'skogo khozyajstva na Donu v XVIII veke [Development of Agriculture on the Don in the 18th Century]. *Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe*. 1960. Kyiv: 248–261.
- Futoryansky L.I. 1997. Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov [The Cossacks of Russia at the Turn of the Century]. Orenburg, Dimur Printing House, 200 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.05.2025

Received 07.05.2025

Поступила после рецензирования 03.06.2025

Revised 03.06.2025

Принята к публикации 05.06.2025

Accepted 05.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Sergey V. Lyubichankovskiy, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

 [ORCID: 0000-0001-8349-1359](https://orcid.org/0000-0001-8349-1359)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 323.2

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-491-499

EDN VRZIQZ

Оригинальное исследование

Роль молодежных парламентов в рекрутинге политической элиты: символическое участие или реальные возможности?

Гашков В.О.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

E-mail: st096222@student.spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли молодежных парламентов в процессе рекрутинга политической элиты. Молодежные парламенты позиционируются сегодня как институты, представляющие интересы молодежи на уровне государственных структур и содействующие включению представителей молодого поколения в политические процессы страны. Роль молодежных парламентов в процессе рекрутинга политической элиты остается предметом многих дискуссий. Цель исследования – оценить степень эффективности молодежных парламентов как механизма рекрутинга в политическую элиту для молодых людей на примере Молодежного парламента при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. Задачи включают анализ нормативно-правовых актов, изучение карьерных траекторий «выпускников» молодежного парламента. Методология исследования сочетает изучение нормативных документов, биографический анализ и кейс-стади. Результатом исследования стала демонстрация роли молодежных парламентов в процессе интеграции молодежи в политическую систему общества. Ключевой вывод – молодежные парламенты предоставляют реальные возможности для построения политической карьеры, служат социальным лифтом и важной ступенью карьерной лестницы в политической сфере для наиболее активной и заинтересованной молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежный парламент, представительство молодежи, рекрутинг элит, канал рекрутинга, политическая элита

Для цитирования: Гашков В.О. 2025. Роль молодежных парламентов в рекрутинге политической элиты: символическое участие или реальные возможности? *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 491–499. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-491-499. EDN: VRZIQZ

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Role of Youth Parliaments in Recruiting the Political Elite: Symbolic Participation or Real Opportunities?

Vitaliy O. Gashkov

St. Petersburg University,
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: st096222@student.spbu.ru

Abstract. This article examines the dualistic role of youth parliaments in the political elite recruitment process, interrogating whether these institutions function as genuine pathways for youth integration into power structures or merely serve as symbolic instruments legitimizing existing political hierarchies. Youth parliaments are positioned as institutions that represent the interests of youth at the level of government structures and promote the inclusion of representatives of the younger generation in the political processes of the country. The role of youth parliaments in the recruitment process of the political elite remains the subject of much debate. The study aims to assess the effectiveness of youth parliaments as a mechanism for recruiting young people to the political elite using the example of the Youth Parliament at the Legislative Assembly of St Petersburg. The tasks include the analysis of regulatory legal acts, the study of career trajectories of “graduates” of the youth parliament. The research methodology combines the study of regulatory documents, biographical analysis and a case-study. The result of the study was a demonstration of the role of youth parliaments in the process of youth integration into the political system of the state and society. The key conclusion is that youth parliaments today provide real opportunities for building a political career, serve as a social elevator and an important step up the career ladder in the political sphere for the most active and interested youth.

Keywords: youth, youth parliament, youth representation, elite recruitment, recruitment channel, political elite

For citation: Gashkov V.O. 2025. The Role of Youth Parliaments in Recruiting the Political Elite: Symbolic Participation or Real Opportunities? *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 491–499 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-491-499. EDN: VRZIQZ

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Проблема включения молодежи в политические процессы до сих пор не теряет своей актуальности и все больше привлекает внимание общественности, поскольку «обществу не безразлично, с каким человеческим потенциалом оно вошло в новое тысячелетие» [РАНХиГС, 2023]. Сегодня политические системы все чаще обращаются к молодежным общественным институтам как к инструменту интеграции представителей нового поколения во властные процессы, в общественно-политическую жизнь страны. Молодежные парламенты, функционирующие на различных уровнях власти, позиционируются как площадки для формирования будущих лидеров и элит, которые будут способны оказывать влияние на принятие стратегически важных государственных решений. Однако роль молодежных парламентов в процессе рекрутинга политической элиты является предметом многих дискуссий. Так, с одной стороны, такого рода структуры по праву претендуют на то, чтобы стать «социальным лифтом» для наиболее активной, заинтересованной и амбициозной молодежи, обеспечивая ее дальнейшее включение в ряды политических лидеров и элит. Но, с другой стороны, существует вероятность того, что участие молодежи в молодежных парламентах носит исключительно символический характер – все молодежные инициативы остаются лишь декорацией системы, не обладающей каким-либо реальным влиянием на процесс принятия решений, а дальнейшее продвижение молодежи по карьерной лестнице в политической сфере остается под вопросом. Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что «нередко одни молодежные парламенты появлялись в канун выборов, использовались

как предвыборная технология; другие создавались конкретным лицом для повышения личного авторитета; третьи – под цели конкретной организации, конкретной группы лиц» [Зозуля, 2012, с. 37].

Актуальность данного исследования обусловлена растущим вниманием к проблемам преемственности элит, а также запросом на обновление и омоложение политических кадров [Палитай, 2020], особенно в условиях существующей нестабильности и геополитической трансформации. Наряду с этим в мире все большее место занимают процессы цифровизации, интернетизации, что создает совершенно новые условия для функционирования политической элиты и требует способности подстраиваться под происходящие с невероятной скоростью изменения. В силу чего в современном обществе наблюдается тенденция к возрастанию степени влияния молодых людей, что обусловлено их умением оперативно адаптироваться к изменяющимся условиям. Кроме того, именно молодежь является «важным актором преобразований: от ценностных, культурных, до глобальных экономических и политических процессов» [Мясоедова, 2016, с. 20]. Как отмечают исследователи, высокая степень политической активности данной категории населения в РФ объясняется отсутствием молодых политиков на политической арене, способных выражать интересы молодежи, что побуждает молодых людей выдвигать своих собственных лидеров [Абрамов, 2023, с. 10]. Так А. Гутерриш, занимающий пост Генерального секретаря ООН, отмечает: «настоятельно призываю гарантировать представителям молодежи место за столом переговоров, по мере того как мы строим мир, основанный на всеохватном, справедливом устойчивом развитии для всех» [ELJASTARY, 2021]. Молодежные парламенты позиционируются в качестве важного инструмента политической социализации и канала рекрутинга для будущей элиты [Палитай и др., 2020], они позволяют наладить диалог между властью, обществом и молодым поколением и существуют во многих странах мира, представляя собой поистине уникальный кейс для анализа. Не исключением является и Российская Федерация. Политическая элита, будучи ключевым актором принятия стратегически важных решений, нуждается в постоянном пополнении новыми кадрами, способными адаптироваться к динамичным социально-политическим трансформациям. Автором исследования было принято решение сосредоточить внимание на изучении феномена молодежного парламентаризма в Российской Федерации, рассматривая его через призму деятельности Молодежного парламента Санкт-Петербурга.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются молодежные парламенты как ключевые институты политической социализации и рекрутинга молодого поколения в ряды элит. В фокусе их организационная структура, функции, роль, а также траектории карьерного роста участников на примере деятельности Молодежного парламента при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга.

В основание данного исследования легла смешанная методология: изучение нормативно-правовых документов для выявления цели существования института молодежного парламентаризма в Российской Федерации; кейс-стади – глубинный анализ деятельности конкретного института – Молодежного парламента в Санкт-Петербурге; биографический анализ – изучение карьерных траекторий «выпускников» Молодежного парламента Санкт-Петербурга. Комбинация данных методов позволяет лучше понять, выполняют ли молодежные парламенты сегодня роль социального лифта для представителей молодого поколения (т. е. предоставляют ли они реальные возможности продвижения в политической сфере) или они остаются инструментом имитации участия в политической жизни страны (т. е. участие молодежи носит чисто символический характер).

Результаты и их обсуждение

Молодежные парламентские структуры в России, выступая элементом гражданского общества, прошли достаточно долгий путь становления и претерпели ряд этапов в своей эволюции [Zaslonkina, 2021]. Большинство исследователей сходятся во мнении и выделяют следующие ключевые периоды развития молодежных парламентских структур:

1. 1990-е – 2002 гг. – этап стихийного формирования региональных молодежных парламентов на территории России. Для него характерно отсутствие какого-либо системного подхода;

2. 2002–2006 гг. – период институционализации молодежного парламентаризма как на федеральном, так и на региональном уровнях в рамках реализации «Рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации» [Министерство образования, 2003];

3. 2006 г. – по настоящее время – этап масштабного распространения Молодежного парламентского движения во всех субъектах РФ. Однако налицо заметные различия в практической результативности данного движения [Государственный совет, 2023]. Тем не менее на сегодняшний день подобные структуры осуществляют свою деятельность во всех регионах страны [Палитай, 2020, с. 111].

Молодежный парламентаризм функционирует как инструмент, призванный обеспечить представительство интересов и правовую защиту молодежи – социально-возрастной группы, законодательно определенной в ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» как лица от 14 до 35 лет [Федеральный закон, 2020]. Данный институт предполагает формирование специальных консультативно-совещательных органов при структурах государственной власти и местного самоуправления [Гукова, 2014, с. 169]. Ключевая цель этого института состоит в вовлечении молодого поколения в решение актуальных проблем, связанных с жизнедеятельностью государства, разработке молодежной политики, учитывающей интересы и потребности молодых людей. Работа в молодежных парламентах позволяет получить бесценный практический опыт и навыки, которые станут основой для дальнейшей реализации себя в большой политике.

В настоящее время во всех регионах России накоплен довольно обширный практический опыт, позволяющий провести классификацию существующих структур, представляющих интересы молодого поколения на уровне государственной власти. Классификация осуществляется по трем основным критериям: во-первых, по форме организации представительные структуры подразделяются на палаты, советы, парламенты, ассамблеи; во-вторых, по принципу формирования они могут быть выборными, делегатскими или конкурсными; в-третьих, по уровню интеграции в систему власти представительные структуры могут быть включенными (т. е. работающими при законодательных/исполнительных органах власти) и не включенными (автономные объединения, не связанные с госструктурами) [Купорез, 2020, с. 21].

Молодежные парламенты, которые действуют при законодательных органах власти, обладают наиболее широким спектром полномочий. Они участвуют в разработке нормативно-правовых актов, регулирующих молодежную политику, координируют работу с думскими комитетами и депутатами [Купорез, 2020, с. 22]. Главной особенностью молодежных парламентов при законодательных органах власти является их институциональная основа: они создаются по инициативе законодательного органа и действуют в рамках утвержденного им положения. Ключевым преимуществом данной формы организации структур молодежного представительства можно назвать их формальный статус, закрепленный властью, что повышает легитимность решений молодежного парламента и упрощает саму процедуру их продвижения и реализации во властных структурах [Гукова, 2014, с. 171].

Роль молодежных парламентов в рекрутинге политической элиты нельзя недооценивать. В России существуют реальные примеры того, когда члены молодежных парламентов

проходили путь развития своей карьерной траектории до большой политики: до депутатов представительных органов местного самоуправления, городских дум и районных советов. Пример из Удмуртской Республики – выходец из Молодежного парламента С.В. Юрин сейчас возглавляет Министерство экономики Удмуртской Республики [Государственный совет, 2023]. Это свидетельствует о реальной включенности и о реальных возможностях данного канала рекрутинга, демонстрирует заинтересованность молодых парламентариев в дальнейшем продвижении по карьерной лестнице именно в сфере политики и государственного управления.

Автором статьи было сосредоточено внимание на исследовании формы молодежного парламентаризма при законодательных органах власти, в частности – на Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. Данная структура функционирует в качестве платформы для вовлечения молодежи в процессы законотворчества и общественно-политическую деятельность. В соответствии с Постановлением Законодательного собрания Санкт-Петербурга, целью Молодежного парламента является содействие деятельности Собрания в области регулирования прав и интересов молодежи, приобщение молодого поколения к парламентской деятельности. Задачи Молодежного парламента заключаются в следующем: подготовка всевозможных предложений и рекомендаций по совершенствованию законодательства Санкт-Петербурга в сфере интересов молодежи; содействие в формировании и реализации молодежной политики; формирование активной гражданской позиции, а также развитие правовой, политической и социальной культуры молодежи; организация и содействие волонтерским инициативам с вовлечением молодых граждан [Законодательное Собрание, 2022]. Подобный функционал демонстрирует значительный масштаб компетенций данной структуры. Молодежный парламент выступает институциональным мостом, обеспечивающим диалог между государственными органами и молодым поколением.

Молодежный парламент Санкт-Петербурга формируется из 50 членов, 18 из которых представляют фракции, имеющиеся в Законодательном собрании на момент формирования Молодежного парламента, а остальные 32 члена проходят конкурсный отбор. Участие в работе Молодежного парламента доступно гражданам РФ в возрасте от 16 до 25 лет на момент его формирования. Структура Молодежного парламента Санкт-Петербурга включает в свой состав три комиссии: по законодательству, по информационной политике и по проектной деятельности [Молодежный парламент, 2024].

Полномочия комиссии по законодательству состоят в следующем: в первую очередь она отвечает за внесение на обсуждение Молодежного парламента проектов решений, кроме этого, она занимается рассмотрением поступающих предложений и обращений и т. д. Комиссия по информационной политике, как правило, осуществляет взаимодействие Молодежного парламента с общественными объединениями и различными организациями по вопросам информационной политики, а также вносит на рассмотрение проекты решений, связанные с вопросами информационной политики и т. д. В задачи комиссии по проектной деятельности входит вынесение на рассмотрение Молодежным парламентом проектов, которые связаны с организацией проектной деятельности, а также осуществление координации мероприятий по проектной деятельности Молодежного парламента, куда входит довольно широкий перечень мероприятий в сфере спорта, культуры, военно-патриотического воспитания молодого поколения, волонтерства, проведение разного рода фестивалей, научных конференций и многих других мероприятий.

Перейдем к рассмотрению карьерных траекторий выходцев из Молодежного парламента Санкт-Петербурга. Несколько примеров «выпускников» Молодежного парламента I состава: председатель Молодежного парламента Агафонов Д.Л. ныне является депутатом 7 созыва, заместителем Главы муниципального образования Сосновая Поляна [Сосновая Поляна, 2024]; Анисимов Я.В. – депутат 7 созыва муниципального образования Измайловское [Измайловское, 2024]; Бахвалов Л.П. – депутат 7 созыва муниципального образования Гагаринское

[Гагаринское, 2024]; Лилишенцев В.С. – депутат 7 созыва муниципального образования Пороховые [Пороховые, 2024]; Лобанова К.В. – депутат 7 созыва муниципального образования Гагаринское [Гагаринское, 2024]; Пахоми М.В. – депутат 7 созыва муниципального образования Измайловское [Измайловское, 2024]; Савельева А.А. – депутат 7 созыва муниципального образования Гагаринское [Гагаринское, 2024]; Таничев М.Г. – депутат 7 созыва муниципального образования п. Парголово [Парголово, 2024]. Как видим, значительная часть «выпускников» Молодежного парламента I состава продолжили заниматься профессиональной деятельностью в сфере политики, став депутатами муниципальных образований. Особенно примечателен возрастной аспект: некоторым из «выпускников» по 22–24 года, что подтверждает факт важности ранней политической социализации и накопления практического опыта в молодежных структурах. В конечном итоге это может компенсировать ограничения, традиционно связанные с недостатком профессионализма и практического опыта.

Подобные примеры являются доказательством того, что участие в Молодежном парламенте действительно является своего рода социальным лифтом, обеспечивая включение наиболее активных, заинтересованных и амбициозных представителей молодежи в дальнейшую политическую жизнь. Молодежный парламент выступает своеобразной «ступенькой» карьерной лестницы будущих политических лидеров и элит. Набравшись необходимого практического опыта в Молодежном парламенте, многие молодые люди перешли в муниципальные органы власти. Успешная интеграция «выпускников» в органы муниципального уровня власти указывает на их способность трансформировать полученный опыт для занятия реальных властных позиций. Важность наличия опыта работы в государственных органах при занятии элитных позиций подтверждается и другими исследованиями [Bulatov, 2019]. В конце 2024 г. был избран II состав Молодежного парламента при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга, поэтому внимание исследователей будет сосредоточено на дальнейшем изучении данной проблематики.

Заключение

Проведенное исследование роли молодежных парламентов в рекрутинге политической элиты демонстрирует их значимость как одного из ключевых институтов социализации и профессионального становления будущих лидеров, элит и государственных управленцев. Результаты исследования подтверждают тот факт, что данные структуры выполняют важные функции: с одной стороны, они выступают площадкой для апробации молодежных политических практик, а с другой стороны – служат социальным лифтом, каналом рекрутинга, интегрируя молодежь в систему властных отношений. Участники молодежных парламентов приобретают необходимые компетенции, критически важные для построения политической карьеры, такие как навыки законотворчества, публичной коммуникации, лоббирования интересов, сетевого взаимодействия. Молодежные парламенты, воспроизводя работу реальных законодательных органов, формируют у представителей молодого поколения понимание основ функционирования институциональных процессов, что служит дополнительным полезным умением для построения карьеры в большой политике. Рассмотренные примеры карьерных траекторий членов Молодежного парламента при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга I состава, вошедших в муниципальные органы власти, доказывают, что структуры молодежного парламентаризма сегодня способны стать стартовой площадкой для развития дальнейшей политической карьеры. Отвечая на поставленный в заглавии данной статьи вопрос, отметим, что молодежные парламенты представляют собой реальные возможности и значимые звенья в рекрутинге будущей политической элиты и интеграции молодежи во властный процесс. Кроме того, они создают поистине уникальную среду для ранней профессионализации в политической сфере. Перспективным

направлением дальнейших исследований может стать исследование вопроса баланса между существующей лояльностью действующей власти и независимостью молодежных представительных структур. Кроме того, ограничением данного исследования является фокусирование внимания на конкретном регионе и созыве, что требует дальнейших сравнительных исследований для проверки устойчивости выявленной тенденции. В целом молодежные парламенты являются важным институтом, способствующим обновлению политической элиты, обеспечивая преемственность между поколениями элит.

Список источников

- Гагаринское. 2024. Депутаты 1-го Муниципального округа. URL: <https://mogagarinskoe.ru/municipalnyi-sovet/deputaty/deputaty-7-go-sozyiva/deputaty-1-go-municipalnogo-okruga-2024-god/> (дата обращения: 15 февраля 2025).
- Государственный совет Удмуртской Республики. 2023. Молодежный парламентаризм как форма вовлечения молодежи в социально-политическую жизнь общества на современном этапе развития России. URL: <https://www.udmgossovet.ru/interaction/youth/news/34282/> (дата обращения: 18 февраля 2025).
- Измайловское. 2024. Депутаты Муниципального Совета. URL: <http://www.moizspb.ru/депутаты-муниципального-совета/> (дата обращения: 15 февраля 2025).
- Молодежный парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. 2024. О Молодежном парламенте. URL: <https://мп78.пф/мп> (дата обращения: 20 февраля 2025).
- Парголово. 2024. Депутаты муниципального совета седьмого созыва. URL: <https://mopargolovo.ru/deputaty/> (дата обращения: 15 февраля 2025).
- Пороховые. 2024. Депутаты VII созыва. URL: <https://мопороховые.пф/municipalnyj-sovet/deputaty-2/> (дата обращения: 16 февраля 2025).
- Постановление от 16.03.2022 № 110 «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга» (с изм. на 15.01.2025). Официальный сайт Законодательного собрания Санкт-Петербурга. URL: <https://www.assembly.spb.ru/search/document/350029894/> (дата обращения: 21 февраля 2025).
- РАНХиГС. 2023. На ФГМУ прошла встреча с представителями Молодежного парламента при Законодательном собрании Санкт-Петербурга. URL: <https://spb.ranepa.ru/news/na-fgmu-proshla-vstrecha-s-predstaviteliymi-molodezhnogo-parlamenta-pri-zakonodatelnom-sobranii-sankt-peterburga/> (дата обращения: 19 февраля 2025).
- Рекомендации по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации от 24.04.2003. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901867048> (дата обращения: 18 февраля 2025).
- Сосновая Поляна. 2024. Депутаты Муниципального Совета. URL: <https://vmo39.spb.ru/ms/deputaty/> (дата обращения: 16 февраля 2025).
- Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021). Российская газета, 11.01.2021. № 1.
- ELJASTARY. 2021. Почему без развития молодежного парламентаризма сегодня у стран нет будущего? URL: <https://eljastary.kz/ru/news/18210/> (дата обращения: 20 февраля 2025).

Список литературы

- Абрамов Г.А. 2023. Основные каналы рекрутирования молодежи в политическую элиту современной России: возможности и пределы. В кн.: Международное сотрудничество в целях устойчивого развития. Сборник статей Международной научной ассамблеи (Москва, 4–7 октября 2022 г.). Москва, Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева: 9–14.
- Гукова И.Н. 2014. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи. *Via in tempore. История. Политология*, 172(1): 169–174.
- Зозуля Е.В. 2012. Деятельность молодежных парламентов в современной России как форма политического участия. *Власть*, (2): 35–37.

- Купорез К.Д. 2020. Молодежные парламенты в современной России: региональный опыт. В кн.: Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов (Екатеринбург, 2020 г.). Екатеринбург, Изд-во Урал. Ун-та: 20–34.
- Мясоедова В.А. 2016. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации. Вестник РУДН. Серия: Политология, (4): 19–28.
- Палитай И.С. 2020. Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики. Полис. Политические исследования, (5): 90–100.
- Палитай И.С. 2020. Особенности процесса становления института молодежного политического лидерства. В кн.: Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 29 апреля 2020 г.). Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского: 107–114.
- Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. 2020. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии. Вестник Томского государственного университета, (455): 68–77.
- Bulatov A.G. 2019. Recruitment Channels of the Highest Administrative Elite of Russia. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 9(5): 39–42.
- Zaslonkina O.V. 2021. Youth Parliamentarism in Modern Russia: Transformation of the Political and Legal Nature. Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law, 11(3): 145–153.

References

- Abramov G.A. 2023. Osnovnye kanaly rekrutirovaniya molodezhi v politicheskuyu elitu sovremennoj Rossii: vozmozhnosti i predely [The Main Channels for Recruiting Young People into the Political Elite of Modern Russia: Opportunities and Limits]. V kn.: Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v celjah ustojchivogo razvitiya. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj assamblei (Moskva, 4–7 oktjabrja 2022 g.). Moskva, Mezhdunarodnaja obshhestvennaja organizacija sodejstvija izucheniju, propagande nauchnogo nasledija N.D. Kondrat'eva: 9–14.
- Gukova I.N. 2014. Rol' molodezhnogo parlamentarizma v razvitii obshhestvenno-politicheskoy aktivnosti sovremennoj rossijskoj molodezhi [The Role of Youth Parliamentarism has been Shown in the Article as a Form of Youth Autonomy in the Development of Social and Political Youth Activity]. Via in tempore. Istorija. Politologija, 172(1): 169–174.
- Zozulya E.V. 2012. Dejatel'nost' molodezhnyh parlamentov v sovremennoj Rossii kak forma politicheskogo uchastija [The Activity of Youth Parliaments in Modern Russia as a Form of Political Participation]. Vlast', (2): 35–37.
- Kuporez K.D. 2020. Molodezhnye parlamenti v sovremennoj Rossii: regional'nyj opyt [Youth Parliaments in Contemporary Russia: Regional Experience]. V kn.: Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': sbornik nauchnyh trudov (Ekaterinburg, 2020 g.). Ekaterinburg, Izd-vo Ural. Un-ta: 20–34.
- Myasoedova V.A. 2016. Formirovanie instituta molodezhnyh politicheskikh elit v kontekste politicheskikh preobrazovanij v Rossijskoj Federacii [Formation of the Institute of Youth Political Elite in the Context of Political Transformation in the Russian Federation]. Vestnik RUDN. Serija: Politologija, (4): 19–28.
- Palitay I.S. 2020. Osobennosti processa stanovlenija instituta molodezhnogo politicheskogo liderstva [Institutional Process Features Youth Political Leadership]. V kn.: Razvitie politicheskikh institutov i processov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt. Sbornik nauchnyh statej XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Omsk, 29 aprelya 2020 g.). Omsk, Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo: 107–114.
- Palitay I.S. 2020. Molodoe pokolenie rossijskoj politicheskoy jelity: statusno-rol'nye i lichnostnye harakteristiki [The Young Generation of the Russian Political Elite: Status and Personal Characteristics]. Polis. Politicheskie issledovaniya, (5): 90–100.
- Palitay I.S., Popova S.Yu., Selezneva A.V. 2020. Rekrutirovanie molodyh politicheskikh liderov v sovremennoj Rossii: kanaly, formy, tehnologii [Recruiting Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, (455): 68–77.

Bulatov A.G. 2019. Recruitment Channels of the Highest Administrative Elite of Russia. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 9(5): 39–42.

Zaslonkina O.V. 2021. Youth Parliamentarism in Modern Russia: Transformation of the Political and Legal Nature. Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law, 11(3): 145–153.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 20.04.2025

Received: 20.04.2025

Поступила после рецензирования: 30.04.2025

Revised: 30.04.2025

Принята к публикации: 11.05.2025

Accepted: 11.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гашков Виталий Олегович, аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0001-6850-9645](https://orcid.org/0000-0001-6850-9645)

Vitaliy O. Gashkov, Postgraduate Student, Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Faculty of Political Science, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

УДК 323

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-500-509

EDN VSXNFB

Оригинальное исследование

Сравнительный анализ российского и европейского подходов (на примере Королевства Испании) к энергетическому переходу

Сикираз В.В. , Цымбалова А.Е.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603000, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23

E-mail: v.sikirazh@yandex.ru, tsymbalova.n@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена специфика подходов к реализации энергетического перехода в Российской Федерации и Королевстве Испания. Основное внимание сосредоточено на так называемой «зеленой повестке» в политическом поле двух стран, понимании зеленых технологий и общемировых трендах в вопросе декарбонизации. Проведен анализ нормативно-правовой базы в сфере природоохраны и энергетики, а также рассмотрены конкретные шаги по реализации «зеленых» проектов в последние годы. В заключении сделаны выводы об основных причинах, осложняющих следование Российской Федерацией общеевропейским тенденциям, сделаны выводы о возможности адаптации зарубежного опыта.

Ключевые слова: энергетический переход, «зеленая» политика, безопасность, Российская Федерация, Королевство Испания, биополитика, декарбонизация

Для цитирования: Сикираз В.В., Цымбалова А.Е. 2025. Сравнительный анализ российского и европейского подходов (на примере Королевства Испании) к энергетическому переходу. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 500–509. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-500-509. EDN: VSXNFB

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гос. задания Н-024-0_2023-2025 (FSWR-2023-0033).

Comparative Analysis of Russian and European Approaches (on the Example of the Kingdom of Spain) to the Energy Transition

Vladimir V. Sikirazh , Anna E. Tsymbalova

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: v.sikirazh@yandex.ru, tsymbalova.n@gmail.com

Abstract. The article considers the specifics of approaches to the implementation of energy transition in the Russian Federation and the Kingdom of Spain. The main focus is on the so-called “green agenda” in the political field of the two countries, the understanding of green technologies and global trends in the issue of decarbonization. Analysis of the regulatory basis in the field of environmental protection and energy sector has been carried out, and specific steps for the implementation of “green” projects in recent years have been considered. Researchers consider the “green agenda” as one of the driving forces in the transformation of the energy market, which affects the process by merging with the state power or through nongovernmental organizations. Conclusions are drawn about the main reasons complicating the Russian Federation's adherence to pan-European trends and the possibility of adapting foreign experience.

Keywords: energy transition, “green” policy, security, the Russian Federation, the Kingdom of Spain, biopolitics, decarbonization

For citation: Sikirazh V.V., Tsymbalova A.E. 2025. Comparative Analysis of Russian and European Approaches (On the Example of the Kingdom of Spain) to the Energy Transition. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 500–509 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-500-509. EDN: VSXNFFV

Funding: The research was conducted within the framework of state assignment N-024-0_2023-2025 (FSWR-2023-0033).

Введение

За прошедшие два десятилетия вопросы экологической безопасности, поддержания биоразнообразия и перехода к возобновляемым источникам энергии вошли в основу повестки мирового сообщества. В последние пару лет тема актуализировалась повышением внимания к проблематике социальной справедливости, в том числе к последствиям колониальной политики в неевропейских странах и связанных с ней особенностях жизни в регионах. Помимо этого, угрозы таяния ледников, неурожая ввиду изменения климата и сокращения биоразнообразия из-за антропогенного воздействия побудили международное сообщество в лице ООН и множества профильных НПО к поиску путей презервации мировой экосферы при текущем уровне производства. Принципы энергоэффективности и энергосбережения начинают активно применяться как в отношении производственных мощностей, так и непосредственно их потребителей – домохозяйств [Постановление Правительства РФ..., 2023]. В основу многих региональных и государственных законов по декарбонизации вошло положение Парижского соглашения об удержании всемирного потепления на уровне 1,5 градуса Цельсия в год. Однако вследствие региональной специфики и такой неоднозначной практики, как продажа компаниями углеродных единиц, реальная картина в каждом отдельном субъекте может разительно отличаться [Парижское соглашение, 2015].

В первую очередь подходы в сфере энергетики разных стран или их объединений можно сравнить по имеющимся нормативно правовым актам (НПА), рамочным соглашениям, внутренним национальным планам и стратегиям. Во-вторых, стоит рассмотреть разницу в причинах принятия различных инициатив и проектов, будь то политическая повестка «зеленых», улучшение конкурентоспособности собственных производителей энергоресурсов или улучшение международного имиджа.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает государственная политика в отношении энергетического перехода. Предметом же является специфика подходов к энергетической политике России и Европы на примере Испании. Цель исследования – определить различия в подходах к энергопереходу и возможности дальнейшей адаптации зарубежного опыта в российских реалиях. За основу был взят проблемный подход, так как он наиболее полно соответствует поставленной цели и позволяет рассмотреть такую специфическую тему. В ходе исследования также применялись такие общенаучные методы, как сравнительный анализ, позволивший сопоставить процессы, происходящие в сфере энергетического перехода в России и Испании, а также синтез, позволивший сформулировать общие выводы по теме исследования.

Результаты и их обсуждение

Особенности энергетического перехода в Королевстве Испания обусловлены во многом международными обязательствами, взятыми на себя государством, и общеевропейским «зеленым курсом». Данную связь можно проследить во многих документах и национальных

планах. Рассматривая ключевые документы Королевства Испании, в которых закреплены основы «зеленой политики», прежде всего стоит сказать о законе от 20 мая 2021 года «Об изменении климата и энергетическом переходе». Уже в преамбуле много говорится об обязательствах, взятых на себя Испанией в связи с присоединением к Парижскому соглашению в 2015 году на 21-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В связи с этим упоминается программа, принятая ООН в 2015 году, «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», а также дорожная карта ЕС 2019 года «Европейский зеленый курс». В законе об изменении климата говорится, что для реализации парижских соглашений и правил Европейского Союза автономные сообщества и муниципальные образования должны предпринимать шаги для декарбонизации испанской экономики и ее переходу к модели замкнутого цикла [Ley 7/2021..., 2021]. До 2050 года Испания должна достичь климатической нейтральности, чтобы выполнить принятые на международном уровне обязательства, а электрическая система должна быть основана исключительно на источниках возобновляемого происхождения. В качестве промежуточных целей до 2030 года определены следующие: сократить выбросы парниковых газов как минимум на 23 % по сравнению с 1990 годом; доля возобновляемых источников энергии в потреблении конечной энергии должна составить не менее 42 %; не менее 74 % генерации электричества должно производиться за счет возобновляемых источников энергии; снизить потребление первичной энергии как минимум на 39,5 %. Также в законе обозначено, что первый пересмотр целей начнется в 2023 году.

Большую финансовую помощь в реализации зеленого перехода Испания получает и со стороны Инновационного фонда ЕС, который действует как специальная программа финансирования и внедрения инновационных низкоуглеродных технологий и продуктов с целью выполнения обязательств ЕС по декарбонизации. В феврале 2023 года 23 испанских проекта были выбраны для получения субсидий на сумму более 570 миллионов евро и еще 13 проектов получили техническую помощь от Европейского инвестиционного банка [El MITECO celebra una..., 2024]. В декабре 2023 года Министерство экологического перехода и демографических проблем выделило 150 миллионов евро из средств плана «NextGenEU» для поддержки 36 проектов хранения энергии, связанных с возобновляемыми источниками энергии общей мощностью 904 МВт.

Производство зеленого водорода является одним из ключевых направлений «зеленого перехода», реализуемого в Королевстве Испания. В июле 2020 года Европейской комиссией была опубликована «Водородная стратегия для климатически нейтральной Европы», которая поставила цель установить электролизеры мощностью не менее 40 ГВт и довести общественное производство возобновляемого водорода до 10 миллионов тонн в ЕС к 2030 году. Кроме того, европейский план «REPowerEU», увеличивает эту цифру до 20 миллионов тонн, а также предусматривает создание Иберийского коридора, который объединит трубопровод для водорода H2Med и несколько участков будущей испанской национальной сети в рамках европейских водородных коридоров. Развитие этого проекта позволит Испании стать крупным мировым центром возобновляемого водорода. На данный момент испанская энергетическая компания «Enagás» может выполнять функции по строительству, эксплуатации, надзору и техническому обслуживанию водородных соединительных трубопроводов Португалия – Испания (участок CelZa), Испания – Франция (известный как «БарМар»), а также «Хранилища H2 Север-1» в Кантабрии и «Хранилища H2 Север-2» в Стране Басков. Более того, водородная инфраструктура «Enagás» уполномочена временно осуществлять функции развития водородных проектов в общих интересах Европы [El Gobierno autoriza provisionalmente..., 2024].

Еще одно направление деятельности связано с созданием крупных долин или кластеров возобновляемого водорода, что позволит объединить в одном месте несколько этапов цепочки: от производства до хранения и распределения различным потребителям, таким как сектор тяжелого транспорта и промышленности. Одновременно такие меры будут содействовать

крупномасштабному производству и потреблению возобновляемого и электролитического водорода, а также декарбонизации различных промышленных секторов испанской экономики. Для реализации кластеров выделяется сумма в размере 1,200 миллионов евро в рамках пакета мер «Следующее поколение ЕС» (NextGenEU) [El MITECO publica las bases..., 2024]. Создание подобных кластеров зачастую предусматривает прямые поставки ближайшим промышленным потребителям по гидропроводам или автомобильным транспортом. Например, в проекте «Renewable Hydrogen» по производству аммиака и зеленых удобрений в Пуэртольяно (провинция Сьюдад-Реаль) основным потребителем получаемого водорода будет местная компания по производству удобрений. Крупномасштабный электролизер в Бильбао будет расположен в том же месте, что и основной потребитель водорода – нефтеперерабатывающий завод «Petronor». Аналогичный проект предполагается запустить и в городе Картахена (провинция Мурсия). Также в Арагоне два электролизера мощностью 25 МВт, работающих на возобновляемых источниках, будут производить 15 000 тонн зеленого аммиака в год, что дальше может использоваться в качестве удобрения [El Gobierno asigna 794 millones..., 2024].

Рассматривая вопрос энергетического перехода в РФ, стоит выделить его предпосылки, условия, при которых происходят изменения в энергетическом секторе российской экономики и мировые тенденции в сфере зеленой энергетики и энергоперехода. К ключевым факторам, влияющим на процесс энергетического перехода в Российской Федерации, стоит отнести общемировые тренды на «зеленую политику»; специфику участия России в рамочных конвенциях ООН, Киотском протоколе и Парижской конвенции; географическое положение страны и ее ресурсную базу; геополитическую обстановку, в которой происходит трансформация энергетического рынка страны; передовые разработки по имплементации безуглеродных и восполняемых источников энергии (ВИЭ).

Так, пожалуй, в первую очередь необходимо обратиться к нормативно-правовому аспекту по данному вопросу. Меры по противодействию глобальному потеплению и уменьшению выбросов парниковых газов вводились еще в 1990-х годах, важной вехой послужило подписание Россией рамочной Конвенции ООН об изменении климата (РКИК), а затем в ноябре 2004 г. Киотского протокола. Впрочем, основной проблемой в осуществлении многих международных инициатив является отсутствие видимого результата, а также общая политико-экономическая ситуация в мире и отдельно взятом регионе. Так, ввиду несовершенств Киотского протокола РФ отказалась продлить свое участие, а затем в 2016 и 2019 гг. подписала и соответственно приняла Парижское соглашение по климату, предусматривающее вовлеченность в него всех стран-подписантов (ранее снижение выбросов требовалось от стран с развитой и переходной экономикой), но оставлявшее самостоятельность определения климатической политики за каждой страной. Соглашение не подразумевало под собой программу финансирования или экономического поощрения стран, внесших значительный вклад в сохранение биосферы, поэтому весомую роль в осуществлении «зеленой» повестки стали играть НКО и экономические союзы стран. В определенной мере это затронуло и Союзное государство (СГ) РФ и РБ при введении культурно-экологических проектов «еврозоны».

Изучая информацию об основных мерах по реализации зеленого курса ЕС в энергетике, стоит сказать и о таком важном документе, как «Стратегия справедливого перехода» [Estrategia Transición Justa, 2019], принятая Испанией в связи с руководящими принципами Международной организации труда (МОТ) и рекомендациями Парижского соглашения. Институт справедливого перехода является одним из ключевых в рамках реализации Стратегии, а в июле 2024 года испанский министр по экологическому переходу и демографическим проблемам Тереза Рибера была назначена президентом новой Глобальной комиссии по социально-ориентированному переходу к чистой энергетике. Комиссия была создана с целью продвижения политики, поддерживающей справедливость и доступность при переходе на чистую энергию.

Сочетание экологического перехода с социальной справедливостью было одним из основных обязательств Министерства экологического перехода и демографических проблем, которое под руководством Риберы продвигало инновационные решения для преодоления

кризиса цен на энергоносители [Teresa Ribera assume..., 2024]. Объявляя конкурсы на реализацию проектов в сфере зеленой энергетики, Министерство регулярно подчеркивает, что претенденты должны отвечать не только техническим требованиям, но также и социально-экономическим. Предложенные проекты должны учитывать возможности создания рабочих мест, местное экономическое развитие, сокращение выбросов, гендерное равенство, поддержку местных промышленных, сельскохозяйственных или социальных проектов, обучение жителей района [El MITECO publica las..., 2024].

Отдельная экономическая помощь предоставляется тем регионам, где планируется закрытие или уже были закрыты теплоэлектростанции, атомные электростанции, угольные электростанции и шахты. Помощь для реализации справедливого перехода направляется в том числе и от Фонда справедливого перехода ЕС (FTJ). Целью фонда является оказание поддержки территориям, которые сталкиваются с социально-экономическими проблемами, возникшими в результате процесса изменения климата, особенно из-за закрытия угольных предприятий [El MITECO ya ha concedido..., 2024]. С 2019 года Институт справедливого перехода поддержал 374 проекта, взяв на себя обязательство создать 1 975 новых рабочих мест и сохранить еще 5 075 уже существующих, эта помощь также софинансируется Фондом справедливого перехода ЕС. Работникам закрывшихся предприятий отдается приоритет в программе восстановления шахт и окружающей среды на площадях, деградировавших в результате добычи полезных ископаемых. Многие получают возможность освоить новые экологические специальности, такие как установка фотоэлектрических панелей или утилизация отходов [Finaliza con éxito, 2024].

Экодвижение в РФ присутствовало и ранее, однако репрезентацию своих идей во властных структурах получило в 2020 году с образованием комитета по экологии и охране окружающей среды при Госдуме седьмого созыва [Какие законы приняты..., 2021]. Тогда же были внесены изменения в 114 статью Конституции «О Правительстве РФ», закрепляющие за правительством обязанности по охране, поддержанию и развитию благоприятных условий экосреды [Распоряжение Правительства РФ..., 2021]. Статья также подразумевает введение экообразования, нацеленного на упрочнение культурно-ценностных ориентиров, связанных с природой и взаимодействием с ней. В период деятельности Думы седьмого созыва были реализованы законы по углеродному регулированию, предотвращению разливов нефти и обращению с отходами повышенной опасности. Это приблизило энергопереход за счет усиления давления на так называемые «энергетические лобби», что повысило издержки для производителей углеродной энергии, а также снизило пошлины на экологически чистые товары. По итогам подобных реформ на повестку дня вышла экологическая тема, а на фоне принимаемых в то время регуляций ЕС необходимо было внести глобальные изменения в нормативно-правовую базу об экологии и биосфере [Подобреювская, 2023, с. 32]. Вызвано это было как политическими причинами – укрепить свое положение в глазах мировой общественности, так и сугубо экономическими. Ввиду особенностей европейских ограничений, в частности открытого обсуждения введения трансграничного углеродного налога (введенного позднее), власти пришли к ответным мерам в данной отрасли [Баташев, 2022, с. 54].

Так, в 2021 году был принят ФЗ-296 «Об ограничении выбросов парниковых газов», привнесший в правовое поле юридическое определение экологических терминов – «углеродная единица», «углеродный след» и т. д. Более того, документ сфокусирован на введении в российскую энергетику «климатических проектов», целью которых является декарбонизация. Несмотря на первоначальные опасения экспертов о размытости формулировки «климатический проект» и возможных проблемах в верификации их деятельности, с 2022 г. активно реализуются некоторые из них. К наиболее перспективным можно отнести «Сахалинский эксперимент», проходящий с 1 сентября 2022 года по 31 декабря 2028 года, в ходе которого ряд предприятий должен будет снизить выброс парниковых газов на 160 тысяч тонн CO₂-эквивалента до 2025 года. В дополнение к углеродному квотированию региона была подключена система «углеродных единиц», работающих по принципу

финансирования энергетического перехода за счет производителей неэкологических энергоносителей. До 2031 года планируется выпустить более 1 800 таких единиц (среди них строительство газовых и ветроэлектростанций на островах Шикотан и Кунашир) [Скоков, Гузенко, 2023, с. 88]. Подобные всеобъемлющие трансформации предполагаются и в других областях России, однако Сахалинская область была выбрана по причине изолированности от федеральных энергосетей. Этот проект затронул и транспортную сферу региона, привнеся больше общественного транспорта на электричестве и газовом топливе. Правительство стремится нарастить низкоэмиссионный транспорт до 50 % в общей доле, включая частные и общественные парки.

Стоит также отметить особую роль ядерной энергетики в приближении энергетического перехода в России. В отличие от западного дискурса, в РФ данный вид энергии считается экологичным и близким к ВИЭ, в том числе из-за технологического прорыва отечественных исследователей. Так, реактор БН-800 обеспечивает технологию закрытого ядерного топливного цикла, используя отработанное «МОКС» топливо, в котором содержится уран-238, в текущее время не используемый напрямую в циклах иных двигателей. Правительство реализует это конкурентное преимущество в двух плоскостях: «озеленяя» внутреннюю энергетику и в геополитических целях. В первом случае это происходит за счет перехода к закрытому ядерному циклу, при котором используется около 100 % топлива, в то время как в зарубежных реакторах и отечественных предыдущих версий задействовалось в цикле лишь 11 %. Геополитическая цель заключается в постройке в третьих странах АЭС по российским проектам, что играет роль российской «мягкой» силы [Тен, 2023]. Помимо энергоэффективных технологий Россия через «Росатом» заключает контракты на возврат отработанного топлива для повторного использования в отечественных реакторах. На 2024 год у России имеются 8 проектов в различных странах, активная работа по сооружению продолжается в Турции и Египте. Из прекращенных проектов можно назвать АЭС «Ханхикиви-1», отмененную в одностороннем порядке по политическим причинам правительством Финляндии.

В то же время Испания испытывает сложности с реализацией проектов по ВИЭ ввиду экономических и юридических особенностей. Европа в настоящее время является нетто-импортером технологий возобновляемой энергетики, поскольку около четверти электрических батарей и очень важная часть фотоэлектрических солнечных модулей поставляются из стран, не входящих в ЕС. В данном аспекте европейская промышленность нуждается в поддержке, поскольку производители также сталкиваются с ростом цен на энергию и ресурсы [El MITECO lanza a..., 2024].

В декабре 2023 года Совет министров Испании по предложению Министерства экологического перехода и демографических проблем утвердил «7-й генеральный план по обращению с радиоактивными отходами», устанавливающий политику правительства в области обращения с радиоактивными отходами, включая отработанное ядерное топливо, а также демонтаж и вывод из эксплуатации ядерных объектов. В соответствии с планом прекращение эксплуатации атомных электростанций должно осуществляться в период с 2027 по 2035 год. Начало демонтажа АЭС предполагается через три года после их окончательного прекращения эксплуатации, за исключением Ванделлос I (остановлена в 1989 года из-за серьезной аварии) [El Gobierno argueba el Séptimo..., 2024]. Работы по демонтажу станций, безопасному и окончательному хранению отработанного топлива и радиоактивных отходов, образовавшихся в ходе их эксплуатации, должны быть проведены до 2100 года [El Gobierno actualiza la..., 2024].

Учитывая опыт реализуемых «зеленых» проектов и технологий по увеличению энергоэффективности, можно подвести промежуточный вывод о схожести российского и европейского подходов. Однако стоит подчеркнуть, что большинство отечественных наработок были утверждены в 2019–2021 гг., что обусловлено обстоятельствами «ковидного» периода с четкой нацеленностью на общемировую системную повестку [Кулапин, 2021, с. 15]. В то же время позиционирование данного направления в российском внутреннем социально-политическом поле испытало спад, связанный с событиями СВО. Если брать ядро т. н.

«зеленой» повестки, то ввиду кризисности и урезания финансирования одна из двух составляющих (вопросы экологии и климата), а именно климатический аспект, отошла на второй план, что сразу отразилось на бизнес-стратегиях, включающих вопросы экологии, защиты окружающей среды и социального развития [Нелюбина, Андреев, 2024, с. 7]. Помимо переориентации в экономике и социально-политической повестке на процесс энергоперехода непосредственно влияет и напряженная ситуация на границе и в ряде регионов. К наиболее серьезным вызовам можно отнести подрыв «Северных потоков» осенью 2022 года, нанеший непоправимый ущерб системе региональной безопасности и, естественно, экологическому состоянию планеты. Событие привело к высвобождению до 230 тыс. тонн метана в атмосферу, оглушив множество рыбы, а также повлекло возможную опасность разгерметизации захоронения химического оружия в районе о. Борнхольм. Более того, ввиду растущей нестабильности на границе интеграция в энергетику «зеленых» проектов повысит издержки на переоборудование трансформаторных систем, энергетическую логистику и обновление коммуникаций ЖКХ, а также в большей степени на оборону самих производящих мощностей [Мастепанов, 2017, с. 24]. В свете последних событий южные и приграничные регионы испытывают проблемы с насыщенностью электроэнергией, что осложняет приближение энергоперехода во всероссийском формате. Несмотря на имеющиеся локальные инициативы по использованию солнечной энергии существуют глобальные угрозы, ставящие под вопрос стабильность и безопасность не только инновационных, но и устоявшихся источников генерации электричества. Санкционный режим, давление «коллективного Запада» и военная угроза не дают в полной мере реализовать или адаптировать те европейские проекты декарбонизации, что были в планах до 2022 г. Однако РФ смягчило этот удар собственными успехами в развитии ядерной энергетики, увеличением количества экологичного транспорта и дружественными связями со странами «глобального Юга».

Заключение

Завершая сравнительный анализ, в первую очередь стоит обратить внимание на разницу в финансировании. В рамках реализации «зеленой политики» Испания получает весьма существенную помощь со стороны европейских структур, таких как Инновационный фонд ЕС и Европейский инвестиционный банк. Россия же на подобную помощь рассчитывать не может, более того, после начала СВО интерес бизнеса к эко-трендам упал. Проекты, которые начали реализовываться в постковидный период, продолжают, но им уже не уделяется столько внимания.

Одновременно общемировой и общеевропейский зеленый курс накладывает ряд ограничений на внутреннюю политику в этой сфере, и Испания вынуждена жестко его придерживаться в вопросе ликвидации АЭС. Все это требует быстрой переориентации на новые возобновляемые источники энергии, дальнейшее увеличение финансовых вливаний, в том числе и в рамках «Стратегии справедливого перехода», для создания дополнительных рабочих мест после закрытия неэкологических предприятий. В России же увеличивается как количество АЭС, так и вводятся в эксплуатацию современные модели водо-водяных энергетических реакторов, например, ВВЭР БН-1200М, сама ядерная энергетика становится практически безотходной, а значит, более «зеленой».

Кроме того, Испания занимает достаточно активную позицию в ЕС по вопросам наращивания темпов энергетического перехода и стала связующим звеном в строительстве и обслуживании европейских водородных трубопроводов. В то время как санкционная политика ослабляет позиции РФ по сравнению с европейскими странами в сфере переоборудования транспортных сетей и коммуникаций под стандарты декарбонизационных проектов. Тем не менее есть и общие точки соприкосновения, например, увеличение доли экологически чистого транспорта в обоих государствах. В Испании есть примеры довольно интересных проектов,

касающихся использования ветровой, морской, солнечной и геотермальной энергии. Особенно это актуально для удаленных территорий, таких как Канарские острова и Сахалин.

Дальнейшие тенденции в выстраивании «зеленой» политики в РФ видятся исследователям связанными с дипломатическими успехами и развитием параллельного импорта, что позволит компенсировать недостаток комплектующих для ряда экопроектов. Более того, достижение энергоперехода должно быть сопряжено с обретением выигрышной позиции в текущем конфликте. Нейтрализация угрозы безопасности фундаментально необходима для резкого роста в большинстве сфер, включая энергетику. Среди акселераторов энергоперехода стоит отметить растущее сотрудничество со странами «глобального Юга», в частности Ирана, Китая, Индии, включение в повестку энергетических трендов арабских государств, а также планируемое строительство АЭС в Казахстане.

Список источников

- Какие законы приняты для защиты экологии. 2021. Государственная Дума. <http://duma.gov.ru/news/51885/> (дата обращения: 29.04.2025).
- Парижское соглашение. 2015. United Nations. Climate Change. https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 29.04.2025).
- Постановление Правительства РФ от 9 сентября 2023 г. № 1473 «Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности». 2023. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309110012> (дата обращения: 12.04.2025).
- Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». 2021. <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 12.04.2025).
- El Gobierno actualiza la prestación patrimonial que financia el servicio de Enresa a las centrales nucleares en explotación. 25.06.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/junio/el-gobierno-actualiza-la-prestacion-patrimonial-que-financia-el-.html> (accessed: 19 August 2024).
- El Gobierno aprueba el Séptimo Plan General de Residuos Radiactivos. 27.12.2023. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2023/12/el-gobierno-aprueba-el-septimo-plan-general-de-residuos-radiactivos.html> (accessed: 19 August 2024).
- El Gobierno asigna 794 millones a siete proyectos de clústeres y tecnologías industriales de hidrógeno renovable del IPCEI Hy2Use. 09.07.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/julio/el-gobierno-asigna-794-millones-a-siete-proyectos-de-clusteres-y.html> (accessed: 19 August 2024).
- El Gobierno autoriza provisionalmente a Enagás a desarrollar las redes de hidrógeno reconocidas como Proyecto de Interés Común europeo. 30.07.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/julio/el-gobierno-autoriza-provisionalmente-a-enagas-a-desarrollar-las.html> (accessed: 23 August 2024).
- El MITECO celebra una jornada informativa sobre el Fondo de Innovación de la Unión Europea. 29.02.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/febrero/el-miteco-celebra-una-jornada-informativa-sobre-el-fondo-de-innovacion.html> (accessed: 22 August 2024).
- El MITECO lanza a consulta pública nuevas ayudas a la fabricación de tecnologías renovables y almacenamiento. 23.02.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/febrero/el-miteco-lanza-a-consulta-publica-nuevas-ayudas-a-la-fabricacion.html> (accessed: 25 August 2024).
- El MITECO publica las bases reguladoras para destinar 1.200 millones a grandes valles de hidrógeno renovable. 30.07.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/julio/el-miteco-publica-las-bases-reguladoras-para-destinar-1-200-mill.html> (accessed: 27 August 2024).

- El MITECO publica las bases reguladoras para destinar 1.200 millones a grandes valles de hidrógeno removable. 30.07.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/julio/el-miteco-publica-las-bases-reguladoras-para-destinar-1-200-mill.html> (accessed: 19 August 2024).
- El MITECO ya ha concedido 43 millones en los cuatro municipios afectados por el futuro cierre de la central térmica de Los Barrios. 15.03.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/marzo/el-miteco-ya-ha-concedido-43-millones-en-los-cuatro-municipios-a.html> (accessed: 24 August 2024).
- Estrategia Transición Justa, 2019. Gobierno de España. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. https://www.transicionjusta.gob.es/Documents/el_instituto/Convenios_transicion_justa/common/Estatregia_Transicion_Justa_Def.PDF (accessed: 26 August 2024).
- Finaliza con éxito el programa de apoyo al empleo a los excedentes de la minería del carbón: el 95 % de los participantes están ya ocupados. 16.02.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/febrero/finaliza-con-exito-el-programa-de-apoyo-al-empleo-a-los-excedent.html> (accessed: 24 August 2024).
- Ley 7/2021, de 20 de mayo, de cambio climático y transición energética, 2021. Jefatura del Estado. «BOE» № 121, 21.05.2021. <https://www.boe.es/eli/es/l/2021/05/20/7/con P. 17> (accessed: 20 August 2024).
- Teresa Ribera asume la presidencia de la nueva comisión para la justicia social energética de la Agencia Internacional de la Energía. 11.07.2024. Ministerio para la transición ecológica y el reto demográfico. <https://www.miteco.gob.es/es/prensa/ultimas-noticias/2024/julio/teresa-ribera-asume-la-presidencia-de-la-nueva-comision-para-la.html> (accessed: 19 August 2024).

Список литературы

- Баташев Р.В. 2022. Трансграничное углеродное регулирование: перспективы и риски для России. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 12–3. С. 52–54. <https://cyberleninka.ru/article/n/transgranichnoe-uglerodnoe-regulirovanie-perspektivy-i-riski-dlya-rossii> (дата обращения: 12.04.2025).
- Кулапин А.И. 2021. Энергетический переход: Россия в глобальной повестке. ЭП. 7(161). С. 10–15. <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskij-perehod-rossiya-v-globalnoy-povestke> (дата обращения: 29.04.2025).
- Мастепанов А.М. 2017. Проблемы обеспечения энергетической безопасности в новых геополитических условиях. ЭП. 1. С. 20–37. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-energeticheskoy-bezopasnosti-v-novyh-geopoliticheskikh-usloviyah> (дата обращения: 29.04.2025).
- Нелюбина А.С., Андреев М.Ю. 2024. Сценарии энергоперехода в России: эффекты в макроэкономической модели общего равновесия с рациональными ожиданиями. Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях. 122. С. 7–16. https://cbr.ru/StaticHtml/File/158119/wp_122.pdf (дата обращения: 29.04.2025).
- Подобрежевская Е.С. 2023. «Зеленая повестка» в политическом процессе современной России: особенности формирования. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 1. С. 30–34. <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-povestka-v-politicheskom-protsesse-sovremennoy-rossii-osobennosti-formirovaniya> (дата обращения: 29.04.2025).
- Скоков Р.Ю., Гузенко М. 2023. Сахалинский эксперимент достижения углеродной нейтральности. ЭП. 2(180). С. 86–99. <https://cyberleninka.ru/article/n/sahalinskiy-eksperiment-dostizheniya-uglerodnoy-neutralnosti> (дата обращения: 11.05.2025).

References

- Batashev R.V. 2022. Transgranichnoe uglerodnoe regulirovanie: perspektivy i riski dlja Rossii [Transboundary Carbon Regulation: Prospects and Risks for Russia]. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 12–3. S. 52–54. <https://cyberleninka.ru/article/n/transgranichnoe-uglerodnoe-regulirovanie-perspektivy-i-riski-dlya-rossii> (accessed: 12.04.2025).
- Kulapin A.I. 2021. Jenergeticheskij perehod: Rossiya v global'noj povestke [Energy Transition: Russia on the Global Agenda]. EP. 7(161). S. 10–15. <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskij-perehod-rossiya-v-globalnoy-povestke> (accessed: 29.04.2025).

- Mastepanov A.M. 2017. Problemy obespecheniya jenergeticheskoy bezopasnosti v novyh geopoliticheskikh usloviyakh [Problems of Ensuring Energy Security in New Geopolitical Conditions]. EP. 1. S. 20–37. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-energeticheskoy-bezopasnosti-v-novyh-geopoliticheskikh-usloviyakh> (accessed: 29.04.2025).
- Neljubina A.S., Andreev M.Ju. 2024. Scenarii jenergo perekhoda v Rossii: jeffekty v makroekonomicheskoy modeli obshhego ravnovesiya s racional'nymi ozhidaniyami. [Energy Transition Scenarios in Russia: Effects in a General Equilibrium Macroeconomic Model with Rational Expectations]. Bank Rossii. Seriya dokladov ob jekonomicheskikh issledovaniyakh. 122. S. 7–16. https://cbr.ru/StaticHtml/File/158119/wp_122.pdf (accessed: 29.04.2025).
- Podobreevskaja E.S. 2023. «Zelenaja povestka» v politicheskom processe sovremennoj Rossii: osobennosti formirovaniya [“Green agenda” in the Political Process of Modern Russia: Specifics of Formation]. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 1. S. 30–34. <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-povestka-v-politicheskom-protsesse-sovremennoj-rossii-osobennosti-formirovaniya> (accessed: 29.04.2025).
- Skokov R.Yu., Guzenko M. 2023. Sahalinskij eksperiment dostizheniya uglerodnoj nejtral'nosti. [Sakhalin Experiment to Achieve Carbon Neutrality]. EP. 2(180). S. 86–99. <https://cyberleninka.ru/article/n/sahalinskiy-eksperiment-dostizheniya-uglerodnoj-neytralnosti> (accessed: 11.04.2025).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.03.2025

Received 10.03.2025

Поступила после рецензирования 20.04.2025

Revised 20.04.2025

Принята к публикации 30.04.2025

Accepted 30.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сикираз Владимир Владимирович, младший научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник, г. Нижний Новгород, Россия

[ORCID: 0000-0003-1744-4073](https://orcid.org/0000-0003-1744-4073)

Vladimir V. Sikirazh, Junior Researcher at the Lobachevsky Agency for Scientific Research and Information, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

Цымбалова Анна Евгеньевна, доцент кафедры истории и теории международных отношений, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник, г. Нижний Новгород, Россия

[ORCID: 0000-0002-3673-0641](https://orcid.org/0000-0002-3673-0641)

Anna E. Tsymbalova, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК: 329.05
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-510-520
EDN XPKJUJ
Оригинальное исследование

Эволюция правого и левого популизма в Италии

Фенин К.В.

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76
E-mail: feninkv@mail.ru

Аннотация. Текущий политический процесс в странах ЕС характеризуется кризисом института классических партий. В статье представлен анализ причин и эволюции феномена популизма в рамках партийно-политической системы Италии. Популизм как идеология «антиполитики» является характерной чертой политической системы Итальянской Республики с самого начала ее существования. Главной целью популистских партий является пересборка политических институтов и использование механизмов прямой демократии. В качестве примеров правого и левого популизма анализируются программы партий «Лига» и «Движение пяти звезд» на выборах 2018 и 2022 гг. Автор приходит к выводу, что популистские партии Италии отказались от своих наиболее радикальных требований и стали более умеренными. «Лига» из регионалистской правой партии перешла к формату общенациональной правопопулистской силы. «Движение пяти звезд» начиналось как протестный формат «антиполитики», но затем превратилось в устойчивую структуру левопопулистской направленности. Институционализация правого и левого популизма может привести к разочарованию избирателей и появлению новых популистских проектов.

Ключевые слова: Италия, популизм, «Движение пяти звезд», Лига Севера, Лига, Братья Италии, партийно-политическая система, идеология

Для цитирования: Фенин К.В. 2025. Эволюция правого и левого популизма в Италии. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 510–520. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-510-520. EDN: XPKJUJ

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Evolution of Right and Left Populism in Italy

Kirill V. Fenin

Moscow State Institute for International Relations (University),
76 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russia
E-mail: feninkv@mail.ru

Abstract. The current political process in the EU countries is characterized by a crisis of classical parties. The author provides an analysis of the causes and evolution of the phenomenon of populism within the framework of the Italian party and political system. Populism as an ideology of an “anti-politics” has been a characteristic feature of the political system of the Italian Republic since the very beginning. The main goal of populist parties is to reassemble political institutions and strengthen the mechanisms of direct democracy. The study contains an analysis of the manifestos of the League and the Five Star Movement parties in the 2018 and 2022 elections as examples of right-wing and left-wing populism. The author concludes that Italy's populist parties have abandoned their most radical demands and become more moderate. The League has moved from a regionalist right-wing party to the format of a nationwide right-wing populist force. The Five Star Movement had begun as a protest format of a «anti-politics», but then turned into a stable structure with a left-wing populist orientation. The institutionalization of right-wing and left-wing populism can lead to disillusionment of voters and the emergence of new populist projects.

Keywords: Italy, populism, "Five Star Movement", Lega Nord, League, Brother of Italy, party-political system, ideology

For citation: Fenin K.V. 2025. The Evolution of Right and Left Populism in Italy. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 510–520 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-510-520. EDN: XPKJUJ

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Актуальность исследования обусловлена усилением позиций популистских партий в Европе. Популистские партии преодолели важный рубеж в своем развитии: они стали приходить к власти. В частности, в 2018–2019 гг. в Италии существовало первое в Европе популистское правительство, сформированное двумя разными популистскими силами: правой популистской партией «Лига» и «Движением пяти звезд», которое придерживается левых позиций.

Поскольку Италия является третьей по масштабам экономикой ЕС и одним из ведущих государств НАТО, изучение трансформации партийной системы имеет практическую значимость для прогнозирования возможных путей политического курса Итальянской Республики.

В научной литературе существует два основных подхода к изменению стратегий популистских партий после прихода к власти. Согласно одной точке зрения, популисты становятся более умеренными в результате вхождения в правительственную коалицию, чтобы уменьшить вероятность разногласий с партнерами [Breyer, 2022]. По другой, популистские партии начинают реализацию своей программы после получения власти, нанося ущерб состоянию институтов [Huber, Schimpf, 2017] и конституционной демократии [Fournier, 2019].

Выдвигается гипотеза о том, что популистские партии становятся более умеренными после прихода к власти. Нахождение популистов у власти операционализируется через участие в правительственной коалиции, учитывая парламентский характер Итальянской Республики. В работе автор опирается на исторический институционализм [Гаман-Голутвина, Никитин, 2019], акцент в котором сделан на программы и содержание политики [Патрушев, 2006]. В качестве институтов рассматриваются политические партии. Их стратегии изучаются через документы, а именно предвыборные манифесты.

Предвыборные программы представляют собой наиболее полное описание идеологии партии и ее намерений. Они остаются всеобъемлющим средством, с помощью которого партия передает своему электорату сведения о планах и намерениях [Dinas, Gemenis, 2015]. Важно учитывать временной фактор, поскольку выборы проходят, как правило, с определенным промежутком (3–5 лет). Интервальный характер принятия программных документов позволяет отследить динамику изменения партийной идеологии.

Для анализа предвыборных программ популистских партий применяется метод количественного контент-анализа. В качестве объекта для анализа используются предвыборные программы политических партий «Лига» и «Движение пяти звезд» в ходе избирательных кампаний 2018 и 2022 гг. Причина выбора этих политических сил заключается в том, что они представляют собой примеры правого и левого популизма соответственно.

Парламентские выборы 2018 г. выбраны по причине того, что именно после этих выборов «Движение пяти звезд» и «Лига» пришли к власти. Ранее «Лига Севера» уже участвовала в составе правительственной коалиции, но после 2013 г. партия значительно изменилась. Таким образом, анализ предвыборных программ двух партий на выборах 2018 и 2022 гг. позволит сравнить идеологии этих партий до и после нахождения у власти.

Правый и левый популизм в странах ЕС

Следуя воронке причинности, необходимо рассмотреть процесс развития популизма на наднациональном уровне (Европейский союз) перед переходом к анализу конкретной страны Италии [Ильин, 2015]. Текущий политический процесс в странах Европейского союза отличается растущей турбулентностью. В течение 2010-х годов ЕС оказался перед лицом трудных вызовов: массовое движение против политики жесткой экономии в 2011–2014 гг.,

миграционный кризис 2015–2016 гг., выход Великобритании из ЕС, протесты «желтых жилетов» во Франции в 2018–2019 гг.

В результате сочетания внутренних и внешних факторов европейские страны столкнулись с серьезным политическим кризисом. Составной частью этого феномена является кризис института современных политических партий, у которого есть ряд проявлений.

Во-первых, по данным исследования, охватывающего период с 1960 по 2008 годы, доля членов политических партий в их электорате сократилась с 15 % до 5 %, а в некоторых странах – до 2 % [Biezen, Poguntke, 2014]. Во-вторых, аналогичным образом снижается явка избирателей (средняя снизилась с 83 до 65 %) и социальная база традиционных партий (членство в профсоюзах и принадлежность к христианству).

В-третьих, на данный момент в Европе партийные системы испытывают самый высокий уровень волатильности в мире, данная тенденция усилилась после 1990-х гг. [Chiaramonte, Emmanuelle, 2017]. По мнению российских исследователей, «факторы, вызванные глобализацией и связанные с изменением социальной структуры, привели к формированию новых оснований для партийной дифференциации» [Сергеев, Казанцев, Петров, Медведева, 2018].

Традиционным партиям был брошен вызов в лице популистских партий. Средняя доля голосов за популистские партии на выборах в странах – членах ЕС увеличилась с 5,3 % в 1940-е гг. до 12,8 % в 2010-е гг. [Inglehart, Norris 2016]. К возникшим популистским движениям относятся такие партии, как СИРИЗА (Греция), «Подemos» и «Вокс» (Испания), Альтернатива для Германии, «Движение пяти звезд» и Лига (Италия).

Основополагающей характеристикой популизма является выделение двух враждующих групп: «народа» и «элиты», отмечает К. Мюдде [Mudde, 2007]. Популисты, как правило, отказываются делить народ и элиту на какие-либо группы (по половому, региональному, социальному признакам и т. д.) и используют «сплоченный» народный образ, который направлен против правящих элит *per se*. В свою очередь, ключевым различием правого и левого популизма является интерпретация понятия «народ». Для левых это угнетаемый элитой класс, а для правых – социально-культурная общность (нация).

Для правого популизма характерна стратегия, основанная на исключении социальных групп, которые нарушают гомогенность системы. Он сосредоточен на социокультурных вопросах и делает акцент на национальной идентичности. Напротив, в центре движения левого популизма лежит идея эгалитаризма. Одним из способов изучения популизма является анализ дискурса популистских партий, который был применен в данной работе в виде контент-анализа предвыборных программ популистских партий Италии.

Популизм в партийной системе Италии

Италия выделяется среди других европейских государств, поскольку не имеет равных в ЕС по масштабам электоральной поддержки популистов. Так, доля голосов итальянских избирателей, отданных за популистские партии, выросла с 30 % в 1994 г. до 70 % в 2018 г. [Vercersi, 2021]. Противопоставление интересов простого народа и элиты является характерной чертой дискурса ведущих политических партий Италии.

На наш взгляд, развитие популизма в Италии обусловлено несколькими причинами. Во-первых, создание единого итальянского государства в XIX веке не сопровождалось политической мобилизацией населения [Cotta, Verzichelli, 2007]. В результате недостаток легитимности стал причиной традиционного недоверия итальянцев политической системе. М. Тарки в работе «Условия демократии в Европе. 1919–1938 гг.» [Conditions of Democracy in Europe, 1919–39, 2000] подчеркивает, что объединение Италии не сформировало условия для участия масс в политике.

В качестве ответа гражданского общества на закрытый характер политической арены появилась идея «антиполитики» – примата общества над коррумпированными политическими институтами и прямого представительства народа [Алексеевкова, 2023]. Проявлениями

«антиполитики» стали феномен мафии и фашизм на начальном этапе развития с присущей ему критикой парламентаризма.

Во-вторых, в период Первой республики (1946–1994 гг.) консолидация демократии была достигнута благодаря массовым партиям в условиях фактического коллапса основных институтов государства (монархия, армия). Учитывая, что Италия представляет собой парламентскую республику, политические партии играют в ней определяющую роль. В этой связи И.Б. Левин отмечает, что «с течением времени трактовка партий как основного, если не единственного, канала постоянного участия граждан в управлении государством утвердилась и в юридической литературе, и в политической практике Италии» [Левин, 1993]. Политические партии Италии выполняют важные функции в ходе избирательного процесса, парламентской работы и функционирования правительства.

Однако партийная фрагментация и распад ведущих политических сил – ХДП и ИКП в начале 1990-х годов подорвали доверие в отношении политических партий и скомпрометировали политический класс в целом. На этом фоне программы основных партий существенно сблизились друг с другом в период т. н. «пятипартийности» 1981–1991 гг., что привело к фактическому исчезновению политической альтернативы ведущим политическим силам.

Данный фактор стал одной из причин успехов популистов в период Второй республики. М. Тарки обращает внимание на то, что в Италии появилось сразу несколько популистских движений, он назвал эту ситуацию «множественным популизмом» [Tarchi, 2008]. Причина состоит в том, что каждый из итальянских популистских проектов продвигал собственное видение центрального для популизма понятия «народ».

Пионером итальянского популизма периода Второй республики стал С. Берлускони. Лидер партии «Вперед, Италия» сделал ставку на антиэтатистскую идеологию среднего класса и собственную харизму, что позволило ему в течение длительного времени оставаться у власти. К. Мюдде считает, что идеологией партий С. Берлускони «Вперед, Италия» и «Народ свободы» является «неолиберальный популизм» [Mudde, 2007], усиленный лидерским характером партии.

Параллельно развивалась партия «Лиги Севера», в основе которой лежала идентичность северной части страны, а под народом подразумевалась региональное сообщество. Позднее «Лига Севера» прошла процесс трансформации из регионального движения в общенациональную правопопулистскую партию «Лига». На этом фоне начинается развитие нового популистского проекта «Движения пяти звезд», которое после попытки создать постидеологическую партию перешло к левому популизму. Данные партии отнесены к популистским на основе данных проекта «ThePopuList», в рамках которого были изучены парламентские партии стран ЕС.

Таким образом, можно проследить постепенное развитие популизма в рамках партийно-политической системы Италии. От первых зачатков антипартийных движений страна перешла к неолиберальному варианту популизма С. Берлускони на излете тысячелетия. Наконец, в новом XXI веке появились движения правого и левого популизма, которые изменили партийный ландшафт Италии.

Настоящая статья представляет собой попытку выявления преемственности и динамики в эволюции двух популистских партий Италии – «Движения пяти звезд» и «Лиги». В рамках данной работы был использован количественный контент-анализ. Количественный анализ основан на поиске определенных слов, подходящих под одну из сформулированных далее категорий. Основываясь на методологической концепции, разработанной К. Мюдде и Р. Кальтвассер, был сформулирован набор слов, относящийся к принципам политики распределения ресурсов (материальный аспект), принципам политического представительства и участия внешних групп (политический аспект) и принципам определения границ общей идентичности (символический аспект) [Mudde, Rovira Kaltwasser, 2013].

Помимо автоматического анализа текста с помощью программы «Yoshikoder» для поиска определенных слов был применен интерпретационный метод, направленный на исключение ложных вариантов. В данном случае анализировался контекст употребления слов, чтобы не допустить двусмысленности или ложного результата, когда слово имеет иной смысл.

Таким образом, частота упоминаний групп и ключевых слов позволит сделать вывод о значимости этих или иных тем для партийной идеологии. В целях удобства анализа количество упоминаний приводится на каждую тысячу слов. Кросс-темпоральный анализ предвыборных программ дает возможность проанализировать динамику изменений партийной идеологии «Движения пяти звезд» и «Лиги» до и после периода нахождения у власти.

«Движение пяти звезд»

Результаты контент-анализа программ данной партии на выборах 2018 и 2022 гг. приведены в таблице 1. Сравнительный анализ – в таблицах 2 и 3. Во-первых, находит подтверждение упомянутый ранее тезис о «левом» повороте «Движения пяти звезд». Партия стала уделять больше внимания референтным социальным группам. Например, в четыре раза увеличилось число упоминаний рабочих, произошел резкий рост упоминаний безработных. Причина может состоять в экономических проблемах, которые были вызваны пандемией коронавирусной инфекции.

Кроме того, по данным исследования Ipsos, больше 40 % опрошенных сторонников «Движения пяти звезд» отнесли себя к левым, в то время как правыми себя назвали лишь 9 % электората. Соответственно, руководство партии стремится удовлетворить запрос на социальную политику со стороны значительной части своих избирателей.

Во-вторых, в программе 2022 г. в семь раз больше упоминаний женщин и в десять раз чаще упомянута категория молодых людей. Актуализация молодежной повестки может быть обусловлена стремлением «Движения пяти звезд» вернуть поддержку молодых избирателей, поскольку она заметно снизилась по сравнению с прошлыми выборами.

С другой стороны, число упоминаний мигрантов не претерпело существенных изменений. Данный факт связан с тем, что проблема миграции не утратила свою актуальность для итальянского общества. Как и в 2018 г., этот вопрос оставался одним из главных в предвыборной кампании. При этом позиция «Движения пяти звезд» на тему миграции значительно изменилась. Если в период первого правительства Дж. Конте партия одобряла антииммиграционные указы М. Сальвини, министра внутренних дел, то в период второго правительства Конте они были частично отменены. А в августе 2022 г. Дж. Конте, лидер «Движения», полностью откестился от жесткой политики в отношении мигрантов.

В-третьих, стал более заметен акцент на правах человека и гражданина. Разница состоит в том, что в 2018 г. делался больший упор на политические права и возможности участия населения. Так, более активно продвигались вопросы проведения референдумов и гражданского участия. Данная черта является одной из характерных особенностей популистских партий и режимов, которые предпочитают прямые способы взаимодействия с народом.

С другой стороны, число упоминаний парламента и выборов осталось примерно одинаковым, как количество слов «протест» и «манифестация». Напротив, увеличилось внимание к демократии: число ее упоминаний возросло в два раза. В это русло укладывается факт создания в 2021 г. новой онлайн-платформы для внутрипартийного голосования, что указывает на сохранение важности идеи прямой демократии в идеологии «Движения пяти звёзд».

В предвыборной программе 2022 г. вопросы материального аспекта остались примерно на аналогичном уровне, что и на выборах 2018 г. Увеличилось внимание к теме справедливости и всеобщности, остались прежними показатели упоминаний солидарности и равенства. В то же время тема перераспределения доходов исчезла совсем. С этим тесно связана реформа т. н. «дохода от гражданства», социальной программы, которая была введена в 2019 г. по инициативе «Движения пяти звезд».

Наконец, значимые изменения произошли в рамках символического аспекта. Был зафиксирован двукратный рост упоминаний Европы, что связано с наметившимся отходом партии от позиций евроскептицизма. Ранее выдвигаемые предложения провести референдум о членстве Италии в зоне евро и претензии в адрес ЕС стали смягчаться. В программе 2022 г. содержатся лишь положения о необходимости реформ европейской бюрократии и бюджетных правил ЕС.

Важно отметить, что наибольший прирост упоминаний пришелся на культуру (с 0,07 до 0,4) и народ (с 0,03 до 0,41). Примечательно, что в программе отдельно упоминается так называемый «культурный переход», который должен помочь сформировать бережное отношение к природе нашей планеты. Это можно трактовать с одной стороны как попытку конкурировать с правыми на тему культуры, а с другой – как продвижение климатической повестки. Упоминания нации и идентичности остаются на периферии программы «Движения пяти звезд», что соответствует характеристикам левого популизма.

Таблица 1

Table 1

Количество упоминаний единиц анализа на тыс. слов «Движение пяти звезд»
The number of mentions of analysis units per thousand words of The Five Star Movement

Категории	Единицы анализа	Движение пяти звезд (2018)	Движение пяти звезд (2022)
Социальные группы	lavorat*	0,25	1,9
	disoccupat*	0,03	0,9
	donne	0,02	0,14
	giovan*	0,09	0,9
	migrant* (immigrat*)	0,07	0,12
Материальный аспект	diritt*	1	1,9
	uguaglianza	0,03	0,04
	solidarietà	0,02	0,16
Политический аспект	democra*	0,2	0,5
	protesta	0	0
	manifestazion	0	0
	elezion*	0,05	0,07
Символический аспект	Europa	0,5	0,9
	meridionale/Europa del sud	0,01	0,1
	Sud	0,25	0,3
	dignità	0,05	0,24

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Table 2

Количество упоминаний единиц анализа на тыс. слов. Сравнение «Движения пяти звезд» и «Лиги» в 2018 г.
The number of mentions of analysis units per thousand words. Comparison of the Five Star Movement and the League in 2018

Категории	Единицы анализа	«Лига» (2018)	Движение пяти звезд (2018)
Социальные группы	lavorat*	0,5	0,25
	disoccupat*	0	0,03
	donne	0,18	0,02
	giovan*	0,56	0,09
	migrant* (immigrat*)	0,27	0,07
Материальный аспект	diritt*	0,56	1
	uguaglianza	0	0,03
	solidarietà	0,03	0,02
Политический аспект	democra*	0,4	0,2
	protesta	0	0
	manifestazion	0,2	0
	elezion*	0,09	0,05
Символический аспект	Europa	0,56	0,5
	meridionale/Europa del sud	0,03	0,01
	Sud	0,15	0,25
	dignità	0,03	0,05

Источник: составлено автором.

Таблица 3
Table 3

Количество упоминаний единиц анализа на тыс. слов. Сравнение «Движения пяти звезд» и «Лиги» в 2022 г.
The number of mentions of analysis units per thousand words. Comparison of the Five Star Movement and the League in 2022

Категории	Единицы анализа	Движение пяти звезд (2022)	«Лига» (2022)
Социальные группы	lavorat*	1,9	0,41
	disoccupat*	0,9	0,03
	donne	0,14	0,7
	giovan*	0,9	1
	migrant* (immigrat*)	0,12	0,26
Материальный аспект	diritt*	1,9	1
	uguaglianza	0,04	0,01
	solidarietà	0,16	0,08
Политический аспект	democra*	0,5	0,13
	protesta	0	0
	manifestazion	0	0,08
	elezion*	0,07	0,08
Символический аспект	Europa	0,9	0,7
	meridionale/Europa del sud	0,1	0,02
	Sud	0,3	0,3
	dignità	0,24	0,1

Источник: *составлено автором.*

Лига

Изменения программы партии «Лига» отражают постепенную трансформацию из регионалистского движения в общенациональную политическую силу. Стоит отметить, что в последние пять лет партия была частью правящей коалиции в 2018–2019 и 2021–2022 гг., а ранее состояла в правительственной коалиции под руководством С. Берлускони. После победы правоцентристов на парламентских выборах в сентябре 2022 г. «Лига» вновь вошла в состав правительства. Результаты анализа программ партии за 2018 и 2022 гг. приведены в табл. 4.

Анализ упоминаний социальных групп показывает, что в программе партии стало меньше упоминаний рабочего класса. Данная тенденция, вероятно, обусловлена тем, что основным электоратом «Лиги» стало сельское население. В то же время в два раза увеличилось число обращений к молодежи. Этот фактор может быть продиктован попыткой остановить увеличение среднего возраста электората «Лиги», которое наблюдалось в период с 2018 по 2022 гг.

С другой стороны, сохранились идентичные показатели упоминания мигрантов. Борьба с нелегальной миграцией является одной из главных целей «Лиги». В частности, в 2019 г. очередной эпизод миграционного кризиса стал причиной отставки правительства «Движения пяти звезд» и «Лиги». Партия сохранила нативистскую природу своей политической программы на выборах 2018 и 2022 годов.

Что касается материального аспекта, основным изменением стал двукратный рост упоминаний прав граждан. Вероятно, причина состоит в санитарных ограничениях во время пандемии коронавирусной инфекции. Этот фактор актуализировал вопрос защиты гражданских прав на фоне чрезвычайного положения.

Политический аспект также не претерпел значительного изменения. Единственное существенное уменьшение пришлось на число упоминаний демократии, меньше внимания уделено и манифестациям. Напротив, количество упоминаний выборов, парламента, гражданского участия и референдума осталось на схожем уровне, что и в 2018 г. Эти цифры связаны с тем фактом, что партия «Лига» активно продвигает республиканские ценности и институты.

Таблица 4
Table 4

Количество упоминаний единиц анализа на тыс. слов. Партия «Лига» в 2018 г.
The number of mentions of analysis units per thousand words. The League Party in 2018

Категории	Единицы анализа	«Лига» (2018)	«Лига» (2022)
Социальные группы	lavorat*	0,5	0,41
	disoccupat*	0	0,03
	donne	0,18	0,7
	giovan*	0,56	1
	migrant* (immigrat*)	0,27	0,26
Материальный аспект	diritt*	0,56	1
	uguaglianza	0	0,01
	solidarietà	0,03	0,08
Политический аспект	democra*	0,4	0,13
	protesta	0	0
	manifestazion	0,2	0,08
	elezion*	0,09	0,08
Символический аспект	Europa	0,56	0,7
	meridionale/Europa del sud	0,03	0,02
	Sud	0,15	0,3
	dignità	0,03	0,1

Источник: *составлено автором.*

Важное изменение символического характера связано с ростом числа упоминаний Юга Италии. Как было указано ранее, партия «Лига Севера» в 2013 г. начала переход к статусу общенациональной политической силы. А в 2019 г. «Лига Севера» была окончательно заменена (хотя юридически как организация сохранилась) «Лигой за Сальвини-премьера» (сокращенно: «Лига»). Одной из целей партии стало привлечение электората южной и центральной Италии, что и отразилось в программном документе.

Кроме того, зафиксирован рост упоминаний таких единиц анализа, как Европа, культура и сообщество. Примечательно, что до формирования коалиции в 2018 г. у власти «Лига» выступала против использования евро, однако затем изменила свою позицию. Осталось на схожем уровне и число упоминаний южной Европы, то есть позиционирование страны как средиземноморской державы.

Анализ также показывает, что наметилось снижение упоминаний народа, нации и идентичности. Возможно, причина состоит в том, что партия стала уделять меньше внимания идеологическим вопросам. Вместо этого «Лига» в своей программе на парламентских выборах 2022 г. сделала упор на темы федерализма, суверенитета Италии, либеральных экономических реформ. Таким образом, партия сохранила нативистскую сущность своей программы, однако отказалась от ряда наиболее радикальных предложений.

Заключение

В данном исследовании был проведен анализ динамики идеологии двух популистских партий Италии, «Движения пяти звезд» и «Лиги». В результате автор пришел к следующим выводам.

Во-первых, на фоне кризиса классических политических партий в странах ЕС набирают силу популистские движения различной направленности. Популизм как явление становится весомым фактором политического процесса в странах ЕС, в частности в Италии. Данная страна является особым примером, поскольку здесь популистские партии обладают наибольшей поддержкой среди стран Евросоюза. Такая ситуация, на наш взгляд, обусловлена рядом исторических причин и институциональных факторов.

Во-вторых, программы популистских партий становятся более умеренными после прихода к власти (участия в правительственной коалиции). Например, «Движение пяти звезд» и «Лига» отказались от своих наиболее радикальных программных пунктов, в частности от требования провести референдум о членстве в еврозоне. Таким образом, гипотеза о том, что нахождение у власти приводит к изменению идеологии популистов, подтвердилась.

Проведенное исследование позволяет заключить, что электоральные стратегии современных популистских партий Италии характеризуются переплетением двух противоположных тенденций:

1) ослаблением идеологических размежеваний при формировании правящих коалиций или возникновения благоприятной коалиционной перспективы;

2) усилением идеологических размежеваний – когда перспектива формирования правящей коалиции исчезает или ослабевает и партии сталкиваются со снижением поддержки избирателей. В последнем случае популистские партии делают ставку на консолидацию ядерного электората.

В этом электоральные стратегии современных популистских партий Италии принципиально не отличаются от тех, которые характерны для «традиционных» партий. Отказ итальянских популистов от ряда своих основных идеологических пунктов при формировании правительства, на наш взгляд, обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, необходимостью получать финансовую помощь от ЕС в рамках «Национального плана восстановления и устойчивости» (PNRR). В этом вопросе, например, правительство Дж. Мелони продолжило курс кабинета М. Драги, сместив акцент на продовольственную безопасность и развитие промышленности.

Во-вторых, смягчение негативного отношения к миграции со стороны правых популистов связано с объективной экономической необходимостью привлечения рабочей силы на фоне старения населения. Кроме того, коалиция правоцентристов отказалась от односторонних действий в пользу изменения позиции ЕС. В частности, Рим предложил т. н. «план Маттеи», который подразумевает равноправное партнерство и инвестиции в развитие Африки.

В итоге можно констатировать, что правые и левые популисты в Италии прошли этап политической институционализации. На этом фоне происходит смягчение их требований и идеологических установок. Следствием этого может стать разочарование недовольных избирателей и появление новых «антиполитических» проектов, которые попытаются завоевать их голоса.

Благодарность

Автор выражает благодарность научному руководителю, старшему преподавателю кафедры сравнительной политологии Факультета управления и политики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» Зудину Алексею Юрьевичу.

Список литературы

- Алексеев Е.С. 2023. Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики. М., Ин-т Европы РАН: 218.
- Алексеев Е.С. 2019. Страна победившего популизма: Италия после выборов. Современная Европа, 2: 106–117.
- Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И. 2019. Современная политическая наука. Методология. М., Аспект Пресс: 773.
- Ильин М.В. 2015. Воронка причинности: от эмпирической модели к формированию парадигмы многослойной причинности. Метод, 1: 442–451.
- Левин И.Б. 1993. О реформе избирательной системы в Италии. Полис. Политические исследования, 3: 79.

- Маслова Е.А. 2022. Парламентские выборы в Италии 2022: лидеры и идеи. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 5: 55–62.
- Маслова Е.А., Шебалина Е.О. 2021. Трансформация партийно-политической системы Италии. Современная Европа, 2: 111–123.
- Патрушев С.В. 2006. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России, М., ИСП РАН: 586.
- Смирнова А.А. 2019. Формирование политического «Движения 5 звезд» в Италии. Вестник Московского университета, 2: 98–116.
- Biezen I. van, & Poguntke, T. 2014. The Decline of Membership-Based Politics. Party Politics, 20: 205–216.
- Breyer M. 2023. Populist Positions in Party Competition: Do Parties Strategically Vary their Degree of Populism in Reaction to Vote and Office Loss? Party Politics, 29(4): 672–684.
- Chiaromonte A., Emmanuelle V. 2017. Party System Volatility, Regeneration and Deinstitutionalization in Western Europe (1945–2015). Party Politics, 4: 376–388.
- Cotta M., Verzichelli L. Political Institutions in Italy. 2007. Oxford University Press, UK: 277.
- Dinas E., Gemenis K. 2010. Measuring Parties' Ideological Positions with Manifesto Data a Critical Evaluation of the Competing Methods. Party Politics, 16(4): 427–450.
- Dirk Berg-Schlosser, Mitchell J. 2000. Conditions of Democracy in Europe, 1919–39: Systematic Case Studies. Palgrave Macmillan: 503.
- Fournier T. 2019. From Rhetoric to Action, a Constitutional Analysis of Populism. German Law Journal, 20: 362–381.
- Font N., Graziano P., Tsakatika M. 2021. Varieties of Inclusionary Populism? SYRIZA, Podemos and the Five Star Movement. Government and Opposition, 56: 163–183.
- Huber A., Schimpf, H. 2017. On the Distinct Effects of Left-Wing and Right-Wing Populism on Democratic Quality. Politics and Governance, 5: 146–165.
- Inglehart R., Norris P. 2016. Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash, HKS Faculty Research Working Paper Series: Harvard, 52.
- Laclau E. 2005. On Populist Reason. London, Verso: 276.
- Mudde C. 2007. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge, Cambridge University Press: 404.
- Mudde C., Rovira Kaltwasser C. 2013. Exclusionary vs. Inclusionary Populism: Comparing the Contemporary Europe and Latin America. Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics, 48(2): 147–174.
- Vercersi M. 2021. Why Is Italy More Populist than Any Other Country in Western Europe? The Loop / [Электронный ресурс] // URL: <https://theloop.ecpr.eu/why-is-italy-more-populist-than-any-other-country-in-western-europe/> (Дата обращения: 28.03.2025).

References

- Alekseyenkova E.S. 2023. Politicheskiy protsess v sovremennoy Italii: antipolitika i populizm epokhi Vtoroy respubliki [The Political Process in Modern Italy: Anti-Politics and Populism of the Second Republic era]. М., In-t Evropy RAN: 218.
- Alekseyenkova E.S. 2019. Strana pobedivshogo populizma: Italiya posle vyborov. Sovremennaya Evropa [Country of the Winning Populism: Italy in the Post-election Period]. 2: 106–117.
- Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. 2019. Sovremennaya politicheskaya nauka [Modern Political Science]. Metodologiya. М., Aspekt Press: 773.
- Ilin M.V. 2015. Voronka prichinnosti: ot empiricheskoy modeli k formirovaniyu paradigmy mnogosloynoy prichinnosti [The Causality Funnel: From an Empirical Model to the Formation of a Multi-Layered Causality Paradigm]. Metod. 1: 442–451.
- Levin I.B. 1993. O reforme izbiratelnoy sistemy v Italii [On the Reform of the Electoral System in Italy]. Politicheskiye issledovaniya. 3: 79.
- Maslova E.A. 2022. Parlamentskiye vybory v Italii 2022: lidery i idei [Parliamentary Elections in Italy 2022: Leaders and Ideas]. Nauchno-analiticheskiy vestnik Iye RAN. 5: 55–62.
- Maslova E.A., Shebalina E.O. 2021. Transformatsiya partiyno-politicheskoy sistemy Italii [Party-Political System Transformation in Italy]. Sovremennaya Evropa. 2: 111–123.
- Patrushev S.V. 2006. Institutsionalnaya politologiya: Sovremennyy institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii [Institutional Political Science: Modern Institutionalism and Political Transformation of Russia]. М., ISP RAN: 586.

- Smirnova A.A. 2019. Formirovaniye politicheskogo «Dvizheniya 5 zvezd» v Italii [Formation of the 5-Star Political Movement in Italy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2: 98–116.
- Biezen I. van, & Poguntke, T. 2014. The Decline of Membership-Based Politics. *Party Politics*, 20: 205–216.
- Breyer M. 2023. Populist Positions in Party Competition: Do Parties Strategically Vary their Degree of Populism in Reaction to Vote and Office Loss? *Party Politics*, 29(4): 672–684.
- Chiaramonte A., Emmanuelle V. 2017. Party System Volatility, Regeneration and Deinstitutionalization in Western Europe (1945–2015). *Party Politics*, 4: 376–388.
- Cotta M., Verzichelli L. Political Institutions in Italy. 2007. Oxford University Press, UK: 277.
- Dinas E., Gemenis K. 2010. Measuring Parties' Ideological Positions with Manifesto Data a Critical Evaluation of the Competing Methods. *Party Politics*, 16(4): 427–450.
- Dirk Berg-Schlosser, Mitchell J. 2000. Conditions of Democracy in Europe, 1919–39: Systematic Case Studies. Palgrave Macmillan: 503.
- Fournier T. 2019. From Rhetoric to Action, a Constitutional Analysis of Populism. *German Law Journal*, 20: 362–381.
- Font N., Graziano P., Tsakatika M. 2021. Varieties of Inclusionary Populism? SYRIZA, Podemos and the Five Star Movement. *Government and Opposition*, 56: 163–183.
- Huber A., Schimpf, H. 2017. On the Distinct Effects of Left-Wing and Right-Wing Populism on Democratic Quality. *Politics and Governance*, 5: 146–165.
- Inglehart R., Norris P. 2016. Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash, HKS Faculty Research Working Paper Series: Harvard, 52.
- Laclau E. 2005. On Populist Reason. London, Verso: 276.
- Mudde C. 2007. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge, Cambridge University Press: 404.
- Mudde C., Rovira Kaltwasser C. 2013. Exclusionary vs. Inclusionary Populism: Comparing the Contemporary Europe and Latin America. *Government and Opposition: An International Journal of Comparative Politics*, 48(2): 147–174.
- Vercersi M. 2021. Why Is Italy More Populist than Any Other Country in Western Europe? The Loop / [Электронный ресурс] // URL: <https://theloop.ecpr.eu/why-is-italy-more-populist-than-any-other-country-in-western-europe/> (Дата обращения: 28.03.2025).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.04.2025

Received 10.04.2025

Поступила после рецензирования 20.04.2025

Revised 20.04.2025

Принята к публикации 30.04.2025

Accepted 30.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фенин Кирилл Викторович, студент 2 курса магистратуры, Московский государственный институт международных отношений (университет), г. Москва, Россия

Kirill V. Fenin, 2nd year Graduate Student, Moscow State Institute for International Relations (University), Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0002-7669-4232](https://orcid.org/0009-0002-7669-4232)

УДК 323

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-521-532

EDN ZRCEJP

Оригинальное исследование

Политические аспекты экономической безопасности Японии

Гамерман Е.В.

Институт комплексного анализа региональных проблем
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Россия, 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4
E-mail: egamerman@mail.ru

Аннотация. Цель данной работы – анализ экономической безопасности Японии на современном этапе в её политическом измерении. Как и для большинства стран Восточной Азии, для Страны восходящего солнца ключевыми являются энергетические, экологические и миграционные (демографические) аспекты экономической безопасности, являющиеся с одной стороны характерными для всего региона, с другой стороны – имеющими множество специфических для данной страны особенностей. Методологической основой исследования выступили общенаучные методы, в первую очередь это системный подход, методы анализа и синтеза, диалектический метод единства и борьбы противоположностей, а также метод структурно-факторного анализа. В результате автор отмечает, что решение проблем энергетической безопасности и миграции является ключевым для обеспечения благополучия и экономического процветания Японии, в то время как опыт страны в решении экологических проблем может стать фундаментом для устойчивого мирного взаимодействия стран Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Япония, энергетическая безопасность, ядерная энергия, экологическая безопасность, зеленая сверхдержава, миграция

Для цитирования: Гамерман Е.В. 2025. Политические аспекты экономической безопасности Японии. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 521–532. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-521-532. EDN: ZRCEJP

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Political Aspects of Japan's Economic Security

Evgenii V. Gamerman

Institute for Complex Analysis of Regional Problems Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences,
4 Sholem Aleichem St., Birobidzhan 679016, Russia
E-mail: egamerman@mail.ru

Abstract. The purpose of this work is to analyze Japan's economic security at the current stage, focusing on its political dimension. As in most East Asian countries, key aspects of economic security for the Land of the Rising Sun include energy, environmental, and migration (demographic) issues. These aspects are characteristic of the entire region but also exhibit many features specific to Japan. The methodological basis of the study consists of general scientific methods, primarily the systemic approach, methods of analysis and synthesis, the dialectical method of the unity and struggle of opposites, as well as structural-factor analysis. As a result, the author notes that addressing challenges related to energy security and migration is crucial for ensuring Japan's welfare and economic prosperity, while the country's experience in tackling environmental issues can serve as a foundation for sustainable and peaceful interaction among Northeast Asian countries.

Keywords. Japan, energy security, nuclear energy, environmental security, green superpower, migration

For citation: Gamerman E.V. 2025. Political Aspects of Japan's Economic Security. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 521–532 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-521-532. EDN: ZRCEJP

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Активное изучение вопросов экономической безопасности начинается после окончания Холодной войны в связи с отразившимся на национальных и мировой экономиках усилением процессов глобализации. Одной из первых в 1982 году на международном уровне об экономической безопасности государства заговорила Япония, давшая в специальном докладе Министерства внешней торговли и промышленности следующее определение данного термина: «экономическая безопасность – это такое состояние экономики, при котором она защищена, прежде всего экономическими средствами, от серьезных угроз ее безопасности, возникающих под воздействием международных факторов» [Михайленко, 1996].

Представление об экономической безопасности Японии предусматривает анализ исключительно внешних угроз, при этом вследствие пацифистской национальной Конституции и отсутствия собственных вооруженных сил актуализируются в первую очередь экономические средства обеспечения безопасности.

Энергетическая безопасность Японии

На рубеже XX–XXI вв. в международной энергетической ситуации произошли значительные изменения (в том числе рост цен на сырье, усиление конкуренции за перспективные источники, активизация двух- и многосторонней кооперации), в ответ на которые в Японии были разработан и принят ряд фундаментальных законов, определивших действующую национальную стратегию энергетической безопасности. Наиболее значимым и долгосрочным нормативно правовым актом стал «Основной закон о политике в области энергетики» («Энеруги сэйсаку кихон хо»), принятый 14 июня 2002 г. [Энеруги сэйсаку..., 2002], обозначивший ключевые принципы и приоритеты Японии в данной сфере. На его основе были разработаны «Стратегия и подходы к энергетической дипломатии Японии» (апрель 2004 г.), определившая конкретные задачи и методы реализации энергетической дипломатии страны, и первый (а также все последующие) «Базовый план в области энергетики» (7 октября 2003 г.), детализировавший стратегические направления и меры по реализации энергетической политики.

«Основной закон...» определяет «энергетику как стратегическую сферу, имеющую важнейшее значение для обеспечения нормальной жизни нации». Отражая характерный для Японии комплексный подход, особенно к вопросам экологии, данный закон направлен на формирование системы, учитывающей не только долгосрочные интересы экономики и потребителей, но и направленной на минимизацию вредного воздействия на экологию [Носова, 2012].

В соответствии с «Основным законом по энергетической политике», каждые три года, начиная с 2003 г., Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП) разрабатывает «Базовый план государственной политики в области энергетики», определяющий деятельность и перспективы Японии в обеспечении энергетической безопасности. «Базовые планы» не являются точными ориентирами, определяющими каждый шаг японского правительства в сфере энергобезопасности, они представляют собой только инструменты энергетической политики страны, используемые для определения выявляемых путем широкого обсуждения фундаментальных составляющих энергобаланса страны. Суть планов обуславливает их краткосрочность: каждые три года происходит коррекция и уточнение исполнимости целей действующего в этот момент Базового плана. Регулярность

обновления данного стратегического документа также даёт возможность корректировки стратегических векторов развития японской энергетики, посредством пересмотра целей и направлений развития, усиление значения экологических результатов, введение в прогноз технологических составляющих и т. д. [Strategic..., 2014].

Согласно «Базовым планам государственной политики в области энергетики», фундаментальными принципами энергетической политики Японии являются:

1. Обеспечение энергетической стабильности, достигаемое посредством энергосбережения, диверсификации энергоресурсов и источников ресурсов, укрепления отношений с основными добывающими странами и создания запасов.

2. Охрана окружающей среды, проявляющаяся в энергосбережении, отходе, насколько возможно, от массового потребления углеводородов, увеличении доли природного газа, совершенствовании технологий.

3. Применение рыночных принципов в энергетической сфере, отражаемых в модернизации системы управления отраслью и либерализации [Энеруги кихон..., 2002].

Базовый план определялся двумя ключевыми положениями: во-первых, необходимость снижения зависимости Японии от ядерной энергии, во-вторых, важность активизации развития и расширения доли ВИЭ – ветровой, геотермальной и солнечной энергии. При этом в плане не было конкретных указаний и целей, раскрывающих ожидаемое и желаемое соотношение используемых возобновляемых и невозобновляемых источников энергии. Важным аспектом нового Базового плана стало разрешение после трехлетнего моратория на строительство новых ядерных реакторов, но это не может полностью решить все проблемы энергетической отрасли Японии, вследствие чего Страна восходящего солнца всё ещё вынуждена импортировать около 80 % необходимого ей дорогого ископаемого топлива.

В связи с необходимыми Японии объемами импортируемых энергоресурсов большую роль в обеспечении энергетической безопасности играет дипломатия, ключевые положения которой для данной области находят отражение в периодически обновляемом документе «Стратегия и подходы к энергетической дипломатии Японии». В нём указаны шесть основных задач энергетической безопасности страны, которыми занимается МИД:

- поддержание потенциала экстренного реагирования;
- сохранение и укрепление дружественных отношений со странами-экспортерами энергоресурсов, а также транзитными государствами;
- диверсификация источников поставок энергоресурсов;
- диверсификация источников энергии;
- политика энергосбережения, эффективного использования энергии, разработка мер по защите окружающей среды;
- создание необходимых условий для повышения глобальной энергетической безопасности [Strategy..., 2004].

Успехи энергетической дипломатии вывели Японию в лидеры мирового энергетического рынка. Основой энергетической стабильности и благополучия страны стала система двусторонних и многосторонних связей, обеспечивающая высокую маневренность в кризисных ситуациях на сырьевом рынке. Сложным и во многом переломным для японской энергетической безопасности стал 2011 год, когда природно-техногенная катастрофа заставила пересмотреть стратегии обеспечения энергетической безопасности страны.

Несмотря на то что атомная энергетика была ключевым собственным энергоресурсом Японии, в течение трех лет после катастрофы на Фукусиме её развитие и эксплуатация были полностью запрещены. Более того, находившаяся у власти до трагедии на Фукусиме Демократическая партия планировала полностью ликвидировать АЭС на территории Японии к 2030 году [Тебин, 2014]. Однако, согласно последнему «Базовому плану», определяющему энергетическую политику Японии на следующие двадцать лет, ядерная энергия позиционируется как ключевой элемент в решении проблемы устойчивого производства электроэнергии, которая будет доступна каждому потребителю все 24 часа в сутки.

Возвращение к развитию ядерной энергетики происходит уже через три года после катастрофы на «Фукусима-1» в IV Базовом энергетическом плане, принятом кабинетом премьер-министра Синдзо Абэ в апреле 2014 года. Это решение вызвано серьезными экономическими последствиями, вызванными остановкой всех АЭС: резким увеличением (на 25 %) объемов импорта природного газа, значительным ростом тарифов (в 5 раз) на электроэнергию для населения [Strategic..., 2014].

Прислушавшись к мнению населения страны, японское правительство выработало план постепенного отказа от атомных электростанций и поставило цель, согласно которой ядерная энергетика обеспечивала бы 20–22 % электроэнергии к 2030 году. В 2011 году на ядерную энергию приходилось почти 30 % от общего производства электроэнергии в стране (29 % в 2009 году) при мощности 47,5 ГВт (нетто) до марта 2011 г. и 44,6 ГВт (нетто) после. До того как случилась Фукусима, планировалось увеличить этот показатель до 41 % к 2017 году и до 50 % к 2030 году.

Однако в октябре 2012 года новое Управление по ядерному регулированию пришло на смену Агентству по ядерной и промышленной безопасности и Комиссии по ядерной безопасности. Оно объявило, что впредь проверки перезапуска АЭС будут включать как оценку безопасности, так и инструктаж местных органов власти операторами. Оценка будет основана на принципах безопасности в новых нормативных требованиях, сформулированных в июле 2013 года.

Из-за постепенного отказа от ядерной энергетики Япония вернулась к ископаемым видам топлива: уголь вырос с 28 % в доле электроэнергии в 2010 году до 32 % в 2018 году, хотя другие страны стараются двигаться в ином направлении. На электричество, вырабатываемое на угле, приходится около 30 % общемировых выбросов углерода, связанных с энергетикой. С 2013 по 2020 годы двусторонние финансовые институты, такие как Японский банк международного сотрудничества, а также частные банки, в числе которых был японский Nippon Export and Investment Insurance, инвестировали более 18 миллиардов долларов в поддержку иностранных угольных электростанций, угольных шахт и передачи электроэнергии, связанной с углем. В 2019 году состоялась Конференция ООН по изменению климата, также известная как COP25 – 25-я конференция ООН по вопросу глобального потепления. Участник переговоров – министр окружающей среды Японии Коидзуми – был встречен протестующими в костюмах Пикачу, призывающими Японию прекратить сжигание угля и финансирование новых угольных электростанций в развивающихся странах. Дважды в ходе конференции активисты вручали министру Японии награду «Ископаемое дня».

В июле 2020 года ситуация стала меняться. Усилия Коидзуми привели к тому, что Япония отказалась финансировать новые угольные электростанции в развивающихся странах. Министерство экономики также объявило о своем желании вывести из эксплуатации десятки старых и неэффективных угольных электростанций у себя дома. Даже до аварии на «Фукусима-1» в 2010 году Япония занимала первое место по импорту угля и природного газа, приобретая около 20 % (187 млн тонн) и 12,1 % (99 млрд кубометров) соответственно от всего мирового импорта данных ресурсов.

Японское правительство наметило долгосрочный стратегический план по внедрению инновационных технологий и инфраструктуры, увеличению доли возобновляемых источников энергии до 22–24 %.

11 июня 2019 года «Долгосрочная стратегия Японии в соответствии с Парижским соглашением» была одобрена Кабинетом министров при премьер-министре Синдзо Абэ. Стратегия подчеркивала необходимость применения инноваций с помощью пока еще недостаточно проработанных технологий, таких как использование и хранение углерода, космической солнечной энергии и инновационных ядерных реакторов.

Запланированный энергетический баланс Японии предусматривает увеличение объемов производства электроэнергии из возобновляемых источников с 17 % до как минимум 22 % к 2030 году, что позволит сократить потребление угля до 26 %.

В октябре 2020 года в интервью Nikkei Asia министр экономики Японии Хироши Кадзияма заявил, что хочет сделать ВИЭ «основным источником энергии» для страны. Чтобы способствовать развитию возобновляемых источников энергии, Кадзияма обещал выделить солидную часть бюджета на исследования передовых технологий аккумуляторов и морской ветроэнергетики, которые имеют большой потенциал в Японии как архипелаге. Например, к 2030 году Япония планирует вырабатывать 10 000 МВт морских ветроэнергетических мощностей. Кроме того, в 2030 году сокращение выбросов в Японии должно стать на 47 % ниже уровня 2013 года.

Россия играет значительную роль в обеспечении энергетической безопасности Японии: в 2021 году РФ заняла второе место по объему импорта угля в Японию, отвечая за 12,48 % всех поставок, и пятое место по объемам импорта сжиженного природного газа (8,84 % от общего объема импорта) и сырой нефти (3,63 % от общего объема импорта). Однако 2022–2024 гг. стали переломными на японском направлении. После 24 февраля и введения многочисленных санкции против России некоторые страны, в частности США, Канада и Великобритания, заявили о введении запрета на импорт российских энергоносителей. Япония же взяла паузу, но объявила о возможном присоединении к этой санкционной мере. Это решение негативно скажется как на обеспечении энергетической безопасности самой Японии, так и на безопасности и необходимой диверсификации рынков РФ.

Тот же 2022 год стал революционным для энергетической сферы Японии. В страну вернулась ядерная энергетика (чему в немалой степени способствовал глобальный кризис). Летом 2022 года премьер-министр Японии Фумио Кисида призвал запустить к зиме как минимум 9 из 10 разрешенных к продлению работы реакторов. По факту в Японии сумели ввести в эксплуатацию 10 реакторов из 17, допущенных к продлению сроков службы. Всего заявки были поданы на продление эксплуатации 27 реакторов. На начало 2023 года доля АЭС в электрогенерации в Японии составляет от 7 до 10 %. Согласно новому плану, к 2030 году эта доля должна увеличиться до 20–22 %. Больше не идет речь об отказе от атомной энергетики в стране. Срок эксплуатации АЭС сможет теперь превышать 60 лет, а также будут построены новые реакторы. И если ранее работу реакторов в Японии продлевали после 40 лет работы на 20 лет (а теперь это можно будет делать не один раз), то, согласно новому плану, вопрос продления работы будет подниматься после 30 лет эксплуатации реакторов сроками на 10 лет до следующей экспертизы.

Японские эксперты считают, что это позволит компаниям оставаться со старым оборудованием намного дольше и не вкладываться во что-то новое, например, в возобновляемые источники энергии. Таким образом, можно сказать, что Япония одной из первых стран в регионе, да и в мире в целом, стала задумываться о своей энергетической безопасности, что было вызвано бурным ростом и экономическим бумом после Второй мировой войны. И несмотря на очень плохие стартовые возможности, почти полное отсутствие собственных природных ресурсов, Страна восходящего солнца смогла добиться немалых успехов в этой области. Несмотря на то, что в 1945 году были взорваны две атомные бомбы в японских городах Хиросима и Нагасаки, Токио стал активно развивать атомную энергетику. Однако авария на АЭС «Фукусима» все перечеркнула, и это стало фактически новой отправной точкой для всей энергетики, да и экономики страны. Откат назад, инвестиции в угольные месторождения по всему миру, возвращение к угольной энергетике и неминуемый спад в сфере экологической безопасности. Однако в стране присутствует понимание проблемы, органы государственной власти вкладывают большие средства в научные энергетические разработки в сфере возобновляемых источников энергии и в саму «зеленую» энергетику. Токио демонстрирует огромный потенциал развития в этой сфере. Возвращение к ядерной энергетике в 2022 году стало, с одной стороны, сюрпризом, с другой – было продиктовано логикой развития мировой энергетики, и это позволит Японии через несколько лет полностью минимизировать риски в энергетической сфере.

Экологическая безопасность Японии

Обострение проблем экологической безопасности произошло в Японии в 1950–1960-е годы, в период форсированной индустриализации страны, также называемый японским экономическим чудом. Осознание опасности позволило Японии стать лидером в сфере обеспечения экологической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Высокий уровень экологической осознанности государственной политики проявился, во-первых, в признании защиты окружающей среды одним из приоритетных элементов обеспечения национальной безопасности, во-вторых, в придании «экологической безопасности» характера политической и экономической категории посредством включения в концепцию «экологии» вопросов обеспечения экологической безопасности и реализацию экологической политики. Стремясь сформировать образ «зеленой сверхдержавы», Япония уделяет большое внимание не только борьбе с загрязнением окружающей среды и экологическим инновациям, она также работает над международными экологическими инициативами. По заявлению премьер-министра Японии Ю. Хатоямы в 2009 г., «именно Япония, взявшись за решение таких проблем мирового масштаба, как глобальное потепление, проблема распространения ядерного оружия, проблемы бедности, в первую очередь применительно к странам Африки, и так далее, должна стать «мостом» между странами Востока и Запада...».

Начало ухудшения экологической безопасности Японии связывают с периодом Мэйдзи (с 23 октября 1868 г. по 30 июля 1912 г.), когда новое правительство, игнорируя возможные последствия, проводило ускоренную индустриализацию, фундаментом которой стали медные рудники, крупнейшими из которых был Асио, Бесси, Хитати и Косака. Но, обеспечивая страну необходимыми для развития ресурсами, рудники также вырабатывали значительные объемы токсичных отходов. Начавшаяся после победы в японо-китайской войне (1894–1895 гг.) «Кампания после японо-китайской войны», сформировавшая японское империалистическое государство, усугубила экологические проблемы, оправдав наносимый экологический ущерб интересами общества и национальной обороны [Teranishi]. Отдавая приоритет промышленному развитию, правительство рассматривало усиливающиеся экологические проблемы и отравление населения медью как неизбежные издержки прогресса, вследствие чего протесты фермеров рассматривались как «измена родине».

После окончания периода Мэйдзи горнодобывающая промышленность отошла на второй план как причина загрязнения, так как развитие получили тяжёлая и химическая промышленности, ради расширения и прогресса которых создавались даже отдельные крупные промышленные зоны. Вызванное новыми производствами химическое загрязнение оказало серьёзное негативное влияние на экологию Японии [Ueta]. Новой проблемой экологической безопасности страны в этот период стало «городское загрязнение», так как обилие в воздухе сажи и дыма сделало Осаку известной как «город дыма».

Поражение во Второй мировой войне стало для Японии тяжелейшим испытанием, восстановление после которого началось только в 1950-х годах. Этот период феноменального роста японской экономики традиционно обозначают как «японское экономическое чудо». Но беспрецедентные темпы восстановления и развития экономики и промышленности привели к такому же стремительному и масштабному разрушению окружающей среды, вследствие которого локальные экологические проблемы приняли общенациональный масштаб.

К концу 1960-х годов экологическая ситуация в стране достигла критического уровня: дефицит чистой питьевой воды стал ощущаться даже в промышленности, а опасность отравления фотохимическим смогом вынудила власти Токио объявить чрезвычайное положение. Реакцией на сложившееся положение стало превращение во второй половине 1960-х годов экологии в национальный приоритет и формирование комплексной экологической политики. Общенациональный статус экологических проблем Японии сформировал понятие «когай» («общественный ущерб») – «вред, нанесённый окружающей среде предпринимательской и прочей деятельностью человека, которая приводит к

загрязнению воздуха, воды и ухудшению её качества, загрязнению почвы, оседанию грунта, возникновению шумов, вибрации, неприятных запахов».

С начала 60-х годов роль экологии в социально-экономическом развитии Японии только растёт. Так, в 1967 году принимается «Основной закон о контроле над загрязнением среды», в котором очерчиваются долгосрочные цели и стратегии работы по охране окружающей среды. В том числе в рамках данного закона был разработан «Основной экологический план», в котором на национальном уровне определены планы комплексного развития экологической политики. «Основной закон...» также стал фундаментом для принятия ряда частных законов и подзаконных актов, направленных на сохранение и восстановление экологии [Сенаторов, 1995]. Среди законодательных актов, принятых в Японии для защиты окружающей среды, выделяются следующие категории:

1. Защита от загрязнений атмосферы и водных ресурсов.
2. Финансирование мероприятий по охране природы.
3. Создание специализированных административных органов, ответственных за экологическую безопасность [Павлятенко, 2008].

Новый этап экологической политики Японии ознаменовал переход от национальных проектов к международным глобальным инициативам: его пионером стал закон «О защите озонового слоя», принятый в 1988 году в ответ на дискуссию о глобальном потеплении и разрушении озонового слоя, соответствующий международным нормам, установленным Венской конвенцией о защите озонового слоя (1988 г.) и Монреальским протоколом о веществах, разрушающих озоновый слой (1989 г.).

В 1993 году был обновлен «Основной экологический закон», в нём не только отразились результаты работы Конференции ООН в июне 1992 г., но и были определены принципы нового этапа обеспечения экологической безопасности Японии, направленные на решение уже не национальных, а глобальных проблем экологической безопасности посредством, в том числе, сохранения баланса экосистем и создания единой базы для реализации основных мер по сохранению окружающей природы [Nomura, 1995].

Показателями перехода Японии от национальной к международной экологической безопасности стали также:

1. Включение в 2004 г. экологической безопасности в «Синюю книгу» как одного из факторов национальной безопасности.
2. Активное продвижение правительством премьер-министра Ю. Хатоямы инициатив, направленных на помощь развивающимся странам в вопросах экологии [Antonio, 2006].

Подобная деятельность Японии в области экологии и экономики позволила ей укрепить свой статус «зеленой сверхдержавы», что показывает не только значимость работы по обеспечению глобальной экологической безопасности, но и указывает на возможность использования экологической работы для укрепления международного статуса и престижа страны. Данное понятие («зеленая сверхдержава») подразумевает под собой страну, обладающую передовым научно-технологическим потенциалом в области экологии и поставившую его на службу собственному экономическому развитию [Стрельцов, 2012].

В «New Growth Strategy. Blueprint for Revitalizing Japan», принятой в 2010 году и определявшей направление развития Японии до 2020 года, определяется концепция развития «зеленой энергетики». Одной из ключевых и крайне амбициозных целей стратегии стало выполнение обязательств по Киотскому протоколу, предполагающее сокращение выбросов парниковых газов на 25 %. Центральными элементами «New Growth Strategy» стали, во-первых, внедрение «зеленых технологий» в энергетический и транспортный сектора и сферу услуг, во-вторых, создание 1,4 млн рабочих мест в «зелёной экономике» [New Growth Strategy..., 2010]. В качестве долгосрочной цели Японии, определяемой данной стратегией, было принято превращение Японии в ведущую экологическую и энергетическую державу посредством разработки и экспорта «зелёных технологий».

Реализация амбициозных планов была прервана уже в 2011 году вследствие аварии на АЭС «Фукусима»: наращивание ядерной энергетики и экспорт японских технологий в области ядерной энергетики в рамках инициативы создания «зелёной Азии» были одними из основополагающих элементов стратегии, что стало невозможно вследствие многочисленных скандалов вокруг ликвидации последствий катастрофы.

К усилиям Японии, направленным на решение глобальных экологических проблем, относится, например, созданная по инициативе этой страны комплексная экологическая программа «The 2008 Cool Earth Innovative Energy Technology Program» [The 2008 Cool Earth..., 2008], направленная на объединение усилий в сферах экологии и энергетики в борьбе с изменением климата. На её основе была создана ещё более масштабная международная экологическая инициатива – Cool Earth 50 (Охладим Землю 50), целью которой стала помощь развивающимся странам в сокращении выбросов парниковых газов при сохранении устойчивого экономического роста, для чего в Японском банке международного сотрудничества был основан Фонд сотрудничества по вопросам экологического сотрудничества в Азии (FACE): в течение 5 лет на борьбу с изменением климата предполагалось распределить 500 млрд йен. Для участия в программе страна должна соответствовать следующим требованиям:

1. Принимать меры по сокращению выбросов парниковых газов.
2. Работать над обеспечением сохранения лесов.
3. Стимулировать использование возобновляемых источников энергии.
4. Принимать меры по противодействию глобальному потеплению.

Правительство Японии инициировало не только глобальные экологические программы, но и значимые региональные и субрегиональные проекты:

1. Азиатско-Тихоокеанское партнёрство по чистому развитию и климату (APR). Государственно-частное партнёрство, созданное в июле 2005 г., для координации усилий по обеспечению энергетической безопасности, регулированию спроса на энергию и смягчению последствий изменения климата в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В состав APR входят: Япония, Австралия, Китай, Индия, Республика Корея, Соединённые Штаты и Канада [Outline..., 2008].

2. Азиатско-Тихоокеанская сеть по исследованию глобальных изменений (APN) – межправительственная организация, направленная на продвижение исследовательских проектов в сфере глобальных изменений в АТР, расширение участия в них развивающихся стран и использования научных исследований. Деятельность Японии в APN имеет несколько основных направлений:

- 1) проведение мастер-классов для исследователей на международных совещаниях и в научно-исследовательских программах;
- 2) финансирование проектов по глобальному изменению климата, состояния атмосферы, суши и моря;
- 3) проведение работ по расширению программы помощи исследованиям, направленным на изучение уязвимости к изменению климата развивающихся стран [Financial..., 2015].

Япония пока далека от ситуации минимизации угроз экологической безопасности. Скорее, наоборот, после аварии на АЭС «Фукусима» произошла вынужденная деградация в этой сфере, и только в последние два года наметился перевес в нужную сторону.

Миграция и безопасность в Японии

Япония является самым моноэтническим государством в мире: более 98 % населения – японцы. Среди остальных 2 % большинство составляют айны (коренное население северных островов) и этническая группа корейцев. Подобные демографические особенности определяются, во-первых, общей закрытостью страны, на протяжении большей части своей истории ограничивающей контакты с другими государствами, во-вторых, связанной с этим жёсткой миграционной политикой: до 1980-х годов количество иностранных граждан,

которые могут въехать на территорию Японии, было ограничено, хотя сами японцы могли свободно покинуть страну. Столкновение с характерными для развитых стран проблемами низкой рождаемости и старением населения заставило правительство пересмотреть свою позицию. Учитывая нежелание молодых японцев, особенно японок, отказываться от карьеры и рожать детей, экономическую (и демографическую) ситуацию в стране могут спасти только мигранты. Отметим, что подобное тяжёлое положение не помешало японскому правительству отказаться принимать беженцев из Сирии и Ирака в 2015 году. Во многом это связано с тем, что для Японии характерно представление о мигрантах как о причине подъема преступности и размывания культурных ценностей, таким образом, несмотря на острую нехватку трудовых ресурсов, отношение к мигрантам настороженное, что осложняет работу над развитием миграционного законодательства.

Только в конце 2018 года в иммиграционный закон Японии были внесены поправки, расширяющие сферы деятельности и возможности трудовых мигрантов. Предложенный премьер-министром Синдзо Абэ закон распространяет возможности найма мигрантов на 14 сфер, где дефицит кадров ощущается наиболее остро. Наибольшее количество направлений связано с такими отраслями, как гостиничный бизнес, медицина (низший персонал – сиделки, санитарки и пр.) и строительство (разнорабочие) [Japan's Historic Immigration..., 2019]. Законодательные изменения предполагают в том числе введение двух категорий рабочих виз:

- 1) для низкоквалифицированных рабочих, распространяющаяся только на самого рабочего;
- 2) для высококвалифицированных кадров, дающая разрешение на проживание семьи (жены и детей) владельца визы.

Срок пребывания мигрантов в стране ограничивается пятью годами, исключение составляют сфера строительства и судостроение, где визу можно продлевать неограниченное количество раз, а по истечении 10 лет и после сдачи экзамена на квалификацию можно получить постоянный вид на жительство. Данный закон, хотя и оставляющий множество сложностей и ограничений для мигрантов, в любом случае является победой кабинета министров и лично премьера С. Абэ.

Наиболее распространённой причиной пребывания мигрантов в Японии является получение образования: высшего образования или обучения по профессии. В 2018 году, согласно данным Министерства Юстиции, в стране проживало около 2,5 миллиона мигрантов, среди которых выходцы из КНР (730 тысяч), Республики Корея (450 тысяч), Вьетнама (262 тысячи), Филиппин (260 тысяч) (рис. 1). Отметим, что филиппинская диаспора в этот год продемонстрировала наибольшее сокращение, в то время как вьетнамская – наибольший рост [International Migration Outlook..., 2017].

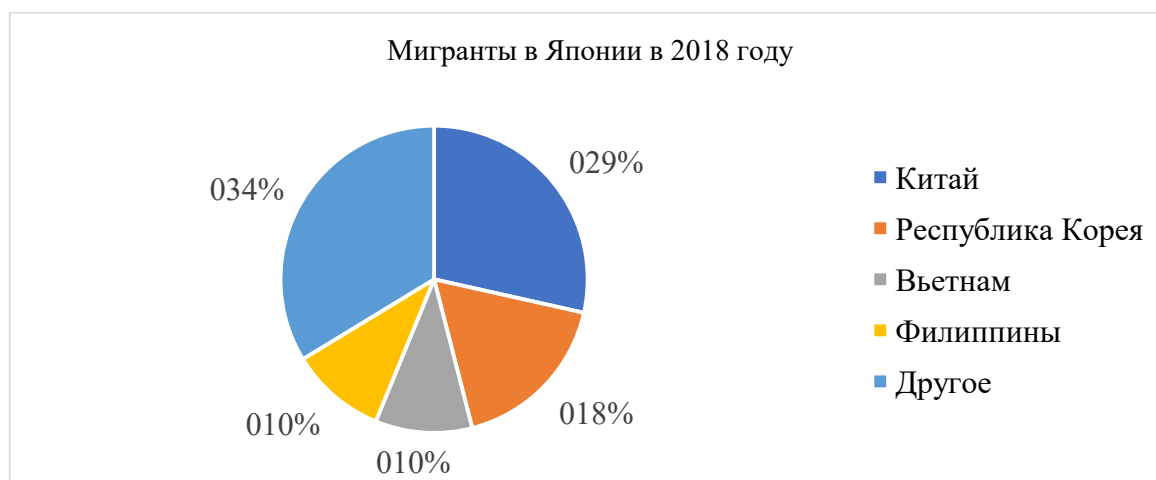

Рис. 1. Мигранты в Японии в 2018 году
Fig. 1. Migrants in Japan in 2018

Принятие нового миграционного законодательства в 2019 году должно было привлечь около 350 тысяч мигрантов, чем существенно сократило бы дефицит трудовых ресурсов Японии, однако реальные достижения оказались значительно ниже. Одним из следующих шагов в решении проблемы стало расширение в 2022 году списка сфер занятости для иностранных рабочих, позволяющих присутствие в стране семьи и отменяющих пятилетнее ограничение срока пребывания. Единственным направлением, в котором сохраняются прежние условия, является наём сиделок на долгосрочный период. Данная мера должна привлечь в страну около 300 тысяч дополнительных рабочих, что для Японии является весомым количеством, и позволить снять остроту проблемы. Таким образом, в последнее десятилетие японское правительство предпринимает усилия по развитию и значительной трансформации миграционной политики, что приводит к серьёзным социальным и социально-экономическим сдвигам в стране.

Тенденция стремительного старения и сокращения населения страны не является новой для Японии: это продолжается не менее десяти лет. Так, если в 2015 году Страна восходящего солнца находилась на десятом месте в мире по количеству населения, то через пять лет она опустилась на одиннадцатое место, пропустив вперед Мексику: численность населения сократилась на 868 тысяч человек и на начало 2021 года составила 122,2 миллиона человек. Более того, в следующем 2022 году в Японии было зарегистрировано не только самое низкое за всю историю число рождений (799 728 человек), но и самое высокое количество смертей (1 582 033 человек), вследствие чего естественная убыль составила 782 305 человек. Таким образом, как бы общественное мнение в стране ни складывалось против мигрантов, государству и обществу Японии придется развивать это направление. Это прекрасно понимал ныне покойный Синдзо Абэ, который сдвинул дело с мертвой точки и дал толчок развитию трудовой миграции в Японию.

Заключение

В течение достаточно длительного времени в качестве единственного пути энергетического развития региона (и не только для Северо-Восточной Азии) рассматривалось развитие атомной энергетики, однако авария на АЭС «Фукусима-1» в 2011 году в Японии поставила под сомнение данную аксиому: началось более интенсивное (оно осуществлялось и ранее) развитие возобновляемых источников энергии. Из-за аварии на АЭС «Фукусима», Страна восходящего солнца сделала существенный шаг назад, вновь переключившись на ископаемые энергетические ресурсы, в первую очередь уголь: вкладывались гигантские суммы в разработку месторождений по всему миру. Однако с 2020 года наметилась тенденция к улучшению ситуации, правительство страны стало инвестировать серьезные суммы в разработку инновационных возобновляемых источников энергии и заявило о планах по достижению весомой доли последних в общем энергетическом балансе страны.

Япония, несмотря на историческую неприязнь к мигрантам вследствие мифа об их взаимосвязи с уровнем преступности, в ближайшее время рискует стать новым центром притяжения для мигрантов со всего мира в силу изменений и послаблений в миграционном законодательстве.

Экологические вопросы как наименее конфликтогенная сфера могут стать тем фундаментом, на котором будут выстроены мирные отношения и устойчивое взаимодействие всех стран региона. В условиях взаимной политической конфронтации, санкций Японии и Южной Кореи против России, наличия огромного числа неразрешенных (и некоторых неразрешимых) территориальных споров между региональными державами, нарастания военных бюджетов, перевооружения вооруженных сил, проведения военных учений различного масштаба, направленности, количества стран-участниц, именно экологическая политика может стать тем мостом, который позволит не терять основы диалога, сотрудничества и взаимодействия.

Список источников

- Энеруги кихон кэйкаку = Базовый план в области энергетики. 2002. МВТП Японии: официальный сайт. Available at: <http://www.meti.go.jp/kohosys/press/0004573/plan.html> (accessed: 06 April 2018).
- Энеруги сэйсаку кихон хо = Основной закон о политике в области энергетики. 2002. Available at: <http://law.e-gov.go.jp/htmldata/H14/H14H0071.html> (accessed: 08 April 2018).
- Financial Resources and Transfer of Technology. 2015. U.S. Climate Action Report 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/218995.pdf> (accessed: 25 April 2016).
- International Migration Outlook 2017 г. 2017. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2017_migr_outlook-2017-en (accessed: 24 May 2021).
- Japan's Historic Immigration Reform: A Work in Progress. 2019. Nippon.com. Available at: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a06004/japan%E2%80%99s-historic-immigration-reform-a-work-in-progress.html> (accessed: 07 April 2023).
- New Growth Strategy. Blueprint for Revitalizing Japan. 2010. 71 с. Available at: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/npu/policy04/pdf/20100706/20100706_newgrowstrategy.pdf (accessed: 17 September 2017).
- Outline of FACE. 2008. Available at: <https://www.jbic.go.jp/wp-content/uploads/presen/2008/04/7091/index4.pdf> (accessed: 14 June 2022).
- Strategic Energy Plan. 2014. Agency for Natural Resources and Energy. 91 с. Available at: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/4th_strategic_energy_plan.pdf (accessed: 01 June 2018).
- Strategy and Approaches of Japan's Energy Diplomacy. 2004. Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/energy/diplomacy.html> (accessed: 22 May 2022).
- The 2008 Cool Earth Innovative Energy Technology Program. 2008. Available at: <https://www.readkong.com/page/cool-earth-innovative-energy-technology-program-6178395> (accessed: 12 December 2022).

Список литературы

- Михайленко А. 1996. Механизм обеспечения экономической безопасности России. Мировая экономика и международные отношения, 7: 119–127.
- Носова И.А. 2012. Внешняя энергетическая политика Японии: до и после Фукусимы. Вестник МГИМО-Университета, 1(22): 119–124.
- Павлятенко В.Н. 2008. Япония и глобальные вызовы: стратегия борьбы. М., МАКСПресс, 229 с.
- Сенаторов А.И. 1995. Японское законодательство. Япония: ежегодник, 1994–1995: 269–283.
- Стрельцов Д.В. 2012. Япония как «зелёная сверхдержава». М., МГИМО-Университет, 212 с.
- Тебин Н.П. 2014. Ядерная энергетика в контексте политики. Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/energy/2014-04-08/14_fokusima.html (дата обращения: 23.07.2024).
- Antonio F. 2006. Inventory of Environment and Security Policies and Practices. II-G. Profile of Japan 1. Version 1. Available at: [http://www.envirosecurity.org/ges/inventory/IESPP Full Report.pdf](http://www.envirosecurity.org/ges/inventory/IESPP%20Full%20Report.pdf) (accessed: 28 June 2019).
- Nomura Y. 1995. History, Structure and Characteristics of Japan's Environment Law. Available at: http://d-arch.ide.go.jp/idedp/DES/DES000100_013.pdf (accessed: 07 August 2016).
- Teranishi S. A Critical Review of Pollution Issues and Environmental Policy in Japan. Available at: http://darch.ide.go.jp/idedp/DES/DES000100_008.pdf (accessed: 12 December 2022).
- Ueta K. Environment and Economy: Lessons of Japan's Environmental Problems and Policies. Available at: http://d-arch.ide.go.jp/idedp/DES/DES000100_007.pdf (accessed: 01 April 2015).

References

- Mihajlenko A. 1996. Mechanism obespechenija jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Mechanism for Ensuring Russia's Economic Security]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija, 7: 119–127. doi: 10.20542/0131-2227-1996-7-119-127
- Nosova I.A. 2012. The International Energy Policy of Japan: Before and After Fukushima. MGIMO Review of International Relations, 1(22): 119–124. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-1-22-119-124> (in Russian).

- Pavljatenko V.N. 2008. Japonija i global'nye vyzovy: strategija bor'by [Japan and Global Challenges: Strategy of Struggle. Moscow], MAXPress. 229 p.
- Senatorov A.I. 1995. Japonskoe zakonodatel'stvo [Japanese Legislation]. Japonija: ezhegodnik, 1994–1995 [Japan: Yearbook]. 269–283.
- Strel'cov D.V. 2012. Japonija kak «zeljonaja sverhderzhava» [Japan as a "Green Superpower"]. Moscow, MGIMO-University. 212 p.
- Tebin N.P. 2014. Jadernaja jenergetika v kontekste politiki [Nuclear Energy in the Context of Policy]. Nezavisimaja gazeta. Available at: http://www.ng.ru/energy/2014-04-08/14_fokusima.html (accessed: 23 July 2024).
- Antonio F. 2006. Inventory of Environment and Security Policies and Practices. II-G. Profile of Japan 1. Version 1. Available at: <http://www.envirosecurity.org/ges/inventory/IESPP Full Report.pdf> (accessed: 28 June 2019).
- Nomura Y. 1995. History, Structure and Characteristics of Japan's Environment Law. Available at: http://darch.ide.go.jp/idedp/DES/DES000100_013.pdf (accessed: 07 August 2016).
- Teranishi S. A Critical Review of Pollution Issues and Environmental Policy in Japan. Available at: http://darch.ide.go.jp/idedp/DES/DES000100_008.pdf (accessed: 12 December 2022).
- Ueta K. Environment and Economy: Lessons of Japan's Environmental Problems and Policies. Available at: http://darch.ide.go.jp/idedp/DES/DES000100_007.pdf (accessed: 01 April 2015)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 24.04.2025

Received: 24.04.2025

Поступила после рецензирования: 11.05.2025

Revised: 11.05.2025

Принята к публикации: 20.05.2025

Accepted: 20.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гамерман Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Биробиджан, Россия

Evgenii V. Gamerman, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences, Birobidzhan, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0225-0030](https://orcid.org/0000-0003-0225-0030)